

ЛОРЕТ ЭНН УАЙТ

МЫ ХРАНИМ СЕКРЕТЫ

ВЫСШАЯ НАСТОЛЬКО МРАЧНЫЕ, ЧТО БОИМСЯ

ЛИГА ДЕТЕКТИВА

ВЗГЛЯНУТЬ НА СВОЕ ОТРАЖЕНИЕ.

УТОНУВШИЕ ДЕВУШКИ

18+

Лорет Энн Уайт

Утонувшие девушки

*Посвящается Марлин – спасибо, что ты
вдохнула жизнь в Викторию Энджи и была
непревзойденной читательницей романа.*

Loreth Anne White
THE DROWNED GIRLS

Copyright © 2017 by Cheakamus House Publishing, Inc.

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *О. Мышаковой*

© Мышакова О., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Книга является художественным произведением. Все имена, персонажи, места и события, описанные в романе, являются вымышленными либо использованы условно.

Неизвестная

*Зеркало, зеркало на стене,
Кто отражается в тебе?*

День первый

Все мы лжем.

Все мы храним секреты – порой зловещие, а порой настолько мрачные и позорные, что поспешно отводим глаза от своего отражения в зеркале.

Пряча неприглядную истину в подвале души, мы старательно наводим внешний глянец, кроим себе парадную историю, словно желая сказать – смотрите, вот я какая. Мы постим в социальных сетях – поглядите, вот я обедаю в модном ресторане с лучшими подругами, а вот я в сексапильных шпильках, а вот мой умильный щенок, а вот мой крутой бойфренд, а вот какая у меня красивая задница в бикини. Смотрите на мою сказочную, идеальную жизнь, смотрите, как я напиваюсь на вечеринке и грудь у меня выпирает из блестящего топики. А какие красавцы за мной увиваются – смотрите и завидуйте!

А потом проверяем, сколько людей лайкнули эту фальшивку, и наше настроение зависит от числа лайков, комментариев и тех, кто оставил комментарии.

Но тьма упорно просачивается сквозь щели. Она ищет свет.

И рано или поздно бравада начинает захлебываться, пуская пузыри, или же конец наступает жестоко и сразу, и уродливая правда, так разборчиво написанная на тебе, хорошо читается в беспощадно-резком флуоресцентном свете. И уже ничего нельзя сделать, разве что скрыть ее от копов, занятых расследованием.

Я на больничной койке.

Я слышу писк и шипение приборов.

Они помогают мне дышать, поддерживают во мне жизнь. Я слышу перешептывание медсестер и разговор двух детективов, но не могу ответить. Я не могу двинуться и ничего не чувствую. Я не в состоянии рассказать, что произошло. Я не умерла, я пока еще жива, но меня словно куда-то уносит на серебрястых нитях.

Входит врач и вполголоса спорит о чем-то с копами. До меня долетают обрывки фраз:

– Изнасилование... изъятие образцов для биологической экспертизы... политика больницы... врачебная этика... информированное согласие в отсутствие ближайших родственников...

До меня доходит – они не знают, кто я. Они не нашли мою маму.

Мама, мамочка, прости, я так виновата перед тобой! Вот уж кого я не хотела втягивать... А теперь все выйдет наружу. Я очень хочу оградить тебя от позора и боли, но они должны знать, что произошло. Пусть вытащат на свет все, от начала до конца, и найдут того, кто это сделал, чтобы успеть спасти других, особенно Лару.

Он сказал, Лара следующая. Он хочет нас всех. Нужно предупредить Лару...

На мгновение я куда-то проваливаюсь, но вскоре снова слышу приборы, всасывающие воздух и издающие ровный писк. Похоже, Рождество мне уже не встретить. Я думаю о маленькой елочке у нас дома и гадаю, найдет ли мама подарок, который я для нее купила. Он в моей комнате под кроватью. Я так хотела увидеть ее глаза, когда она откроет коробку...

Сперва они выяснят, что я, как обычно, ушла на работу – по субботам я работаю в ночную смену в кафе-пекарне «Синий барсук», в западной части города. По воскресеньям в «Барсуке» всегда наплыв народа – в выходные там очередь в любую погоду. Одна из самых популярных бранч-точек Виктории стремительно превращается в кулинарную Мекку: в «Синем барсуке» хлеб, выпечка и даже бекон своего производства.

Раба привычки, я всегда сажусь на автобус в восемнадцать ноль семь из Фэрфилда. Маршрут проходит через весь город. Через синий железный мост мы попадаем в район, где разномастные верфи понемногу сдаются под натиском модной джентрификации. Голубая мечта определенного слоя населения: построенные под занавес двадцатого века разноцветные кубики-кондоминиумы свободной планировки (с разрешением держать домашних животных), с видом на залив и внутреннюю гавань, окруженные велосипедными и беговыми дорожками, дощатыми мостками и лодочными станциями, где к вашим услугам весельные лодки, байдарки и доски для серфинга.

Но до пекарни я так и не доехала. Уже дней семь меня не покидало ощущение, что за мной следят. Новый пассажир в автобусе показался смутно знакомым. С другой стороны, Виктория – город маленький, здесь все в шести рукопожатиях друг от друга. Должно быть, где-нибудь на улице видела. На незнакомце была темная шерстяная шапка, воротник куртки поднят от резкого декабрьского ветра.

Оказалось, это был он. Следил за мной, изучал повадки своей добычи, ездил на этом же автобусе. Расставлял силки. И нашел слабое звено – темный короткий переулок, где я обычно срезала путь.

Я пытаюсь расставить события в хронологическом порядке. Воспоминания больно ранят, как осколки разбитого зеркала.

На город опускалась холодная ночь с пронизывающим ветром и густым туманом.

Начинался снег.

Глава 1

Нет праведного ни одного.

Послание к Римлянам, 3:10

Воскресенье, 9 декабря

Энджи Паллорино смотрела на огромные, от пола до потолка, окна, занимавшие целую стену родительской гостиной. Ухоженный газон плавно спускался к галечному пляжу, где в небольшом ангаре отец держал свою яхту, причал выдавался далеко в воды пролива Аро. Но уже стемнело, и в темном стекле Энджи видела не пляж, а свое искаженное отражение и белые гребешки волн на чернильно-черной, рябой от ветра воде.

Посередине пролива проходит американско-канадская граница, и при дневном свете на горизонте в голубой дымке можно различить горы острова Сан-Хуан. А в ясный день за ними на фоне неба четко проступает белоснежный вулкан Бейкер.

Сегодня холодно – декабрь на острове выдался на редкость промозглый. Последние девять дней Викторину держал в своих объятиях арктический фронт, отчего небо было чистым и прозрачным, а температура стояла ниже нуля, но сегодня подошел влажный тихоокеанский циклон, и влага, столкнувшись с минусовыми температурами, выпадала сейчас в виде снега.

Снежные хлопья с крохотными льдинками липли на стекла.

Энджи ненавидела снег – точнее, запах снега, в нем ей чудился отчетливый металлический оттенок, от которого переворачивалось все внутри. Она не могла объяснить своих ощущений, но стоило начаться снегопаду, как ее охватывало сосущее беспокойство, а под Рождество она вообще не находила себе места. Энджи зябко потерла предплечья, в тысячный раз вспомнив душный июльский вечер, когда ей не удалось стабилизировать раненого ребенка, а ее ослиное упрямство оживить безнадежную девочку, возможно, стоило жизни ее напарнику.

Трехлетняя Тиффи Беннет умерла у нее на руках, а напарник Энджи, детектив Хашовски по прозвищу Хаш, получивший пулю в горло, истек кровью и скончался до приезда «Скорой». Папаша Тиффи, стоя над телом убитой им жены, приставил пистолет к виску и вышиб себе мозги. Он

насиловал малышку чуть ли не с самого рождения, и судебный запрет приближаться к бывшей жене и дочери не защитил Тиффи и ее мать.

Энджи теперь часто думала, что разница между адом и раем кроется в людях. Порой, как ни старайся, ничего не изменишь.

– У тебя усталый вид, – сказал отец, неслышно подойдя сзади.

Энджи сразу выпрямилась и обернулась.

– Сколько новых морщинок у глаз, – продолжил он. – Ты хоть замечаешь, как на тебе сказывается эта работа?

– Знаешь, пап, ты сегодня тоже не Аполлон. Давай сюда, что у тебя там... – Энджи взяла у отца коробку и поставила ее у двери: он собрал вещи матери, которые, по его мнению, могли пригодиться дочери. Утром они отвезли Мириам Паллорино в психиатрическую лечебницу и целый день разбирались в ее кабинете и шкафах. Дом теперь казался пустым и огромным.

– Почему ты не уволишься, Энджи? Особенно после...

– После того, как я не спасла маленького ребенка и своего напарника?

– Ну или хотя бы не перейдешь в другой отдел? Иметь дело с сексуальными извращенцами, постоянно сталкиваться с гнуснейшими подонками... Ты очень изменилась.

В груди у Энджи точно раздули тлевшие угли, и в ней пробудилось желание крушить. В последнее время она выходила из себя при малейшей провокации, но очень жестко контролировала эмоции, сохраняя внешнюю невозмутимость и отстраненность. Энджи некоторое время смотрела на отца в просторном свитере с кожаными заплатами на локтях, любовалась густой седеющей папиной гривой, когда-то черной как смоль. В камине потрескивали горящие поленья, кругом – книжные шкафы с ценными фолиантами, на стенах – подлинники известных мастеров, словом, жизнь с привилегиями. Доктор Джозеф Паллорино, профессор антропологии в Университете Виктории, родился в семье итальянского эмигранта, сколотившего капитал в горнодобывающей индустрии, и на блюдечке получил возможность выбрать научную карьеру по собственному вкусу. Родители всегда жили на широкую ногу, но Энджи это было и оставалось чуждо.

– Я имею дело с жертвами, – тихо поправила она. – С выжившими. С ни в чем не повинными женщинами и детьми, на которых обрушилось незаслуженное несчастье. Я сажаю негодяев, – говоря это, она смотрела отцу в глаза, – и хорошо знаю свое дело, папа. Я хороший детектив. Благодаря моей работе мир становится чище.

– Неужели?

– Да. – Она перевела взгляд на рождественскую елку с золотым ангелочком наверху, увитую гирляндой, и невольно передернулась. – Иногда.

– Мать так надеялась, что ты это перерастешь. Она думала, что ты пошла в полицию из подросткового бунта.

Энджи гневно уставилась на отца:

– И ты тоже надеялся, что я получу свою порцию пинков, остыну и вернусь в прелестный викторианский особнячок с белым штaketником и нарциссами в палисаднике?

– Энджи, у тебя университетский диплом психолога, ты была лучшей на курсе! Ты еще можешь сделать научную карьеру... – Смутившись под яростным взглядом дочери, Джозеф Паллорино кашлянул, сунул руки в карманы и вздохнул: – Мы хотим для тебя только счастья.

– Давай оставим этот разговор, сейчас не время и не место. Закажу-ка я пиццу – поедим, а потом я поеду. – Говоря это, Энджи ушла в кухню, к телефону на стене. Она взяла два выходных. Завтра они с отцом закончат перестановку и разберут вещи, а потом съездят к матери убедиться, что с ней все в порядке. – Тебе с анчоусами?

Затея с ужином оказалась неудачной – без привычного хлопотливого присутствия Мириам Паллорино они с отцом ели в неловком молчании, погруженные в свои мысли. Снаружи ветер выл так, что ветки стучали по крыше. Энджи думала о палате, запирающейся снаружи, в которой они утром оставили мать, о санитарях в белых халатах, о недоумении и страхе в глазах Мириам.

Энджи взяла бокал с соком, отпила и откашлялась:

– Слушай, пап, а когда ты понял, что с ней не все в порядке?

Отец отозвался, не поднимая глаз:

– Довольно давно.

– В каком возрасте у нее впервые появились симптомы?

Он пожал плечами, отковыривая с пиццы кружок маслины.

– Шизофрения – это же наследственное заболевание, – продолжала Энджи. – Она поражает менее одного процента населения, но если болен один из родителей, вероятность возрастает до десяти процентов... – Она ожидала ответа, но отец молчал. – Поэтому я и спрашиваю, когда ты впервые что-то заметил и почуял неладное...

Отец отодвинул маслину на край тарелки.

– Папа!

Джозеф Паллорино вытер рот и аккуратно свернул белую льняную салфетку так, чтобы пятна от оранжевого сыра и томатной пасты оказались

внутри, после чего задвинул салфетку под край тарелки.

– Она уже давно принимает лекарства, Энджи, чтобы болезнь не прогрессировала. Первые галлюцинации начались лет в тридцать пять. – Он поднял голову. – Сперва мы списывали все на пережитый стресс после той аварии в Италии. – Он долго молчал. Огонь в камине постепенно угасал, лишь изредка выбрасывая желтый язычок. – Образы, звуки, запахи могут вызывать яркие воспоминания, которые можно принять за психотические галлюцинации. Отрешенность, апатия, замкнутость, вялость – врач говорил, это признаки посттравматического стрессового расстройства. – Отец выглядел подавленным, будто кости его большого скелета надломились где-то внутри. Он вздохнул. – Официально шизофрению ей диагностировали в сорок два года. В легкой форме, легко купируется лекарствами. Мы и купировали. – Он сделал паузу, и в глазах появилось непривычное отстраненное выражение. – Но в сочетании с ранней деменцией... – Он не договорил. Энджи знала, что мать в одночасье утратила всякую связь с реальностью, и ее пришлось поместить в лечебницу, потому что Мириам стала опасна для себя самой.

Энджи подождала, пока отец снова поднимет глаза.

– А расскажи мне о первых галлюцинациях.

– Слуховые и визуальные, – коротко ответил отец.

– То есть она слышала голоса и видела то, чего нет?

– Сперва она даже не подозревала, что это галлюцинации, и не волновалась.

У Энджи забилося сердце.

– И ты мне ничего не сказал? Она столько лет болела, а я ничего не знала?

Отец отодвинул тарелку в сторону.

– Ты бы все равно ничего не заметила, ты же здесь почти не бываешь.

У Энджи двинулись желваки.

– Но сказать-то ты мог!

– Зачем?

– Знай я, что творится у нее в голове, не срывалась бы на вас, чаще приезжала бы. Не принимала бы ее отчужденность близко к сердцу. Поняла бы наконец, почему ребенком я постоянно чувствовала себя третьей лишней.

– Лишней?

– Для вас двоих.

– Ерунда какая. Все дети...

– О чем еще ты мне лгал?

– Это не ложь, Энджи...

– Умолчание – все равно что ложь.

Отец поднялся на ноги – горячий итальянский темперамент раздул его грудь, окрасил щеки, метал молнии из глаз.

– Черт побери, почему ты вечно злишься из-за всего подряд! – Отец наставил на дочь указательный палец: – Это все твоя работенка! Из-за нее ты подозреваешь всех вокруг!

Энджи, не двинув бровью, встала, собрала тарелки и приборы и сказала:

– Мне пора ехать. Посуду вымою.

Отнеся тарелки в кухню, она с грохотом свалила их в раковину и постояла с опущенной головой, упершись руками в столешницу. Тревога стиснула виски. Как отец останется один в этом большом пустом доме на берегу океана, тем более в Рождество? Как же Энджи ненавидела всю эту праздничную мишуру! Ей вообще претил любой фарс.

Чувство вины тяжело легло на плечи. Стало стыдно за свой эгоизм: нехорошо забывать родителей, а у нее не было ни времени, ни желания приезжать. Только отцовских нотаций ей не хватало! Но теперь она ему необходима.

В январе у родителей юбилей свадьбы...

Стареющие родители, возрастные родственники – это всегда нелегко: столько любви, боли и острой жалости перепутано в один клубок, а сейчас добавилось еще и ощущение упущенного времени – утекло, как вода под мост, непонятно когда. Теперь уже поздно – матери нет. Нет как прежней личности. Глубоко вздохнув, Энджи начала отмывать тарелку, успокаиваясь от прикосновений пальцев к синей цветочной кайме. Память, как ярко-желтый солнечный луч, осветила прошлое: этот сервиз они с матерью покупали осенью в большом старом «Хадсон-бей компани». Мама обожала этот супермаркет – может, в минуты просветления и до сих пор любит, но вспомнит ли она тот день и сервиз с васильками, который выбирала вместе с дочерью?

Это было восемь лет назад. Машина Мириам была в ремонте, и Энджи пообещала отвезти мать в центр, но голова была занята текущим расследованием – ее тогда только повысили до детектива, а мать всю дорогу причитала, что прекрасный столовый сервиз из тридцати двух предметов наверняка кто-нибудь увел у них из-под носа. Энджи бесила одержимость матери всякой ерундой.

И вдруг дальше жизнь пошла без нее. Однажды Энджи проснулась утром, а матери нет – ушла в себя, и драгоценные воспоминания стерлись с

ее жесткого диска. А ведь воспоминания определяют суть, «самость» человека. Забыв себя, видишь в зеркале лицо незнакомца, становишься мухой, бьющейся в липкой паутине постоянного настоящего, без единой вехи в будущем или прошлом...

Энджи с усилием прогнала эту мысль, вымыла вторую тарелку и поставила на сушку. Вытерев руки, вернулась в гостиную за курткой.

Отец сидел у камина – крупное тело обмякло в старом кожаном кресле, которое мама давно требовала выбросить. Но допотопное страшилище так и осталось в углу у камина, словно остов динозавра на фоне кремовой мягкой мебели. Отец успел включить елочную гирлянду, а на столике красовался толстостенный бокал с виски. В камине ярко тлели угли. Опустив голову, Джозеф Паллорино листал старый альбом с фотографиями. Энджи подошла сбоку, положила руку на плечо отца и легонько сжала:

– Пап, ты один справишься?

Он кивнул, не отрывая взгляда от семейного снимка, сделанного в первое Рождество после аварии, в которую они попали в Италии, во время академического отпуска Джозефа Паллорино. Энджи на фотографии четыре года. Об аварии напоминает ярко-розовый свежий шрам, оттягивавший кверху левый уголок рта: снимок был сделан еще до того, как операция вернула губам нормальную (но не идеальную) форму.

Отец перевернул страницу: а вот шестилетняя Энджи с мамой. Весна, зеленая трава, вишни в цвету. Заходящее солнце окружает медным нимбом пшеничные волосы Мириам, а головка Энджи блестит, как полированный красный кедр. Ирландское наследство О’Деллов, мамины гены.

В груди Энджи все сжалось.

Отец поднял глаза, и на долю секунды его лицо неуловимо и незнакомо изменилось.

– Забирай себе, – сказал он, закрывая альбом.

– Ой, пап, мне, наверное, не нужно. – У нее нет времени сидеть и рассматривать кусочки жизни, остановленные мгновения, хранимые под пластиковыми клапанами на толстых страницах фотоальбома; у нее на носу очередной экзамен в Национальном институте юстиции! Она прослушала чуть не все дополнительные курсы, чтобы заявление о переводе в элитный убойный отдел выглядело солиднее.

– Пожалуйста! – Голос отца стал напряженным. – Увези его отсюда вместе с той коробкой, Котёна, хотя бы на время. Чтобы я не смотрел...

Сердце Энджи споткнулось – Котёной отец ее не называл лет с десяти. Она присела на оттоманку, взяла из больших отцовских рук книгу

воспоминаний в кожаном переплете и открыла на первой странице. Вот мама беременная, живот все больше и больше. Вот день, когда родилась Энджи.

– Здесь твоя жизнь с той минуты, как Мириам узнала, что скоро у нас будешь ты. Мне сейчас слишком больно на это глядеть.

Энджи смотрела на фотографию матери в роддоме, в голубом халатике и с новорожденной на руках – она и родилась-то уже с темно-рыжими волосиками.

– Ты была такой крошечной, – прошептал отец, отвернувшись к угасающим углям. Энджи слышала, как от эмоций у него прерывается голос, и знала, что сейчас в глазах отца стоят слезы. Ей вдруг стало трудно дышать.

Она открыла следующую страницу. День ее крещения – малышка в длинном белом кружевном платье на руках у мамы с папой, а рядом священник в богато вышитой ризе. А вот фотография, сделанная на пляже. Энджи перевернула несколько страниц – воспоминания рвали сердце. Отдышавшись, она мягко коснулась снимка, почти слыша мамин голос в тот день и чувствуя, как теплый ветерок гладит щеки. На языке возник густой сладкий вкус мясистых черешен из долины Оканаган. Энджи медленно стала листать дальше. Семейные праздники, первый день в школе, конфирмация, вот она учится управлять яхтой в летнем лагере, выпускной бал, окончание полицейской академии.

На снимке Энджи в новенькой полицейской форме, а Мириам с развевающимися на ветру длинными волосами гордо выпрямилась рядом.

Энджи обвела пальцем мамино лицо.

– Я буду по ней скучать.

– Мне ее уже не хватает, – отозвался отец.

Энджи закрыла альбом.

– На время возьму, – решительно сказала она. – А к Рождеству верну, договорились? Пап, какие у тебя планы на Рождество? Хочешь, я индейку привезу?

Черт, ну кто тянул ее за язык? Разве можно что-нибудь обещать в такое напряженное время! Извращенцы-насильники в праздники перерыва не делают – напротив, активизируются.

Отец потер лоб:

– Что-нибудь придумаю.

Огонь вдруг охватил недогоревшие поленья, и пламя весело запыхало в камине. За окном завыл ветер.

Энджи кивнула:

– Не провожай. – Она встала и, поколебавшись, добавила: – Не налегай чересчур на виски, ладно? Ложись пораньше спать.

Отец кивнул, не глядя на нее.

– Спокойной ночи, пап.

Энджи отнесла коробки и альбом в машину. Ветер трепал волосы. С моря напал густой туман. Слышно было, как внизу волны разбиваются о скалы.

Снег падал густо и косо.

Глава 2

Энджи ехала по открытому участку Далласского шоссе вдоль бухты Росс. Ветер лепил на стекла мокрый снег, волны с ревом бились о бетонный отбойник. Над бухтой висел туман. Подавшись вперед, чтобы что-нибудь разглядеть, Энджи сбросила скорость своей «краун вик»^[1] без опознавательных знаков. «Дворники» метались, расчищая полукруглые арки в слое снега.

На шоссе натекла глубокая лужа морской воды, выплескивавшейся через бетонную стену. В лобовое стекло летели мелкий мусор и пена. Свет фар отражался от сплошного тумана и серебристой снежной пелены. Сразу за плавным широким поворотом на дорогу в вихре тумана и пены выскочило что-то розовое. Энджи ударила по тормозам – «краун вик» занесло на соленой луже.

Маленькая девочка в розовом платьице остановилась прямо перед машиной, затем повернулась и исчезла в безлистой чаще стволов и веток – вдоль дороги рос густой кустарник.

Мокрая от пота, Энджи ошеломленно смотрела ей вслед. Тучи ненадолго разошлись, но ребенка нигде не было видно. Других машин на шоссе нет, кругом вообще ни души. Что за...

Съехав к обочине, Энджи включила мигалку и взяла фонарик. Вынув из специального отделения на консоли служебный «смит-вессон», Энджи вставила обойму. Синие и красные отблески пульсировали в плотном тумане. Сразу пришлось надеть капюшон – шквальный ветер лепил снегом с прежней яростью.

– Эй! – заорала она в белую мглу. – Кто здесь? – Ветер подхватил ее слова и унес в чащу перепутанных стволов и ветвей на краю старого кладбища, расположенного выше шоссе. Энджи охватило странное, жутковатое ощущение.

Она пошла вперед, освещая фонариком узловатые ветви.

– Э-эй!

Детский голос, мягкий и вкрадчивый, прошептал:

– Пойдем в рощу поиграть... Пойдем... играть...

Энджи замерла, но тут же обернулась как ужаленная.

– Пойдем в рощу... пойдем играть...

Жутковатое ощущение превратилось в кусок льда в груди. Энджи с

трудом сглотнула, сделала еще несколько шагов, низко пригибая голову от снега с мелкими льдинками. Девочки нигде не было видно.

Вернувшись за руль, Энджи с силой потерла мокрое лицо ладонями. Некоторое время она сидела, вглядываясь в плотный туман, в котором плясали красно-синие сполохи. Ребенок не появлялся.

Розовое платье? Четыре-пять лет? Да какой же ребенок в такую погоду будет гулять один, да еще одетый в летнее платье? Разве можно расслышать шепот сквозь грохот волн и завывания ветра? Энджи заметила, что у нее дрожат руки.

Ей сразу вспомнились слова отца: «Впервые я понял, что у нее галлюцинации или бред, когда ей было лет тридцать пять. Мы списывали все на посттравматический стресс из-за той аварии в Италии...»

«Это от холода, – твердо сказала себе Энджи. – Я промокла и замерзла. Плюс хроническое переутомление – сказывается недосыпание».

Она толком не спала уже четыре ночи подряд, отсюда и тремор. Выключив мигалки, Энджи завела мотор и медленно поехала под шелканье «дворников».

Выпить. И чего-нибудь покрепче.

Необходимо решительно выбросить из головы всякую галиматью. Энджи взглянула на часы на приборной доске. Она обещала себе померить пыл, поэтому и взяла два выходных. Ей казалось, если заняться домом, настойчивое желание отпустит. Но теперь она знала, куда поедет и чем займется, пусть это и вызывало в ней внутренний отпор.

Она сделает то, что делала всегда при столкновении с непреодолимым препятствием, когда ничего не оставалось, кроме как примириться с обстоятельствами, – выпустит пар. От одной мысли об этом ей сразу стало легче.

Глава 3

Все люди лгут, и разделяют нас не более шести рукопожатий...

Едва незнакомец вошел в бар, как Энджи поняла: он-то ей и нужен.

Она медленно пила из своего бокала, не сводя глаз с незнакомца, а он шел по танцполу со сверкающим зеркальным шаром через толпу танцующих, расступавшуюся перед ним, как Красное море перед Моисеем. В его движениях чувствовалась властность. Ритмичное техно резонировало даже в барном стуле под Энджи; ее пульс бил в такт музыке.

Незнакомец остановился и огляделся, точно ища кого-то. Он возвышался над толпой на целую голову, и плечи у него были широкие. Свет бликами играл на волосах – волнистых и иссиня-черных, как вороново крыло. Кожа бледная, а глаза... Отсюда Энджи не могла разглядеть цвет, но отметила, что глаза глубоко посажены под широкими нависающими бровями. Волевое лицо, одновременно красивое и интригующее. У незнакомца был загадочный, слегка даже мистический вид – сквозь усталость проступало внутреннее напряжение.

В это мгновение он повернул голову и поймал ее взгляд.

Энджи ощутила томительный трепет: он здесь явно чужак, и атмосфера стриптиз-клуба тут ни при чем, но странность и даже неуместность его присутствия лишь подогревала интерес. Черноволосый смотрел на нее подчеркнуто долго и, когда Энджи не отвернулась, направился к ней. Она смотрела, как он приближается, и вдруг в ней проснулись тревожные звончки. От низа живота по телу поднималась горячая волна. Энджи с трудом перевела дыхание.

Не думай, лучше отдайся ощущениям. Контролируй происходящее. Правило номер один: решаешь всегда ты.

Ночной клуб «Лис» был ее охотничьей территорией – на выезде из Виктории, возле шоссе № 1, которое проходило через горный перевал и практически пересекало весь остров. Снаружи «лисий клуб» был квадратным голым зданием, неуклюже ляпнутым на растрескавшейся парковке; большой рекламный щит с мигающими лампочками обещал проезжающим водителям развлечения для взрослых. Сегодня вечер был посвящен «Дискотеке 70-х» с Большим Плохим Джоном: зеркальные шары в стиле эпохи и тяжелые, перегруженные басами композиции. На длинной узкой эстраде за баром стриптизерши в высоких белых сапогах

лакированной кожи, символических шортиках и серебристых париках изображали чувственную любовь со своими шестами. Сегодня с ними выступал и мускулистый танцор диско, словно облитый эластичным костюмом. Гибко, как волна, он пробирался между стриптизершами и их шестами, резко виляя бедрами в такт музыке и одной рукой указывая куда-то в небо, как в старом фильме «Лихорадка субботнего вечера».

– «Я еще жив – ха! Ха! Ха! Все еще жив...»

Да уж. История ее жизни – просто жить и потрахивать по ходу парутройку подходящих партнеров.

Энджи очень хорошо знала, что суть жизни и смерти заключается в сексе. Она уже успела убедиться, что людские сексуальные пристрастия отличаются многообразием – от «нормальных» до извращенных и даже смертельных. В «Лисе» секс предлагался во всем его разнообразии. Сюда приходили мужчины, чтобы купить секс. А Энджи может получить его бесплатно. Клуб «Лис» был ее личной версией русской рулетки, вызовом собственной смертности и болезненно очевидной тщетности любых усилий.

Ее фирменный способ «оставаться живой – ха! Ха! Ха!».

В принадлежащем клубу мотеле по другую сторону стоянки сдавались номера на час. Энджи уже заплатила за один сразу по приезде. Свет в клубе вдруг сделался приглушенным и сменился с красного на синий – зазвучала другая песня. Энджи залпом допила бокал, с облегчением ощутив приятное, расслабляющее опьянение, и жестом попросила бармена налить еще. В этот момент потенциальная добыча подошла к стойке.

Незнакомец улыбнулся, и Энджи незаметно втянула воздух: вблизи он еще лучше. Ее буквально скрутило от желания. Прекрасные белые зубы; чуть длинноватые резцы придают лицу что-то соблазнительно хищное. Морщинки веером расходятся от уголков синих глаз, казавшихся при таком освещении почти фиолетовыми. Ничего себе, какой красавец! Правда, вид у него малость потрепанный, но это ему ничуть не вредит.

У нее даже дух захватило.

Однако тревожная сирена на краю сознания взвыла громче – экстренный случай, серьезная проблема. Энджи будто кто-то шепнул на ухо: «Не касайся. Он слишком красив для тебя. Чересчур высокая планка. Никогда не связывайся с тем, кто делает тебя хоть в чем-то слабее».

– Привет, – сказал незнакомец.

Энджи кивнула и отпила большой глоток водки с тоником, которую бармен только что поставил перед ней.

Контролировать происходящее. Уходить первой, сразу после секса. Не

называть своего имени.

– Купить тебе выпить? – спросил незнакомец, положив правую руку на стойку и наклонившись к самому уху Энджи – от тягучих басов вибрировал весь клуб.

Она показала бокал:

– У меня есть.

– Тогда потанцуем? – Незнакомец смотрел ей прямо в глаза. Не моргнув, Энджи неторопливо отставила бокал и встала, оказавшись вплотную к незнакомцу. Он выпрямился, но не отступил. Энджи невольно взглянула ему в лицо. Синеглазый оказался еще выше, чем она ожидала, и шире в плечах.

– Может, сразу в номер? – в свою очередь спросила она.

Он заморгал, сразу постаревший. Энджи улыбнулась – ее возбуждала собственная способность зажечь этот опасливый огонек в глазах мужчины: это смещало традиционный баланс сил. Она хорошо знала, что жертвами почти всегда оказывались женщины или дети, а насильниками неизменно выступали мужчины. Энджи пристально смотрела на него в ожидании ответа. Не дождавсь реакции, она подхватила со стула свою кожаную куртку и направилась через плотную толпу бурно отплясывавших к красной надписи «Выход», светившейся над задней дверью.

Его решение пойти за ней последовало быстро: незнакомец нагнал Энджи и схватил за локоть – чуть сильнее, чем надо. В ней плеснулся легкий страх – и словно разбудил, заставил очнуться. Энджи медленно вдохнула, успокаиваясь, и повернулась к незнакомцу. Сердце сбилось с ритма при виде искажившей лицо страсти, потемневших синих глаз.

– Что ты имела в виду? – требовательно спросил он.

– А сам как думаешь?

Не ослабляя хватки, он оглядел ее всю – груди, бедра, длинные ноги, черные байкерские ботинки. На шее у него забились жилки. Лево́й рукой незнакомец тронул длинные волосы, с явным удовольствием отметив их гладкость и тяжесть, и отвел темно-рыжий водопад в сторону, обнажив шею. Коснувшись ладонью нежной кожи, он обвел большим пальцем подбородок и щеку. У Энджи поплыло перед глазами, колени подогнулись. Незнакомец наклонился, и его губы оказались совсем близко от губ Энджи.

– Разве ты дешевка? – прошептал он.

Ее веки затрепетали.

– Ты не доверяешь мне, потому что я веду себя свободно?

– Я никому не доверяю.

– Если не терпится расстаться с наличными, иди, снимай девиц у шеста. – Энджи сделала движение, чтобы уйти.

Но хватка незнакомца стала стальной.

– Прекрасно, – пробормотал он на ухо Энджи. – Пойдем.

Комнату мотеля освещал пульсирующий красный свет неоновой вывески над стоянкой, отчего жидкие занавески пылали, как бьющееся сердце или тигль в дьявольском подвале. Бум, бум, бум – от басов из клуба вибрировали тонкие стены в такт неоновым вспышкам. Сотрясались даже половицы. Где-то вдалеке взвыла сирена – «Скорая», или полиция, или пожарная. Общество заботится о своих гражданах, поддерживая порядок.

Спинка кровати стучала о стену, когда Энджи скакала на незнакомце в такт музыке из клуба. Кровь в ней кипела, кожа блестела от пота. Он лежал обнаженный, на спине, пристегнутый пластиковыми наручниками к изголовью. Одежда валялась на старом ковре, ботинки – в разных углах. Глубоко впиваясь ногтями в кожу, Энджи занималась сексом яростно, задыхаясь и истекая потом, мотая тяжелыми грудями, вытравляя мысли последних месяцев... все, что не удалось сделать, чтобы спасти пострадавших детей... ее невсемогущество, ее бессилие... выгорание, неизбежное для сотрудников ее отдела... развращенность и гнусь, которые она видит не первый год... Только начинает казаться – ну уже все повидала, как жизнь подбрасывает новое, невиданное паскудство...

К счастью, природа одарила незнакомца большим членом, и Энджи с наслаждением насаживалась на него до упора. Волосы на его груди были грубыми и темными, а тело ухоженное, кожа бледная, как алебастр или мрамор. Шедевр Микеланджело. В душе шевельнулось беспокойство, словно неслышный голос настаивал: «Тут что-то не то. Кто он? Зачем ему это нужно? Почему он ходит по таким забегаловкам, если женщины наверняка падают к его ногам, как спелые груши? На пальце нет обручального кольца, но на коже остался красноречивый бледный ободок. Отношения недавно закончились, но он это скрывает? Еще не отболело? Так или иначе, незнакомец ох как непрост. Он опытен и явно знает толк в интрижках, что же с ним не так, какие у него извращения?»

Прогоня опасения, Энджи раздвинула бедра, глубже нанизываясь на член, и закачалась быстрее, делая себе больно, готовая вот-вот кончить. Почувствовав это, незнакомец начал поддавать бедрами вверх, яростно вонзая в нее свой член. Энджи попыталась приподняться, не дать ему полного удовлетворения, но застыла, напрягшись всем телом, точно окоченев и даже не дыша. Секунду она оставалась неподвижной в красных вспышках под аккомпанемент пульсации басов – и вдруг кончила: в глазах

потемнело, в груди застрял крик, горячие волны пробегали по телу, сокращая и расслабляя мышцы. Она упала на незнакомца, ощутив нежными грудями жесткие курчавые волосы, однако он еще не разрядился: Энджи ощущала твердый член внутри содрогающейся, расслабленной себя.

В этот момент из куртки на полу послышалась знакомая мелодия – рингтон, который Энджи установила для Хольгерсена. Ну что за...

Думать получалось с трудом, но Энджи помнила, что сегодня она не на дежурстве. Она взяла два выходных, чтобы помочь отцу отвезти маму в лечебницу.

Телефон зазвонил снова. Энджи свесилась с кровати и зашарила по полу в поисках куртки.

– Брось, – хрипло, отрывисто приказал незнакомец. Под бархатистыми интонациями слышались жесткость и неожиданно властные нотки. – Освободи меня. Моя очередь.

На секунду она закрыла глаза. Включился автоответчик.

– Освободи меня!

Энджи обернулась и прочла в его глазах опасность. Телефон зазвонил снова. Значит, дело срочное – Хольгерсен не станет зря звонить. Энджи слезла с члена и босиком подошла к куртке. Отбросив с лица спутанные влажные волосы, она нажала «ответить».

– Да, – сказала она, не назвавшись. Не хватало еще палиться при мистере Большом Члене.

– Заканчивай вечеринку, Паллорино, – послышался голос Хольгерсена, он говорил с заметным акцентом. – У нас опять «Джейн Доу»^[2]. В больнице Сент-Джуд. Максимум лет восемнадцать, изнасилована и порезана. «Скорая» доставила с кладбища Росс Бей. Состояние критическое, ни на что не реагирует.

Энджи покосилась на мистера Большого Че: тот пристально смотрел на нее, напрягая слух; руки по-прежнему связаны над головой. Она повернулась к нему спиной и голая подошла к окну.

– А что, больше некому? – понизив голос, спросила она. – Сегодня же дежурят Дандерн и Смит.

– Весь отдел скопил какой-то желудочный грипп. Дандерн отказался – они со Смитом уже семьдесят два часа пашут без перерыва, к тому же они на другом вызове. – Он помолчал. – Дандерн сказал, тебе будет интересно – возможно, это твой маньяк с Фернихок и Риттер. Только на этот раз клеймо на лбу вырезали.

Энджи замерла: это же их с Хашем старые нераскрытые дела, заноза в

боку ее прежнего напарника! Серийный насильник впервые попал в сферу их внимания четыре года назад, когда изнасиловал шестнадцатилетнюю Салли Риттер, а через год напал на четырнадцатилетнюю Эллисон Фернихок. Поймать подонка по горячим следам не удалось.

– Буду через двадцать минут.

– Ты что, в Штаты свалила или на велосипеде едешь?!

– Пока я приеду, сделай на месте что сможешь. Двадцать минут.

Она нажала отбой, схватила джинсы, сунула ноги в штанины и рывком натянула брюки до талии. Быстро набросила рубашку, собрала волосы назад и связала в хвост. Надев ботинки, Энджи подобрала куртку и остановилась, глядя на мужчину на кровати. Его пенис в презервативе блестел, даже не собираясь опадать. Как мило... Энджи скрутила томительная судорога. Она прошла взглядом по телу своего недавнего партнера. Незнакомец внимательно следил за ней, будто анализируя, странно спокойный для человека, привязанного к кровати в чем мать родила. Энджи поглядела ему в глаза.

Он дернул подбородком:

– Мы не закончили.

Энджи облизала губы и вынула из заднего кармана нож «себенза-25», с которым не расставалась: самое острое лезвие, какое она видела. Открыв нож, она чуть нагнулась и провела по пластиковым стяжкам на запястьях незнакомца. Не отрывая от нее взгляда, он опустил руки. Запястья были красными, растертыми.

– Дашь свой телефон? – попросил он. – На следующий раз?

И снова Энджи ощутила странную тревогу – шестое чувство предупреждало, что в этот раз она откусила больше, чем сможет прожевать. Потому что ей хотелось еще. Этот тип оказался первой дозой мощного наркотика, вызывающего мгновенное привыкание. Энджи это не понравилось – она избегала привязанностей. Один раз она уже совершила такую ошибку.

«Решайся. Он же как лекарство от всех забот...»

Энджи колебалась. Еще один разок не повредит? Или же... Шагнув к маленькому столику у кровати, она написала номер личного сотового на листке тощего блокнота мотеля (одноразовый телефон, от которого можно избавиться в любой момент) и направилась к двери, на ходу натягивая куртку.

– Как тебя зовут, принцесса воинов? – спросил сзади незнакомец.

Уже взявшись за ручку двери, Энджи остановилась. Дьявол на левом плече шепнул: «Ты справишься. Ты остановишься в любой момент, когда

захочешь».

Она всего лишь человек, ей тоже хочется личной жизни. Ведь никому не запрещено иметь отношения, лишь бы они не выходили из-под контроля.

– Энджи, – ответила она. Возникла пауза. – А тебя?

Он медленно улыбнулся. Один уголок рта пополз чуть выше другого.

– У меня есть твой телефон, – сказал он. – Энджи.

Глава 4

Куда бы он ни шагнул, чего бы ни коснулся, что бы ни оставил нечаянно, неосознанно, – все станет безмолвным свидетельством против него. Каждый контакт оставляет след.

Локаровский принцип обмена

Воскресенье, 10 декабря

Снег шел крупными хлопьями, кружась между городскими домами и беля ночные улицы. Было три часа утра, когда Энджи выключила мотор: дворники в последний раз проделали глубокие арки на залепленном снегом стекле. Со смутной неприязнью она покосилась на освещенные витрины с товарами, выставленными по случаю Рождества. В старой, туристической части города улицы были увешаны светящимися гирляндами. На другом берегу гавани здание законодательного собрания, обведенное светящимися трубками, сияло не хуже Диснейленда, отражаясь в черной воде. Из радиоприемника зазвучали «Серебряные колокола» в классическом исполнении Билла Кросби:

– «Городские прохожие, одетые по-праздничному...»

Энджи раздраженно ткнула в кнопку переключения станций.

– Вновь избранный мэр Джек Киллион и его кабинет будут приведены к присяге во вторник...

Она выключила радио.

Кое-где на газонах еще остались плакаты «Голосуйте за Киллиона», хотя после муниципальных выборов прошло уже две недели. Киллиону удалось потеснить нынешнего мэра Патти Маркхэм с преимуществом всего в восемьдесят девять голосов, и теперь приходилось ожидать «новой метлы», которая метет чисто и жестко, требуя от полиции решительных действий и отсутствия мягкотелости. Да здравствует демократия... Если Киллион не изменит своим предвыборным трескучим речам, он возьмется за дело со вторника, когда вместе со своими советничками официально вступит в должность.

«Вернем городу былое величие!»... Для Энджи и ее коллег это означало, что вспыльчивый начальник управления полиции станет еще невыносимее от киллионовских обещаний радикальных перемен. В столичной уголовной полиции и без того царил сложная, тягостная

атмосфера вечных перепалок по поводу криминальных сводок, бюджета, надбавок за сверхурочные, расходов на содержание персонала и процента раскрываемости. В довершение всего ходили слухи, что полетит голова самого шефа Гуннара, а на его место поставят кого-нибудь из киллионовских лакеев.

Энджи пристроила машину возле готического собора Св. Оберна, темной тенью нависавшего над простенькими зданиями католической больницы. Вынув из сейфа на консоли служебный пистолет, Энджи убрала его в кобуру под курткой, натянула маленькую черную шерстяную шапку и вышла из машины. Быстрым шагом она направилась к запасному выходу, над которым светилась красная вывеска. Горгульи с собора следили за Энджи каменными глазами.

Хольгерсен ссутулился на оранжевом пластмассовом стуле у сестринского поста. Он походил скорее на едва очухавшегося уличного наркомана, чем на опытного детектива. При виде Энджи он сразу поднялся во все свои тощие сто девяносто сантиметров.

– Что так задержалась-то, Паллорино?

– Где она?

Хольгерсен секунды две поглядел на напарницу и показал пальцем себе под глаза:

– У тебя тушь потекла.

– Я спрашиваю, где она? Что у нас есть? Личность удалось установить?

– Пока в операционной, но уже переводят в реанимацию. Дежурная сидит наверху, она нам все и расскажет – их машина выезжала на вызов. На кладбище Росс Бей они приперлись одновременно со «Скорой».

– Жертва приходила в сознание?

– Не-а. – Хольгерсен зашагал к лифту, на ходу отсалютовал медсестрам двумя пальцами. Энджи нагнала его. Больничный запах антисептика, всегда необъяснимо раздражавший ее, сегодня отчего-то особенно действовал на нервы.

Хольгерсен нажал кнопку вызова.

– Один из медиков сказал, что в машине они ее дважды теряли.

– То есть?

– В том смысле, что она умирала, а они ее откачивали. Дважды.

В лифте Энджи, глядя на неровное отражение в полированном металле, попыталась оттереть тушь под глазами. Хольгерсен молча смотрел на нее.

– В чем дело? – не выдержала Энджи. – На улице снег, вот тушь и потекла.

– Я молчу.

Хотя он вполне мог сказать: «Ага, за три недели, которые мы вместе работаем, я ни разу не видел тебя с накрашенными ресницами». Несмотря на внешность недавно слезшего с иглы наркомана, Хольгерсен отличался редкой наблюдательностью и острым умом. Он оценивал Энджи с первого дня работы, складывая из кусочков картину и составляя свое представление о напарнице.

Он много лет проработал в отделе по борьбе с наркотиками на севере провинции, откуда был родом, и в столице, неоднократно участвовал в операциях под прикрытием. Его ленивая манера говорить и своеобразный лексикон могли обмануть кого угодно, и Энджи подозревала, что Хольгерсен делает это нарочно. Зато его можно было терпеть, в отличие от козла, которого ее пытались навязать в напарники после Хаша. К тому же Хольгерсен к ней прислушивался (довольно часто), и Энджи это нравилось. А больше она о нем практически ничего не знала – не человек, а закрытая книга. Впрочем, она и не любопытствовала, чтобы, в свою очередь, не пришлось откровенничать.

При виде детективов женщина-полицейский, ждавшая в коридоре, быстро поднялась со стула. Иногда Энджи казалось, что она и сама лишь вчера работала патрульной, а порой готова была поклясться, что прошло полжизни.

– Детектив Паллорино, отдел по борьбе с сексуальными преступлениями, – представилась Энджи. – Это Хольгерсен.

– Констебль Тоннер, – отозвалась патрульная, открывая блокнот. – Мы с моим напарником Хикки первыми ответили на вызов. Я сопровождала потерпевшую в машине «Скорой» и с тех пор сижу здесь. Хикки остался на кладбище, охранять место преступления и опрашивать свидетелей.

И на том спасибо.

– А где потерпевшая?

– Ее только что перевели в отделение интенсивной терапии.

– Кто вызвал полицию? – спросила Энджи.

– Гид, который проводил экскурсию по местам обитания призраков, – сверившись с блокнотом, ответила Тоннер. – Некто Эдвин Лист. Он с группой из четырех человек наткнулся на девушку, лежавшую среди могил, и позвонил на 911.

– Экскурсия? В такую погоду? – не поверил Хольгерсен.

Энджи покосилась на него, вспомнив виденье, мелькнувшее на шоссе, когда она ехала мимо кладбища.

– Видимо, именно в такие ночи показывается небезызвестный призрак дамы, – сказала Тоннер. – Мы приехали, когда врачи «Скорой» уже

работали с пострадавшей. Вся мокрая, ну, естественно, переохлаждение, без сознания, кровотечение из раны на лице и в области вагины. Юбка была задрана на живот, колготки разорваны либо распороты в районе промежности, ноги широко расставлены. Но сапоги остались на ней.

Несколько секунд все молчали.

Энджи откашлялась.

– Нам нужны фамилии и данные врачей «Скорой», Листа и его клиентов.

– Вот, у меня есть. Хикки проверил документы у экскурсантов и снял с них показания.

– Где ее одежда? – спросила Энджи.

– Опись составлена, одежда убрана в пакеты. – Констебль Тоннер кивнула на бумажные пакеты для вещественных доказательств у нее за спиной. – Сапоги «Франческо Милано», юбочка тоже брендовая...

– Никаких документов, кошелька, телефона?

– Ничего.

– Биологические следы полового акта собраны?

Сзади раздался резкий женский голос:

– Перед нами стояла задача прежде всего спасти пациентку.

Все обернулись. По коридору к ним шла врач в зеленом хирургическом костюме – высокая, с чистым, волевым лицом. Глаза ясные, но в морщинках от усталости и напряжения.

– Доктор Руфь Финлейсон, – протянула руку хирург. Ее рукопожатие оказалось неожиданно твердым.

– Энджи Паллорино. А это Кьель Хольгерсен.

– Если пациентка в бессознательном состоянии, при наличии признаков сексуального контакта всякий раз возникает этическая проблема, – продолжала доктор Финлейсон. – Сбор биологических следов без согласия пациентки может усугубить у нее ощущение беспомощности, когда она придет в себя. Однако у меня есть необходимая квалификация для проведения этой процедуры, а политика больницы допускает определенную свободу действий с целью сбора улик, если это проводится при оказании неотложной помощи. Поэтому мы сделали что смогли. Обычно собранные материалы мы храним у себя, пока не будет получено согласие на их передачу полиции у пациентки либо у ее представителя – родственника или опекуна. Или же у судьи.

– Это все мы знаем, – перебила Энджи. – Как пострадавшая? Мы можем ее увидеть?

Руфь Финлейсон пару секунд посмотрела ей в глаза и вздохнула.

– Сюда, пожалуйста. – Ведя их по коридору, она оглянулась через плечо: – Не могли бы вы выключить мобильные телефоны? Их сигналы могут нарушить работу наших приборов.

Энджи с Хольгерсеном послушно выключили телефоны перед палатой интенсивной терапии и вошли через отодвинутую врачом раздвижную дверь.

Вокруг попискивали и шипели приборы. Внимание Энджи сосредоточилось на девушке, лежавшей на койке. Кислородные трубки пластырем приклеены у рта, к рукам тянутся трубки поуже, в них что-то часто капает. Датчики прикреплены к рукам, к груди. Лоб прикрыт свободной повязкой. Брюнетка, совсем молоденькая. У кожи какой-то странный оттенок.

– А почему она синяя? – спросил Хольгерсен. – От холода, что ли?

– Цианоз, – тихо ответила доктор Финлейсон, не отрывая взгляда от пациентки. – Так бывает, когда кислорода в крови опасно мало. Ее привезли с остановкой сердца – чудо, что она вообще жива. Через двадцать четыре часа можно будет делать какие-то прогнозы. Но даже если она выживет, в мозгу, скорее всего, уже произошли необратимые изменения. Когда утонувшие поступают без сердцебиения, от тридцати пяти до шестидесяти процентов умирают в реанимации, а выжившие почти всегда остаются инвалидами.

Энджи и Хольгерсен одновременно повернули головы к Финлейсон.

– Утонувшие?! – с ударением переспросила Энджи.

– Ее погружали в воду. Обычно в начале утопления происходит рефлекторный спазм гортани и перекрывается доступ воды и воздуха в легкие. В десяти-двадцати процентах случаев гипоксемия – пониженный уровень кислорода в крови – становится результатом длительного ларингоспазма. Это называется сухим или мнимым утоплением. Но в ее случае присутствовала вода – спазм прошел, и некоторое количество воды попало в легкие.

Энджи некоторое время смотрела на Финлейсон, затем перевела взгляд на Хольгерсена:

– Ее что, нашли у воды?

– Возле Росс Бей нет ни реки, ни пруда. Только океан через дорогу от кладбища.

– Вода не морская, – вмешалась врач. – Физиологические механизмы гипоксемии при утоплении в соленой и пресной воде разные. Пресную воду в легкие затягивает за счет осмоса, кровь разжижается, развивается гиперволемиа, начинается разрыв эритроцитов. Уровень кальция резко

возрастает, а концентрация ионов натрия и хлора падает, изменяя электрическую активность сердца. В результате наступает желудочковая фибрилляция, и спустя две-три минуты сердце останавливается. А осмотическое давление у соленой воды и крови примерно одинаковое, поэтому кровь, наоборот, сгущается и сердце начинает усиленно работать. Остановка наступает только через восемь-десять минут. Однако пострадавшая в любом случае тонула.

Энджи подошла ближе к кровати, и ее сердце сжалось. Совсем ребенок, на вид лет пятнадцать, как Эллисон Фернихок или Салли Риттер. Правда, в отличие от них, довольно пухленькая... Волосы со следами засохшей крови приглажены наверх, сам лоб закрыт повязкой. Кожа вокруг рта красная, воспаленная.

Энджи внимательно оглядела пострадавшую. Фиолетовые следы веревки на шее и запястьях. Сорванные ногти, некоторые буквально вырваны с мясом. Один палец в металлической лангете. На предплечьях – множественные ссадины и кровоподтеки. Значит, сопротивлялась. Боролась за жизнь.

– Можно увидеть рану на лбу? – тихо попросила Энджи.

Врач поколебалась, сжав губы, но осторожно приподняла повязку.

Разрезы почистили и зашили, но было видно, что это идеально ровное распятие, причем нижний край креста заканчивался точно между бровей.

– Разрез глубокий, до лобной кости, сделан тонким лезвием, – пояснила доктор Финлейсон. – Вроде бритвы, скальпеля или, знаете, такого канцелярского ножа с выдвигающимся лезвием.

Энджи бросило в жар: у Фернихок и Риттер были такие же кресты на лбу – совпадали и размер, и форма, да и конец креста приходился между бровей, но у прежних жертв распятия были нарисованы красным несмываемым маркером, а не вырезаны на коже. Энджи нагнулась, чтобы получше рассмотреть волосы надо лбом. Сердце забило чаще, когда она нашла то, что искала.

– У нее сострижена прядь посередине.

– Дандерн не ошибся, – прошептал Хольгерсен. – Он не только вернулся, но и развернулся.

– Если это он, – оборвала его Энджи. – Я предпочитаю подождать с выводами, пока у нас не будет убедительных доказательств.

– Да пожалуйста, придержи свои глупые замечания при себе.

– Следы проникновения? – спросила Энджи у врача. – Этот ублюдок оставил свою визитную карточку?

– Семя заметить не удалось, но вообще трудно сказать из-за

кровотечения. – Финлейсон поглядела Энджи в глаза: – Гениталии изуродованы тем же лезвием. – Врач поколебалась и добавила, причем в глазах появился нехороший огонек: – Ей сделали обрезание.

У Энджи кровь отхлынула от лица:

– То есть?!

– Отрезаны капюшон и головка клитора и малые половые губы.

Энджи чувствовала, как сердце точно молотом бьет изнутри о ребра.

– Нужно провести подробное медицинское обследование, – быстро сказала она. – Фотографии...

– Мы все сфотографировали и задокументировали во время операции, детектив. Мы собрали все выделения, взяли образцы крови, соскобы из влагалища, слюну, все из-под ногтей. А вам нужно выполнить ваш долг и найти ее ближайших родственников, пока мы ее не потеряли. – Лицо врача напряглось, пока она говорила, и Энджи узнала искажившую черты тихую, едва сдерживаемую ярость. Энджи, не всегда умевшая держать себя в руках, сразу чувствовала такие вещи. Именно эта агрессивная энергия привела ее на работу в отдел по борьбе с сексуальными преступлениями и заставляла лезть из кожи вон, чтобы перевестись в убойный.

– Обещайте мне, – еле слышно сказала врач, – обещайте, что вы арестуете этого выродка.

Во рту у Энджи пересохло. На языке ощущался противный вкус водки, выпитой в клубе. Дверь палаты резко отодвинулась, и на пороге появилась медсестра:

– Доктор Финлейсон, доктор Нассим хочет срочно переговорить с вами.

Врач извинилась и вышла.

Энджи снова повернулась к «Джейн Доу» и осторожно тронула ее за руку. Кожа была холодной как лед. Энджи перевернула синеватую кисть ладонью вверх. На мякоти отчетливые следы порезов – хваталась за лезвие. Самые глубокие были зашиты.

Кто это сделал с тобой? Как ты очутилась на кладбище? Зачем тебя туда понесло в такую погоду, да еще ночью?

– На ногтях-то был гелевый маникюр, – заметил стоявший рядом Хольгерсен. – Мелирование тоже свежее. Она следит за собой, гордится своей внешностью. А сапожки-то, «Франческо Милано», тянут больше тысячи зелененьких.

Энджи взглянула на него снизу вверх:

– Откуда ты знаешь?

– Я много чего знаю, Паллорино.

Она рассматривала его бородку, бледные впалые щеки, беспокойный

взгляд. Насколько они знают друг друга? Насколько вообще возможно узнать человека?

– Я только говорю, – продолжал Хольгерсен, – что у нашей девочки мегадорогие вкусы и соответствующие средства. Она не какая-нибудь бездомная наркоманка, ее будут искать.

Энджи кивнула, повернулась и пошла к двери.

– Мы куда-то едем, Паллорино? – поинтересовался Хольгерсен, выходя за ней в коридор.

Энджи достала телефон. Толкнув двери на выходе из отделения интенсивной терапии, она набрала дежурного. Тоннер по-прежнему ждала в коридоре. Энджи пошла к патрульной, прижимая телефон к уху.

– Паллорино! – окликнул ее Хольгерсен. – Что происходит, куда мы?

– На кладбище, – бросила Энджи, едва повернув голову. – И мне там нужны эксперты.

– В темноте? – поинтересовался он, нагнав Энджи.

– Начнем, как только рассветет. Если затынем, снег и ветер уничтожат последние следы. – Слушая гудки в трубке, она обратилась к Тоннер: – Отвезите мешки в лабораторию и проследите, чтобы порядок передачи и условия хранения были строго соблюдены... – Трубку сняли.

Энджи попросила немедленно прислать криминалистов на кладбище Росс Бей, затем позвонила в отдел поиска пропавших и оставила сообщение с описанием пострадавшей, спросив, не заявляли ли об исчезновении подходящей по приметам девушки. Потом оставила сообщение для дежурного сержанта отдела надзора за рецидивистами с просьбой проверить, не поселились ли в Виктории ранее судимые за соответствующие преступления. Если это серийный насильник из старых дел с распятием, о нем три года ничего не было слышно... либо же информация о его преступлениях не просочилась в печать. Утром нужно будет заставить дежурного еще раз проверить по «Виклас», базе данных по преступлениям, не зарегистрировано ли где похожих нападений. Энджи шла к лифту, говоря по телефону, и шаги в байкерских ботинках отдавались оглушительным эхом в стерильном больничном коридоре. В ней кипели давно копившиеся ярость и адреналин.

На этот раз она его возьмет. Прижмет мерзавца к ногтю. Она сделает это ради Хаша. Ради этой докторши. Ради всех потерпевших, которые не могут ничего сказать. Энджи зло ткнула в кнопку лифта.

– А мы с тобой еще напарники, Паллорино? – поинтересовался Хольгерсен, подходя сзади.

– Что?

Дверцы разъехались.

Энджи вошла, но Хольгерсен неожиданно цепко ухватил створку, не давая закрыться.

– Я говорю, мы еще напарники?

– Ты едешь или нет?

Он прошелся взглядом по ее костюму и медленно ступил в кабину, позволив дверцам закрыться. Лифт опускался, Хольгерсен смотрел, как одна за другой загораются кнопки этажей.

– Тушь у тебя все равно размазана. – В уголках его рта шевельнулся намек на улыбку. – Лайт-версия Элис Купер. Но тебе идет, особенно для поездки на кладбище. Темная сторона и все такое... – Он повернулся к Энджи: – Все мы в зеркале видим призраков, да, Паллорино?

Взглянув ему в глаза, Энджи уловила некий вызов.

– Значит, наша пострадавшая пошла и утонула, – подытожил Хольгерсен. – Теперь дело передадут в отдел убийств.

Энджи промолчала.

– Насколько я знаю, если клиент обречен, то это покушение на убийство, и отдел...

– Расследование ведем мы, – отрезала Энджи. – Врач не сказала, что пациентка не выживет, она лишь предупредила, что все решится в ближайшие сутки.

Лифт зажужжал и, вздрогнув, остановился.

– Это дело мы в убойный не отдадим, – добавила Энджи.

Хольгерсен на секунду поднял на нее глаза:

– Почему у меня ощущение, что работа с тобой не окажется синекурой?

Белая вспышка света, в которой снежные хлопья показались серебристыми, ослепила детективов на выходе из больницы. За ней последовала новая.

– Черт, – сказал Хольгерсен, прикрывая глаза ладонью. Из тени с большим фотоаппаратом в руках выскочила миниатюрная женщина в огромном дождевике. – Опять эта питбулиха из таблоида...

– Детективы! – запыхавшись, сказала репортерша. Ее щеки были розовыми от холода, лицо под козырьком черной шапки – мокрым. – Мерри Уинстон, криминальный репортер «Сити Сан»...

– Что вам нужно? – перебил Хольгерсен.

Она навела на него камеру и щелкнула снова.

– Господи, – вздохнул Хольгерсен, оттолкнув фотообъектив буквально от лица. – Такие, как вы, когда-нибудь спят?

– В Сент-Джуд находится девушка, ставшая жертвой жестокого

изнасилования. Ее нашли ночью на кладбище Росс Бей. Какие подробности вы можете сообщить?

Энджи и Хольгерсен переглянулись.

– Вы что, в три утра в воскресенье слушаете полицейскую волну? – поинтересовался Хольгерсен. – Личной жизни вообще нет, что ли?

– А я проезжала мимо Росс Бей и увидела «Скорую», врачей и девушку. Затем приехала патрульная машина, и двое полицейских долго говорили с экскурсионной группой, которой подавай призраков... Я сделала фотографии, я точно знаю – жертву привезли в эту больницу, а теперь приезжаете вы – отдел сексуальных преступлений. Вы уже установили ее личность? Сколько ей лет? Что произошло? Преступник все еще на свободе? Другие девушки тоже в опасности?

Энджи испепелила ее взглядом и пошла к своей машине.

– В каком она состоянии? – кричала сзади репортерша. – Она жива, раз ею занимались врачи? Что она делала на кладбище? У вас есть подозреваемые? Что говорит новый мэр, как очередное изнасилование вяжется с обещанным закручиванием гаек?

Энджи дошла до своей «краун вик» и открыла замок, пискнув пультом.

Мерри Уинстон нагнала детективов, тараторя:

– Слушайте, я все равно буду писать на том материале, что у меня есть, поэтому...

Энджи обернулась. Репортерша замолчала и попятилась.

– Придержите свои снимки, – тихо сказала Энджи прямо ей в лицо. – Не спешите со статьей. Тогда мы... дадим вам эксклюзив.

– Надолго придержать?

– Хотя бы пока мы не сообщим родственникам.

– Значит, вы все-таки установили ее личность?

– Да, – солгала Энджи.

– Это Аннелиза Йенсен, студентка, пропавшая две недели назад?

– Хольгерсен, ты едешь? – Сев за руль, Энджи громко захлопнула дверь и стянула мокрую шапочку. Хольгерсен, чертыхнувшись, опустился на пассажирское сиденье.

– Чертова кукла, бежит впереди паровоза... Думаешь, она обождет со статьей?

– Нет. – Энджи завела мотор и выехала со стоянки.

– Наша «Джейн Доу» совершенно не подходит под описание Аннелизы Йенсен, это ты могла смело сказать.

– Я не общаюсь с прессой.

– Ты же только что пообещала эксклюзив!

– Чтобы она заткнулась, черт бы ее побрал!

Хольгерсен выругался и уронил голову на подголовник. Дворники скрипели. Спустя несколько минут он вдруг сказал:

– А она довольно красивая со своими черными «колючками» и бледной кожей. Если бы не скверные зубы...

– А ты откуда знаешь про волосы колючками? Она же в шапке!

– Не первый раз ее вижу.

– Вот не знала, что ты предпочитаешь подобных женщин, Хольгерсен.

– О-о, Паллорино становится любопытной!

Раздражение заставило Энджи стиснуть руль.

– Кто-то слил ей информацию. Сама она не могла столько разнюхать.

– Это не я! Ты же слышала, она сидела на полицейской радиоволне!

– Да нет, это *ты* сказал, что она слушала радиопереговоры наших...

Глава 5

Святая Мария, Матерь Божья, молись за нас, грешных, сейчас и в час смерти нашей, аминь.

Одна из патрульных принесла Энджи кофе из соседнего «Северн Элевен»:

– Со сливками и без сахара.

Энджи рассеянно отхлебнула, силясь уяснить, как и что здесь произошло вчера вечером. Брезжил рассвет. Было очень холодно, небо затянуло тучами. С моря напознал туман, окутывая узловатые кладбищенские деревья. Все входы были перекрыты желтой полицейской лентой, трепетавшей на ледяном ветру.

Кладбище Росс Бей, основанное в конце девятнадцатого века, отличалось старейшим в Британской Колумбии ландшафтным дизайном формального стиля. Энджи знала это от отца: Джозеф Паллорино считал Росс Бей превосходным образцом некрополя Викторианской эпохи с широкими, плавно изогнутыми дорожками, редкой флорой и великолепными изваяниями из мрамора, гранита и песчаника, охраняющими покой усопших.

Энджи заказала переносную палатку, которую разбили вплотную к кладбищенской стене с внешней стороны. Там разместятся эксперты-криминалисты со своим оборудованием.

Еще, по ее распоряжению, в соответствии с протоколом о сохранности вещдоков, организовали охраняемый участок для складирования и хранения любых находок, если таковые окажутся. Энджи, назначенная главным следователем по делу «кладбищенской девушки», торопилась как на пожар: дело, как справедливо заметил Хольгерсен, грозило вот-вот перейти в разряд убийств, и тогда придется приложить колоссальные усилия, чтобы расследование не передали в убойный отдел.

Она уже позвонила домой своему боссу, начальнику отдела по борьбе с сексуальными преступлениями сержанту полиции Мэтью Веддеру. Он одобрил ее просьбу о сверхурочной работе (при необходимости) и разрешил привлечь столько рядового состава, сколько понадобится, предупредив, что по возвращении в управление Энджи должна будет сдать подробный отчет.

Она уже отправила патрульных по району со списком вопросов.

Большинство магазинов в торговом комплексе напротив были еще закрыты, но через пару часов и туда наведаются полицейские: кто-то из задержавшихся вчера продавцов мог обратить внимание на странное поведение прохожего, незнакомую машину, человека с тяжелой ношей или слышал женские крики. Одного патрульного Энджи отправила в «Север Элевен» изымать данные наружного видеонаблюдения: она заметила на магазине камеру – не исключено, что на запись попало происходившее на кладбище.

Хольгерсен разговаривал по телефону с больницей насчет состояния неизвестной. Нажав отбой, он повернулся к Энджи:

– Не особо. В сознание не приходила, жизненные показатели продолжают ухудшаться.

Черт бы все побрал, меньше всего нужно, чтобы неизвестная девчонка умерла так скоро! Пусть это случится не раньше, чем Энджи толком запустит когти в расследование!

– Личность выяснить не удалось?

– Не-а. Из разыскиваемых никто не подошел, новых заявлений о пропавших тоже не поступало. Отпечатки и ДНК бесполезны, если она не совершала правонарушений. С зубной картой та же история – не с чем сравнивать.

– Ничего, еще рано, – не сдавалась Энджи. – Ее еще не хватились. Вот откроются школы, начнется день, кто-нибудь нам, глядишь, и позвонит.

– Или выйдет «Сити Сан» со статьей о нашей искромсанной коматознице на первой полосе.

Энджи недобро покосилась на него и поглядела на часы. Нужно было торопиться. К ним подошел один из экспертов:

– Мы выяснили, как он попал на кладбище! Пройдете посмотрите?

– Давайте. – Она сунула патрульному недопитый кофе, натянула сапоги-бахилы и подняла воротник от холодного ветра. Они вышли из-под крыши временного навеса и вместе с Хольгерсеном пошли прямо в пасть холодному соленому ветру. Энджи порадовалась, что живет в центре города и успела заехать домой переодеться и наскоро смыть макияж.

Констебль Хикки – патрульный, ответивший на вызов вместе с Тоннер, – встретил их у каменной арки. Он дрожал в своем непромокаемом плаще-пончо, трепетавшем на ветру: натянув поверх фуражки пластиковый капюшон, парень проторчал на холоде почти всю ночь. Энджи уже побеседовала и с ним, и с врачами «Скорой». Экскурсанты и Эдвин Лист явятся в управление днем.

Они подписали протокол осмотра места происшествия, поданный

патрульным офицером, и ступили на территорию кладбища. Хикки и эксперт показывали дорогу. Свежий снежок хрустел под бахилами, когда они проходили мимо белых мраморных херувимов на пьедесталах. Молочно-белые глаза статуй словно провожали маленькую процессию, пробирающуюся между памятников.

– Ну хоть снег перестал, – заметил Хикки, наклоняя голову – порывом ветра ему в лицо швырнуло чешуйки сосновой шишки.

– Глобальное потепление, – отозвался эксперт. – Таких дней будет больше, а погода станет еще хуже.

– Но ведь должно глобально потеплеть, а не наоборот?

Эксперт пожал плечами.

– Думаете, наш извращенец выбрал вчерашнюю ночь из-за снегопада? – спросил Хольгерсен. – Чтобы легче скрыться? Обыватели попрятались в тепле и уюте...

Энджи не ответила – замерев, она впитывала все сразу: темные влажные надгробия, справа небольшой мавзолеей, мертвые цветы в пластиковых рожках торчат из снега в местах погребений. Черный каменный ангел взирал на нее сверху вниз, разведя крылья, точно горгулья. Деревья вокруг – узловатые и изогнутые исполины, хвойные и лиственные, с голых веток свисают зеленые лишайники, известные в народе как «ведьмины волосы». Входов на Росс Бей несколько, стало быть, насильника можно искать в разных направлениях.

– Вот уж ни за что не приперся бы сюда с экскурсией глазеть на призраков... – признался Хольгерсен, медленным шагом описав круг рядом с Энджи. – Когда у нас в последний раз был такой снегопад?

– Просто теплый влажный фронт столкнулся с арктическими массами, державшимися в городе с конца ноября, – негромко ответила Энджи. – Снег долго не пролежит, скоро потеплеет.

Хикки с экспертом подвели их к живой изгороди из непролазных, уродливо скрюченных деревьев, отделявших кладбище от Далласского шоссе и океана внизу. Здесь ветер казался еще холоднее, а звук волн, разбивавшихся о берег, слышался громче. Пальто Энджи звучно хлопало и билось у икр. Глаза слезились от холода. Вздвогнув, она снова вспомнила маленькую девочку в розовом платье, увиденную ночью на шоссе.

– Вот тут мы с констеблем Тоннер увидели медиков, пытавшихся стабилизировать жертву, – сказал Хикки, остановившись перед одной из могил. – Экскурсия вошла через вон тот вход, – он показал рукой, – и споткнулась о нашу жертву.

Вокруг все было истоптано, снег – розовый от крови. Эксперты в белых

непромокаемых комбинезонах осматривали участок вокруг могилы, счищая снег в поисках каких-либо следов, фотографируя и зарисовывая место преступления.

Сопровождавший их эксперт добавил:

– Все затоптали медики, экскурсанты, патрульные и репортерша из «Сити Сан», которая явилась сразу после нас. Нам очень повезет, если найдется хоть один четкий отпечаток...

Энджи перевела взгляд с кровавой каши на земле к гранитному пьедесталу, на котором высилась большая каменная статуя. На памятнике значилось:

«Мэри Браун, 1889–1940.

Если я пойду долиной смертной тени, не убоюсь зла, ибо Ты со мной».

Внимание Энджи переключилось с эпитафии на саму статую. Пустые каменные глазницы Божьей Матери невидяще глядели туда, где ночью лежала жертва. Скульптурные складки покрывала облегали тело, руки слегка разведены в стороны ладонями вверх. Жест мольбы. Кровь стыла в жилах от такой символичности.

– Нашу обрешанную «Джейн Доу» оставили у ног Девы Марии, – пробормотала она и повернулась к Хикки: – В какой позе лежала жертва?

– На спине, лицом вверх, – сразу ответил патрульный. – Головой к пьедесталу, руки сложены на груди одна поверх другой, вот так. – Он сложил руки у себя на груди.

Будто в молитве...

– Ноги были широко раздвинуты, взгляду сразу открывался окровавленный пах. – Он кашлянул. – Она сто раз могла истечь кровью, снег на ней уже не таял... Как она выжила, не пойму. – Он снова кашлянул.

– Ее нарочно так уложили, – прошептал Хольгерсен, глядя на красный снег.

Сзади раздался звук, похожий на выстрел. Все подскочили и обернулись. Большой сук, не выдержав ветра, сломался и, падая, ударился о какое-то надгробие. Салют из мелких обломков коры и мха разлетелся над белой от снега землей.

– Черт, – выругался Хольгерсен.

Заметно побелевший Хикки дрожал всем телом.

– Рядом есть какие-нибудь пруды? – спросила Энджи, снова повернувшись к месту преступления.

– Никак нет, – ответил Хикки.

– Значит, в пресной воде ее топили где-то еще, а затем привезли сюда и аккуратно уложили в молитвенной позе у каменных стоп Божьей

Матери... – Энджи прокручивала в памяти подробности дел Риттер и Фернихок: нарисованные на лбу распятия, насильник в маске. Обе девушки были пьяны и плохо соображали. Обе ушли с вечеринок без провожатого. На обеих напали сзади, сшибли на землю и изнасиловали, приставив нож к горлу. Потом и Риттер, и Фернихок оглушили ударом по голове. Обе помнили, что насильник, накрутив их длинные волосы на руку в перчатке и держа нож у горла, повторял одно и то же:

– Отрекаешься ли ты от Сатаны, виновника и князя греха? Отрекаешься ли ты от Сатаны и всех дел его?

Он заставил их ответить: «Отрекаюсь», прежде чем войти сзади.

Энджи и Хаш выяснили, что эти фразы взяты из католического обряда крещения. Очнувшись, обе девушки обнаружили у себя на лбу рисунок распятия, сделанный несмываемым красным маркером. И у каждой была срезана прядь волос точно посередине лба.

Сведения о характерных словах, распятии на лбу и срезанных волосах были засекречены, репортеры ни о чем не пронюхали, поэтому сходство между этими изнасилованиями и новым преступлением вряд ли можно было приписать действиям подражателя.

Энджи чувствовала – он вернулся. Маньяк, за которым охотились они с Хашем.

Она подняла руку и коснулась лба двумя пальцами:

– Во имя Отца, – она опустила руку, коснувшись солнечного сплетения, – и Сына, – она дотронулась до левого, а затем правого плеча, – и Святого Духа, – тихо закончила Энджи и повернулась к Хольгерсену: – Он погрузил ее в воду и вырезал на ней распятие. Изнасиловал, затем лишил женского естества, сделав бесполой, и положил умирать у ног Девы Марии. Это не изнасилование, а ритуал: он ее крестил.

Все смотрели на Энджи.

Ветер взвыл, задув в другом направлении. С неба посыпалась ледяная крупа.

– Чертов извращенец, – прошептал Хольгерсен. – Только крестителя нам не хватало. Это точно не первое родео этого типа. Он и раньше так делал, а значит, сделает снова.

Глава 6

– Без изменений, – сообщил Хольгерсен, снова позвонив в больницу. – Личность установить пока не удалось.

Энджи сжала руль, сворачивая на Фэрмонт: они ехали в управление. Ей не терпелось добраться до папок с делами Фернихок и Риттер. «Джейн Доу» должна продержаться, пока Энджи не запустит в расследование зубы. Чем скорее установят личность потерпевшей, тем лучше: сейчас детективы в своих действиях связаны по рукам и ногам.

Одним из важнейших аспектов расследования преступлений такого рода является виктимология: кто пострадавшая, где она училась, были ли у нее работа, хобби, где она жила – словом, необходимо выяснить, чем она занималась в период, предшествовавший нападению, что в ней привлекло внимание преступника.

– Интересно, когда это дело у нас уведет убойный? – сказал Хольгерсен. – Да, имело место изнасилование, но наш извращенец оставил жертву истекать кровью и умирать от переохлаждения, а это попытка убийства. Может, он вообще счел ее мертвой, а ей вот повезло...

– Бабушке твоей повезло! – Энджи смерила напарника гневным взглядом. – Я хочу вести это дело, смотри не подлей мне дерьма.

– Черт, Паллорино, я тоже хочу раскрыть, просто я говорю...

– Мне нужно поймать его ради Хаша, ясно? Он места себе не находил, что те изнасилования так и остались нераскрытыми. Если все три преступления совершил один и тот же ублюдок...

– Упс, я понял: дело личное. – Хольгерсен отвернулся к окну. – Опасно, Паллорино, о-о-очень опасно, – тихо повторил он. – Принимая что-то близко к сердцу, теряешь объективность.

Энджи стиснула челюсти, бессознательно с такой же силой нажимая на педаль акселератора.

– Останови, – вдруг сказал Хольгерсен. – Вот тут, у магазина.

– Что? Зачем?!

– Я хочу нормального кофе.

– Ты шутишь, что ли?

– Я ночь не спал, мне не обойтись без кофеина.

– Ты всегда такой?

– А ты?

Энджи чертыхнулась и свернула к мини-моллу, на углу которого гордо красовался «Старбакс».

– Давай быстрее, – предупредила она. – Веддер ждет.

Глядя, как длинный, тощий Хольгерсен размашисто шагает к кофейне, Энджи врезала кулаком по рулю. Она вдруг поняла, что ее трясет. Положив голову на подголовник, она закрыла глаза, стараясь успокоиться, но в голове болезненными красными вспышками пульсировали воспоминания о том, как она обнаженной скакала на мистере Большом Че. Ритмичные басы из клуба. Мигающие красные лампочки за шторами. Маленькая девочка в розовом платье выскочила из тумана прямо под колеса... Глаза у Энджи широко открылись, дыхание стало судорожно-частым.

Скверно. Сосредоточься на работе, на расследовании... Она сверлила взглядом дверь «Старбакса», нетерпеливо ожидая, когда выйдет Хольгерсен. Лобовое стекло начало покрываться ледяной коркой. И вдруг через запотевшее окно Энджи увидела Хольгерсена – он расхаживал туда-сюда и говорил по телефону. Только тут она обратила внимание, что его сотовый остался на сиденье.

Энджи нахмурилась. Хольгерсен потребовал остановиться, чтобы срочно позвонить по личному телефону?

Он вышел из «Старбакса», неся два стакана и коричневый пакет. Усевшись на сиденье, Хольгерсен вставил стаканы в круглые гнезда между креслами. Салон наполнился запахами еды и кофе.

– На, – сказал он, подавая что-то Энджи.

– Что это?

– Маффин с яйцом и беконом. Ты небось тоже есть хочешь.

Желудок скрутило судорогой. Энджи взяла сэндвич. Хольгерсен развернул свой и откусил большой кусок.

– Можно ехать, – сказал он полным ртом, беря кофе.

Энджи смотрела на него в упор.

Хольгерсен перестал жевать.

– В чем дело? Ты вегетарианка, веганка или у тебя аллергия на глютен?

– Кому ты сейчас звонил?

У Хольгерсена сузились глаза. Кое-как прожевав, он проглотил и откашлялся:

– Никому я не звонил, мой сотовый оставался здесь.

Энджи молча смотрела на него.

– А если и звонил, Паллорино, это не твое собачье дело. У меня есть личная жизнь, в отличие от тебя.

Она тихо выругалась, бросила неразвернутый сэндвич на приборную

доску, завела мотор и рванула машину с места так, что кофе из стакана Хольгерсена выплеснулся ему на брюки.

– Ты и с остальными так себя вела? – ядовито осведомился он, вытирая джинсы бумажной салфеткой.

– С какими еще остальными?

– Ну хотя бы с прошлым напарником? Сколько он с тобой выдержал, три месяца?

– Кишка тонка оказалась, я здесь ни при чем.

– Ну да, он не Хашовски. Понятно, Энджи.

– Для тебя – Паллорино.

– Ясно, Паллори-и-ино. – Хольгерсен отвернулся к окну, отпил кофе и очень тихо сказал: – Я никуда не уйду с этой работы, Паллорино. Я собираюсь дослужиться до сержанта, поняла? Я тебе не по зубам, так что не трать силы.

Глава 7

Джеймс Мэддокс отряхнул зонт и пристроил его на подставку у входа в «Синий барсук» рядом с другими мокрыми зонтами: наконец-то освободились места! Кафе было забито под завязку, а очередь на улице только удлинялась, несмотря на отвратительную погоду.

Официантка в экстравагантной мини-юбочке и высоких красных сапогах провела их к крошечному столику. Здешние стулья не были рассчитаны на людей с габаритами Мэддокса. За окном блестели от дождя пустые столы на деревянной веранде. Серо-стального оттенка вода в заливе рябила от ветра.

На бранче настояла Джинни, и она же выбрала кафе:

– Это самое крутое заведение в городе, папа, а какие там яйца «Бенедикт»!

Мэддокс мог предложить целый список занятий «покруче», которые можно было бы разделить с Джинни и не стоять битых полчаса на пронизывающем ветру под мокрым снегом. И не выкладывать целое состояние за какие-то яйца, которые он отлично может пожарить сам в своей кухоньке на яхте. В этом «Барсуке» даже столики не бронируют! И с чего вдруг заходиться от восторга от яиц «Бенедикт»? Однако целью его переезда в Викторию была Джинни и желание спасти то, что осталось от семьи. Он хотел наладить отношения с дочерью, пока не потерял ее окончательно, поэтому, когда Джинни приняли в Университет Виктории, Мэддокс начал искать работу в этом городе.

Сбросив пальто, дочь повесила его на спинку стула, прежде чем присесть. Мэддокс кое-как стянул собственное пальто, соображая, не нужно ли Джеку-О сходить до ветру: барбос сидит в машине уже почти час. Пристроив пальто и усевшись, Мэддокс заметил чернильный рисунок над краем футболки дочери.

– Это у тебя что, татуировка? – поинтересовался он.

– И что? – сразу оцетинилась Джинни.

– Когда успела?

– Мама не против. Не понимаю, что тебе не нравится – сейчас у всех тату.

Мэддокс не был ханжой и к татуировкам относился спокойно, но чтобы несмыаемые чернила – и на коже его дочурки...

– Вот сейчас тебе нравится, – начал он, – а через несколько лет...

– Па-па!!

Он шумно вздохнул, и они погрузились в чтение меню. В зале стоял гул разговоров. При каждом движении Мэддокс едва не задевал локтем мужчину за соседним столиком. Мэддокс послушно заказал яйца «Бенедикт» с беконом и колбасой. Джинни предпочла вариант с пониженным содержанием углеводов – без булочки. Мэддокс счел за лучшее не задавать вопросов – дочка давно боролась с лишним весом, хотя лично он считал ее красавицей. Наконец принесли кофе.

– Как учеба? – спросил Мэддокс, дождавшись, пока официантка отойдет.

– Прекрасно.

Он налил сливки себе в чашку, размешал сахар, глядя, как Джинни тянет несладкий черный кофе. Мэддокс гадал, давно ли она обходится без сливок и сахара – опять в рамках борьбы с лишними фунтами, что ли? Ему стало неловко – переехав сюда, он понял, что совсем не знает собственную дочь, потому что пропустил большой кусок ее детства и юности.

– А какие у тебя новые предметы?

Дочь громко вздохнула.

– Джинн, ну я же стараюсь. Смягчи свой приговор.

Она отбросила за спину густые темные волосы.

– Пап, ты так явно и при этом так фальшиво стараешься...

– Зато я здесь, – улыбнулся Мэддокс. – Сколько старых папаш ты видела в очереди под мокрым снегом?

Джинни не удержала улыбки:

– И то правда.

Нужно двигаться постепенно, маленькими шажками, и он снова завоеует ее доверие. Это будет непросто – дочка до сих пор чуть что вскидывается, да и мать напела в уши, но ведь он рядом. Он же приехал. Психолог, пожалуй, камня на камне не оставил бы от причин его переезда, в том числе и от старой яхты, которую Мэддокс купил, пытается починить и на которой живет в Западной бухте, – со стороны несложно догадаться, что Мэддокс буквально не мог видеть и тем более подписать бумаги о разводе, присланные адвокатом жены. Однако он нашел работу в Виктории – задача не из легких, на эту позицию метили многие – и завтра приступает.

Он все вернет и восстановит, насколько это вообще возможно.

В ожидании заказа (яйца варили целую вечность) Джинни щебетала о новом семестре и о том, как ей хочется стать юристом. Мэддокс гордился

дочерью и так ей прямо и сказал. Джинни растаяла и рассказала еще об университетском хоре, куда она недавно записалась, о том, как они по четвергам репетируют в центральном католическом соборе и какая там потрясающая акустика, витражи и вообще, а в прошлый четверг они ходили в караоке-клуб.

– Гей-бар, кстати, – добавила Джинни. – И владельцы – пара геев.

Мэддокс кивнул и допил свой кофе. Дочь то и дело провоцировала его, но он не брал наживку.

– Наше пение потрясло всех до глубины души, – продолжала она. – Нам устроили овацию стоя. А потом наши ушли, а я осталась, потому что мне хотелось спеть соло, и я запела из «Отверженных», помнишь, там, где...

– Разве я разбираюсь в мюзиклах? – засмеялся Мэддокс.

Джинни замолчала. Мэддокс понимал, что дочь думает сейчас о новом бойфренде своей матери, самодовольном придурке и, видимо, меломане. Опустив глаза, она начала теревить салфетку. Мэддокс под столом крутил на пальце обручальное кольцо, которое надевал в основном ради Джинн. Ему хотелось дать дочери надежду, показать, что он держится за некую (довольно абстрактную) идею семьи и стародавние клятвы.

– А как ты потом добралась до дома?

– Ножками, папа, ножками, – пожалала плечами дочь. – Там идти-то всего пять кварталов!

– А который был час?

Джинни тут же с вызовом уставилась на отца. Глаза у нее совсем как у Мэддокса – синие, и кожа бледная, чистая. Валлийские гены. У Мэддокса даже горло стиснуло от отеческой любви и беспокойства.

– Папа, Виктория – совершенно безопасный город.

– Джинни, совершенно безопасных городов не бывает.

– По сравнению с Сюрреем или западными районами Ванкувера – безопасный.

– Я лучше знаю, я здесь работаю.

– Вот в этом и проблема – ты насмотрелся столько грязи и гнусностей, что в каждом видишь морального уродца, забывая, что в людях есть доброта и порядочность!

– Джинни...

– Мне все равно, что ты скажешь! У тебя все плохие! Дома ты никогда не смеялся, не проводил выходные со мной и мамой, никогда не выезжал с нами на природу, даже соседей не звал на барбекю во дворе! А нам с мамой *это* было нужно! Мне это было нужно! Ты ведь мне за всю жизнь ни разу не улыбнулся, приходя с работы...

В кармане Мэддокса завибрировал сотовый. Дочь замолчала, яростно глядя на него. Телефон зажужжал снова. Мэддокс не полез в карман. К ним уже шла официантка с тарелками. Включился автоответчик – и почти сразу телефон затрясся снова.

Мэддокс решил посмотреть на дисплей – звонил новый босс. Мэддокс нахмурился: он же выходит на работу только завтра утром!

– Я должен ответить, – негромко сказал он. – Мэддокс, – тихо сказал он в телефон, пока дочь испепеляла его взглядом.

– Джек Базьяк, – послышалось в трубке. – Прости, что беспокою в воскресенье, но наш убойный отхватил очередное происшествие, можно сказать, политической важности, учитывая позицию нового мэра. Я хочу, чтобы ты с самого начала взял на себя руководство следствием.

Мэддокс покосился на дочь. Джинни пристально смотрела на него.

– А что конкретно?

– Да «поплавок» в заливе, под мостом на Джонсон-стрит. Вроде женщина. Ее сейчас вытаскивают из воды. На месте коронер, патологоанатом, криминалисты и детектив Харви Лео. Район оцеплен... – Базьяк отвлекся, разговаривая с кем-то еще, потом продолжил: – Похоже, наша утопленница пробыла в морской воде довольно долго. Есть соображения, что ею может оказаться пропавшая студентка здешнего универа, Аннелиза Йенсен. Подъедешь? Я скажу Лео, чтобы он на тебя рассчитывал? Я ему уже говорил – ты первый спец по таким делам.

Принесли еду.

– Яйца «Бенедикт» по-деревенски? – уточнила официантка, держа тяжелые белые фаянсовые тарелки. Мэддокс немного отвернулся и совсем тихо спросил в трубку:

– Куда ехать?

– К верфи на Джонсон-стрит, прямо под мостом, возле Уорф-стрит.

– Буду в десять.

– Ты же не уедешь сейчас? – сразу спросила Джинни, когда отец нажал отбой.

– Джинн, я... прости меня, мы посидим как-нибудь в другой раз.

Официантка, по-прежнему стоявшая рядом, повторила громче:

– Яйца «Бенедикт» по-деревенски!

– А ты оставайся, позавтракай.

– Еще чего! – Джинни повернулась к официантке: – Унесите, не нужно.

– Завернуть вам с собой? – предложила та после паузы.

– Нет, – отрезала Джинни, оттолкнув стул и задев при этом женщину, сидевшую сзади. Схватив пальто, Джинни продолжила: – Ясно, почему

мама от тебя ушла! Всякий раз, как она мечтала посидеть втроем, кого-то непременно грохали! Это ты виноват, что у нее появился Питер! Это из-за тебя она нашла себе бойфренда. Покойники тебе интереснее собственной семьи!

В кафе стало тихо.

Джинни бешено сунула руки в рукава, рывком перекинула через плечо сумку-банан и, распахнув дверь, вышла на улицу. Мэддокс быстро положил на стол несколько смятых купюр, схватил пальто и выбежал следом.

– Джинни! – окликнул он. – Я тебя подвезу...

– Не надо меня подвозить! У меня свидание!

Он смотрел, как дочь решительно шагает по тротуару, скользкому от мокрых листьев. Ветер трепал полы ее пальто. Она свернула за угол, где на фонарном столбе еще трепетал предвыборный плакат. Мэддокс глубоко вздохнул, сунул руки в карманы куртки и пошел к машине.

Он открыл дверцу – и сразу в нос ударил запах собачьей мочи.

– Джек-О, ну что это за дела!

Старый джек-рассел, спавший на заднем сиденье, поднял голову и добрыми глазами уставился на хозяина. Шрам на месте ампутированной задней лапы был еще ярко-розовым после второй, недавней операции. Пес успел помочиться на газету, лежавшую на полу возле переднего сиденья. Мэддокс выругался, сел за руль и, несмотря на снег и холод, опустил стекла: у него не было времени искать, куда выбросить промокшую газету. Он выехал задним ходом, строго спрашивая:

– Не мог еще пару минут потерпеть, Джек-О?

Пес вздохнул, закрыл глаза и снова задремал на своем одеяле.

А Мэддокс поехал расследовать убийство.

Глава 8

Отдел по борьбе с сексуальными преступлениями занимал большую комнату, разделенную на четыре рабочие зоны хитро расставленными металлическими столами. Стеллажи, отмечавшие границы выгородок, были завалены разнообразными папками.

Энджи была одной из шестнадцати детективов отдела, работавших бригадами по четыре человека. Детективы, инструктор по спецподготовке, оператор «Викласа», психоаналитик и два помощника руководителя работали под началом сержанта полиции Мэтта Веддера, занимавшего кабинет с застекленными стенами – редкость при здешней планировке, где по обе стороны прохода начиналось общее рабочее пространство.

В зале никого не было, когда Энджи подошла к своему столу. Дандерн и Смит из их с Хольгерсеном четверки отсыпались после ночного дежурства. Энджи повесила куртку, стянула влажную шапку, бросила ее на стол и подошла к стеллажу, где, как ей помнилось, хранились материалы дел Фернихок и Риттер. Найдя нужную коробку, она с трудом донесла ее до стола и открыла.

– Паллорино!

Она подняла глаза. Веддер стоял в дверях своего кабинета с газетой в руке.

– Где Хольгерсен? – поинтересовался он.

– В туалете или курит, не знаю.

– А ну, зайди. – Веддер кивнул на кабинет. – Расскажешь, как чего.

Оставив коробку на столе, Энджи прошла к начальству. Веддер плотно прикрыл дверь и с размаху шваркнул на стол «Сити Сан».

– Не успела взяться за расследование, на часах и половины десятого нет, а ты уже на первой полосе?! Меня уже, как грелку, рвет Фиц, его, в свою очередь, Сингх, и так далее во всех инстанциях до самого шефа Гуннара. Ты говорила с «Сан»?

Взгляд Энджи был прикован к таблоиду на столе. Поперек страницы большими черными буквами беззвучно вопил заголовок: «Зверское изнасилование на кладбище Росс Бей! Молодая женщина в коме!»

Под заголовком была фотография медиков, грузивших каталку с неизвестной в машину «Скорой», и Энджи с Хольгерсеном на пороге больницы Сент-Джуд. В резком свете вспышки лицо Паллорино казалось

мертвенно-белым, а размазанная тушь и припухшие красные губы придавали ей вид наркоманки. Хольгерсен выглядел не лучше – вылитый героиновый торчок с ввалившимися щеками, обтянутыми скулами и безумным взглядом. Энджи схватила газету и пробежала глазами статью:

«Детективы, ведущие дело об изнасиловании, уже установили личность жертвы и сейчас связываются с ее родственниками. Пока не сообщается, является ли пострадавшая Аннелизой Йенсен, студенткой Университета Виктории и дочерью видного местного промышленника Стива Йенсена. Аннелиза таинственным образом исчезла из кампуса две недели назад, что лишней раз подчеркивает удручающую статистику преступлений, которой вновь избранный мэр Джек Киллион клятвенно пообещал заняться...»

– Что? – оторвавшись от статьи, Энджи уставилась на начальника. – Она и Киллиона приплела?!

– Другие городские газеты уже через час подхватят сенсацию и поднимут дикий хай. Кто рассказал этой репортерше, что произошло изнасилование?

– Возможно, у нее есть сканер. Она приезжала на кладбище и видела все своими глазами. Или поговорила с медиками «Скорой помощи» или врачами в больнице, не знаю.

Веддер тяжело вздохнул и провел пятерней по волосам, которые в последние полгода начали редеть.

– Так, ладно. Что у вас есть и что вам нужно? Кто пострадавшая?

– Мы еще не установили личность.

– Тогда что здесь пишет эта фитюлька? Ты ей говорила, что выяснили?

– Я не стала ничего отрицать. – Энджи бросила газету на стол.

Веддер выругался.

– Хорошенький способ известить ближайших родственников, Паллорино! Это же чья-то дочь, чья-то сестра...

– Можно подумать, я не знаю! – огрызнулась Энджи.

– И позволь сказать тебе кое-что еще. – Начальник мерно постукивал каменным пальцем по ее с Хольгерсеном фотографии. – Можешь смело спорить хоть на свою задницу, что Гуннар не обрадуется твоей физиономии на первой полосе. В чем в чем, а в этом я уверен. Ты становишься символом любого ляпа столичной полиции, особенно моего отдела...

Гнев неподконтрольно рванулся откуда-то изнутри и мгновенно охватил Энджи. Она стиснула зубы.

– Вот даже не смейте, Веддер. Я не виновата в том, что случилось с Хашем. Меня допустили к рабо...

– Ладно, ладно. – Веддер примирительно поднял ладони. – Ты права, извини. – Он снова выругался и пригладил волосы. Отвернувшись к окну, он постоял спиной к Энджи, глядя на мокрый снег, налипающий на стекла. Атмосфера сгущалась. Энджи стояла с тяжело бившимся сердцем и напряженной шеей.

– При всем уважении, сэр, – тихо начала она, стараясь сохранять спокойствие, – не я писала эту статейку. Эта дамочка поджидала нас у больницы и кинулась наперерез... По-моему, ничего особенного не случилось: основная часть информации в этой статье высосана из пальца, факты подтасованы, заявления голословны. Это же ясно.

Веддер медленно кивнул и обернулся, встретившись с ней взглядом.

– Извини, Энджи, – сказал он мягче. – Всем не хватает Хаша. Напряжение зашкаливает. Все ждут, что покатится голова Гуннара, а может, и моя. Сама-то как, держишься? С Хольгерсеном сработались?

– Пока еще рано говорить.

– Он хороший детектив. Давай срабатывайся.

Энджи выдохнула:

– Постараюсь.

– Так что у нас есть? Введи меня в курс дела.

– Изнасилование на кладбище, скорее всего, связано со старыми делами Риттер и Фернихок. – Она вкратце рассказала Веддеру подробности, подчеркнув сходство почерка преступника, но не успела закончить, как в дверь постучали.

– Войдите, – сказал Веддер.

Дверь распахнул один из патрульных.

– Мы нашли мать пострадавшей девушки, – выпалил он, еле сдерживая возбуждение. – Она уже в Сент-Джуд. Зовут Лорна Драммонд. Увидела газетные заголовки и в истерике бросилась в больницу – ее дочь не вернулась с ночной смены в пекарне.

М-да, неплохой способ известить близких о случившемся, Мерри Уинстон.

– Из какой пекарни? – спросила Энджи.

– «Синий барсук», у моста на Джонсон-стрит. Там сказали, что девочка не вышла на работу и не отвечала на звонки.

Энджи выскочила из кабинета, едва не сбив патрульного с ног.

– Хольгерсен! – заорала она над выгородками в зале, хватая куртку с крючка. – Где, черт побери, носит Хольгерсена? – громко спросила она, пропихивая руки в рукава и хватая свою сумку.

– На улице курит, – ответил мужской голос из дальнего угла.

Черт его побери! Энджи взглянула на часы и повернулась к патрульному:

– Увидишь его, скажи, чтобы ехал в Сент-Джуд, я буду там.

Она вышла, не дожидаясь напарника. Едва села за руль, зазвонил телефон. Она рывкнула в гарнитуру, сдавая задним ходом:

– Паллорино!

– Энджи?

Отец. Черт! Она совсем забыла – они же собирались упаковать и убрать оставшиеся вещи матери. Энджи должна была приехать час назад.

– Пап, я... я не смогу сегодня, правда не смогу. Мне только что поручили важное расследование...

– Все ясно, – вздохнул отец. – Я и не рассчитывал, что ты приедешь. Ты же вечно на бегу. Всегда от чего-то убегаешь, Энджи...

На этом он положил трубку.

Глаза предательски жгло, когда Энджи выехала на улицу.

Глава 9

Подъехав к полицейскому кордону, Мэддокс опустил стекло.

Патрульные машины с включенными мигалками цепочкой вытянулись по Уорф-стрит. Мокрый снег окутал все вокруг сплошной пеленой; копы в ярко-желтых прозрачных куртках отправляли машины в объезд, через центр. У кордонов собралась толпа зевак.

Мэддокс показал патрульному свой новенький полицейский значок, выданный в отделе кадров. Джек-О залаял, и патрульный, пригнувшись, заглянул в машину.

– Что, новый К-9 прибыл на службу, сэр?

– Скорее талисман. Простите за запах мочи.

Полицейский неуверенно улыбнулся, отступил и переставил барьер, открывая проезд.

– Сюда, сэр, вон тот участок перед поворотом на Джонсон-стрит, там, где оцеплено для следственной группы. Спуск на верфь дальше по набережной, за кирпичными строениями.

Полицейским на парковке Мэддокс снова показал значок, и его имя внесли в список побывавших на месте преступления. Оставив автомобиль рядом с фургоном судмедэкспертов, Мэддокс оглянулся на Джека-О:

– Веди себя хорошо. Я скоро приду и выпущу тебя погулять, а завтра у тебя уже будет собачья нянька.

Ответа с заднего сиденья не последовало.

Оставив окна чуть приоткрытыми, Мэддокс достал из бардачка бейсболку – зонт остался в «Синем барсуке» – и вышел из машины. Ветер сразу вознамерился сорвать с него пальто, а мокрый снег налипал на щеки и сразу таял. Мэддокс прошел мимо темного седана с наклейкой «Коронер при исполнении». На приборной панели лежала открытая коробка недоеденных «Тим Битс» – от пончиков остались только неровные края у пустой серединки. Завтрак чемпионов. Мэддокс вспомнил, что так и не поел. Вот вам и яйца «Бенедикт», и ланч с дочерью...

Он подошел к кирпичным домам – заброшенным, с заколоченными окнами, с поросшими мхом стенами, исписанными граффити, и крупными баннерами «Сдается в аренду». Вокруг каждого крыльца остались следы пребывания бездомных – осколки стекла, пустая водочная бутылка, пивные банки, окурки, картонка, обрывок грязной тряпки...

Мэддокс постоял минуту, глядя сверху на рябую от ветра воду залива. Два катера пожарно-спасательной службы – ярко-желтые с жестким черным корпусом – покачивались на волнах у дальнего конца L-образных мостков, далеко выдававшихся в воду. Полицейские во всепогодной экипировке и бейсболках перегнулись за планшир, что-то выуживая из воды баграми, а рядом человек следил за уходящим под воду тросом – видимо, напарник водолаза. В «кармане» между мостками и берегом скопились бревна, которые сплавляли по заливу в более спокойную погоду.

И над всем этим царил огромный синий мост Джонсон-стрит, похожий на железного левиафана, вынырнувшего из тумана. По мосту, гудя моторами и сигналив, пронеслись машины.

Мокрый снег превратился в какой-то студенистый дождь. Высокий худой мужчина и приземистая полная дама, оба в черных куртках с надписью «Коронер» и кепках, наблюдали с мостков. Рядом с ними присел на корточки крепенький человек, гревший руки в карманах куртки; густая белая шевелюра ореолом окружала квадратную голову. Наверное, детектив Харви Лео, подумал Мэддокс.

Трава на крутом, обрывистом берегу заскользила под ногами, когда он начал спускаться к воде. Взревев сиреной, под мостом прошла груженная металлоломом баржа, вспенивая воду и распуская за собой довольно энергичные волночки. Под их напором мостки заколыхались, а бревна в «кармане» начали перекатываться и стукаться друг о друга. Вода выплеснулась на берег.

– Ну, так-перетак! – рявкнул беловолосый, жестикулируя в направлении баржи. – Может кто-нибудь отправить патрульный катер на середину канала, чтобы придержать чертовы суда? Мы ее почти подцепили, а теперь она снова ушла на глубину!

Повернув голову, он впился взглядом в Мэддокса, пробиравшегося по мосткам. Дождавшись, когда он подойдет, беловолосый спросил:

– Значит, ты и есть новичок из лошадников?

– Из каких лошадников? – с притворным недоумением переспросил Мэддокс.

– Ну из конной полиции, у вас же на машинах такой синий логотип с лошадьё?

– Ясно. Я – сержант Джеймс Мэддокс. – Мэддокс протянул руку. – Вы, должно быть, Харви Лео?

Собеседник, оказавшийся постарше Мэддокса, секунду оценивающе смотрел на него прозрачными голубыми глазами, потом медленно принял рукопожатие.

– Единственный и неповторимый, – ответил он.

Рука Лео оказалась холодной и шершавой. Железное рукопожатие и такое же жесткое, угловатое лицо.

– Это Чарли Альфонс, городской коронер, – показал Лео на высокую тощую фигуру. – А это патологоанатом Барб О’Хейган. Мы ее специально вызвали на эту утопленницу.

У Альфонса была маленькая голова с большим носом. О’Хейган на вид было хорошо за шестьдесят, фигурой она напоминала бочонок, а из-под бейсболки торчали короткие, с сильной проседью волосы. Но Мэддоксу понравились сметливые карие глаза. Он пожал руку каждому из экспертов.

– Что у нас тут? – спросил он, повернувшись к спасательным катерам, которые медленно двинулись в обход мостков к «карману» у берега, где на волнах, поднятых баржей, качались бревна.

– Наша красавица всплыла с той стороны причала. Едва зацепили баграми, как прошел буксир, и тело затянуло на глубину. Пришлось вызывать водолаза. Теперь эта баржа вытолкнула ее аж сюда, к берегу. Вот сейчас затянет под бревна, а уже прилив начался, черт бы все побрал...

Это Мэддокс и сам видел по поднявшемуся волнению в канале.

– Вы уверены, что это женщина?

– Не совсем – тело плавает лицом вниз, но волосы длинные, черные, так что, скорее всего, женщина, – отозвался Лео, глядя, как напарник ныряльщика медленно травит трос в серо-стальную воду между сталкивающимися бревнами. – Черт, под сплавной лес нырять хуже, чем под лед... Обязательно нужен второй, чтобы страховал из катера, не то, чего доброго, водолаза раздавит бревнами...

– На дне тоже небось на метр всякой дряни, – поддержал Альфонс, у которого зазвонил телефон. – Извините. – Он ушел под мост, немного защищавший от мокрого снега, и после короткого разговора крикнул: – Барб! На Малахат серьезная авария из-за мокрой дороги, там, где участок в гору... Есть погибшие, мне срочно нужно туда. Одна здесь справишься?

– Справлюсь, поезжай, – ответила толстуха.

Мэддокс опустился на четвереньки и заглянул под пристань. Опоры, покрытые какой-то подозрительной слизью, были облеплены устрицами и мидиями. Раковины с острыми краями...

– А говорили, в канале чисто, хоть плавай, – сказала О’Хейган, наблюдая за ним.

– Ага, сейчас, – хмыкнул Лео. – Городские стоки как сливали в море без очистки, так и сливают. Кто поручится, что течение и прилив не гонят все это добро обратно к берегу, как нашу утопленницу?

Мэддокс поднялся на ноги и перешел к другому краю мостков. Сзади раскинулся город, слева тянулись яхтенные причалы и терминал для гидропланов, мост и каяк-клуб оказались справа. На противоположном берегу залива в густом тумане угадывались очертания жилых кварталов.

– Значит, ты не только без очереди пролез в убойный, но, как я слышал, и это расследование Базьяк хочет именно тебе поручить? – сказал Лео, подходя и становясь рядом.

– Вот не знал, что к вам очередь, – парировал Мэддокс, оглядывая одностворчатый мост и задерживая взгляд на массивном противовесе.

– Минимум шесть парней в управлении из кожи вон лезут, чтобы попасть в убойный, причем все местные, знающие город как свои пять волосатых пальцев. Плюс девка-детектив из сексуальных преступлений долбится в нашу дверь целую вечность.

Мало же они знают...

Для Мэддокса это отнюдь не прорыв в карьере и даже не перевод на аналогичную должность. По всей логике, ему полагалось повышение – руководил бы сейчас, сидя за столом: на материке он был таким же Базьяком, но Мэддокс перевелся, чтобы быть поближе к Джинни и передохнуть от романчика своей жены и начатого бракоразводного процесса. Его инстинктивно тянуло с головой уйти в тяжелую, физически и морально, работу. Может, это защитная реакция или даже склонность к саморазрушению, но иначе Мэддокс не мог.

В разговор вмешалась Барб О'Хейган:

– А так, можно подумать, у нее был шанс, при засилье-то ваших дуболомов, которые только и умеют просиживать зады в кабинетах, точить карандаши, страдать фигней и опиваться дешевым кофе!

Лео фыркнул и повернул голову к дебелой патологоанатомше:

– Смотрите, кто заговорил – старая гримза из морга! На пенсию-то не пора, а, Барб?

– А кто будет раскрывать для вас преступления, детектив? Попади Паллорино в убойный, она живо дала бы вам прочухаться!

– Да сейчас! Эта девка – индивидуалистка, мизантропка и мужененавистница, поэтому вы с ней и нашли общий язык!

– Ого, какие умные слова, Лео! В словаре вычитал?

Слушая пикировку, Мэддокс невольно подумал, что здесь не соскучишься. Вот только в хорошем смысле или в плохом... Он пошел к мосту, глядя вверх. На западном берегу высота метров девять, а с учетом огромного бетонного противовеса – больше двадцати.

– Кто сообщил о теле в воде?

– Бездомный, который живет под мостом, – отозвался Лео. – Увидел труп, осерчал и побежал ругаться с мостовым оператором вон в ту будку... По каналу, если надо, пропускают большие суда, мост разводят и пропускают... Короче, мы сняли показания и с оператора, и с бездомного психа, он сейчас у нас в «бобике» сидит.

– Как считаешь, самоубийца?

– Ни хрена подобного. Обмотана пленкой, как колбаса в оболочке, – погоди, скоро сам увидишь.

С полицейского катера раздался оглушительный свист:

– Эй! Зацепил! Тащит!

На берегу все обернулись в ту сторону: катер с ныряльщиками осторожно лавировал между бревнами, и напарник водолаза сосредоточенно вел трос. Над водой висел мягкий влажный туман – с неба валил снег пополам с дождем. В эту минуту под мостом, пыхтя, прошло новое судно, отчего под пристанью снова все заплескалось и забулькало. Бревна начали перекатываться, гулко сталкиваясь.

– Да что за дебилы! – заорал Лео. – Чем там занята береговая полиция, на хрен? Не в состоянии корабли придержать? Они ж нам водолаза угробят, так-перетак!

Бревна немного разошлись, и из гладкой, ртутно переливающейся серой воды появилась голова водолаза в эластичном капюшоне с блестящими круглыми очулярами. Рядом с ним показался большой сверток пленки, который ныряльщик повел к мосткам. Мэддокс, О'Хейган и Лео молча стояли у края. Утопленница лежала в воде лицом вниз, покачиваясь на волнах, и длинные волосы с запутавшимися водорослями извивались вокруг головы, как щупальца. Когда водолаз подвел тело ближе, все увидели две параллельные глубокие борозды на затылке жертвы, будто череп раскроили топором. Ниже шеи утопленница была завернута в плотную полиэтиленовую пленку вроде тепличной, мутную от воды и перемотанную сверху веревкой. От шеи тянулся оборванный конец – в воде было видно, что он очень длинный, несколько метров.

– Да, вы правы – упаковали, как колбасу, – тихо сказал Мэддокс, со щелчком надевая латексные перчатки. Он присел на корточки на краю мостков, когда водолаз подтащил тело. О'Хейган, тоже надевая перчатки, присела на корточки рядом. Лео стоял чуть в стороне и наблюдал, глубоко сунув руки в карманы. По спине Мэддокса невольно пробежал мороз, когда он взгляделся в утопленницу.

Под пленкой женщина была обнаженной, кожа иссиня-белая, как рыбье брюхо или личинка. Или как пришелец.

– Нам нужен фотограф, – сказал Мэддокс, и Лео оглушительным криком позвал фотографа. Тот, укрывшийся от непогоды под мостом, побежал по мосткам, поскользнулся, но удержался на ногах.

– Салага чертов, – буркнул Лео, не вынимая рук из карманов. Фотограф начал снимать тело в воде. К ним уже шли двое ребят из офиса коронера, неся складные металлические носилки и черный пластиковый мешок.

– Сделайте крупным планом ее затылок, – попросил Мэддокс фотографа, указывая на чистые, без следов крови разрезы.

Вновь замелькала вспышка. В сгущающемся тумане ревела сирена.

– Она могла попасть под винт катера, – сказала О’Хейган, наклоняясь, чтобы получше разглядеть. – Это встречается у утопленников не так редко, особенно если ее затянуло под катер сбоку – и к задним винтам. Катер попался довольно компактный, иначе ее порубило бы на куски. Лопасты буксиров, например, оставляют раны подлиннее. – Фотограф уже щелкал крупным планом веревку на шее жертвы и на полиэтиленовой пленке. – Или она не выпадала за борт, а всплыла со дна в результате образования газов в теле, и тогда ей досталось от винта проходившего катера. Большинство утопленников всплывает спиной вверх, как эта, поэтому повреждения почти всегда остаются на затылке, плечах, шее, ягодицах... Ладно, давайте вытаскивать.

– Нам нужны еще люди, – сказал Мэддокс. Санитары раскрыли мешок для трупов, помогли перевалить тяжелое тело через край пристани и осторожно уложили покойницу в мешок – вокруг нее сразу натекла вода. Веревка на шее оказалась длиной метра три, конец был размочаленный и почерневший, наверное, от машинного масла.

Фотограф сделал несколько фотографий, и утопленницу перевернули.

Лео, выругавшись, отпрянул.

На них глянул почти обнажившийся череп с остатками плоти. Мутные глазные яблоки выпадали из орбит – мягкие ткани вокруг были съедены. Вместо носа и щек – дыры, и в отсутствие губ ничто не прикрывало страшный оскал.

– Так-распротак, ненавижу утопленников, – прошептал Лео.

– Антропофаги, – тихо сказала О’Хейган, по-прежнему сидя на корточках и вглядываясь в мертвое лицо. – Поедание человеческого тела разнообразными многоклеточными организмами – рыбами, земноводными, ракообразными, млекопитающими, беспозвоночными – естественный феномен, но ныряльщик без опыта рискует заработать нешуточный шок, столкнувшись с чем-то подобным.

Изо рта покойницы выползло что-то маленькое и скользкое.

– Блин, – простонал Лео.

– Насколько быстро наступают такие изменения? – спросил Мэддокс. – Вы можете предположить, сколько она пробыла в воде?

– Это зависит от ряда факторов – где она попала в воду, откуда ее принесло течением, какой температуры была вода, какие морские обитатели за нее принялись. Морские вши, например, отличаются редкостной ненасытностью: проникают внутрь через естественные отверстия – анус, рот, уши, ноздри или открытые раны, как у нее на затылке, или объедают мягкие ткани вокруг глазных яблок – веки, губы, уши, носовые хрящи. Попав в тело, они не остановятся, пока не сожрут все – или пока их не потревожат. Креветки могли сделать такое часов за шестнадцать – за неделю они способны обглодать человека почти до скелета. Точнее смогу сказать после вскрытия. Любые детали будут очень кстати, детектив.

Глядя на изуродованное лицо, невозможно было сказать, мужчина это или женщина, но через мутный пластик Мэддокс разглядел округлость обнаженной груди, темный сосок. Он стер рукавом дождевую влагу со лба.

– Кажется, под пленкой повреждения не такие сильные, – заметил он.

– Одежда немного спасает положение, по крайней мере, первые сутки, – отозвалась О'Хейган. – Здесь торс был защищен полиэтиленом, плотно завязанным вокруг шеи. По моим предположениям, она не так уж долго пробыла в воде.

– Зачем так тщательно заворачивать тело, оставляя голову открытой? – Этот вопрос Мэддокс задал скорее себе, трогая пленку кончиками пальцев в перчатке и стараясь разглядеть что-нибудь под пластиком.

О'Хейган посветила фонариком в открытый рот черепа.

– Ого, сколько косметики! Почти на всех зубах виниры, да и протезы есть... Трупного окоченения нет. Мне нужно срезать кусок пленки или проделать в ней дырку, чтобы измерить температуру.

– Пленка, веревки и все, что внутри, – это улики с места происшествия. Я предпочитаю ничего не трогать, пока не приедем в морг, – сказал Мэддокс.

О'Хейган сжала губы, соображая, как поступить. Лео сверлил их взглядом и молчал. Между тем дождь лупил нещадно.

– Можно еще раз крупным планом снять веревку на шее? – Мэддокс показал фотографу, где именно. – Похоже, она намоталась на винт, и какой-то катер неволью доставил тело в гавань. Веревка перетерлась и порвалась, но в дело вступили течение и прилив, и...

– В этом случае потерпевшая могла попасть в воду где угодно, –

вставил Лео. – Если она всплыла, а потом прицепилась к катеру...

– Ладно, – постановила О'Хейган, закрывая сумку. – Все равно со временем смерти возни не оберешься, раз мы ни черта не знаем...

– Тогда давайте грузить, – сказал Мэддокс, поднимаясь на ноги. Санитары застегнули молнию поверх кокона из пленки и оскаленного черепа, подняли тело на складные носилки и направились к стоявшей на берегу каталке.

– Ну до встречи в морге по окончании вскрытия, – сказала О'Хейган, с усилием поднимаясь на ноги. Она пошла за санитарями, неся свою сумку.

Лео смотрел им вслед, не вынимая рук из карманов.

– Ну что, босс, как первый день на новой должности?

Мэддокс поглядел с высоты своего роста прямо в холодные голубые глазки Лео, и у него возникло ощущение, что, если дело окажется очередным висяком, всю ответственность попытаются свалить на него. Причем без колебаний, учитывая позицию нового мэра. Может, поэтому Базьяк и назначил его, новичка, на это расследование – чтобы в случае чего сделать стрелочником?

– Сними показания с водолазов, Лео, особенно с того, кто погружался, – невозмутимо сказал Мэддокс. – Запиши все, что он видел под водой. Личное мнение тоже полезно, но оно должно идти в приложении и с соответствующей пометкой. – Мэддокс со щелчком стянул перчатки. Боль в запястьях живо напомнила ему о ссадинах после секс-эскапады в ночном клубе «Лис» с таинственной рыжей Энджи, которая пристегнула его к кровати и отымела. Он не мог выбросить ее из головы с той минуты, как сегодня утром, перед встречей с Джинни, позвонил по оставленному номеру и не дождался ответа. Он оставил сообщение и, пожалуй, сглупил. Мэддокс и сам не понимал, зачем его понесло в тот клуб. Впрочем, даже психотерапевт советовал ему не киснуть... Ну теперь уже не важно. Лео попал в точку – на какое-то время с днями и ночами на новом месте все понятно... Прогнав воспоминание о рыжей незнакомке, Мэддокс быстро пошел к берегу.

– Ох, не терплю я утопленников, – бурчал Лео, топая сзади по мокрым мосткам. – Однажды мы вызывали родственников на опознание одного такого, которого люто полюбили морские вши, так они поползли у него из глазниц на столе в морге! Ох, блин, что было... Учти, нужно тщательно выгрести эту погань из всех отверстий, прежде чем приводить родню – мамаша покойника грохнулась в обморок где стояла, башкой о кафель. Господи, как я ненавижу утопленников!

卅

Глава 10

Через стеклянную перегородку палаты интенсивной терапии Энджи некоторое время наблюдала за женщиной, державшей за руку свою дочь. Сгорбленная спина, темные волнистые волосы наспех собраны в хвост.

Энджи вспомнилась Мириам и бесчисленные трудности, с которыми сталкивается каждая мать в своем желании защитить дочь от всякого зла. Мириам всю свою жизнь положила на заботу об Энджи. Теперь Энджи предстоит заботиться о маме. Энджи вновь ощутила странную пустоту, подумав о промелькнувших годах, которых не вернуть. Отчего-то на память пришла кладбищенская статуя Девы Марии, непорочной мадонны, не осквернившей себя сексом, но все равно родившей ребенка: какой фарс... Энджи злили двойственные стереотипы, навязываемые женщине обществом, мнение, что совокупление, акт продолжения рода, сексуальное наслаждение являются чем-то нечистым, сродни содержимому сточной канавы: «грязная» девчонка, «грязные» книжки... Перед глазами мелькнула красная вспышка, голова стала тяжелой. Энджи ощутила вкус крови во рту, липкие струйки на лице. Губу пронзила острая боль, и вдруг в палате рядом с горюющей матерью появилась девочка в розовом платье. У Энджи бешено забилося сердце. Девочка медленно повернула голову и уставилась прямо на нее, но лица у нее не было, только матово светящееся пятно, обрамленное длинными темно-рыжими волосами. Девочка протянула ручонку к Энджи, и та услышала шепот, от которого по коже пробежал мороз:

– Пойдем в рощу поиграть... Пойдем, пойдем играть...

Видение исчезло. Похолодевшая от ужаса Энджи с трудом сосредоточилась, толкнула дверь и шагнула в палату. Ее вновь встретило мерное шипение и писк приборов.

– Доченька, ты меня слышишь? – повторяла женщина. – Пожалуйста, сожми мою руку, если слышишь, Грейси, пожалуйста!

Подойдя сбоку, Энджи кашлянула:

– Миссис Драммонд, я – детектив Паллорино из столичной полиции.

Женщина подняла голову – бледное лицо с остановившимися от шока и горя глазами. Энджи много раз видела этот взгляд. Ужас, недоверие, отчаяние и бессилие, когда чудовищное злодеяние разделяет твою жизнь на до и после, и простой обыватель, ведущий ничем не примечательную

жизнь, вынужден общаться с полицейскими, врачами, коронерами, экспертами, отвечать на вопросы, сносить назойливое внимание журналистов и делать многое другое, о чем он вчера и помыслить не мог.

– Я не знала, что она не появилась на работе, пока не увидела утренние новости. Я побежала в ее комнату, чтобы убедиться, что Грейси там... Как же получилось, что я не знала-то?

Энджи охватило сочувствие, фоном которому служило неистовое желание найти этого насильника, однажды уже ускользнувшего от них с Хашем. Если бы они задержали его три или четыре года назад, эта женщина и ее дочь не оказались бы здесь.

– Я вам очень сочувствую, – сказала Энджи.

– Врач мне уже сказала, что этот изверг... сделал с моим ребенком... – Голос женщины прерывался, глаза были мокрыми.

– Медсестры сказали, что вашу дочь зовут Грейс?

Дрожащая рука женщины взлетела, прижавшись ко рту:

– Грейси... Мы зовем ее Грейси. – По щекам потекли слезы. – Грейси Мэри Драммонд. Ей шестнадцать, а будет... – Тело женщины сотрясали рыдания.

– Держитесь. – Энджи нерешительно положила руку женщине на плечо, но несчастная мать овладела собой:

– А двадцать девятого декабря будет семнадцать. Когда она начала работать в «Барсуке», мне пришлось подписывать согласие, что я не против. Грейси... ей хотелось карманных денег, мы ведь едва сводим концы с концами. Не надо мне было отпускать ее одну, вечером, на автобусе, но ведь в городе безопасно, а остановка прямо у нашего дома, автобус уходит в шесть часов... Не так поздно, а до пяти утра она в пекарне, потом сразу на обратный автобус и домой... Каждая мать хочет, чтобы ее дочка была одета как куколка, понимаете? Я не могла купить ей нарядов, сами видите, в чем хожу... Я радовалась, думала, все нормально. И все было нормально целый год с лишним... – Она с силой зажала рот, будто из последних сил сдерживая истерику.

– Принести вам кофе, миссис Драммонд? – спросила Энджи. – Или воды?

Лорна Драммонд покачала головой.

– Мне нужно задать вам несколько вопросов. В коридоре есть стулья, лучше, наверное, там поговорить?

– Я не хочу уходить от Грейси. Она столько времени лежит здесь одна...

– Это буквально напротив двери.

Женщина поднялась и на негнущихся ногах вышла из палаты. Энджи подвела ее к стульям под окном, помогла сесть и присела сама, достав блокнот.

– Когда вы в последний раз видели Грейси, миссис Драммонд?

Лорна Драммонд отвела с лица спутанные пряди.

– В пятницу утром, перед тем как уйти на работу. Я работаю сутками в доме престарелых. В пятницу в четыре начинаю, в субботу в четыре заканчиваю. – Она прикусила губу. – Так что Грейси я обычно вижу в субботу вечером, перед тем, как она уезжает на работу в «Синий барсук», но накануне у меня было свидание... мы только начали встречаться... поэтому я вернулась домой ранним утром в воскресенье и сразу пошла спать. Проснулась позже обычного и... услышала в новостях... Я пошла в комнату Грейси, а ее нет! И постель не разобрана! Я... Вы скажете, что я плохая мать, нечего было ходить на свидание, но у меня в кои-то веки начало что-то налаживаться... – Она выхватила из кармана бумажный платок и сильно высморкалась. Нос красный, опухший, глаза заплаканные. – Сначала кажется, у тебя впереди все время мира, а потом бываешь рада хоть...

Она не договорила, всем телом трясась в рыданиях.

– Я знаю, – сказала Энджи. Она подождала, пока Лорна Драммонд снова сможет говорить. – Значит, Грейси каждую субботу работала в «Синем барсуке»?

– Да, в пекарне, в ночную смену.

– А вы не знаете, кто еще регулярно ездил этим же автобусом? Может, кто-нибудь видел, как Грейси села в автобус и доехала ли она до пекарни?

– Ох, я не знаю. Но там вроде один и тот же водитель. Грейси о нем говорила. Кажется, Гарри.

– Почему она говорила про этого Гарри?

– Он всегда здоровался с ней.

– В какую школу она ходит?

– В Дюнэйгл.

– Грейси не говорила, что за ней, допустим, следили в последнее время или приставали на улице?

– Да нет, вроде нет... Ох, нельзя было отпускать ее работать в ночную смену! Зачем я разрешила! Она пошла работать в шестнадцать лет, потому что мы жили только на мой заработок...

– А где ее отец?

– Мы в разводе, у него новая семья. Он переехал куда-то на север, точно не знаю. Я сто лет не видела от него чеков на алименты.

– Вы давно развелись?

– Грейс тогда было девять лет.

– Она еще где-нибудь работает?

– Нет, только один день в неделю в «Барсуке».

– А отец не мог помогать ей деньгами?

Лорна подняла голову. Глаза стали круглыми от удивления:

– Нет. А почему вы спрашиваете?

Энджи пристально смотрела на нее.

– Вчера на вашей дочери были очень дорогие дизайнерские сапоги.

– Должно быть, Грейси сама купила. Я же объясняю, она ж для этого и работать пошла – чтобы наряжаться!

– Вы знаете, сколько стоят сапоги «Франческо Милано»?

– Нет, а сколько?

– Больше тысячи долларов.

Лорна Драммонд побелела. Взгляд растерянно заметался.

– Может, уцененные взяла? Она много чего в секонд-хенде берет. Или одолжила у кого? Господи, я и внимания не обратила...

– А кто ваш новый знакомый, к которому вы ходили на свидание?

– Но вы же не думаете...

– Мне для протокола.

– Курт Шеперд. Мы познакомились четыре месяца назад – у него умерла мать в доме престарелых, где я работаю. Живет в Эскимолте, работает механиком в «Барни», очень хороший, порядочный человек.

– Нам придется приехать к вам домой и взглянуть на комнату Грейси. Вы не против?

– Нет, нет, конечно.

– У Грейси есть мобильный телефон?

– Айфон у нее. Я звонила не переставая, как только увидела новости, но сразу включался автоответчик.

– Можно ее номер и провайдера?

– М-м-м... кажется, у нее «Клиавейв». – Лорна продиктовала Энджи телефон дочери. Записывая цифры, Энджи боковым зрением заметила какое-то движение в палате Грейси. Там вдруг забежали медсестры, а по громкой связи послышался спокойный голос:

– Синий код, двенадцатая палата. Синий код, двенадцатая палата.

У Энджи упало сердце. Лорна Драммонд резко обернулась:

– Что это? Это что значит?

Двойные двери в конце коридора распахнулись – по коридору бежали медсестры и кардиологи в зеленых костюмах. Впереди спешила доктор

Финлейсон.

Лорна Драммонд вскочила:

– Господи, это же палата Грейси! Они к ней!

Она бросилась к врачам.

– Миссис Драммонд! – Энджи кинулась за ней. – Лорна, подождите! Стойте! – Она поймала Лорну за локоть у самых дверей, не пуская дальше. Было видно, как одна медсестра ритмично нажимает на грудную клетку девушки, а другая готовит электроды дефибриллятора.

– Всем отойти, – скомандовала вторая. Электроды приложили к груди Грейси. Тело судорожно дернулось, но линия на мониторе оставалась ровной, а писк монотонным. Новый разряд. И еще. Ничего.

Лорна вырвалась от Энджи и вбежала в палату:

– Господи, Грейси!

Ее перехватила медсестра.

– Пожалуйста, – рыдала Лорна Драммонд. – Скажите мне, что происходит!

Медсестра обняла ее за плечи и вывела в коридор.

– Ждите здесь, миссис Драммонд. Вы сейчас будете только мешать.

– Пойдемте, миссис Драммонд, – мягко сказала Энджи, пытаясь увести женщину от палаты.

Но мать снова вырвалась, прижав ладони к стеклу:

– Грейси! Грейси! Пожалуйста, не умирай! Только не сейчас!

Доктор Финлейсон взглянула на медсестру, державшую электроды. Та покачала головой. Доктор Финлейсон еще раз проверила пациентку, взглянула на часы и что-то сказала. Энджи похолодела: врач называла время смерти.

Странный, тонкий, нечеловеческий вой вырвался из горла Лорны Драммонд. Она развернулась и с кулаками набросилась на Энджи, попадая по груди, лицу и рукам:

– Это ты, ты виновата! Ты увела меня от постели ребенка! Из-за тебя моя доченька умерла в одиночестве!

Энджи молча стояла под этим жалким натиском. Она не отступила и даже не перехватила рук Лорны Драммонд, не попыталась остановить обезумевшую женщину. Это ей за пренебрежение к собственной матери. За все плохое, что она совершила в жизни.

Наконец обессиленная Лорна Драммонд соскользнула на пол, проехавшись по Энджи до самых ее байкерских ботинок, и неудержимо зарыдала. Две медсестры уже бежали на помощь.

Энджи, справившись с комком в горле, отступила, мысленно

поблагодарив медиков за вмешательство. Глубоко, с усилием, дыша, она по длинному коридору вышла из отделения интенсивной терапии и уже из холла, с пересохшим ртом, позвонила Веддеру.

– Она только что скончалась, – сказала она в трубку, услышав «алло». – Ее звали Грейси Мэри Драммонд, шестнадцать лет, через несколько дней должно было исполниться семнадцать. Заканчивала школу Дюнэйгл.

Говоря это, Энджи заметила взбешенного Хольгерсена, направлявшегося к ней.

– Это что за отношение такое, Паллорино? – начал он на повышенных тонах, наставив палец чуть не в лицо Энджи. – Еще раз так сделаешь, и...

– Она умерла.

Хольгерсен замолчал и медленно опустил руку.

– Все-таки утонула, хоть и на больничной койке. – Энджи в упор смотрела на Хольгерсена. – Иногда дела не ждут, пока ты отолеешь или перекуришь.

Глава 11

В четверть двенадцатого в редакции «Сити Сан», в отделе новостей, у Мерри Уинстон зазвонил телефон. Абонент не определился.

– Мерри слушает, – ответила она.

– Личность установили, но потерпевшая скончалась. – Голос был искаженный и металлический, как у робота. Не мужской и не женский.

Сердце Уинстон забилося с перебоями. Она незаметно огляделась, проверяя, не слышал ли кто. В воскресное утро кто-то из сотрудников был дома, другие ушли пить кофе или выехали делать репортаж. Мерри вообще не брала выходных. Ей нужно было кое-что доказать, и она жила работой. Мокрая от дождя и снега куртка сохла на стуле у пустого соседнего стола: Мерри промокла как мышь возле верфи: не получилось прорваться за полицейские кордоны. Копы молчали, как немые, однако в толпе нашлись свидетели, видевшие, как в канале под мостом Джонсон-стрит плавало тело. Уинстон приехала в редакцию, чтобы сделать пару звонков в надежде что-нибудь разузнать.

– Вы о неизвестной в больнице Сент-Джуд? – уточнила она, незаметно включая запись.

Молчание.

В голове от прилива адреналина сразу прояснилось: не в первый раз ее таинственный информатор делился секретными сведениями. Он (Мерри отчего-то казалось, что звонит мужчина, хотя маскировка была весьма профессиональной) и раньше подбрасывал наводки, которые могли исходить лишь от хорошо осведомленного работника полиции.

– И кто же она?

– Грейси Мэри Драммонд, шестнадцать лет, ученица Дюнэйгл.

Мерри торопливо записывала информацию.

– Что еще можете сказать? Причина смерти?

– Утопление.

– Как, в больнице?!

– Еще ее изуродовали в области гениталий и вырезали на лице распятие.

В животе Мерри будто ухнул тяжелый камень. На секунду она потеряла дар речи, но, кашлянув, тихо попросила:

– Можете повторить?

– На лбу вырезали распятие и провели обрезание острым лезвием. Еще у нее срезан клоч волос.

– Откуда вам известны такие подробности?

Линия опустела.

– Подождите! Вот сволочь...

Мерри покосилась в сторону стола редактора воскресного номера: ну разумеется, его тоже нет на месте! Да что ж за... Она забегала по кабинету, присела, но тут же вскочила снова. Ее била нервная дрожь. Ничего себе... Информацию нужно проверять.

В каком смысле – утонула? Прямо на больничной койке, что ли?

При чем тут обрезание?

Прядь волос.

Распятие на лбу...

«Может, он меня дурачит? Откуда он знает?»

Голос из прошлого змеей вполз в уши, выбравшись из-за намертво запечатанной дверцы в самом глубоком подвале памяти:

– «Отрекаешься ли ты от Сатаны, отца и князя всякого греха, и от всех дел его и искушений его? Отрекаешься ли ты от соблазнов несправедливой жизни, чтобы грех не господствовал над тобой?»

Мгновенно вспотев, Мерри набрала пресс-службу городской полиции. Включился автоответчик. Оставив сообщение, Мерри позвонила в больницу. Как она и ожидала, там информацией не поделились. Она вбила в поисковике «Грейси Мэри Драммонд» и нашла страницу в «Фейсбуке», но аккаунт оказался закрытым, и Мерри не смогла увидеть, кто у Грейси в друзьях, или прочесть посты. Были еще упоминания о Грейси Мэри Драммонд в связи с выступлениями школьного хора, а больше ничего.

Мерри снова позвонила в пресс-службу – опять автоответчик. Она оставила новое сообщение.

Она ждала, меряя шагами кабинет.

Никто не перезванивал. Громко тикали часы.

Неужели он вернулся? Разве такое может быть? Она возьмется за этот сюжет – ей нужно докопаться до истины. Строго говоря, она не имела права включать в статью непроверенные сведения из анонимного источника, но странный голос ее еще не подводил. Какую цель преследовал звонивший, Мерри предполагать не бралась, но его информация всегда была абсолютно верной.

В ней росло отчаяние, после которого всегда возникало острое желание «поправиться». Мерри уже и забыла это будоражащее томление, но сейчас оно лишь усиливало бушевавший в ней смерч. После слов о распятии на

лбу голова у Мерри была словно в огне. Прядь волос... Она опустилась на стул, закусив губу.

Мелко трясая ногой от нетерпения, она открыла страницу в «Твиттере», где обычно анонсировала свой блог криминальной хроники – «Файлы Уинстон». В частном блоге она язвила, провоцировала и поднимала вопросы, которых не могла коснуться в рамках «Сити Сан». Мерри надеялась начать выкладывать подкасты и снять настоящий криминальный сериал вроде знаменитой «Серии». В своем блоге Мерри, по газетным стандартам, ходила по краю, но покамест дерзкая духом «Сан» смотрела на это сквозь пальцы: каждый выпуск блога Уинстон становился сенсацией, это привлекало читателей, а на повестке дня хиреющего таблоида первым пунктом значилось не закрыться окончательно и укрепить свои позиции, становясь все желтее и скандальнее. За страницей Уинстон в «Твиттере» и ее блогем уже пристально следили уважаемые новостные каналы радио и телевидения, и она, черт побери, станет независимой звездой уголовной хроники, пробившись исключительно за счет своего таланта! Мерри Уинстон нужно показать, как далеко она ушла от детского приюта и бродяжничества – ведь когда-то ей приходилось торговать своим телом ради дозы метамfetамина.

«Ты отвергаешь Сатану, отца и князя всякого греха?»

После изнасилования она, что называется, взялась за ум – зверское нападение стало для нее последним звончком. Пастор Маркус из Харборхауса помог ей выбраться на прямую дорогу и вытаскивал всякий раз, когда Мерри случалось сорваться. Пропавшие дети, изнасилованные женщины, наркоманы, проститутки – да, ей было что рассказать и доказать. Теперь она торговала чужими несчастьями вместо своих, поднося неаппетитные подробности под самый нос так называемой толпе. Это стало ее ответным «сам пошел!» миру. Чем сенсационнее и сальнее сюжеты, тем проще Мерри оплачивать счета.

И все же сейчас она колебалась.

«Отвергаешь ли ты Сатану, отца греха и князя тьмы? Отвечай! Говори: «Отвергаю!»»

Проглотив комок в горле, она стиснула зубы и начала быстро печатать твит.

– «#ДевушкаНаКладбище. Ученица средней школы Дюнэйгл Грейси Мэри Драммонд, 16 лет, изнасилованная на кладбище, скончалась».

Мерри остановилась. От пота шипало верхнюю губу. Она допечатала:

– «Она подверглась обрезанию. На лице вырезано распятие. Похищена прядь волос».

Она зажмурилась, стараясь прогнать отрывочные воспоминания, раскаленными каплями прожигавшие ее несчастный мозг. Она помнила глаза насильника – видела в прорезях лыжной маски – и слова, которые он говорил, приставив нож к ее шее и заставив опуститься на четвереньки. С нарисованным красным распятием на лбу Мерри очнулась в овраге среди сорняков. У нее шла кровь и страшно болело внизу и сзади. Трусов она не нашла, а в волосах надо лбом топорщилась короткая щетина на месте срезанной пряди.

Ярость и страх взорвались в ней гранатой. Мерри Уинстон открыла глаза, прерывисто вздохнула и ударила пальцем по клавише «Ввод».

Твит отправлен.

Мерри начала печатать пост для своего блога.

Глава 12

Новый плоский телевизор на стене в кабинете Зака Рэддисона был настроен на местный канал круглосуточных новостей. Кабинет Зака был смежным с кабинетом мэра, и одним глазом Зак смотрел новости, не забывая руководить грузчиками, которые специальной воскресной доставкой привезли для мэра новый стол.

Утренняя «Сити Сан» вышла с шокирующей статьей на первой полосе о зверском нападении на неизвестную на кладбище Росс Бей, и репортерша, эта задиристая шавка Мерри Уинстон, приплела к делу и нового мэра, упомянув Киллиона и статистику уголовных преступлений, а также пропавшую студентку местного университета Аннелизу Йенсен. Это, конечно, таблоидная чушь, в лучшем случае – погоня за сенсациями и нагнетание страха, но Зак по личному опыту знал, насколько мощным инструментом может оказаться сеющая панику шумиха. Он использовал Мерри Уинстон в ходе избирательной кампании, втихую скармливая ей информацию, подрывавшую репутацию кандидата-соперника.

Но фонтан по имени Мерри не затыкался, хотя Киллион практически сел в кресло мэра, а это уже проблема.

В довершение всего ранним утром из-за полицейского ЧП (из канала выловили тело женщины) в городе едва не случился транспортный коллапс. Утопленница не давала Заку покоя – он уговаривал себя, что это не может быть *она*, однако следил за развитием событий, с трудом сохраняя самообладание.

– Вон туда, ближе к окну, – велел он грузчикам, тащившим стол.

Всего через два дня вновь избранный мэр Джек Киллион будет приведен к присяге как глава законодательной власти в городе. Зак как руководитель его успешной избирательной кампании уже стал правой рукой и «особым советником» нового мэра с задачей всячески развивать и укреплять бренд «Киллион». Эта должность подходила Заку как нельзя лучше и обещала со временем дорасти до чего-то большего.

Его отца, Джима Рэддисона из «Рэддисон индастрис», называли «делателем королей», и Зак был достойным сыном своего «делателя». Сейчас Зак праздновал свою первую большую победу – избрание Киллиона. С самого начала избирательной кампании Зак был, что называется, на переднем крае и занимался этим с удовольствием. В

двадцать восемь лет он помог человеку сесть в такое кресло!

Он и сам станет «делателем королей».

– Нет, нет, сдвиньте левее, к свету, – велел Зак. Грузчики с натугой передвинули стол влево.

Отставным мэром была женщина, Патти Маркхэм, и это проявилось в оформлении кабинета. Зак это поправит – Киллион должен выглядеть воплощением мужественности. Этаким локомотив, деловой лидер и новатор, который не привык выбирать выражения.

Кабинет уже перекрасили, и на стенах были развешаны новые фотографии – глянцевые, черно-белые: от шедевров викторианской архитектуры начала девятнадцатого века до строящихся зданий, в том числе крупного жилого массива на берегу, которым занимался Рэй Нортон-Уэллс. Работы известного фотографа мастерски отражали прошлое и будущее, красноречиво говорили о власти, контроле, экономическом росте, новых рабочих местах. Это и жесткая позиция по отношению к преступности помогли пропихнуть Киллиона на этот пост. Теперь у них четыре года на то, чтобы зарекомендовать себя и улучшить показатели к очередным выборам, потому что Киллион метит выше. Он намерен баллотироваться в лейтенант-губернаторы провинции, а там и в премьер-министры, и Зак планировал пройти с ним весь путь к заветной цели.

Внизу экрана вдруг появилась крупная надпись «Срочная новость». Камера переключилась на дикторшу в студии. Зак на мгновение окаменел, уставившись в телевизор.

– Предупреждаем, следующий сюжет весьма натуралистичен и может шокировать наиболее впечатлительных зрителей, – сказала диктор. – Только что в больнице скончалась юная жертва вчерашнего зверского изнасилования на кладбище Росс Бей. Удалось выяснить, что это шестнадцатилетняя Грейси Мэри Драммонд, жительница Фэрфилда и ученица средней школы Дюнэйгл...

Что?!

С забившимся сердцем Зак схватил пульт и прибавил звук. Ох, вот это плохо, из рук вон плохо... Он едва заметил, как ушли грузчики.

– Причина смерти Драммонд, по словам ее матери, как ни странно, утопление. С Лорной Драммонд сегодня утром связывались репортеры Ви-эн-эн, после того как в «Твиттер» просочилась шокирующая информация от одного репортера криминальной хроники. Полиция Виктории не дает никаких комментариев, кроме стандартного «ведется расследование», однако Лорна Драммонд подтвердила Ви-эн-эн, что ее дочь была погружена в воду и искалечена в области половых органов – ей провели

так называемое женское обрезание. На лбу неизвестным острым орудием вырезано распятие, кроме того, похищена прядь волос...

В углу экрана появилась школьная фотография Грейси Драммонд.

Стылый ужас рос в животе Зака, пока он смотрел и слушал все это.

– Окровавленную Драммонд оставили без сознания у подножия статуи Девы Марии на кладбище Росс Бей в одну из самых холодных ночей за всю историю местного метеонаблюдения...

У Зака зазвонил сотовый. Он ответил, не отрывая взгляд от экрана:

– Да?

– Новости видел? – спросил Киллион.

– Сейчас смотрю.

– Нужно браться за это, прежде чем оно возьмется за нас, иначе жесткая позиция по отношению к преступности лопнет нам в физиономию в первый же день. Что еще за просочившийся твит, на который они ссылаются?

– Не знаю. – Зак подошел к компьютеру и щелкнул по значку «Твиттера». Бли-ин... – Это она, – тихо сказал он. – Мерри Уинстон из «Сан». Она выложила этот твит сегодня в одиннадцать сорок пять.

Глава 13

Смерть – великий уравниватель.

– Разразился настоящий медиашторм... из дерьма, – бормотал Лео, жуя жвачку с ароматом корицы, пока они смотрели, как двое лаборантов взвешивают тело утопленницы в мешке. Он взглянул на Мэддокса снизу вверх: – Ты-то слышал?

Мэддокс кивнул.

Прошло почти шесть часов после того, как тело покойницы достали из залива, и вот они в морге, в четыре часа дня в воскресенье. Холодное, без окон, помещение с кафельным полом и стенами. Металлические столы, раковины и «фартуки» над раковинами. Беспощадный белый свет тихо жужжащих над головой флуоресцентных ламп. Вдоль стены ряд застекленных шкафчиков с орудиями этого специфического ремесла – всякие прилады для разрезания костей, одноразовые щитки для лица и прочее. Лабораторные халаты, когда-то белоснежные, а теперь с красновато-бурыми пятнами, понуро висели возле электронных дверей, открывавшихся с тихим шипеньем.

В комнате стоял запах, который у Мэддокса прочно ассоциировался с моргами: сырое мясо, кровь, формалин и дезинфектант. Запах напоминал ему лавку мясника, куда он однажды в детстве заходил с бабушкой.

В Британской Колумбии вскрытия проводятся в течение сорока восьми часов после смерти, но это тело пошло без очереди: офис коронера находился в ведении генерального прокурора, и, ввиду сенсационных новостей, явной утечки ни много ни мало из управления полиции, задержанности шефа полиции и давления нового мэра и руководства столичной полиции, поступило распоряжение от заместителя генерального прокурора незамедлительно провести судебно-медицинскую экспертизу выловленного из воды тела.

По закону, согласия ближайших родственников для вскрытия не требовалось. Кроме того, было неясно, кого, собственно, информировать, – пока не развернули пленку и не собрали улики, указывающие на место преступления. Мэддокс и Лео присутствовали на вскрытии, чтобы сразу прибрать вещдоки, буде таковые обнаружатся. Однако уже было ясно, что утопленница не Аннелиза Йенсен, как предположили газеты.

Сразу после исчезновения Аннелизы Йенсен предоставили

следователю копии зубной карты своей дочери и сдали образцы ДНК. Из карты явствовало, что Аннелизе Йенсен за свою жизнь почти не приходилось обращаться к стоматологу, и никаких виниров она себе не ставила. А покойница с ее безгубым ртом и выставленным напоказ зубным рядом явно прошла серьезное стоматологическое вмешательство, как косметическое, так и лечебное – мосты, импланты верхних и нижних резцов и пломбы почти во всех «родных» зубах. Судя по всему, раньше у нее был не рот, а помойка.

Доктор Барб О'Хейган включила музыку. Мягкие звуки виолончели наполнили стерильное помещение, пока патологоанатом проверяла микрофон над металлическим столом и делала записи, сравнивая информацию на ярлыке пластикового мешка с сопроводительными документами и удостоверяя, что это то самое тело. О'Хейган облачилась в просторный зеленый хирургический костюм, а сверху надела одноразовый пластиковый фартук. На ботинках – высокие бахилы. Лаборанты были в респираторах, но О'Хейган обходилась без маски. Мэддоксу уже доводилось видеть таких специалистов старой школы, использовавших собственный нюх. Запах при вскрытии важен, он может рассказать о многом.

– А утечка может быть от кого угодно, – не унимался Лео, пока О'Хейган натягивала латексные перчатки.

С тихим жужжанием скользнул вниз замочек молнии мешка. Ассистенты подняли замотанное в пластик тело с обглоданным лицом и длинными мокрыми волосами и положили на металлический стол, слегка покатый и оборудованный водопроводным краном, чтобы смывать лишнее в сток внизу. Лео, стараясь не смотреть утопленнице в лицо, втирал себе под нос винтергриновое масло, после чего предложил пузырек Мэддоксу.

– Спасибо. – Мэддокс тоже мазнул кожу под ноздрями. Может, О'Хейган и нужно нюхать труп, но ему нет.

Темно-каштановые волосы покойницы были по-прежнему перевиты водорослями. Прежде чем что-нибудь трогать, это засняли.

– Слить инфу могли и фельдшера со «Скорой», – продолжал Лео, – и любая медсестра из реанимации. Даже кто-нибудь из врачей, не исключая. Господи, да сама мамаша могла кому-нибудь рассказать, у нее ребенка изувечили! Люди не в состоянии держать такое в себе, понимаешь?

Он болтал, буквально не закрывая рта. Мэддокс заподозрил, что это способ детектива Харви Лео справляться с проблемами, перетолковывая и отгораживаясь. У каждого в арсенале есть пара подобных инструментов, но Мэддокс предпочел бы, чтобы Лео заткнулся.

– С тем же успехом утечка может быть из управления, – невозмутимо возразил Мэддокс, глядя, как ассистенты О’Хейган тщательно осматривают пустой черный мешок в поисках улики, которые могли там остаться при транспортировке тела в морг.

– Ага, – хмыкнул Лео, – к этому выводу почему-то все сразу и приходят. Давай, вали все на копов. Дело ведут Паллорино и Хольгерсен – вот уж ей сейчас не позавидуешь: Хашовски застрелили пять месяцев назад, при этом погиб и ребенок, и его родители, а теперь еще и это! Я тебе говорю, если Гуннар решает, чья голова полетит, если в полицейском управлении ищут козла отпущения, ее упругая маленькая задница – отличная цель. Она – кандидат на вылет, помани мое слово.

Мэддокс поглядел на него сверху вниз: в глазах Лео горел огонек злорадства. Старый коп явно люто завидовал женщине-детективу, расследовавшей изнасилование на кладбище. Или воспользовался этой темой как способом отвлечься от невеселого зрелища на металлическом столе. Или и то и другое...

О’Хейган подняла голову:

– Приступим, джентльмены.

Она задержала взгляд на Лео, и Мэддокс почувствовал ледок в ее глазах: патологоанатом явно симпатизировала этой Паллорино. Подняв руку, О’Хейган включила микрофон над столом и объявила время и дату и что она начинает предварительный визуальный осмотр тела.

Свои наблюдения она озвучивала громко и четко, начиная с головы, пока ассистент фотографировал называемое с разных ракурсов:

– Почти вертикальный лоб и размер головы указывают, что это женщина. Верхняя и нижняя челюсти небольшого размера. При необходимости мы позовем одонтолога оценить проведенное вмешательство, но значительная косметическая работа видна невооруженным взглядом. Мягкие ткани лица в основном отсутствуют. По характеру повреждений можно предположить, что ткани съедены морскими креветками или иными ракообразными и беспозвоночными. Первыми, вероятно, были съедены более мягкие ткани губ, глазных век и ушных раковин.

Мэддокс шагнул вперед, чтобы лучше разглядеть. Лео за его спиной шуршал фольгой, разворачивая новую пластинку жвачки. О’Хейган опустила большое увеличительное стекло на раздвижной штанге и взгляделась в мутные выпуклые глаза. Виолончель зазвучала громче.

– Множественные точечные кровоизлияния, – тихо сказала она, приближая лупу со встроенным фонариком.

Мэддокс хорошо знал, отчего возникают точечные кровоизлияния, которые выглядят как маленькие красные или фиолетовые пятнышки: значит, в глазах лопались капилляры. Причиной этого обычно является возросшее давление на шейные вены при перекрытии дыхательных путей. Наличие точечных кровоизлияний убедительно доказывает асфиксию как причину смерти, будь то удушение руками, повешение или лишение воздуха.

– Причем, похоже, возникли они в несколько приемов, – добавила патологоанатом.

– Как будто ее душили, отпускали и снова душили? – уточнил Мэддокс. – Вроде эротического удушения или контроля дыхания для сексуального возбуждения?

– Возможно, – согласилась О'Хейган. – Наличие петехий не доказывает удушения, а их отсутствие не свидетельствует о том, что удушения не было: это просто маркер избыточного давления в венах головного мозга. Но в восьмидесяти пяти процентах случаев удушения руками присутствуют точечные кровоизлияния в глазных яблоках. Для этого всего-то нужно тридцать секунд непрерывного давления.

Она передвинула лампу и осмотрела второй глаз.

– При пережатии сонных артерий резкое прекращение поступления крови к мозгу и накопление углекислого газа может привести к ощущениям головокружения и удовольствия, усиливающих чувственность. В сочетании с оргазмом этот «кайф», как уверяют, производит не менее мощный эффект, чем кокаин, и тоже вызывает зависимость.

Крещендо виолончели резко сменилось вкрадчивым шепотом. Лаборанты расчесывали волосы неизвестной, вынимая морские водоросли и сор. Мелких беспозвоночных и посторонние частицы скрупулезно фиксировали и раскладывали в пакеты, документируя каждый фрагмент вещественных доказательств. Флора и фауна в волосах утопленницы помогут определить время с момента смерти и место, где неизвестная попала в воду и откуда, соответственно, ее принесло течением.

– Клок волос срезан, – вдруг сказал один из ассистентов. – Прямо по линии роста волос, в центре лба.

Мэддокс покосился на Лео. Оба помнили о срезанной пряди у Грейси Драммонд – об этом уже кричали все СМИ. Ассистенты О'Хейган сделали фотографию щетины на месте среза.

О'Хейган начала описывать шею покойницы.

– Веревка, удерживающая пленку у шеи, визуально не отличается от веревки, которой пленка перевязана ниже на теле. Узлы на вид тоже

одинаковые. – Измерив длину свободного конца, О’Хейган добавила: – Три метра девяносто пять сантиметров от узла на горле.

– Похоже на полиэстеровый шнур. Должно быть, веревка трехпрядная, – тихо подсказал Мэддокс. – Распространенное морское снаряжение, можно найти где угодно. Недавно сам купил несколько метров такой. А узлы рифовые. Любой моряк, скалолаз, бойскаут и рыбак умеют вязать такие узлы.

– У тебя яхта? – поинтересовался Лео.

– Угу, – буркнул Мэддокс, пристально глядя, как О’Хейган переключилась на пластиковую пленку, ища внешние следы – волосы, фрагменты ткани. Вдруг она взяла пинцет и осторожно извлекла что-то крошечное из волокон веревки.

– Похоже, какие-то волосы застряли в одном из узлов и запутались в грубом плетении веревки. – Она снова опустила лупу и начала аккуратно извлекать и рассматривать улику. – Некоторые до двух сантиметров. Есть и светлые, и темно-каштановые. Один белый, жесткий. – О’Хейган помолчала. – Довольно много, но это не волосы, а шерсть животного. И шерсть, и подшерсток.

– Кошка, собака? – поторопил Лео.

– Это нам в лаборатории скажут, – отозвалась О’Хейган. – Шерсть состоит в основном из белка кератина. У каждого вида животных она характерной длины, цвета, формы, со своеобразной луковицей и микроскопическими особенностями, которые позволяют экспертам определять хозяина шерсти.

Волоски отправились по отдельности в бумажные конверты, которые надписывали лаборанты.

– Может помочь определить место преступления, – негромко сказал Мэддокс. – По-моему, на суше, потому что шерсть не морского обитателя.

Виолончель заиграла еле слышно, создавая подспудное напряжение в ожидании очередного крещендо. Шли минуты.

Мэддоксу стало жарко, несмотря на холод морга. Стальные инструменты звякали о раковину.

– На полиэтиленовой пленке имеются царапины и порывы, – сказала О’Хейган. – Возможно, это ее течением тащило по дну...

Повреждения были сфотографированы и записаны.

– Давайте-ка перевернем.

Лаборанты помогли О’Хейган перевернуть утопленницу в пластиковом коконе на живот.

– Борозды на затылке почти четыре сантиметра глубиной и отстоят

друг от друга на девять сантиметров. – Из одной раны О’Хейган извлекла извивающуюся кривую, которая тоже отправилась в один из пакетов.

– Жрали ее мозг... Вот черт, – прошептал Лео.

Мэддокс глубоко вдохнул, чтобы успокоиться, но тут же пожалел об этом – в нос ударили резкие запахи смерти и морга.

Снова защелкал фотоаппарат. О’Хейган диктовала данные визуального осмотра с головы до ног. Под пластиком были отчетливо заметны темно-фиолетовые следы.

– Трупные пятна? – предположил Лео.

– Или синяки, – сказала О’Хейган. – Узнаем, когда развернем.

Закончив с осмотром, она велела помощникам снова положить труп на спину.

– Стало быть, она участвовала в какой-нибудь эротической игре с удушением, и что-то пошло не так, – тихо сказал Лео. – Или же ее вполне традиционно задушили, а потом завернули в пленку и выбросили в воду. Течениями и приливом ее таскало по дну, наконец в теле образовались газы, она всплыла, попала под винты, снова пошла на дно и каким-то образом оказалась в канале, под мостом Джонсон-стриг...

– Может, подождем с версиями, пока не развернули пленку? – перебил Мэддокс.

Лео полоснул его взглядом, сжав рот в тонкую полоску.

– Так, давайте открывать, – распорядилась О’Хейган.

Струны виолончели стонали, сойдясь в яростной какофонии, становившейся все пронзительнее.

– Хоть бы она выключила эту дрянь, – пробормотал Лео, доставая новую жвачку. – Какой-то Йо-Йо Му, или Ма^[3]... Всякий раз это дерьмо ставит.

О’Хейган аккуратно разрежала слои плотной мутной пленки, отгибая их один за другим, словно доставала куколку из кокона. Куколку, которая никогда не станет бабочкой... Кожа утопленницы была прозрачно-белой, с голубыми жилками, соски маленькие, темно-розовые. Через прокол в левом соске было вставлено золотое колечко.

– Удивительно хорошая сохранность, учитывая состояние лица, – отметила О’Хейган, обнажая плоский живот покойницы, согнутые руки которой были сложены одна поверх другой. Патологоанатом разрежала новую веревку и отогнула пленку.

Все сразу увидели татуировку, и в комнате стало очень тихо.

– Мать твою, – прошептал Лео, позабыв про отвращение к утопленникам и подавшись вперед.

Разъяренные змеи извивались внизу живота потерпевшей – змеи, росшие из головы Медузы горгоны. Открытая в крике пасть, усеянная заостренными зубами, приходилась прямо на бритый лобок, словно вагина – это пасть Медузы, и все, что вставят Медузе в «горло», будет сожрано заживо. О’Хейган остановилась и нахмурилась. У Мэддокса возникло нехорошее предчувствие.

Наклонившись, патологоанатом осторожно раздвинула большие половые губы, словно раскрывая Медузе рот.

Виолончель заиграла едва слышно.

О’Хейган подняла голову, глядя на детективов прямо и серьезно.

– Капюшон и головка клитора и малые половые губы отсутствуют, – тихо сказала она. – Ей сделали обрезание.

Несколько мгновений детективы молча смотрели на О’Хейган.

Двери с шипением разъехались, отчего все так и подскочили.

– Привет, док! Кто-нибудь желает пообедать или перекусить?

Обернувшись, Лео и Мэддокс увидели пухлую блондинку, которая вкатила в морг столик-тележку с едой. Она казалась существом из привычного внешнего мира, ненароком вторгшимся в эту альтернативную реальность ужаса, холода и смерти.

Креститель

*Ибо вот, в беззакониях я зачат, и во грехах
родила меня мать моя.*

Псалом 50:5

Был вечер воскресенья, когда он положил три рулона клейкой ленты и коробку экстратонких синих латексных перчаток в тележку для покупок «Драгги март» в бухте Джеймс. У него закончились перчатки, а он всегда имел при себе пару, как детектив. Когда-то он пытался стать полицейским, но на предварительном осмотре выяснилось, что он не различает зеленый и красный цвета. Полноценное цветовое зрение было одним из минимальных требований для поступления в столичную полицию. До этого он и не подозревал о своем дальтонизме.

Тем не менее он выучился думать как коп – учится же полицейский думать как преступник. У прохода с белковыми коктейлями он замедлил шаг и взял с полки банку своего любимого коктейля. Дорого, но оно того стоит. Тело – это храм.

«Уход за собой – признак уважения к себе, мальчик Джонни...»

Он пробегает минимум сорок километров в неделю, качается в парке на бесплатных тренажерах. От этого он всегда собран. Силен. В форме. Ему нравится собственное тело. Женщинам тоже нравится: это читается в их взглядах, когда он в солнечную погоду тренируется полуголым.

Войдя в отдел косметики, он нашел помаду, которую искал (темно-красную, оттенка «румяная вишня»), и покатыл покупки на кассу. Магазин на его же улице – ему нравилось ходить пешком. Машина у него предназначена для частных ночных дел, когда нужно перевезти что-нибудь большое и тяжелое, поэтому сегодня она, надежно закрытая, стоит в гараже...

– Как мамаша? – спросил владелец магазина Оливер Тэм, начиная пробивать покупки. «Драгги март» – маленький семейный магазинчик, и Тэм часто стоит за кассой сам. Маме нравится этот Тэм – она поддерживает местных торговцев, которых еще не разорили сетевые универмаги.

– Хорошо, – ответил он, выкладывая на прилавок помаду и

протеиновый коктейль. – Ей гораздо лучше. – Он рассеянно взглянул на проволочный стенд у кассы и замер, не закончив движения, при виде газетного заголовка:

«Зверское изнасилование на кладбище Росс Бей! Молодая женщина в коме».

Так он впервые узнал эту новость.

Вчера он лег поздно. Так устал на работе, что проспал большую часть сегодняшнего дня и проснулся лишь около пяти вечера. Тэм кивнул на первую полосу «Сити Сан»:

– Жуткое нападение на девушку, – сказал он. – Это утренний выпуск, но по радио уже сказали – скончалась. Всего шестнадцать лет! Причина смерти – утопление. Как, черт побери, можно утонуть в больнице?! – Тэм отставил в сторону первый пакет с покупками. – По радио передали, что ей сделали обрезание, а на лбу вырезали распятие. А еще у моста Джонсон-стрит сегодня утром выловили тело, все завернутое в пластик. Говорят, это та девушка, что пропала две недели назад. С отличным же настроением мы встретим Рождество... Новому мэру лучше побыстрее сдержать свои обещания.

От этих слов он очнулся, оторвав глаза от заголовка:

– Какая пропавшая девушка?

– Студентка Университета Виктории, восемнадцать лет. Исчезла с территории кампуса неизвестно куда. Аннелиза... Йенсен, вот как ее зовут.

Он взял газету со стойки, прочел первый абзац и взглянул в черно-белый снимок детективов из отдела по борьбе с сексуальными преступлениями. Они выглядели как два призрака под густыми хлопьями снега в свете вспышки. Впечатление усиливало попавшее на фотографию сведенное гримасой лицо горгульи, высеченной на каменной стене.

– Эти детективы и сами не лучше преступников, за которыми гоняются, – постановил Тэм. – Газетку берете?

– Да. – Он положил газету на прилавок. – И пачку легких ментоловых.

– Вам надо убедить ее бросить курить, – улыбнулся Тэм, на секунду обернувшись к стенду и положив сигареты на прилавок.

Встретившись взглядом с Тэмом, он сверкнул в ответ своей широкой ослепительной улыбкой. Эта улыбка вызывала у людей доверие. Искренняя или нет, она расцветала вместе с ямочками, начисто стирая логику в мозгу некоторых женщин. Он сразу распознавал таких дамочек – в них угадывалась эмоциональная зависимость.

– Так она меня и послушает, – отозвался он. – Да, и один билетик «Быстрого выбора».

Постер на стене магазина гласил, что в следующем тираже разыгрывается до пятнадцати миллионов. Ему совсем не помешает выиграть несколько миллионов, учитывая ситуацию с работой.

Тэм пробил итог и подал лотерейный билет.

– Передавайте маме привет.

– Обязательно, – пообещал он, забирая пакеты.

Дорога домой показалась неожиданно долгой – было холодно и ветрено. Когда он вернулся в аккуратно покрашенный домик постройки начала века, то повесил куртку у входной двери и начал разбирать покупки. Затем он зажег огонь в камине, включил записанную серию «Улицы Коронаций» и присел почитать газету.

Стало быть, ее нашли живой.

Это серьезный промах. Пожалуй, он немного поторопился, решив, что она мертва, когда оставлял ее на кладбище. Впредь нужно будет проверять.

Неуклюжий Джонни, глупый, глупый, ах, глупый мальчишка...

Он вскочил и принялся ходить по комнате, стискивая кулаки, потом снова взял газету и начал читать дальше, запомнив имена детективов: Энджи Паллорино и Кьель Хольгерсен. Ну и имечко... Может, нужно произносить Киль? Или Кейль? Или Кайгель?

Энджи. С этой, по крайней мере, проще.

Самодовольство смешивалось в нем с разгоравшимся сексуальным возбуждением.

Ну что ж, играем, детективы. Вам не поймать Джонни. Вот увидите, Джонни снова ускользнет. Никто еще не поймал Джонни, глазастого Джонни, а Джонни развлекается уже много лет...

А теперь развлечение превратилось в миссию. У него появилась высшая цель.

Спаси дрянных девчонок, Джонни... Сделай их хорошими девочками...

Он взял со стола новую помаду, открыл и аккуратно нарисовал себе губы. Открыл новую пачку ментоловых сигарет, вставил одну в рот, зажег и положил на край пепельницы на кухонном столе. Сигарета тлела, выпуская кудрявый дымок вроде ладана. Это для создания атмосферы. Это возбуждает. Он сходил вниз, принес шкатулку для шитья и поставил на стол, присел сам и только после этого открыл крышку. Катушки с разноцветными нитками, иглы, пуговицы. Пузырек клея и ультрафиолетовая ручка-фонарик.

В нижнем отделении лежала прядь волос, приводить которую в порядок вчера у него не было сил.

Он достал волосы. Прелестный каштановый оттенок.

Напевая под нос, он открыл клей и макнул туда кончик пряди. От резкого запаха слезились глаза и щипало в носу. Он посветил ультрафиолетовым светом, подсушивая клей, и через две или три секунды краешек пряди стал гладким и блестяще-твердым. Теперь волосы надежно скреплены. До недавнего времени для отделки своих трофеев он использовал лак для ногтей, но волосы приходилось фиксировать, пока не высохнет лак. Это занимало время, и иногда прядь прилипала к поверхности, на которой сохла. Но потом он увидел документальный фильм на спортивном канале про вязание мушек, где один рыбак использовал для своих мушек светоотверждающий клей, и дело пошло как по маслу.

Запах клея уже стал для него импульсом, сформировав свой нейронный путь, по которому возбуждение от ноздрей сразу попадало к низу живота. Эрекция уже наступала, и он шире раздвинул ноги, наслаждаясь ощущением. Он взял из шкатулки матери катушку малиновых ниток-мулине и обвязал каштановую прядь крошечным бантиком.

Он поводил прядью по верхней губе, упиваясь шелковистой щекоткой. Закрыв глаза, он ощутил ее запах, будто она снова с ним. Он чувствовал ее, видел мягкие темные ресницы на упругих щеках, ощущал атлас кожи. Он тихо застонал, когда пенис напрягся до предела, почти болезненно. Нежная девочка... Которую пришлось наказать, прежде чем она спасется...

Звук голоса смешивался с ароматом ментолового дымка, из телевизора доносилась музыкальная тема «Улицы Коронаций»:

«Спаси девушек, Джонни...

Джонни – плохой мальчишка. Джонни любит подсматривать, как любопытная кошка... Очень плохой мальчик Джонни. Подглядывать за хорошими девочками, желать девушку... Нужно Джонни оттереть...»

Он задышал часто и коротко, глядя в одну точку. Сердце забило так быстро, что у него закружилась голова. Он вскочил, опрокинув табурет, и поспешил в ванную искать перчатку для пилинга. Натянув ее на руку, он расстегнул брюки и взялся за пенис, глядя в глаза своему отражению в зеркале. Фотографии обнаженной Грейси были приклеены скотчем по сторонам зеркала. Он начал водить жесткой мочалкой вверх и вниз, вверх и вниз, в такт увещаниям голоса, жестче, сильнее, быстрее, боль перешла в невыносимо острое удовольствие... Три сильнее... Отскребай Джонни... Очищай Джонни... На глазах выступили слезы боли и удовольствия, слившихся воедино... Три лучше, сдирай кожу мочалкой... Перед глазами повис алый туман...

卅

Глава 14

– Я не вовремя? – спросила женщина с пухлыми щеками, остановив тележку с едой.

Мэддокс кашлянул и перехватил взгляд доктора О'Хейган. Невысказанные слова о сходстве со случаем на кладбище тяжело повисли в безжизненном воздухе. Взглянув на часы, патологоанатом выключила микрофон.

– Здесь возни еще надолго, – сказала она. – Прервемся перед вскрытием, а, джентльмены? Возобновим, скажем, минут через сорок пять?

– Пожалуй, – тихо согласился Мэддокс, взглянув на свои часы. От прилива адреналина ему стало жарко. – Мне нужно созвониться с Базьяком. Лео, попробуй кого-нибудь уговорить поработать сверхурочно и пробить по базам Медузу на нашей неизвестной. Не исключено, что на нее что-нибудь есть в системе.

Господи, Джек-О так и сидит в машине! Срочно нужно найти сиделку для пса, хотя бы на время расследования. Он уже договорился с одной, но в последний момент она отказалась.

– Какие у тебя сэндвичи, Ханна? – спросила О'Хейган женщину с тележкой, стаскивая перчатки и выбрасывая их в ведро. Открыв кран над раковиной, она мыла руки. От струи воды раковина ноюще вибрировала.

– С курицей и майонезом, с индейкой, салями и сыром, все с белым хлебом. Для вегетарианцев безглутеновый хумус. Больше, извиняюсь, ничего не осталось.

– В морг всегда в последнюю очередь, да? Что другие не взяли? – сказала патологоанатом, вытирая руки. – Как подвалу, так самый отстой?

– Но это же больничная еда! Вы сами говорили, что терпеть ее не можете.

– Да, я ее терпеть не могу, но времени куда-то ходить у меня нет.

– Оставить на стойке? – спросила Ханна, держа завернутый в пленку сэндвич.

– Да, спасибо. И еще кофе – сливки и два сахара. И «Сникерс». «Сникерсы» остались?

Лео, наскоро щелкавший на свой мобильный татуировку с Медузой, изогнул бровь.

– В «Сникерсах» масса калорий, док.

– А мне всю ночь работать! Вскрытие – тяжелый физический труд, особенно когда применяешь пилу.

– А вам, детективы? – спросила пухлощекая женщина. – Что-нибудь будете?

Мэддокс поколебался, глядя на тележку:

– Да, с индейкой и салями, пожалуйста.

Продавщица подала ему завернутый сэндвич.

– За счет заведения, – весело сказала она. – Все равно выбрасывать. Детектив Лео?

– Ничего, – быстро ответил Лео, слегка позеленев лицом. Сунув телефон в карман и не сразу попав, он обошел тележку, направляясь к выходу. – Я дойду до кафетерия.

Автоматические двери с шипением разъехались, выпустив из морга Мэддокса и Лео.

– Как, блин, она может там есть? – не сдержался старый коп.

– Сообщи, когда что-нибудь выяснишь по татуировке, – сказал Мэддокс, сворачивая к пожарному выходу. В голом подвальном коридорешке мигали перегоравшие лампы. Чрево больницы урчало от гула кондиционеров и гудения силовых установок.

– Ты куда? – удивился Лео.

– На лестницу. Нужно выпустить пса на прогулку. Базьяку позвоню с парковки.

– У тебя собака в машине?!

Мэддокс, не отвечая, толкнул дверь пожарного выхода и взбежал по лестнице, перемахивая через две ступеньки. Ему нужно было размять затекшие мышцы и прогнать из легких засевший там навязчивый запах морга. Вывалившись на улицу, он полной грудью вдохнул морозный воздух. Мокрый снег прекратился, и Мэддокс, шагая к «Шевроле Импала», упивался чистым кислородом.

Пискнув пультом, он открыл дверь и заглянул в салон. Джек-О приподнял маленькую голову с заметной проседью.

– Привет, старина. – Мэддокс дотянулся и погладил пса. – Иди сюда. Давай-ка на прогулку. – Он пристегнул к ошейнику поводок, взял пса на руки и опустил в чистый размякший снег, покрывавший асфальт.

Пес неловко поковылял на трех лапах и помочился на переднее левое колесо.

– Видишь? – фыркнул смехом Мэддокс. – Теперь даже лапу задирать не надо. Во всем есть своя светлая сторона.

Он вынул телефон и позвонил начальнику, идя за Джеком-О, тянущим

его по парковке в маленькую нюхательную экспедицию.

– Базьяк, это Мэддокс. Похоже, у нас серийный убийца. – Он быстро обрисовал зловещее сходство следов на теле утопленницы и «кладбищенской девушки», о которой кричали газеты.

Базьяк долго молчал. Мэддокс рассеянно разглядывал окна больницы. За одним мигала огоньками наряженная елка.

– А распятие на лбу вырезано? – спросил наконец Базьяк.

– Визуально определить невозможно – лицо сильно объедено морскими рачками, но исключать нельзя. Рентген скажет больше.

Базьяк велел в любое время суток сообщать ему о новых находках, он пообещал получить разрешение на создание следственной группы и выделить помещение под оперативный штаб расследования.

По окончании разговора Мэддокс впервые за очень долгое время почувствовал прилив энергии. Он взглянул на часы и подхватил пса, ощущая ладонями тугие бока. Вернувшись к «Шевроле», Мэддокс растелил на пассажирском сиденье запасную куртку и положил туда Джека-О. Уже опустились сумерки, и заметно похолодало. Мэддокс нашел бутылку воды и наполнил миску, которую утром бросил в машину. Развернув сэндвич с индейкой и салями, он за больничным счет принялся кормить с руки пса, отламывая кусочки и отправляя их в маленькую пасть. Из рта у Джека-О пахло, но шельмец явно умирал с голоду.

– Ну что скажешь, а? – сказал Мэддокс трехлапому джек-расселу в сотый раз, будто ожидая, что псу надоест, и он ответит. – Надо было назвать тебя Джон Дог, как Джон Доу, вот что!

Пес рыгнул.

– Ну ладно. Теперь тебе получше? Задашь храпака? – Мэддокс поглаживал пса по голове, и черт побери, если маленький смешной хвост не барабанил при этом по сиденью. Мэддокс улыбнулся – он впервые увидел, как Джек-О виляет хвостом, и неожиданно для себя растрогался. Он не собирался брать собаку, но однажды ночью их с Джеком-О пути пересеклись, и видеть, как после всех мытарств Джек-О виляет хвостом, было замечательно. Может, быть человеком и означает изменить к лучшему чью-то жизнь?

Он запер джек-рассела в машине, опустив стекла на полсантиметра. Времени еще хватит подняться в кафетерий, о котором говорил Лео, и найти что-нибудь получше черствого сэндвича.

Подкрепившись остатками индейки, Мэддокс с новыми силами зашагал ко входу в больницу. Первый день на новом месте, а ему уже досталось громкое дело – может, даже серийный убийца. Правда, к расследованию

прилагался медиафейерверк... По опыту Мэддокс знал, что на таких делах можно сделать карьеру или же крупно погореть. Но этого он не допустит. Интуиция подсказывала, что он правильно сделал, переехав в Викторию.

Все обязательно наладится – и с Джинни, и с остальным.

Идя по больничному коридору, он набрал дочь, но у нее включился автоответчик.

– Привет, малышка, я только звоню узнать, как у тебя прошел день. Прости за утро. Мне досталось не дело, а конфетка – весьма перспективное. Скоро праздники, давай поговорим о планах на Рождество. Позвони мне, ладно?

Глава 15

Проехав по синему железному мосту, Энджи и Хольгерсен свернули в стремительно застраивавшийся портовый район.

Шел седьмой час вечера – они уже шестнадцать часов работали как проклятые, подкрепляясь кофе и всякой дрянью. Энджи почти не спала с четверга, поэтому голова казалась странно легкой и гудящей. Она сбросила скорость, подъезжая к автобусной остановке, где, по показаниям водителя автобуса, сошла Грейси Мэри Драммонд, торопясь на ночную смену в пекарне «Синий барсук».

Энджи с Хольгерсеном уже смотались в автобусный парк, переговорили с директором, узнали, кто вчера работал на маршруте, и нагрянули к нему домой. Гарри Воэн, водитель с большим стажем, всячески старался помочь, но никак не мог прийти в себя от потрясения. Притормаживая рядом с остановкой, Энджи обдумывала его слова: «Грейси была славная девочка – всегда приветливая, всем улыбалась... Фэрфилд – одна из первых остановок на моем маршруте. По субботам я работаю весь вечер и половину ночи. Да, вчера она сошла на остановке у «Синего Барсука». Да, я это хорошо помню».

– Здесь, – сказал Хольгерсен, взглядываясь через залитое дождем стекло. – Воэн сказал, что останавливался здесь в восемнадцать тридцать семь.

«На этом отрезке маршрута я всегда иду с опозданием из-за постоянного ремонта дороги, пробок, а вчера еще погода вон какая... Скоро Рождество, машин на дороге гораздо больше, особенно в выходной...»

– Значит, что, – подытожил Хольгерсен. – Грейси Мэри садится на автобус у своего дома в Фэрфилде, на свое излюбленное место – по правую руку, у передней двери. В ушах у нее белые наушники – как обычно, слушает музыку на телефоне, по словам водителя. – Хольгерсен повернулся к Энджи. – Гарри Воэн явно обращал внимание на нашу Грейси. Что ты о нем думаешь?

– Пока не знаю, – коротко отозвалась Энджи, думая о показаниях водителя.

«– А кто еще сошел с Грейси на той остановке? – Двое мужчин. Хотя стоп, вчера только один, а вот неделю назад, по-моему, вышли двое. – Тот

человек, который вышел с Грейси вчера, часто ездит на вашем автобусе? – Да. Обычно на той остановке выходят Грейси Мэри и этот тип. По-моему, он там живет, все время возвращается моим рейсом. Замкнутый такой, в глаза не смотрит. Коротышка, лет пятидесяти с лишним, по виду азиат. – А как выглядел второй человек, который вышел вместе с Грейси в прошлую субботу? – Высокий, подтянутый, в темной одежде. Вязаная шапка натянута чуть не до носа. Лица я особо не разглядел...»

– Здесь светло как днем – вон сколько фонарей, – продолжал Хольгерсен, подергивая себя за бородку. – Что-то произошло с Грейси, пока она шла от остановки до «Барсука». Здесь перестал отвечать ее телефон – из пекарни звонили и не дозвонились. Исчезла, как в воду канула. А ночью объявилась на кладбище Росс Бей у ног Девы Марии.

В техническом отделе весь день пытались отследить сотовый Драммонд, но безуспешно – аккумулятор либо сел, либо был вынут. Удалось получить распечатку ее звонков от оператора сотовой связи, что было весьма кстати: специалисты сейчас устанавливали ее контакты. Надо бы махнуть к Драммондам и изъять все электронные гаджеты, которыми пользовалась Грейси, но часики тикали: Энджи понимала, что у нее только сегодняшний вечер – утром дело наверняка передадут в убойный отдел.

По правилам, основное место преступления там, где жертва была найдена (в данном случае кладбище), однако собственно преступление началось в тот момент, когда преступник впервые перешел от намерения к действию. Стало быть, к месту преступления можно отнести любой участок, где отыщутся какие-либо следы. Энджи очень надеялась что-нибудь найти.

Выключив мотор, она натянула шапку, но не успела взяться за ручку двери, как запиликал сотовый. Звонил отец. Энджи не стала отвечать – сейчас включится автоответчик – и вместе с Хольгерсеном вышла из машины.

– Так, давай пройдемся ее маршрутом. – Энджи, зорко оглядываясь, медленно поворачивалась на месте. Висел плотный туман, низкое небо плевалось мокрым снегом. – Здесь она вышла из автобуса. «Синий барсук» вон там, у воды, за этими домами.

– Это заброшенная газовая станция начала девятнадцатого века, – сообщил Хольгерсен, мазнув лучом фонарика по ближайшему из двух кирпичных строений. – Скоро будут сносить и возводить новый квартал, вон схема на стене висит...

– Откуда ты знаешь, что раньше это были газовые станции? – удивилась Энджи.

– Я тебе говорил, Паллорино, я много чего знаю.

Удивленно двинув бровью, Энджи осветила старые шпалы, уложенные вдоль стены по периметру здания. Шпалы заросли гигантскими сорняками, засыпанными мокрым снегом.

– Значит, Драммонд идет отсюда туда. – Энджи направилась по тротуару, Хольгерсен пошел за ней. – Смена начинается в полседьмого, автобус опоздал, поэтому она спешит. Холод, ветер, мокрый снег. Драммонд идет, нагнув голову, в ушах наушники, ничего вокруг не замечает...

– Да, но на дороге полно машин, – вставил Хольгерсен.

– Ты вспомни, какая вчера погода была, – отозвалась Энджи. – Водители наверняка не по сторонам глазели, а внимательно следили за дорогой. – На углу квартала она свернулась с часами. – Так, от остановки две минуты. – Свернув за угол, они увидели аккуратную парковку с фонарными столбами, стилизованными под газовые фонари, и кафе-пекарню с неоновым-синим комичным барсуком на окне. Яркий теплый свет наполнял абажуры ламп на маленьких столиках... – Вот и пришли. – Детективы поднялись по ступенькам на террасу и остановились у стеклянных дверей. – Только Драммонд сюда не дошла. С ней что-то случилось по дороге.

Хольгерсен взялся за ручку двери, но Энджи, повинувшись неясному побуждению, обернулась и всмотрелась куда-то за край освещенной парковки. Кирпичные строения газовой станции с заколоченными окнами казались отсюда мрачными, зловещими громадами. Вдруг резкий порыв ветра сдул туман, клубами наползавший с воды, и между заброшенными домами открылся узкий проход, в начале которого спиной к Энджи стояла девочка в розовом платье – светящаяся и почти парящая в воздухе.

Ребенок медленно повернул голову и взглянул на нее через плечо. Лицо белело в темноте. Девочка протянула вперед правую руку – в левой она держала маленькую корзинку:

«Пойдем в рощу поиграть... Пойдем играть...»

Внутри Энджи рос темный ужас. Девочка звала за собой, и Энджи будто что-то потянуло во мрак узкого переулка, словно ее вели за невидимую леску. Против воли она сделала шаг к привидению.

– Паллорино, ну ты идешь? – Хольгерсен уже открыл дверь кафе, откуда вместе с теплым воздухом вырвались музыка и смех.

– Что? Да, да... Слушай, сходи опроси, не видел ли кто вчера Драммонд. Задай обычные вопросы – не было ли у нее проблем, не делилась ли своими страхами в последнее время, не было ли конфликтов с

клиентами, коллегами или бойфрендом... А я кое-что проверю. – Энджи быстро спустилась с крыльца и исчезла за пеленой тумана и мокрого снега.

– Паллорино! – окликнул Хольгерсен и выругался, не дождавшись ответа.

«Пойдем играть... пойдем...»

Шепот слышался громче, в переулок влекло с неодолимой силой, и Энджи перешла на бег, спеша к черному зияющему проходу между зданиями, хотя все ее тело, каждая клетка кричала ей, что надо бежать и спасаться.

«Беги, беги! *Утекай, утекай!*»

Странные слова отдавались в ушах: некоторые походили на искаженный английский, будто ребенок коверкает, и означали приглашение к игре, зато другие фразы казались иностранными, хотя Энджи почему-то понимала их значение – мчись отсюда со всех ног, не медли!

С бьющимся сердцем она ступила в переулок и остановилась: девочка в розовом оказалась вдруг в дальнем конце прохода – невозможное розовое светящееся пятнышко, она снова куда-то манила вытянутой ручкой.

Туман за клубился, затем его унесло порывом ветра, и девочка исчезла.

Энджи с трудом перевела дыхание. От пота щипало верхнюю губу. В кирпичном ущелье царил непроглядный мрак – даже стены были черными от копоти и мха. Энджи снова включила фонарик. По проходу тянутся старые шпалы. Между ними блестят осколки стекла, валяется пустая бутылка, и все тонет в мокром снегу. Энджи медленно двинулась вперед. Гравий и прихваченная морозом слякоть хрустели под подошвами.

Луч фонарика отскакивал от стен, выхватывая выступы и щели, отчего тени беспорядочно метались вокруг. Что-то живое шмыгнуло по ботинку, и Энджи ахнула, инстинктивно дернувшись к кобуре на боку. Крыса скрылась в сточной трубе, уходившей куда-то вниз из маленького углубления в стене. Всего лишь крыса... Овладев собой, Энджи двинулась дальше, туда, где ей в последний раз привиделась девочка. Переулок вывел на широкий пустырь – из снежной каши торчали травяные кочки и колючие кусты. Над водой ревела сирена. Энджи посветила вокруг – девочки в розовом нигде не было.

Конечно, никакой девочки нет.

У нее галлюцинации, как у Мириам. Значит, она заболевает. Но отчего она кинулась за явным плодом воображения? Энджи не на шутку испугало, что галлюцинации могут быть сильнее логики. Она уже решила вернуться к освещенному теплему кафе, как вдруг увидела впереди заднюю стену

автобусной остановки и свою «краун вик», припаркованную рядом. Тут-то ее и осенило.

Она взглянула на переулок новыми глазами: Драммонд наверняка срезала здесь дорогу. Злоумышленник мог оставить машину на этом пустыре – сюда можно свернуть из другого переулка, ближе к берегу. И ни единого фонаря.

Светя себе под ноги, Энджи начала искать следы. Отпечатки протекторов, оставленные прошлой ночью, уже залеплены мокрым снегом, поэтому она пошла назад, дюйм за дюймом осматривая землю. Ничего. Она вновь вошла в узкий технический проход между заброшенными зданиями газовой станции и остановилась, представив, что она – Грейси Драммонд, только что вышедшая из автобуса и спешащая на работу. Девушка, наверное, пригнула голову, стараясь защититься от ветра, запахнула пальто и высоко подняла воротник. Шапка натянута на уши, а сами уши заткнуты наушниками – музыку слушала. Наверняка Грейси почти бежала через этот переулок – во-первых, автобус опоздал, а во-вторых, ей наверняка было не по себе в этом темном, безлюдном ущелье.

Может, она всегда выгадывала здесь лишние минуты, если, по словам Воэна, автобус постоянно отставал от графика? Может, кто-то знал об этой привычке и вчера подждал Грейси? Тогда это не случайность, а преднамеренное, спланированное преступление!

Энджи низко опустила голову, как сделала бы Драммонд, и пошла, внимательно глядя под ноги. Она замерла на полушаге, когда на земле что-то блеснуло: ее недавний след, отпечатавшись в снежной каше, позволил увидеть маленькие белые наушники с обрывком провода. Энджи подняла голову: оказалось, она опустилась на корточки у самой ниши, где скрылась крыса. Ниша в стене достаточно глубока, чтобы в ней, прижавшись к кирпичам, мог спрятаться преступник. Он мог выскочить перед Драммонд или пропустить и оглушить ударом сзади. Наушники были вырваны из ушей, и провод оборвался во время борьбы – судя по следам на руках и теле, Грейси Драммонд отчаянно защищалась. Но ведь не молча же она дралась?

Выпрямившись, Энджи крикнула во весь голос, проверяя звук в этом кирпичном ущелье. Голос прозвучал едва слышно, заглушенный мхом, лишайниками и слоем слякоти на земле. Даже если Драммонд удалось закричать, на вчерашнем ветру ее бы не услышали. Она была совершенно одна и без защиты.

– Паллорино! – раздался голос Хольгерсена. – Эй, кто здесь?

В конце прохода появился мечущийся свет. Послышались шаги – кто-то быстро бежал, направляясь сюда. Луч уперся Энджи в лицо, и она увидела, что напарник успел достать табельный пистолет.

Она помахала шнуром с наушниками, приподняв обтянутую перчаткой руку:

– Воэн сказал, она ехала в наушниках. Мамаша сказала, у нее был айфон. Это наушники «Эплл». Через этот проход можно выйти на пустырь, достаточно большой, чтобы поставить там машину. Видимо, преступник стоял в этой нише, зная, что Грейси придет. Напал на нее, вырвал наушники. Он все это спланировал. Он выбрал Драммонд не без причины, Хольгерсен. Он охотился на нее и похитил. Она оказалась в его вкусе, и нам нужно понять почему.

– Что за хрень, Энджи? – буркнул Хольгерсен, убирая пистолет. – Чего орать-то было? Я думал, на тебя напали! Иису-у-се... Я тебя ищу и вдруг слышу...

– Звук, – коротко объяснила Энджи, глядя на высокие кирпичные стены. – Звуки здесь сразу гложнут. Возвращайся на парковку, Хольгерсен. Старайся идти по своим следам, чтобы не натоптать. Нам сюда срочно нужны оцепление и кордоны, чтобы никого не пускали, пока мы не привезем экспертов. Ее похитили отсюда, головой отвечаю. Иди!

Хольгерсен, чертыхаясь, пошел обратно. Энджи шла за ним, ступая след в след.

– Что сказали в «Барсуке»? – спросила она сзади. – Выяснил что-нибудь?

Остановившись, Хольгерсен развернулся, глядя на нее тяжелым взглядом – злость и волнение еще не прошли.

– Тех, с кем она обычно работала, сейчас нет, у них смена кончилась, но менеджер говорит, Грейси была тихая, приятная девочка. Добрая, но замкнутая. О друзьях или кавалерах почти не говорила. Прилежная, аккуратная, страхами не делилась, проблем с коллегами у нее не возникало. Всегда срезала дорогу через этот переулочек. Менеджер ночной смены малость стукнутый на пунктуальности, вот она и бежала здесь, чтобы сэкономить три минуты, вместо того чтобы пройти по освещенному тротуару в обход развалюх.

– Хорошо. Значит, мы...

– Хорошо?! Черт побери, Паллорино, ну как же ты меня напугала!

– Иди, не стой.

Они дошли до начала переулочка.

– Принеси из машины барьерную ленту, – распорядилась она. – А я

пока доложу о находке. – Едва Энджи достала мобильный, как он зазвонил. – Паллорино, столичная полиция.

– Веддер.

– Я как раз хотела вам звонить, – одними губами она прошептала Хольгерсену «Веддер» и жестом предложила ему поторапливаться. – Мы нашли...

– Я хочу, чтобы вы все остановили.

– Что?!

– Я хочу, чтобы вы все...

– Подождите, у нас же улика! Я...

– Паллорино, замолчи. Вот прямо сейчас. Ты меня слушаешь?

– Да, сэр.

– Сегодня утром убойный завел новое дело – в канале найдено заматанное в пленку тело обнаженной молодой женщины. Гениталии отрезаны, прядь волос надо лбом отсутствует.

Энджи нырнула под ближайший карниз, спасаясь от снега.

– А распятие на лбу? – спросила она.

– Пока сказать невозможно, но...

– Значит, она и Драммонд связаны с делами Фернихок и Риттер, – быстро заговорила Энджи. – Вы не можете меня снять, Веддер, я работала над обоими делами с Хашем, я их наизусть знаю! Вы обязаны дать мне возможность довести следствие до конца!

– Черт бы тебя побрал, Паллорино, дашь ты мне договорить? Пока мы болтаем, Базьяк формирует следственную группу.

– Блин, – прошептала Энджи, пиная гравий в снегу. Теперь все уплывет к убойному.

– Ты временно направляешься в эту группу...

Энджи замерла.

– Базьяк согласен, что дела Драммонд, Фернихок, Риттер и этой утопленницы, возможно, связаны друг с другом, и раз ты хорошо знакома со старыми делами об изнасиловании, он хочет, чтобы ты подъехала прямо сейчас на вскрытие трупа, выловленного из канала, чтобы наблюдать и информировать рабочую группу о любом сходстве, какое заметишь.

Энджи стиснула телефон, мигом взбодрившись от адреналина и острого интереса.

– Группу возглавляет сержант Джеймс Мэддокс, ты временно назначаешься ему в напарники. Он сейчас как раз в морге. Вскрытие Драммонд назначено на утро...

– Что еще за Мэддокс? Впервые слышу.

– Новый сотрудник.

– Как новый сотрудник? В убойном?! – У Энджи голова пошла кругом. – Как же так, значит, вакансию уже закрыли? Когда?

– Ну, Паллорино, это не мой отдел, я не в курсе.

– У вас на столе мое заявление, Веддер! Вы его подписали? Я прошла все курсы в Институте правосудия и не только, я...

– Сейчас не время...

– Нет, как раз сейчас время!

«В этом расследовании я могу доказать, на что способна. Это мой шанс прорваться».

– Энджи!

Она замерла – Веддер назвал ее по имени.

– Слушай, я не забыл про твою просьбу, но я тебе давно сказал – прежде чем дать ход твоему заявлению, мне необходимо заключение полицейского психолога. После потери напарника ты обязана сходить к нашему штатному психологу – таков протокол работы полиции города Виктория. Базьяк на тебя и не взглянет как на потенциального кандидата в его отдел, пока ты не получишь добро от нашего мозгоправа. Поэтому если оно тебе надо – действуй. Иди и получай психологическую оценку.

Волнение превратилось в тревогу. Меньше всего ей надо, чтобы в управлении узнали, что ей мерещатся призраки детей или что она подседала на анонимный секс в качестве разрядки. Так и с работы недолго вылететь.

Вернулся Хольгерсен с мотком желтой ленты.

«Соберись!» – приказала себе Паллорино.

Откашлявшись, она сказала негромко и ровно:

– По-моему, мы нашли место, где на Драммонд было совершено нападение. Это проход между заброшенными зданиями от «Синего барсука» до остановки, на которой потерпевшая вышла из автобуса.

– Ладно, хорошо. Оставляй Хольгерсена оцеплять место происшествия, а сама быстро в морг. Совещание следственной группы завтра в полвосьмого утра. Удачи. Энджи... – Веддер помолчал. – Веди себя по-человечески. Если будешь нормально сотрудничать, глядишь, Мэддокс и замолвит за тебя словечко, когда придет время. – Веддер снова помолчал. – Раскрытие убийств в одиночку не происходит.

Энджи прекрасно понимала, о чем говорил шеф. Он хорошо знал, какой она бывает в приступе безудержной ярости. Ему известно о ее вспышках гнева и недостаточном самоконтроле, об упорном желании работать без напарника. Энджи сознавала, что хороший детектив, раскрывающий особо важные дела, – это командный игрок, но командные игры всегда вызывали

у нее отвращение, даже в школе и колледже. А еще она знала после утренней встречи с Веддером, что у нее на заднице уже, считай, нарисована большая жирная мишень.

У нее есть все, чтобы проиграть.

И все, чтобы победить.

И какой-то новичок Мэддокс, оказывается, еще выскажется, когда будет решаться ее судьба.

Глава 16

Эхо шагов в байкерских ботинках гулко отдавалось в подвальном коридоре. В моргах Энджи сразу выводил из равновесия запах. От этого она будет на взводе. Ее всегда бесили больничные запахи, хотя Энджи до сих пор не разобралась почему – в ее жизни не было долгого лежания в больнице.

В бардачке отыскался маленький пузырек эвкалиптовой мази – завалился еще с тех пор, когда Хаш простыл и сильно кашлял. У Энджи не хватило духу выбросить что-то из его вещей, и сейчас, подходя к дверям морга, она открыла пузырек и нанесла под нос немного мази.

Это было ошибкой.

Мазь жглась как собака, и глаза сразу заслезились. Двери с шипением разъехались, и Энджи вошла, часто моргая. Протяжная виолончель не заглушала звяканья инструментов и сильную струю из крана, заставляющую ныть металлическую мойку. Покойница лежала обнаженной на спине на металлическом столе: тело мертвенно-бледное, голова – кровавое месиво с оскаленными зубами, выпадающими из орбит глазами и темными прядями волос.

Несмотря на отменный самоконтроль, Энджи невольно ужаснулась.

Вскрытие проводила Барб О'Хейган – от этого у Паллорино немного улучшилось настроение. Врач подняла голову. Спиной к Энджи стояли два детектива. Плотную коренастую фигуру Лео и его густейшие белые волосы легко было узнать, а вот человек рядом с ним был гораздо выше – пожалуй, все шесть футов четыре дюйма, и вдвое шире в плечах, чем Лео. В резком свете потолочных ламп густые черные волосы отливали синевой. Энджи обмерла.

– К нам присоединилась детектив Паллорино, – сказала О'Хейган в микрофон и кивнула Энджи.

Детективы повернулись, и Паллорино с забившимся сердцем встретилась взглядом с темно-синими глазами.

Вот тебе и на – мистер Большой Член.

Высокий, смуглый и раздражающе красивый – тот самый незнакомец, которого она вчера ночью пристегнула к кровати в номере мотеля и отымела в свое удовольствие. И он новый сотрудник убойного отдела?! Это его мнение решит ее будущее? В ушах начался звон.

Энджи глубоко вздохнула, чтобы успокоиться, – и закашлялась от эвкалиптовой мази. Из глаз покатались слезы, из носа потекло, отчего она шмыгнула и снова закашлялась.

– Лео, Барб, – с трудом поздоровалась она, преодолевая кашель.

Детектив Лео нахмурился:

– А ты что здесь делаешь?

О’Хейган дотянулась и выключила микрофон над столом.

Энджи вытерла глаза большим пальцем.

– Извините, что-то в глаз попало. – Она снова шмыгнула носом. – Я назначена на это дело. Базьяк включил меня в следственную группу.

Виолончель взвилась диссонансным крещендо.

Лео смотрел на нее ничего не выражающим взглядом.

– Это Джеймс Мэддокс, – сухо сказал он. – Пока руководитель следствия по этой неопознанной.

– Энджи Паллорино, – сказала Энджи, снова заглянув в темно-синие глаза. Жар волной поднялся изнутри до корней волос, а собственные правила секса бешено завертелись в голове: «Никогда не спать с коллегой. Никогда не целоваться. Уходить первой. Всегда контролировать ситуацию...»

Сейчас она меньше всего что-то контролировала.

– Дело Драммонд веду я, – проговорила она, вытирая нос рукавом. – Нападение на нее может быть связано с двумя нераскрытыми изнасилованиями, которые расследовали мы с Хашовски, соответственно, три и четыре года назад. Во всех трех нападениях прослеживается аналогичный почерк. Меня попросили присутствовать на вскрытии и проследить, не выявится ли новых совпадений.

Глядя на Паллорино в упор, Джеймс Мэддокс, помедлив, протянул руку. Они обменялись рукопожатием. Очень сильная и большая рука. Энджи даже вздрогнула, вспомнив ощущение этой руки на своем плече, когда он выводил ее из клуба ночью. А потом лежал обнаженный на постели, руки заведены за голову, волосы на груди, в подмышках и паху черные, как ночь, а кожа белая и гладкая, как мрамор или алебастр... И член – эрегированный, блестящий... Энджи стало трудно дышать.

– Рад познакомиться... детектив, – сказал Мэддокс, задержав ее руку на долю секунды дольше. В уголках его губ угадывалась улыбка, но глаза оставались абсолютно серьезными. Когда он отпустил руку, Энджи снова потерла нос рукавом.

О’Хейган, смотревшая на них, переглянулась с Лео и сказала:

– Носовые платки в коробке вон на том столе.

Энджи взяла целую стопку бумажных салфеток.

– Спасибо. Я воспользовалась мазью, которую Хаш оставил в моей машине. Жжет не по-детски... – Она через силу засмеялась. – Его последняя подковырка, не иначе.

Вот же блин...

Встав рядом с мистером Большим Че, Энджи обратила внимание на обручальное кольцо у него на пальце. Ну так она и думала... Под ложечкой засосало. Мужики, что с них взять. Охотятся по-тихому всеми доступными способами, движимые одним из самых основных инстинктов, которого порой не умеют или почти не умеют контролировать. Но не ей осуждать – она и сама охотится в темноте...

Может, это даже хорошо, что он женат.

Это уже рычаг воздействия. Энджи несколько секунд обдумывала эту идею, но отбросила ее и сосредоточилась на мертвом теле на столе. При виде татуировки внизу живота и на бритом лобке покойницы Паллорино от удивления даже забыла про все остальное.

– Вы вовремя, детектив, – сказала О'Хейган. – Мы как раз приступили к вскрытию. – Подняв руку, патологоанатом снова включила микрофон над столом.

Глава 17

Джек Киллион вставил ключ в замок и открыл дверь. Комнату озарял неяркий таинственный свет – перед огромными, во всю стену, окнами на кофейном столике мигали свечи рядом с открытой бутылкой вина и двумя бокалами. На противоположном берегу залива в темноте можно было различить скупо освещенные здания законодательного собрания. Тихо играл джаз.

Киллион колебался – между лопатками возник тугой узел напряжения. Может, уйти и закончить все это? Однако он перешагнул порог, прикрыв за собой дверь.

– Привет. – Она появилась из-за угла, немного напугав Киллиона, забрала портфель и поставила его на стул. Взяв Джека нежными пальцами за руки, привлекла к себе для поцелуя. На ее губах чувствовался вкус вина.

Когда Киллион не ответил, она отодвинулась и прищурилась:

– Что-то не так?

– Да нет, все так, но...

– Что тебя выбило из колеи? Присяга во вторник? Или эта сенсационная новость?

– Хуже момента и придумать нельзя. От моих громких обещаний выжечь преступность каленым железом вот-вот запахнет жареным.

– Иди сюда, присядь. Огонь в камине горит, вино открыто. – Вкрадчиво-мягко ступая, она прошла в гостиную и уселась на диван, похлопав по подушке рядом с собой. – Давай поговорим.

– Джойс, может, нам пока прекратить все это?

– Сядь. – Ее лицо стало серьезным. – Я могу помочь, Джек. – Она умела мгновенно включать и отключать свою деловую жилку, будто нажимая невидимую кнопку. Киллион иногда задавался вопросом, в каком режиме пребывает Джойс Нортон-Уэллс и о чем она сейчас думает своим расчетливым умом. – Шеф Гуннар звонил мне домой, чтобы доложить о ситуации. – Она потянулась за своим бокалом. – Похоже, дело приняло серьезный оборот.

– Еще бы, черт возьми!

– Нет, Джек, я в другом смысле. – Она глубоко вздохнула и скрестила прекрасные холеные ноги. – Похоже, мы можем задержать серийного убийцу.

Киллион медленно опустился в кресло у окна, предпочитая – пока – держаться от Джойс на расстоянии. Она подалась вперед:

– Тебе известно, что офис генерального прокурора имеет право знать о потенциально крупных или сложных расследованиях?

В душе Киллиона зародилось нехорошее предчувствие: в темных глазах Джойс явно горел огонек возбуждения. Она обожала грязную возню. Он уже догадывался, о чем пойдет речь, – о неизбежной борьбе, которой он совершенно не желал, заняв пост мэра с минимальным перевесом.

– Продолжай.

– Мы заказали срочную судмедэкспертизу тела, выловленного из залива сегодня утром. Сейчас его как раз вскрывает патологоанатом...

– В воскресенье ночью?!

– А у нас чрезвычайные обстоятельства. – Поколебавшись, Джойс добавила: – Кое-что уже обнаружилось при предварительном внешнем осмотре.

Зловещее предчувствие усиливалось.

– Отрезана прядь волос... – Джойс помолчала. – И совершенно зверское обрезание.

Киллион уставился на нее, утратив дар речи.

– Полиция считает, здесь есть связь с нападением на молодую женщину, которую нашли на кладбище, и, возможно, еще с двумя изнасилованиями, совершенными ранее. – Джойс оценивающе посмотрела на Киллиона, будто прикидывая, хватит ли у него мужества дослушать. – Ритуальное убийство на почве сексуального садизма. Преступник перешел от изнасилований к убийствам и явно утратил самоконтроль, учитывая минимальный интервал между двумя последними убийствами.

– Мне это совсем ни к чему.

– А может, наоборот? Когда полиция Виктории поймает этого типа – а они его возьмут, – процесс над ним станет сенсацией и привлечет международное внимание. Гуннар с самого начала держит меня в курсе, так что государственный обвинитель будет хорошо подготовлен и учтет все тонкости. Мы ничего не упустим и не оставим негодяю лазеек в законе. К работе над подготовкой обвинения я привлеку лучших специалистов – они будут заниматься только этим. Любая небрежность обойдется нам слишком дорого.

Киллион вскочил, подошел к окну и уставился на огоньки залива. На *свой* город.

– Джек?..

– Ты же от этого тащишься! Ты даже хочешь этого! Тебе в кайф, что

юным белым девочкам увечат половые органы, что их убивают, потому что ты рассчитываешь сделать на этом карьере, привлечь внимание к своему офису, когда дело дойдет до суда над негодяем!

– Джек!

– Восемьдесят девять голосов, – продолжал Киллион, не оборачиваясь, – вот и весь мой мандат, вся моя «победа» над Пэтти Маркхэм. Больше у меня ни черта нет! Опросы показали, что только моя нетерпимость к преступлениям и обеспечила этот перевес.

Джойс сбросила туфли и подобрала ноги под себя, пристально глядя на Киллиона. Внешне она напоминала Рене Руссо – зрелая сексуальность, говорящая об опыте и уверенности в своей соблазнительности. И властность – помощница заместителя генерального прокурора Джойс Нортон-Уэллс умела отрывать мужчинам яйца, используя свой блестящий ум, а иногда и тонко рассчитанную демонстрацию стройных ног или глубокого декольте.

Внешне хладнокровная интеллектуалка, по натуре Джойс была не склонным к сантиментам, она была прирожденным лидером со скальпельно-острым умом и юридической подготовкой. Возможно, секрет крылся в ее энергии и гениальности, флер которых Киллион так любил ощущать, или в ощущении сопричастности к тайной команде, святилищу для избранных, в невысказанной уверенности, что их обоих ждет большое политическое будущее, или же в сексе, запретном сладострастии адюльтера, но это возбуждало обоих, и Киллион просто не мог обойтись без Джойс.

– А почему ты решила, что полиция быстро его возьмет?

– Потому что он маньяк. Он не может не осуществить сексуальную фантазию, которая рождается у него в голове: желание пересилит голос разума. Если детективы не ошиблись, периоды спокойствия между убийствами у него по какой-то причине резко сократились, он уже не может остановиться... Где-нибудь да оплошает, наделает ошибок... – Джойс наклонила голову и улыбнулась. От этой улыбки Киллиона охватило раздражение. – Иди ко мне.

– Джойс...

– Нет, выслушай меня. Это хорошо, Джек. Это мощный инструмент. Подумай сам: Зак, по твоему поручению, представит эти чудовищные нападения с изнасилованиями как наследие политики Маркхэм и ее попустительства по отношению к преступникам, бездомным, уличным распространителям наркотиков. Ты скажешь людям, что это результат расхлябанности коррумпированной и беспомощной столичной полиции. Четыре года. – Джойс выставила четыре пальца. – Четыре года назад этот

насильник впервые привлек внимание отдела по борьбе с сексуальными преступлениями. Год спустя произошло новое нападение, и все равно его не нашли. А теперь этот тип, если это он, начал убивать, причем у него уже не одна жертва, а целых две! Низкая раскрываемость провоцирует усугубление тяжести преступлений. Скажешь своим избирателям, что они выбрали тебя, чтобы разобраться в бардаке, устроенном Маркхэм и Гуннаром, и под этим предлогом начнешь действовать жестко и быстро, обновив состав полицейского управления и назначив туда новых людей, согласных с твоей политикой. А когда полиция подберется к этому ублюдку, найдешь повод уволить Гуннара и поставишь на его место Энтони Морено, как ты и хотел с самого начала. – Она отвела с лица густую прядь и улыбнулась: – И уже под руководством Морено полиция арестует серийного маньяка.

Киллион опустил глаза и глубоко вздохнул.

– Это просто стратегия, Джек, – негромко сказала Джойс. – У тебя обязательно должна быть стратегия. Тогда ты сможешь покончить с этим раньше, чем оно покончит с нами.

Киллион снова поглядел на нее:

– С нами...

– Нам же хорошо вместе, – добавила Джойс.

Он иронически хмыкнул, но не удержал улыбки.

– А потом, – медленно сказал он, – печально известный насильник и убийца будет приговорен тобой, замом генерального прокурора.

Искоса поглядев на него, Джойс лукаво улыбнулась.

– Да, ты высоко метишь, – с уважением сказал Киллион. – Министр юстиции, а то и премьер!

– Нет, Джек, премьером у нас будешь ты. – Джойс поднялась на ноги и, мягко ступая, подошла к нему. Подняв юбку, она прижалась к Киллиону и приподняла его лицо ладонями: – Меня вполне устроит место верховного судьи... – Теплым открытым ртом она впиалась в его губы, и внизу живота у Киллиона стало горячо. – У нас есть час, а потом мне надо ехать домой, – пробормотала она, не отрываясь от его губ.

Его ладонь скользнула между ног Джойс, сразу ощутив обнаженную кожу. Сердце Киллиона споткнулось – Джойс стояла в чулках, но без трусиков. Он начал мять ее бритый лобок и сквозь розовый туман в глазах увидел, как Джойс, застонав, начала тихонько раскачиваться, потираясь о его руку. Двумя пальцами он раздвинул половые губы: внутри было гладко, горячо и влажно; маленький напряженный бутон клитора упруго торчал. Киллион поглубже ввел палец внутрь и начал массировать, ища

неуловимую точку «джи», способную взорвать Джойс в одно мгновение. Она запрокинула голову, выгнув спину, и шире раздвинула ноги, постанывая от удовольствия.

Глава 18

Мэддокс вышел на холодный ночной воздух вместе с Лео и Паллорино. Мысли путались, и кровь еще кипела от адреналина и чего-то более мощного – горячей сексуальной энергии, напрямую связанной с женщиной, которая вошла сегодня в морг, шокировав Мэддокса до полного обалдения. Ничего себе совпадение! Энджи из ночного клуба – и вдруг следователь! Рыжая бестия, которую он страстно желал снова завалить в постель, теперь работает с ним над расследованием, и Мэддокс как раз никак не может позволить себе завалить его.

Было почти одиннадцать, и все вокруг точно притихло в ожидании. Дыхание вырывалось изо рта туманными облачками, когда они шли к своим машинам. Несмотря на чистейший воздух, запах смерти вьелся в ткань их одежды и в волосы, задержался в ноздрах и на коже. Мэддокс по опыту знал, что этот запах будет преследовать их еще долго. В морге заканчивала О'Хейган с лаборантами. Как только патологоанатом счистила остатки мягких тканей со лба жертвы, на лобной кости открылись тонкие царапины, составлявшие крест. Следы веревки на шее, запястьях и щиколотках были признаны прижизненными, а анальные и вагинальные разрывы оставили жертве как при жизни, так и после смерти.

Покойнице пришлось несладко, прежде чем она умерла от удушения.

Внутри кокона из пленки О'Хейган нашла фрагменты сухих листьев, несколько крупинок почвы, семечко какой-то травы и личинку падальной мухи, что свидетельствовало – смерть наступила не в воде. Тело некоторое время пролежало на воздухе, скорее всего, под навесом, и лишь потом было брошено в море. Все это должно помочь сузить район поисков места преступления.

Установить время смерти оставалось непростой задачей в отсутствие точного места преступления и с учетом минусовых температур: О'Хейган пояснила, что даже когда смерть наступает по одинаковой причине и в идентичных условиях, одно тело может разлагаться стремительно, а другое – почти не измениться. Личинки же падальных мух при неблагоприятных условиях вообще способны впадать в анабиоз.

Вскрытие прошло как по учебнику – на всю процедуру хватило трех часов. Токсикологические, серологические, энтомологические, одонтологические и прочие лабораторные тесты, во время которых будут

изучаться фрагменты, найденные в волосах и на лобке покойницы, займут некоторое время, однако по запросу заместителя генерального прокурора их проведут вне очереди. С раннего утра О'Хейган займется вскрытием Драммонд и уже до обеда сообщит детективам предварительные результаты.

– Кто-нибудь идет на кружку пива и стейк в «Летающую свинью»? – поинтересовался Лео, остановившись прикурить сигарету. Глубоко вдохнув, он выпустил длинный сизый шлейф дыма. Мэддокс пожалел, что не курит: лучше табак, чем смрад разложения. К тому же сегодня он был на взводе, и ему очень хотелось разрядки.

– Только не я, – отказалась Паллорино. – Я уже двадцать часов на ногах, мне поспать нужно. – Она взглянула в лицо Мэддоксу и быстро опустила глаза. Она понимала – он отлично знает, почему сегодня ночью она не спала и чем занималась, когда ее вызвали расследовать дело «кладбищенской девушки»: сидела на его мощном суку в мотеле «Лис».

– В другой раз, ладно? – сказал он Лео.

– Ну жду вас тогда спозаранку, – сказал старый коп. – Кто куда, а я сюда. – Плотнее запахнувшись в шерстяное пальто, он пошел вокруг больницы на другую парковку.

Паллорино направилась к «краун вик», одиноко стоявшей под фонарем.

– Энджи! – позвал ее Мэддокс.

Она на мгновение застыла с ключами в руке.

– Надо поговорить.

Энджи обернулась.

– Неужели надо?

При свете фонарей ее лицо казалось мертвенно-белым; поверх гладких темно-рыжих волос натянута черная шерстяная шапочка. Шрам на нижней губе в этом освещении стал заметнее, подчеркивая усталость и одновременно придавая Энджи сексуальный вид бедовой девчонки. Черт побери, если это не возбуждает!

– Это что, станет проблемой? – спросил Мэддокс, подходя ближе.

– Что – это?

– Ну ты, я. – После паузы он добавил: – Тот клуб.

Ледяной порыв ветра поднял в воздух мельчайшие льдинки.

– Нет никаких «ты и я», детектив, – тихо сказала Энджи. – Ничего не было, ясно? И обращайтесь ко мне Паллорино. – Говоря, она смотрела на него в упор.

Мэддокс сглотнул комок в горле. Она сделала его во всех смыслах. Ответ напрашивался сам собой – да, это будет проблемой.

Энджи выразительно поглядела на его левую руку, и только тут Мэддокс спохватился, что крутит большим пальцем обручальное кольцо.

– Женат, – тихо отметила она. – Я так и знала.

– Это не то, что ты думаешь...

Она фыркнула и шагнула к нему, оказавшись почти вплотную.

– Если не хочешь, чтобы супруга узнала о твоих походах налево, детектив Мэддокс, – тихо сказала она, – ты не скажешь о «нас» ни одной живой душе ни в управлении, ни в целом мире.

Мэддокс смотрел на ее рот. Ему страшно хотелось наклониться и поцеловать ее в губы, изведать этот шрам кончиком языка. В паху что-то шевельнулось при воспоминании о том, как Энджи оседлала его, обнаженная, с качающимися грудями, запрокинутой головой и распушенными по плечам волосами. Мэддокс медленно, глубоко вдохнул.

– Это угроза?

– Думай что хочешь.

По его губам прошла медленная улыбка, и он наклонил голову набок.

– Шутить будешь с другими, – отрезала Энджи. – И не пытайся со мной играть – пожалеешь. – Она развернулась к нему спиной и пискнула пультом, открыв машину. – Надо было сразу догадаться, что ты коп, – проворчала она. – Дура была, что не разглядела. – Сев за руль, она уже хотела захлопнуть дверцу, но Мэддокс положил поверх ее руки свою:

– Однако ты оставила мне свой телефон и назвала имя...

Энджи встретила с ним взглядом:

– Увидимся утром, сэр.

Рванув дверцу на себя, она завела мотор. Белый дым клубами вырвался в морозный воздух.

Мэддокс отступил, когда Энджи рванула с места. Машину немного занесло – покрышки описали плавную кривую на заснеженной парковке. Дыхание облаком собиралось у лица, а сердце, как только теперь понял Мэддокс, трепетало в горле. Он провел рукой по волосам. Да, это будет больше чем проблемой.

Глава 19

По дороге домой нервы потрескивали, как электропровода: сперва галлюцинации и странные слова, которые произносила розовая девочка, а теперь мистер Большой Член – ее начальник и временный напарник! Энджи боролась с яростным желанием развернуться и помчаться в «Лис», пусть даже с ее усталостью. Ей хотелось натрахаться до потери пульса, выпустить пар с кем-то еще, кроме Мэддокса, переписать вчерашний сексуальный опыт, создать свежие нейронные связи и начисто стереть Мэддокса из памяти, заменив его кем-то красивее, сексуальнее и лучше.

Однако тихий голосок подсказывал, что лучше Джеймса Мэддокса никого не найти.

Что это за имя – Джеймс!

«Здравствуйте, меня зовут Бонд. Джеймс Бонд».

Энджи включила музыку – «AC/DC» – и прибавила звук, усилив басы.

– «Ночью ты меня потряс... всю ночь...»

Она постукивала ладонью по рулю в такт песне, сворачивая на Уорф-стрит. От басов всякий раз вибрировал череп.

Энджи жила в одном из кондоминиумов в квартирке свободной планировки на самом берегу канала, на границе Чайнатауна. Свободная планировка на жаргоне риелторов означает однушку размером с почтовую марку и ценой в небольшое состояние. Но зато близко от работы и вообще удачная инвестиция – дом новый, бытовая техника на гарантии, да и продать квартиру, в случае чего, легко. Или сдать, если, например, захочется повидать мир, заняться личной жизнью или еще что-нибудь.

Проезжая по Док-стрит с крутым спуском к воде, Энджи вспомнила слова Веддера: «Веди себя по-человечески. Если будешь нормально сотрудничать, глядишь, Мэддокс и замолвит за тебя словечко, когда придет время. Раскрытие убийств в одиночку не проводится».

Замечательно. Ну просто лучше некуда, мрачно думала она, ожидая, пока откроются ворота подземного гаража.

Столько лет стараться попасть в элитный отдел и в итоге налететь на это? Мужик, с которым она переспала, чтобы сбросить напряжение, теперь часть ее работы? И у нее нет другого выбора, кроме как сотрудничать, потому что раскрывать убийства – цель всей ее жизни, а место в убойном отделе – Святой Грааль, за которым она охотится уже шесть лет, с самого

поступления в отдел по борьбе с сексуальными преступлениями. А эти синие глаза и слова, эхом отдавшиеся в ушах, когда Энджи въехала в гараж: «А что, это проблема? Ты, я... Этот клуб...»

Руки, державшие руль, сами собой сжались в кулаки. Вскоре ей, наверное, придется с милой улыбкой познакомиться с его супругой. Энджи уже совершила подобную ошибку – переспала с женатым коллегой. Для нее это был флирт, но кавалер все воспринял всерьез. Скандал обошелся всем очень дорого – в частности, ему стоил брака. Энджи поклялась, что такого больше не повторится. Тогда-то она и установила для себя правила секса и начала ездить в ночные клубы – ради хорошей разрядки без всяких привязанностей. У нее уже сформировалась настоящая зависимость от анонимного секса – ей нравилась скрытая опасность и власть, физическая и психологическая. Использовать мужчин было смутно приятно, словно мстить за все чудовищные случаи, когда мужчины били, насиловали и использовали беззащитных детей или женщин. Это давало ей ощущение контроля. Это была ее маленькая тайна, позволявшая чувствовать себя сильной.

Но сейчас Энджи чувствовала себя выбитой из колеи.

Оставив машину, Энджи поднялась на лифте в угловую квартиру на верхнем этаже. Внутри было стерильно чисто: блестящий хром и черные поверхности. Деревянные полы без всяких ковров – так легче делать уборку. Никаких безделушек. Нет домашних животных – не о ком волноваться. Нет комнатных растений – засохнут, ее сутками не бывает дома. Энджи включила отопление, стянула куртку и шапку и сбросила ботинки. Положив табельный пистолет, кобуру и оба телефона на стол, стянула резинку с густых, тяжелых волос.

Массируя кожу головы, Паллорино пошла в кухню, взяла из шкафчика бокал, а из морозилки – бутылку водки, налила немного и залпом опрокинула в горло. Ледяное онемение сразу сменилось жжением. Несколько глотков – или бокалов – помогут ей отключиться хотя бы на несколько часов: с утра предстояло работать в составе новой следственной группы под началом детектива Большого Че. Энджи включила телевизор и послушала новости, пока разогревала в микроволновке остатки покупной пасты. Круглосуточный канал муссировал подробности дела Драммонд. Вынимая тарелку, Энджи на секунду взглянула на экран – и окаменела.

Кто-то решил напомнить летние события и выложил в эфир архивную фотографию, сделанную в памятный душный июльский вечер. Энджи с искаженным страданием лицом держит на руках обмякшую окровавленную маленькую Тиффи, залитая ее кровью. В тот вечер погиб

Хаш.

Энджи медленно отставила тарелку и двинулась к телевизору, не чувствуя под собой ног. Схватив пульт, она резко прибавила звук.

– Детектив столичной полиции Анджела Паллорино и ее новый напарник Кьель Хольгерсен выезжали вчера на вызов на кладбище Росс Бей, где ученица школы Дюнэйгл Грейси Мэри Драммонд была найдена без сознания, истекающая кровью. Шестнадцатилетнюю Драммонд изнасиловали и искалечили... В последний раз Паллорино попадала в поле зрения СМИ...

Ярость всплеснулась в Энджи с неожиданной силой – она выключила телевизор. Для чего это надо – вытаскивать еще и историю с Хашем? Треклятым круглосуточным новостям нужно чем-то кормить своего неспящего монстра! Репортеры землю роют, лишь бы добыть материал, высасывают новости из пальца или ворошат старое дерьмо, стараясь выстроить сюжет из кирпичиков, которые нечем склеить. Веддер был прав – так она действительно скоро станет символом неудач полиции Виктории.

Мало ей проблемы с утечкой секретных сведений по расследованию!

Схватив бутылку с водкой, Энджи налила себе двойную порцию. Неся ужин и водку к компьютеру, она думала о Хольгерсене, который непонятно кому звонил из «Старбакса», а потом всячески отпирался. Это он предположил, что Мерри Уинстон перехватила вызов на кладбище с помощью радара... «А что, она ничего... Черные волосы иглами, бледная кожа... Мне уже доводилось ее встречать...»

Энджи почувствовала отвращение. Она не хотела сомневаться в сослуживцах, тем паче в собственном напарнике, – проще было верить, что утечка по делу Драммонд произошла от врачей «Скорой», работников больницы или от кого-то из родственников. Однако непринужденность общения с напарником сменилась скрытым недоверием и подспудными подозрениями. Меньше всего это нужно сейчас, когда Киллион со своей командой откровенно нацелился на полицию Виктории.

Придется отрастить глаза на затылке.

Загрузив почту, Энджи отправила в рот полную вилку макарон и принялась жевать, рассеянно просматривая письма. Ничего интересного.

Поискав в «Гугле» Грейси Мэри Драммонд, она нашла страничку в социальной сети для подростков. Умная девочка включила защиту конфиденциальности – Энджи не могла прочесть ее посты или узнать, кто у нее в друзьях; для этого понадобятся технические специалисты... Повинуясь внезапному импульсу, она запустила быстрый поиск по сержанту Джеймсу Мэддоксу.

Среди результатов нашлись несколько фотографий и статей – Мэддокс на пресс-конференциях, Мэддокс возле отделения королевской канадской конной полиции в Сюррее, Мэддокс в официальной красной форме на похоронах сослуживца, а вот щеголяет в стетсоновской шляпе и высоких ковбойских сапогах со шпорами. Энджи просматривала статьи, потягивая из бокала. Мэддокс явно был большой шишкой в объединенном отделе по расследованию убийств на материке – примерно ровня Базьяку по званию и должности. В его послужном списке значилось участие в крупной межведомственной следственной группе, которая в итоге установила и арестовала печально известного в Ванкувере серийного убийцу, фермера-свиновода Роберта Пиктона. Любопытство Энджи подогревал тот факт, что Мэддоксу не в новинку работать над серийными преступлениями. И вдруг он перевелся в полицию Виктории, где территория куда меньше, вкалывает как простой следователь и подчиняется Базьяку. Его перевод – по всем статьям карьерная ступенька вниз.

Она доела пасту, рассматривая Мэддокса в парадной форме и злясь, что находит его красивым. Раздраженно закрыв страницу, она проверила автоответчик на домашнем телефоне.

Там оказалось одно сообщение – от отца.

– Энджи, я целый день пытаюсь тебе дозвониться. Может, ты прослушаешь это сообщение, когда доберешься домой. Тебе нужно как можно быстрее проведать маму. – Пауза. – Ей нужно тебя увидеть. Она очень трудно привыкает, и медсестры... Попытайся доехать к ней завтра, очень прошу. – Он кашлянул. – Пожалуйста. – И звук положенной трубки.

Энджи стало не по себе. Она потерла лоб. Уже почти полночь, перезванивать поздно. Оставалось надеяться, что с Мириам все в порядке. Энджи вспомнила о коробке с мамиными вещами, которую оставила у дверей, прежде чем поехать в клуб.

Казалось, прошло уже несколько лет...

Энджи встала, взяла из коробки фотоальбом и отнесла на диван. Поджав под себя ноги в носках, она открыла книгу воспоминаний в кожаном переплете. На первой странице красовались фотографии ее первого дня рождения. Энджи начала листать, ища снимки из Италии, когда у отца был академический отпуск, но задержалась на фотографии, где они втроем у елки. Именно этот снимок, сделанный в первое Рождество после аварии, оставившей шрам на лице Энджи, вчера разглядывал отец.

Она тронула кончиками пальцев уголок рта и нижнюю губу – и в голове будто полыхнула алая вспышка, а губы резанула острая боль. Энджи услышала визг шин, скрежет металла и почувствовала вкус крови.

Она судорожно втянула воздух – видения и ощущения были настолько реальными, что казались подлинными. Энджи вскочила и начала ходить по комнате. Может, ей вспоминается авария? Она ведь вообще не помнит, как они разбились на машине. Может, память возвращается из-за потрясения в связи со смертью Хаша, а за пять минут до него – крошки Тиффи? Или она невольно экстраполирует образы и ощущения трагедии с Хашем на то, о чем знает по снимкам и рассказам? Обхватив себя руками – ее била дрожь, хотя в комнате уже стало жарко, – Энджи подошла к зеркалу у входа и уставилась на свое отражение. Она снова коснулась шрама – и в ушах зазвучало старое стихотворение: «В разбитом зеркале лицо – позор и грех мой тайный...»

И тут же нахлынули другие слова, звуки, образы:

«Беги, беги!.. Утекай, утекай!» Чей-то вопль. Драка. Темно, холодно. Падают снежные хлопья. Женщина... Знакомая женщина... «Вскакуй до шродка, шибко!» – кричит она. Серебристая вспышка, а за ней темнота...

Энджи никак не могла отдышаться: да что же это за... Может, так проявляется посттравматическое расстройство или, хуже того, у нее начинается душевная болезнь? Гены пальцем не раздавишь...

Она с сердцем захлопнула альбом, но одна из итальянских фотографий выскользнула из-под прозрачного пластикового покрова и порхнула на деревянный пол. Подхватив снимок, Энджи начала вставлять его на место, когда заметила на обороте крошечную надпись маминой рукой.

«Рим. Январь 1984».

Энджи нахмурилась. Оттянув пластиковую обложку, прикрывавшую рождественскую фотографию, сделанную в достопамятном декабре, она вытащила снимок и перевернула обратной стороной.

«Рождество 1987 г., Виктория».

Но здесь какая-то ошибка – ей много раз говорили, что в восемьдесят шестом они всей семьей были в Италии. В восемьдесят шестом отцу, профессору университета, дали академический отпуск, а в марте произошла авария, в результате которой Энджи осталась с рассеченной губой. В восемьдесят шестом ей шел пятый год. Насколько ей помнилось, в Канаду они вернулись до Рождества. На снимке должно стоять «Рождество, 1986 г.». Энджи вынула еще один из итальянских снимков, перевернула и прочла: «Неаполь, февраль 1984 г.».

Так, нужно поспать, а то ерунда какая-то получается. Оставив альбом и снимки на кофейном столике, Энджи допила водку и пошла выключать свет. Но, потянувшись за своим «смит-вессоном», чтобы убрать пистолет в сейф, она заметила, что «одноразовый» телефон мигает. Нахмурившись,

Энджи включила прослушивание сообщения.

– Энджи, – сказал мужской голос, низкий и звучный. Бархат на гравии.
Мэддокс.

– Насчет нашего незаконченного дела... Я бы хотел его завершить. –
Пауза. – Все время думаю о тебе. Позвони мне. – И он продиктовал номер.

Во рту у Энджи сразу пересохло. Она прижала руку ко лбу, затем проверила время сообщения. Мэддокс надиктовал его в восемь тридцать пять утра – спустя всего несколько часов после того, как она оставила его в номере мотеля «Лис». Он хотел снова видеть ее, быть с ней... триумфально завершить роскошный секс...

Пока они не встретились в морге.

Глава 20

Понедельник, 11 декабря

В кабинет, где оборудовали оперативный штаб расследования, Энджи вошла в насквозь промокшей куртке, нагруженная папками: она опоздала, простояв в пробке. Голова гудела от выпитой ночью водки и недосыпа.

– Спасибо, что присоединилась к нам, Паллорино, – громко сказал Базьяк, когда она ногой закрыла за собой дверь. Он стоял перед длинной белой доской, похожий на маленького Аль Пачино. Рядом с ним Мэддокс казался еще выше своих шести футов четырех дюймов.

Больше десятка детективов, сидевшие лицом к Базьяку и Мэддоксу, в образовавшейся паузе обернулись поглядеть на Энджи. Сплошь мужчины, отметила она, все немолодые, некоторые с брюшком, в старых рубашках, со значками, висящими на шее на шнурке. Единственной женщиной в кабинете, не считая Энджи, была Беттина, координатор системы «Виклас»: в ее обязанности входило прогонять поступающую информацию через аналитическую систему связей между зарегистрированными насильственными преступлениями, чтобы, если повезет, выявить общие черты у изнасилований и убийств в разных частях страны. Беттине было под шестьдесят. Еще на брифинге присутствовал помощник Базьяка и молодой психоаналитик.

Энджи коротко кивнула Хольгерсену, подпиравшему колонну у двери рядом с детективом Лео. Беловолосый коп поглядел на Энджи долгим и наглым взглядом и что-то тихо сказал Хольгерсену. Не обращая внимания, она сгрузила папки на свободный стол, стянула мокрую куртку, повесила на спинку стула и присела.

Напряжение в кабинете было хоть рукой трогай: тринадцать дней до Рождества, завтра новая метла, которая чисто метет, официально вступает в должность – словом, сверху давят так, что пуговицы отскакивают. Присутствовал даже инспектор Фрэнк Фицсиммонс, глава отдела особо тяжких преступлений (он сидел впереди, но отдельно от остальных). Энджи надеялась, что Фиц здесь в качестве наблюдателя, потому что, когда начальство вмешивается в ход расследования, это всегда означает проблемы. Фиц поймал ее взгляд, но лицо осталось бесстрастным: он самолично допрашивал ее с пристрастием после гибели Хаша и Тиффи Беннет с родителями. Энджи не смогли обвинить ни в малейшем

отступлении от официального протокола, но Фиц на это не купился и считал ее виноватой в смерти одного из лучших и опытнейших детективов столичной полиции. И не он один... Должно быть, думает сейчас о таинственной утечке информации и о медиафиаско Паллорино: ее лицо снова на первых полосах газет. От зловещего предчувствия в горле возник комок. Энджи перевела взгляд с Фица на Базьяка.

Начальник отдела приклеивал на доску фотографии двух последних убитых девушек, добавив их к снимкам Фернихок и Ритгер. Черным фломастером он размашисто написал наверху: «Улитка» – и подчеркнул слова быстрым движением руки.

– Операция «Улитка», – сказал Базьяк, повернувшись к группе. – Так будет называться данное расследование. Это слово никак не связано с данными преступлениями, да и в СМИ оно еще не попало. Я буду исполнять обязанности руководителя следственной группы. Вести расследование будет детектив Мэддокс. Сэлинджер берет на себя техническую сторону и документацию. Учитывая истерию в средствах массовой информации и тот факт, что смерти этих девушек разделяет очень короткий промежуток времени, мы должны действовать быстро и жестко, прежде чем преступник убьет снова.

Он помолчал, обведя взглядом присутствующих.

– Не хочу верить, что утечка произошла из нашего управления, но, учитывая степень конфиденциальности информации, которая попала в прессу, ничто, повторяю, ни одно сказанное здесь слово не должно прозвучать за пределами этого кабинета, если я лично не дам на это добро. Я требую, чтобы вы ни под каким предлогом не общались с журналистами – по всем вопросам отправляйте их в нашу пресс-службу. На утро уже намечена пресс-конференция с целью развеять панику и минимизировать уже нанесенный ущерб. Всем ясно?

В комнате загудели и закивали.

– Расследование проводить с соблюдением строжайшей субординации: все докладывать лично мне, а я передаю информацию наверх и раздаю поручения. В семь утра ежедневно брифинг в этой комнате. Передачу информации ночной смене проводить в конце дня. Приказываю свести сверхурочные к минимуму, но при этом держать руку на пульсе. Этого можно добиться с помощью организованной круглосуточной ротации, начиная с тех, кто у нас здесь. В случае необходимости, нам дадут подкрепление. Время уже пошло, и оно работает не на нас.

Ага, подумала Энджи, экономя, но дело делай. В этой речи чувствовалось влияние Гуннара – шеф явно уступил давлению

предвыборных обещаний Киллиона сократить расходы и одновременно увеличить раскрываемость.

– Значит, что: у нас два женских трупа. – Базьяк показал на первую фотографию на белой доске. – Грейси Мэри Драммонд, шестнадцать лет, белая, пять футов шесть дюймов, темные волосы до плеч... – Он перечислил все, что удалось выяснить. – Предположительно причина смерти Драммонд – насильственное погружение в пресную воду; скончалась в больнице от последствий попытки утопления. Сейчас как раз идет вскрытие. – Он постучал тыльным концом фломастера по второму снимку: – Фейф Хокинг, девятнадцать лет, белая, пять футов семь дюймов, хрупкого телосложения. Длинные темные волосы.

Это что же, идентифицировали утопленницу?!

Энджи бросила взгляд на Хольгерсена, детектива Лео и Мэддокса, но все слушали Базьяка. Внутренне напрягшись, Паллорино стиснула зубы.

Базьяк взял со стола новый снимок и прилепил его на доску.

– Хокинг идентифицировали сегодня ночью по татуировке. – На фото крупным планом была Медуза горгона с головой, полной змей.

– Черт! – не сдержался кто-то.

– Вот уж не сунул бы туда, – негромко заметил еще один коп, сидевший рядом с Энджи. Она повернула голову и смерила его взглядом. Он только изогнул темную бровь.

– Хокинг нашлась в нашей базе данных – привлекалась за торговлю метамфетамином три года назад, когда ей было шестнадцать. Согласно полицейскому отчету, в двенадцать лет убежала из дома и бродяжничала. Сама сидела на метамфетамине и подторговывала собой, чтобы платить за наркоту. Последнее место проживания или местонахождения нам пока неизвестно, но три года назад Хокинг иногда приходила ночевать в приют для бездомных детей и подростков-наркоманов – «Харбор-хаус» на улице Сонги. Приют держит волонтер Маркус Джилани, которого все называют пастором Маркусом. Предположительная причина смерти Хокинг – асфиксия в результате удушения веревкой. Официальный отчет о вскрытии и результаты лабораторных тестов еще не готовы, но в обоих убийствах уже можно выделить общий почерк: признаки зверского изнасилования, причем в анальное отверстие тоже, и намеренное уродование гениталий – у обеих жертв вырезаны капюшон и головка клитора и малые половые губы. – Базьяк секунду помолчал. – Так называемое женское обрезание.

Мужская аудитория загудела.

– На лбу потерпевших острым лезвием вырезано распятие, и у каждой срезана и похищена прядь волос надо лбом, ровно посередине линии роста

волос. – Постукивая фломастером по ладони, Базьяк пояснил: – Сувенир, трофей... – Снова пауза. – Мы считаем, это работа серийного маньяка.

В кабинете снова послышался гул.

– А что, два убийства уже означают серийного убийцу? – поинтересовался один из детективов.

– Вне зависимости от официального определения серийного маньяка, эти два убийства и изнасилования совершены одним и тем же лицом с характерным почерком и очевидной религиозной подоплекой, – ответил Базьяк. – Это для него не просто изнасилование, а ритуал с особым значением. Мы предполагаем, что надругательства над Драммонд и Хокинг связаны с двумя изнасилованиями, имевшими место три и четыре года назад. Эллисон Фернихок, четырнадцать лет, и Салли Риттер, шестнадцать лет, изнасилованы во влагалище и анальное отверстие; преступления совершены в прилегающих к Виктории районах. Детектив Паллорино из отдела по борьбе с сексуальными преступлениями расследовала эти случаи вместе с покойным Хашовски.

Головы повернулись в ее сторону. Энджи неловко двинулась на стуле, соображая, действительно ли на нее смотрят с осуждением или это ее домыслы; в глубине души она до сих пор гадала – может, Хаш остался бы жив, оцени она ситуацию иначе и не действуй столь импульсивно.

– И какая же связь между изнасилованиями Фернихок и Риттер и убийствами Драммонд и Хокинг? – послышался хриплый голос детектива Лео, сидевшего у дальней стены.

– Об этом вам расскажет сама Паллорино.

Энджи встала, взяла свои папки и подошла к столу Базьяка. Откашлявшись, она указала на фотографию Риттер, миловидной девочки-подростка с длинными каштановыми волосами и хрупкой фигуркой.

– На Салли Риттер напали четыре года назад в августе после концерта на открытой площадке, когда она, что называется, удалилась в кусты и облегчилась. По ее собственному признанию, на концерте она «сильно набралась». Когда деревья скрыли ее от глаз слушателей концерта, на нее напали сзади. Преступник применил локтевой захват и приставил к горлу нож. Девочка запомнила мужской голос, темную одежду и лыжную шапку. Она считает, что преступник был белый, около пяти футов одиннадцати дюймов ростом, худой и очень сильный. Возраст – от двадцати до тридцати лет. Он затащил ее в чащу, заросшую густым кустарником, и принудил лечь на землю лицом вниз. Вдавлив ее лицом в грязь, он, держа у шеи нож, задрал Риттер юбку и сорвал трусы. Он приказал ей не кричать, угрожая перерезать горло, а затем сказал следующую фразу: «Отрекаешься ли ты от

Сатаны, отца и князя всякого греха?» Намотав длинные волосы жертвы на кулак и держа нож у ее горла, он заставил Риттер ответить: «Отрекаюсь». После чего ввел свой пенис в тело жертвы сзади, вагинально и анально, оставив разрывы. Риттер на тот момент было шестнадцать лет.

Энджи перевела дыхание, чувствуя на себе взгляд Мэддокса. Избегая смотреть на него, она сосредоточилась на тех, кто сидел непосредственно перед ней.

– Затем он ударил ее по голове, как полагает Риттер, камнем, отчего она потеряла сознание. Придя в себя, она кое-как вышла обратно к концертной площадке, где подруги спросили, что у нее на лице. Красным водостойким фломастером насильник нарисовал у нее на лбу распятие, а посередине надо лбом была срезана прядь волос.

Энджи прикрепила фотографию красного распятия на лбу Риттер.

– Этот снимок сделала ее сестра – Риттер заявила об изнасиловании три дня спустя. Размер, форма и расположение креста совпадают с теми, что вырезаны на лбу Драммонд и Хокинг. Пряди волос у всех трех жертв тоже срезаны ровно посередине.

Она указала на фотографию Фернихок.

– Эллисон Фернихок на момент нападения было четырнадцать лет. Три года назад в первых числах сентября она вышла из бара «Тюдор» в центре Виктории, где пила спиртное по фальшивому удостоверению личности. На пустой улице на нее напали – тоже сзади, тоже локтевой хваткой и нож к горлу. Ее затащили в переулок за мусорные контейнеры, где велели лечь на асфальт лицом вниз и не кричать, иначе ей перережут горло. Напавший разорвал на ней одежду и повторил ту же самую фразу: «Отрекаешься ли ты от Сатаны, отца и князя всякого греха?» Он заставил Фернихок ответить: «Отрекаюсь», после чего изнасиловал ее так же, как Риттер, оглушил и оставил в бессознательном состоянии. Фернихок плохо запомнила нападавшего – она призналась, что перепила и мало что соображала. Распятие на лбу и срезанные волосы она обнаружила, только придя домой и увидев себя в зеркале в ванной. – Энджи прикрепила на доску фотографию лба Фернихок с рисунком. – Снова та же форма, размер и расположение. Снимок сделала подруга. Фернихок заявила о случившемся шесть дней спустя, по настоянию подруги и матери. Ни у Риттер, ни у Фернихок не были взяты мазки сразу после изнасилования, одежда в обоих случаях была постирана, а насильник, по их мнению, надевал презерватив. Мы не нашли ни свидетелей, ничего, только вот обе девочки утверждали, что примерно две недели до нападения за ними «ходил мужчина». Больше о подобных изнасилованиях заявлений не было,

совпадений по почерку в «Виклас» не нашлось, среди рецидивистов подобного тоже не выявлено.

– Но если это один и тот же извращенец, где же он был три года? – спросил кто-то.

– Возможно, в тюрьме, или уезжал куда-то, или другие потерпевшие скрыли факт изнасилования. – Энджи обвела глазами каждого мужчину и единственную женщину, сидевших перед ней. – Фраза, которую он произносил, из римско-католического обряда крещения. Учитывая это, а также распятия, намеки на грешниц и тот факт, что Драммонд погрузили в воду и положили к ногам Девы Марии, плюс то, что обе покойные были частично лишены женского естества – им вырезали те органы, роль которых в человеческой биологии сводится почти исключительно к доставлению наслаждения при половом акте, – короче, с учетом всего перечисленного можно предположить, что насильник уверен – он карает девушек за грех женской сексуальности или за то, что его ввели в соблазн. Он...

Базьяк с шумом поднялся на ноги.

– Благодарю вас, детектив Паллорино. Давайте придерживаться фактов, а не домыслов. – Он взглянул на часы. – Все еще очень зыбко. Мы ждем заключений по двум вскрытиям и результатов лабораторных анализов, в том числе шерсти животного и семян растений, найденных на теле Хокинг. Нам понадобятся дальнейшая энтомологическая, ботаническая и одонтологическая интерпретация этих улик. Еще мы запросим метеорологическую экспертизу и описание океанских течений в окрестностях Виктории. Наши специалисты сейчас анализируют результаты опроса жителей домов в районе Росс Бей и запись с камеры «Северн Элевен» напротив кладбища. У нас в планах опрос сотрудников «Синего барсука» и осмотр прилегающей территории.

Заскрипели отодвигаемые стулья, и детективы собрались вокруг Базьяка, раздававшего поручения.

– Лео, ты и Хольгерсен едете в «Харбор-хаус», может, узнаете побольше о Фейф Хокинг. Возьмите. – Он подал Хольгерсену целую стопку флаеров с крупным фотопортретом Фейф. – Может, ее видели там в последнее время. Мэддокс, вы с Паллорино едете в морг, узнаете, что О'Хейган скажет по Драммонд. – Он снова взглянул на часы. – После этого съездите к Драммонд домой, поглядите, в каких условиях она проживала. А я направлю патрульных опрашивать жителей ближайших к Драммондам домов – может, они видели, кто еще садился в автобус в восемнадцать ноль семь.

Фиц ничего не сказал, он лишь следил за ними искоса, как темный ястреб.

Присутствующие громко загалдели.

Базьяк грохнул по столу доньшком пустого стакана.

– Слушать меня!

Все замолчали.

– В нашей стране раскрываются восемьдесят пять процентов убийств, и на это есть простая причина – большинство жертв знакомы со своим убийцей. Но, когда мы сталкиваемся с гастролерами, связь между жертвой и преступником неочевидна. Найдите эту связь, и мы возьмем ублюдка.

Фиц поднялся и подошел к Базьяку. Высокий, как Мэддокс, он был таким же худым, как Базьяк. Не нос, а клюв, длинное лицо, чувственные губы. Скорбные глаза под опущенными веками отлично маскировали острейший ум и взрывной темперамент.

В комнате повисла тяжелая тишина.

– Судя по имеющимся данным, – начал Фиц странно высоким голосом, – этот преступник скоро убьет снова, если ориентироваться по промежутку времени между Хокинг и Драммонд. Мы не должны этого допустить. – Он помолчал. – Я хочу, чтобы убийца был схвачен до Рождества.

Базьяк хлопнул в ладоши и прибавил:

– Ну чего ждем? Долгих сердечных проводов? За дело, и побыстрее!

Глава 21

Выйдя на улицу, Энджи нырнула под выступ балкона, чтобы позвонить отцу. Слушая гудки, она увидела, как Лео и Хольгерсен вышли из здания и укрылись под карнизом чуть поодаль. Хольгерсен наклонился, и Лео зажег ему сигарету. Энджи повернулась к ним спиной, когда отец снял трубку.

– Папа, это я. Как мама сегодня, получше?

Отец тяжело вздохнул:

– Никакого «лучше» ждать не стоит, Эндж, все будет только хуже. Она перевозбуждена, встревожена, растеряна из-за переезда. Сейчас ее накачали седативами.

Энджи стало больно от безнадежности, слышавшейся в голосе отца. Он остался совсем один... Она покосилась на куривших и смеявшихся копов. Что она делает со своей жизнью? На каком месте для нее семья? Эти вопросы вдруг приобрели важность и стали реальными. Энджи подумала о Лорне Драммонд и ее жестоко убитой дочери, об ощущении безвозвратно утраченного времени.

– Я попытаюсь съездить... – Поколебавшись, Энджи добавила: – Нет, я обязательно заеду сегодня, обещаю, как только выдастся минута.

– Да, Энджи. Конечно.

Закусив губу, Энджи брэнчала ключами от машины.

– Кстати, пап, а в каком году мы проводили твой академический отпуск в Италии?

– А что это ты вдруг?

– Я... перебирала старые фотографии, которые ты мне отдал, и заинтересовалась.

Отец секунду помолчал.

– Мне нужно посмотреть, я точно не помню.

– Но это же было в год автомобильной аварии? Мы ведь больше не ездили в Италию?

Снова пауза.

– Энджи, что происходит? – спросил отец, и Энджи поразились, как изменился его тон.

– Да ничего. Просто на обороте снимка из Рима мама написала «1984», и эта же дата стоит на фотографии из Неаполя, а мне казалось, мы были в Италии в восемьдесят шестом – с тех пор я и хожу со шрамом на лице.

Новая странная пауза.

– Наверное, мама перепутала. У нее уже начинались... симптомы.

Попрощавшись, Энджи несколько секунд соображала, сильный ли дождь. Смена папиной интонации удивила и встревожила, но, если мама в то время уже теряла связь с реальностью и временем, это все объясняет...

Из отделения вышел Мэддокс, и внимание Энджи переключилось на него. Он показался ей надменным и очень эффектным в черном шерстяном полупальто и белоснежной рубашке с бордовым галстуком. В движениях Мэддокса чувствовалась властность, которая зацепила ее внимание (и либидо) в ночном клубе. Да, надо было сразу его раскусить и догадаться, что перед ней полицейский, военный или представитель какой-нибудь силовой структуры.

– Нас ждет доктор О'Хейган, – напомнил Мэддокс, подходя.

– Встретимся в морге. – Энджи шагнула под дождь и направилась к «краун вик».

– Мы можем поехать на моей машине! – сказал ей вслед Мэддокс.

Энджи обернулась:

– Я привыкла быть за рулем.

– Прекрасно, – сказал он, подходя и подавая свои ключи. – Поведешь мою.

– А чем плоха моя машина?

– Ты хочешь, чтобы пес ее описал?

– Что?!

– Собачья нянька отказалась в последний момент, другая не освободится до вечера, так что Джеку-О придется поскучать в машине. Иногда он прямо там и писает. Его одеяло, миска и прочая амуниция – все там.

– Ты шутишь?

Мэддокс бросил Энджи ключи, которые она ловко поймала на лету.

– «Шевроле Импала», – сказал он и зашагал к машине.

Энджи недоверчиво смотрела ему вслед. Хольгерсен, подойдя сзади, хмыкнул:

– Удачи с контролем норова, Паллорино.

– Да пошел ты...

– А вы точно не знакомы? – не отставал Хольгерсен. – Старый Лео готов держать пари, что между вами что-то было. Говорит, в морге вас обоих будто гранатой оглушило, так вы уставились друг на дружку.

Энджи выругалась и пошла за Мэддоксом, который уже ждал у «Шевроле», сунув руки в карманы. Дождевые капли мелкими

бриллиантиками усеивали его смолянисто-черные волосы. Открыв с пульта замок, Энджи бросила ключи ему обратно.

– Ведите вы, я не против, – резко сказала она, забираясь на пассажирское сиденье. Сзади зарычала маленькая дворняжка.

– Да, действительно воняет, – сказала она, повернувшись поглядеть на пса. Уродливый барбос – помесь джек-рассела неизвестно с кем, и задняя лапа недавно ампутирована. Джек-О снова зарычал, показывая желтые мелкие зубы.

– Повторяю, это пока я не найду ему няньку, – сказал Мэддокс, садясь за руль. – Тогда можно будет толком отмыть машину. – Он захлопнул дверь и пристегнулся. С закрытыми дверями вонь мочи стала сильнее, и Энджи вдруг осознала, как близко от нее Мэддокс. Замкнутое пространство приобрело черты интимности. Их взгляды встретились, и Паллорино захлестнули воспоминания о сексе в мотеле. Зрачки Мэддокса расширились, и она поняла – он тоже думает об этом.

«Я насчет нашего незаконченного дела... Я бы хотел его завершить... Все время думаю о тебе...»

Откашлявшись, она спросила:

– А что вообще с собакой? С лапой что?

Мэддокс завел мотор и задом выехал с парковки.

– Машина сбила. Прямо на моих глазах. Лапа попала под колесо грузовика. Я ехал мимо, остановился и буквально соскреб пса с асфальта. Отвез к ветеринару. Лапу было не спасти, пришлось отрезать. Собаку никто не искал... – Мэддокс пожал плечами. – Может, владелец не захотел платить ветеринару, или пес вообще бродячий. Лечение оплатил я, а потом просто не смог допустить, чтобы бедолагу сбагрили в собачий приют. – Он взглянул на Энджи: – В итоге я его забрал. Ему все равно требовалась повторная операция – это он уже после второго вмешательства.

– А почему Джек-О?^[4]

Губы Мэддокса дрогнули в улыбке.

– Сбили его в ночь на Хеллоуин – пытался съесть раздавленную тыкву на дороге. – Он снова поглядел на Энджи, и улыбка стала заметнее, осветив и глаза. – Выглядит он как черт знает что, настоящее пугало. Опять же, местами рыжий, как тыква. По-моему, самая подходящая кличка.

Энджи взвешивала услышанное, и предвзятое мнение совершенно переворачивались в голове. Значит, красавчик из убойного отдела, которого природа снарядила прекрасным большим членом, еще и бродячих животных спасает?

Мэддокс включил печку. «Дворники» поскрипывали. Энджи поглядела

на его запястья – подвернутые рукава не скрывали красные растертые следы, оставшиеся после стяжек и страстного секса, – и во рту у нее пересохло. Она перевела взгляд на обручальное кольцо Мэддокса.

– А почему бы твоей жене не присмотреть за Джеком-О? Или она тоже с утра до вечера на работе?

Синие глаза сверкнули, рот сжался в узкую линию. Она наступила на большую мозоль? Любопытство росло.

– Она живет на материке. Я переехал сюда, чтобы быть поближе к дочери – Джинни начала учиться в Университете Виктории. – Мэддокс остановился на красный свет, барабаня пальцами по рулю. – Я был с Джинни в «Синем барсуке», когда мне позвонили и вызвали на труп в канале. В том самом модном кафе, где работала Драммонд.

В голове Энджи тут же возникли новые вопросы, в том числе о его жене и дочери, и она сердито отвернулась к забрызганному дождем окну, не желая спрашивать и вообще интересоваться или знать, что Мэддокс свободен, несмотря на обручальное кольцо.

– Базьяк довольно хамски оборвал тебя, – проговорил Мэддокс, когда загорелся зеленый. – Извини.

Энджи очень удивилась.

– Тебе не за что извиняться, – ответила она и тут же гордо выпрямилась: – Я вовсе не расстроилась, Базьяк по жизни такой.

– А что ты собиралась рассказать?

– Ты и дальше будешь проявлять такую снисходительность?

– Неужели ты действительно так думаешь обо мне? Слушай, если ты настроена быть моей напарницей, я хочу выслушивать любые твои теории и версии, а ты будешь выслушивать мои. – Он свернул на съезд, ведущий к моргу. – Кроме того, вы с Хашем расследовали первые дела об изнасилованиях. Я читал документы, но предпочитаю рассказ непосредственного свидетеля.

– Когда это ты успел прочитать дела – ночью?

– Рано утром.

Энджи уставилась на Мэддокса гневным взглядом: ей показалось, будто те старые дела и все, что она сделала вместе с Хольгерсеном по делу Драммонд, обманом отняты у нее.

– Почему ты не позвонил мне, когда установили личность Хокинг? – не выдержала она.

Он улыбнулся:

– Потому что девочкам нужно высыпаться.

– Катись подальше, Мэддокс, – тихо попросила она. – Эта твоя

снисходительная манера...

– Слушай, если у тебя какие-то комплексы и тебе кажется, будто на тебя все смотрят сверху вниз, потому что ты женщина или мужененавистница, это твоя проблема, а не моя. – Его глаза стали серьезными. – Я в эти игры разума не играю.

– Скажи мне только одно, – невозмутимо попросила Энджи. – Ну чтобы понять раз и навсегда – что ты забыл в Виктории? Насколько я понимаю, ты перевелся с понижением. В канадской полиции ты был практически ровней Базьяку, а сейчас получаешь от него приказы и треплешь дорогой галстук и шерстяное пальто по моргам и местам происшествий. Ты по-крупному облажался в Канаде или как?

– Я тебе уже сказал – я переехал, чтобы быть поближе к дочери.

– А жену оставил на материке, однако кольцо носишь?

Мэддокс покосился на нее.

– Долго объяснять. – В выражении лица и интонации угадывалось предупреждение, прозрачно намекавшее, что лучше отвалить. – Это очень личное.

Энджи рассматривала его профиль – агрессивно набыченный лоб, темные брови, внушительный нос. Широкие, скульптурно вырезанные губы. Длинные густые черные ресницы. Ей вспомнились черные волосы у него в паху и на груди, и по животу горячей волной разлилось возбуждение. Энджи отвела глаза. Да уж, личное... В клубе их угораздило затеять нечто тоже очень личное.

С этим будут не просто сложности.

Это откровенный риск, если она хочет работать в убойном отделе.

Глава 22

– Джейден, что случилось? Ты бледен как мука!

Он выключил телевизор на кухне, оборвав утренние новости. Сердце стучало в горле: «кладбищенскую девушку» опознали, и ею оказалась Грейси. Не может быть, здесь какая-то ошибка! Как это может быть Грейси? Он испугался, что его вот-вот стошнит.

– Ничего.

– Точно?

– Со мной все в порядке, – огрызнулся он, отодвигая нетронутую тарелку с завтраком.

Мать взглянула на него, на телевизор и на настенные часы. Ее лоб прорезала морщина.

– Разве тебе не нужно ехать на занятия в университет?

Не отвечая, он быстро встал и вышел, едва не налетев на отца, который направлялся в кухню с портфелем в руке. До Джейдена донеслось:

– Не понимаю, почему этот парень до сих пор живет с нами. Господи, да я в двадцать восемь лет...

Джейден замер, слушая, что говорят о нем родители.

– Потому что он занят учебой на юридическом и не должен отвлекаться на заботы о собственном жилье, на покупки и готовку, – ответила мать.

– Он же тряпка! И слишком недалекий, чтобы стать юристом. Ему бы, не знаю, в социальные работники или в художники. Не понимаю, как он у нас такой получился – характером ни в тебя, ни в меня.

– Диплом юриста ему поможет, Рей, как и степень по антропологии.

Опять включился телевизор. Диктор снова рассказывала о «кладбищенской девушке» и неопознанном трупе, выловленном из залива.

Джейдена затрясло – страх сдавил горло, словно петлей.

– Что-нибудь новое сказали? – спросил отец, видимо, следивший за новостями.

– Полиция организовала пресс-конференцию, – ответила мать. – Личность обеих жертв установили, обо всех новых находках извещают мой офис. Ситуация грозит выйти из-под контроля, если только полиция не возьмется за дело и не задавит начинающуюся истерию на корню. – Пауза, нарушаемая звяканьем тарелок, которые ставили в посудомойку. – У меня вечером встреча, – послышался голос матери. – Ты придешь на ужин?

– А у меня переговоры по поводу проекта застройки берега. Буду, наверное, часов в десять. – Клацанье замочков отцовского портфеля. – Пока, удачи.

Джейден поспешно забился в угол. Отцовские шаги гулко простучали по каменной плитке, с грохотом захлопнулась входная дверь. Джейден поспешил в свою комнату в западном крыле родительского дома, слишком большого для семьи из трех человек.

Из своего окна Джейден проводил взглядом бронзового цвета отцовский «Ягуар», набравший скорость на подъездной аллее, и набрал номер.

Трубку сняли на третьем звонке.

– Значит, ты слышал... видел новости? – спросил голос.

Этого хватило, чтобы Джейден утратил остатки самообладания: нервный озноб перешел в неподконтрольные содрогания, на теле выступил обильный пот. В попытке успокоиться он провел дрожащей рукой по лбу и с силой прижал ладонь к макушке, стараясь придавить бушевавший в голове смерч, словно все исчезнет, как не было, если не дать ему вырваться наружу.

– Что произошло с Грейси? Как?.. – с трудом выговорил он.

– Откуда, блин, мне знать, как и что произошло?

Джейден с трудом сглотнул и севшим голосом спросил:

– А труп в заливе чей?

В трубке ответили после паузы.

– Иисусе, Джей, почему я знаю? Что там с тобой, признавайся!

– Я... Я просто подумал, нет ли здесь... связи... Ну с...

– Слушай меня! Никакого отношения к нам это не имеет. Ни одна из этих смертей.

– И что нам делать?

– Ничего, Джейден, ничего. Я же сказал – это не имеет к нам отношения.

– Но ведь следствием этого...

– Ты меня слышишь или нет? Это! С нами! Не! Связано! Усек?

– А если из полиции придут с обыском?

– С какой стати?

– Я хотел быть с Грейси. Я... я... я собирался ей помогать, пока она не накопит достаточно. Мы планировали...

– Джейден, слушай меня очень внимательно. Есть какие-то доказательства, что ты ей помогал? Чеки, например? Ты ей что-нибудь покупал со своей карты?

– Нет... Кажется, нет.

– Тогда полиция к тебе не придет. А если придет и ты распустишь язык, как дурак, ты всех утопишь. Слышишь? Мамашу свою, папашу – всех. Разразится грандиозный скандал. Ты сядешь в тюрьму, вот насколько все серьезно. Поэтому заткнись и не вякай. Если тебе совсем немоготу, поезжай за границу, отдохни.

– Но у меня скоро экзамены, мне нужен этот диплом!

– Вот и соображай, что для тебя важнее. Я не знаю, о чем ты думал, когда путался с этой девкой – мог в сто раз лучше найти, – но я тебе сочувствую. Прими мои соболезнования. А теперь выбрось ее из головы.

Кое-кто из репортеров обернулся, когда Мерри вошла в редакцию: разговор только что шел о ней, о ее дерзком твите и блоге.

– Ты в порядке? – спросил Дуэйн, сидевший за соседним столом.

– Все прекрасно, – отрезала Уинстон, развешивая куртку на спинке стула и усаживаясь за компьютер.

Но до прекрасного было далеко.

Впервые за пять лет Мерри мучительно не хватало дозы, и это пугало ее до внутреннего визга. Ее буквально подкосила мысль, что он вернулся, – это доказывало, что она по-прежнему всего лишь ничтожная наркоманка. От этого у нее все валилось из рук, даже кусок не лез в горло. Следовало выспаться, но она выпила слишком много кофе и не могла сдержать нервной дрожи.

Из-за перегородки послышался голос другого репортера:

– Готов спорить, тебя выпрут, Уинстон, и часа не пройдет! Профессиональное самоубийство в «Твиттере»? – Он сухо засмеялся. – Ну не ты первая. Был ведь уже политик, который разместил в «Твиттере» фото своего члена. А как начальник столичной полиции писал в твитах слащавую чепуху жене своего подчиненного, искренне веря, что все конфиденциально? погоди, Киллион это еще припомнит, когда с треском уволит Гуннара! Психологический механизм один и тот же – все равно что сесть за руль: устраняешься от личной ответственности и думаешь, что реальность не ухватит тебя за задницу...

– Да пошел ты, Стив!

– Мерри! – Главный редактор с побагровевшим лицом заглянул в отдел новостей и кивком указал на дверь: – В мой кабинет!

– Ух ты, – восхитился за перегородкой Стив. – Что я тебе говорил?

Мерри быстро начала копировать свои файлы на флешку. Покончив с

этим, она принялась стирать все, что когда-либо писала на рабочем компьютере.

Дуэйн наблюдал за ней.

– Файлы найдут, – сказал он. – Они оставляют цифровой след.

– Нечего искать, – парировала Уинстон, сунув в карман флешку с записями звонков своего таинственного информатора. Если ее решили уволить, она не станет дарить редакции ценнейшую информацию.

Встав, Мерри расправила плечи и пошла как на эшафот, в глубине души ожидая появления охранников с картонной коробкой, которые сложат туда ее вещи, пока она сидит у главного редактора.

– Закрой дверь, – сказал главный, когда она вошла. Мерри прикрыла дверь и медленно присела перед столом. – Сегодня рано утром ко мне домой наведались два офицера полиции. Они хотят знать, кто твой источник.

Мерри кашлянула, прочищая горло.

– Источники у меня надежные, я всю поступающую информацию проверяю, – солгала она. – И не просите меня их раскрыть – со мной же перестанут выходить на контакт!

– Полиция ищет длинный язык в своих рядах.

– Это их проблема, а не моя... не наша.

Редактор сверлил ее взглядом.

– То, что ты сделала... Разместить такую информацию в «Твиттере», в своем блоге...

– Но там же нет неправды – все проверено! Столичная полиция провела пресс-конференцию, и ничего из написанного мной не отрицается.

– Ты ходишь по краю, Мерри. Если они вернуться с предписанием суда...

– Вот тогда и поговорим. При всем уважении, сэр, свобода прессы стоит хорошей драки. А какую рекламу мой блог и страница в «Твиттере» обеспечили «Сан»! Все журналисты, все до единого новостные издания ознакомились с моими сведениями и выложили свои версии. Даже телевидение соизволило обратить внимание. Если я ошиблась, это мой личный блог и твиты, меня засудят, а не «Сан». Вам достается вся слава плюс мои дальнейшие статьи. А если полиция все же потребует раскрыть источник, мы сами станем сенсацией. Так даже лучше! – Во рту у Мерри пересохло, пульс частил, но по выражению глаз главного она поняла, что победила.

Главный редактор тяжело вздохнул.

– Ладно. Но ты ходишь по тонкому льду, будь осторожна. Если

редакционная комиссия решит от тебя избавиться, ты отсюда вылетишь, Уинстон. Ни компенсаций, ни рекомендаций, голый кукиш. И я тебя выручать не буду. Я вообще рисковал, нанимая тебя. «Сан» сквозь пальцы смотрит на твой личный блог криминальной хроники, потому что мы пока медленно продвигаемся по новому для нас и постоянно меняющемуся цифровому ландшафту...

– А знаете, почему редакционная комиссия до сих пор меня не прикрыла? Потому что благодаря мне увеличивается спрос на газету. Я привлекаю новых читателей. Разве не это ставилось целью, когда «Рэддисон индастрис» выкупили ваше издание, – увеличить читательскую аудиторию? Потакать массовому вкусу, стать бульварным таблоидом?

– Будь осторожна, – повторил главный. – Мне нравится твоя позиция, Мерри, – в ней чувствуется уличный темперамент, нравится твоя неугомонность. Но если одна или несколько «крыс» в полиции сливают тебе служебную информацию, значит, тебя используют. Они наверняка преследуют определенную цель. – Он молча смотрел на Мерри несколько мгновений. – Попадешь под раздачу – мы ничем не сможем тебе помочь.

Грейси Драммонд до шеи была накрыта белой простыней. Лицо казалось спокойным, почти безмятежным. Она напоминала тряпичную куклу зашитыми разрезами на лбу, составляющими распятие, и широкой полосой черных швов там, где Барб О'Хейган разрежала и отвернула кожу лица, чтобы извлечь из черепа мозг.

Энджи и Мэддокс снова стояли рядом, слушая, как О'Хейган перечисляет то, что вошло в предварительный отчет.

– Причина смерти – утопление в пресной воде, – сказала врач, отвернув простыню и обнажив край Y-образного разреза на молодой груди Драммонд. – Обратите внимание на синяки на шее и плечах и на эту полосу по нижнему краю ребер. – О'Хейган обвела рукой длинный фиолетово-багровый кровоподтек.

– Ее могли перегнуть через жесткий край, например, ванны, – сказала Энджи, – или какой-нибудь лохани, и удерживать. Голова и плечи находились под водой, а она старалась освободиться.

О'Хейган кивнула.

– Также на теле имеются вагинальные и анальные разрывы, говорящие о грубой пенетрации. Под сводом влагалища следы талька, как и у Хокинг.

– Стало быть, в обоих случаях он использовал презерватив, – заключил Мэддокс.

– Обрезание Драммонд, как вам известно, было прижизненным, однако у Хокинг все отрезано после смерти, – сказала О’Хейган.

Энджи и Мэддокс переглянулись.

– Значит, он изменил почерк? – уточнила Энджи.

– Или совершенствуется, – отозвался Мэддокс. – Или думал, что Драммонд мертва.

– Судя по всему, обрезание выполнено одним и тем же человеком – лезвие одинакового размера, аналогичное направление разрезов, те же вырезанные части. – Барб покачала головой, глядя на мертвое спокойное лицо Драммонд. – Что только люди не делают друг другу ради сексуального ублажения... Мозг – главный сексуальный орган: все, что подсказывает воображение, воплощается на деле, а оргазм закрепляет мотивацию как ничто другое...

Энджи бросило в жар. Она вдруг вспомнила, что Мэддокс стоит совсем рядом.

– А крест на лбу? – напомнила она.

О’Хейган подвела их к негатоскопу с рентгеновскими снимками.

– Это череп Хокинг. Вот здесь видны тонкие царапины. – Патологоанатом указала на тонюсенькие линии, составляющие распятие, на лобной кости. – А это череп Драммонд. Та же глубина царапин и та же форма.

– Похоже, одна и та же рука, – сказал Мэддокс. – Давление на лезвие одинаковое в обоих случаях.

– Не считая этих травм, Драммонд можно назвать абсолютно здоровой, – сказала О’Хейган. – К сожалению, остальные следы были уничтожены в больнице...

– Ее одежда до сих пор в лаборатории, – перебила Энджи. – Может, удастся обнаружить то, что позволит связать обеих жертв по месту смерти. Узнаем, куда их увезли и где убили.

– А зубы? – спросил Мэддокс.

– В очень хорошем состоянии, никакой косметической коррекции. О зубах Хокинг свое слово скажет одонтолог сегодня в первой половине дня. Существуют доказательства неудовлетворительной гигиены полости рта и серьезного разрушения зубов Хокинг в прошлом, но все восстановили с помощью каких-то весьма недешевых стоматологических чудес.

– Хокинг несколько лет употребляла кристаллический метамфетамин, – подал голос Мэддокс. – Отсюда интенсивное гниение зубов, так называемый «метамфетаминовый рот». – Он помолчал. – Похоже, она наконец занялась собой.

- И не стеснялась в расходах, – добавила О'Хейган.
- Скорее кто-то заплатил, чтобы ею занялись, – поправила Энджи.

Глава 23

– Эй, мальчики, мелочи не найдется? – Тощая как вешалка женщина с расчесанным, в болячках, лицом и гнилыми пеньками зубов привязалась к Кьелю Хольгерсену и Харви Лео, когда они шли по тротуару мимо магазина секонд-хенда, в витрине которого красовалась искусственная елка с запутанной мишурой. Кьель бросил взгляд на жалкое создание: нищенка была в джинсах и грязной джинсовой куртке, на руках – перчатки с обрезанными пальцами. Мокрые волосы свисали жиденькими сосульками вдоль впалых щек, а странный, безумный взгляд метался из стороны в сторону.

Она схватила Лео за куртку:

– Эй, дедуля, у тебя же есть наличные! Поделись ради праздничка, сейчас полагается подавать! – Она с маниакальным видом поглядывала Лео за спину, часто высовывая язык изо рта.

– Убери от меня свои поганые руки, наркоманка чертова! – огрызнулся Лео, отталкивая женщину и прибавляя шаг.

– Сволочь! – завопила она вслед. – Козел! Слышишь, ты, я с тобой говорю... Вернись! Погляди на меня! Погляди на мое лицо! Я тебя уже здесь видела, я тебя знаю! Хочешь потрахаться, папаша? Счастливого Рождества, мать твою!

– Как же от нее воняет, – пробормотал Лео, когда его нагнал Кьель. Ледяной дождь пошел сильнее, барабаня по плечам и рябым лужам, образовавшимся между холмиками тающей грязной слякоти. – Чертова торчалка, ничего не соображает от метамфетамина, вон, всю паршой закидало...

Кьель покосился на него, но придержал язык. Не успел он худо-бедно освоиться с Паллорино, как ему в напарники подкинули этого урода. У Харви Лео были свои комплексы (не меньше, чем у Паллорино), но он был в отделе своим и на правах старожила. Кьель рассудил, что лучше держаться на нужной стороне этого мужского клуба.

– Знаешь разницу между торчком и широкой? – спросил Лео, когда они свернули за угол, направляясь в «Харбор-хаус». – Шира украдет твое дерьмо и смоеется, а торчок сперва украдет, а потом будет помогать тебе его искать. – Он гортанно засмеялся собственной шутке, но тут же зашелся кашлем курильщика. – Кстати, метамфетаминщицы могут трахаться как

кролики – часами.

Кьель не ответил.

– А что у тебя за имечко такое – Келл Хольгерсен? Скандинавское, северное или что?

– Меня зовут Кьель.

– Я так и сказал.

– Нет, ты сказал «Келл», а правильно «Кьель». Большинство англоязычных не могут этого выговорить и произносят «Шьелл».

– Ну. А имя-то откуда?

– Семья моего отца родом из Норвегии.

– А, вот почему ты так потешно выражаешься?

Кьель нехотя улыбнулся, поглядывая на дверные ниши. Он старался разглядеть лица притулившихся там бездомных, которых в Виктории толпы. В глубине души он не переставал надеяться, что однажды из-под такого навеса или откуда-нибудь из картонной коробки на него взглянут глаза отца. Поэтому-то Кьель и стал полицейским и работал в отделе по борьбе с наркотиками на севере провинции, в том числе под прикрытием. Ему нравилось работать на улицах, заниматься реальным делом, а иногда и поболтать. Не стань он копом, закончил бы, наверное, как папаша. Полицейский значок удержал его на нужной стороне. А может, и нет.

– Я родом из Белла Кулы, у границы с Аляской. Там много веков назад осели норвежские рыбаки. Но когда рыболовство загнулось, деревня превратилась в изолированную и почти нищенскую общину.

– И ты приехал в солнечную Викторию делать карьеру полицейского?

– Ага, в солнечную! – Хольгерсен вытер мокрый от дождя лоб.

– Ну в теплую. Бездомные сюда лезут как мухи – Викторию называют канадским Сан-Диего. Я слышал, ты работал в Верхней Канаде?

– Ты задаешь много вопросов, Лео.

– Потому что я великий детектив, – ухмыльнулся Лео.

– А чего до сержанта не дорос, несмотря на возраст и заслуги?

Лицо старого детектива потемнело.

– А что? – пожал плечами Кьель. – Спросить нельзя?

Они подошли к «Харбор-хаусу», и Кьель забарабанил кулаком в дверь. На третьем ударе створку приоткрыл смуглый человек с бородкой, в мешковатых коричневых вельветовых штанах. Не убирая руку с двери, он рассматривал пришедших мягкими, жидко блестящими черными глазами.

– Пастор Маркус Джилани? – уточнил Кьель.

– А вы кто?

Детективы показали свои значки.

– Кьель Хольгерсен и Харви Лео, столичная полиция. Можно задать вам несколько вопросов?

– О чем?

– Вы эту девушку знаете? – Кьель кивнул на Лео, который выставил под самый нос смуглого флаер с фотографией Хокинг.

Джилани уставился на снимок. Кьель заметил, как его глаза сузились, а на виске запульсировала жилка.

По-прежнему придерживая дверь, Джилани сказал:

– Подростки, которые к нам приходят, не хотят, чтобы их нашли. Они могут здесь переночевать, поесть горячего. Для них очень важен вопрос доверия. Системе они давно не доверяют, но здесь они в безопасности, потому что мы не даем информации.

– Значит, знаете? – подытожил Кьель.

На щеках смуглого задвигались желваки.

Кьель поскреб мокрую голову.

– Тут такое дело, пастор Джилани – вы, кстати, настоящий пастор?

Тот промолчал.

Кьель кивнул.

– Дело в том, что ваши детки, может, и не хотят, чтобы их находили, но Фейф Хокинг уже нашлась. Мертвая. И мы вот хотим узнать, как это ее угораздило помереть.

Джилани явственно побледнел, несмотря на смуглоту, и его глаза забегали.

– А что с ней случилось?

– Стало быть, вы ее знаете? – допытывался Кьель.

– Она здесь не появлялась года три. – Джилани с опаской взглянул на Лео, не опускавшего обвисший мокрый флаер ни на дюйм.

– Можно нам войти, пастор? – попросил Кьель. – А то на улице дождь, у меня вода уже по шее стекает.

Джилани нехотя открыл дверь шире, впустил детективов и сразу запер ее на замок.

– Сюда проходите. Подростков мы пускаем не раньше шести вечера, когда открывается волонтерская кухня и готов бесплатный суп. Еды, благодаря благотворителям и волонтерам, много, но вот кроватей на всех не хватает, поэтому пока ребята едят, мы устраиваем ежевечернюю лотерею, и тех, кому не повезло, вынуждены выставлять на холод.

Он привел их в столовую с кухней. По случаю Рождества стены были увешаны бумажными цепочками – Кьель клеил такие в детском саду. Елка, увешанная всякой всячиной, светилась в углу у пустого камина, а баннер

над разделочным столом безмолвно кричал:

«КАЮЩИЕСЯ ПОЛУЧАТ ПРОЩЕНИЕ
ГОСПОДЬ ЛЮБИТ ВСЕХ СВОИХ ДЕТЕЙ»

Подборка религиозных памфлетов лежала веером на полке рядом со свежими газетами. Лео не мешал Къелю вести беседу, а сам расхаживал по комнате, сунув руки в карманы, и читал религиозные слоганы на стенах.

– Так что случилось с Фейф? – снова спросил пастор, и Къель уловил, как глаза Джилани метнулись на стопку газет.

– А вы не читали утренних новостей, пастор?

Джилани сглотнул, будто ему стало дурно.

– Но это же не ее нашли в канале?

– Ее, ее. Обнаженную и завернутую в пленку. На лобке и в нижней части живота вычурная татуировка – голова Медузы горгоны со змеями вместо волос. – Къель показал руками возле своей ширинки.

Пастор потянулся за стулом, и Къель догадался, что тот либо видел татуировку Хокинг, либо слышал о ней.

Лео вытащил из религиозной кучки памфлет.

– А какой конфессии ваше заведение? – поглядел он на пастора.

– Мы экуменическая христианская волонтерская организация. Помимо миски горячего супа и иногда ночлега, мы предлагаем заблудшим дорогу к Богу. Некоторые выбрали этот путь и очистились, бросили бродяжничать.

– А к какой церкви относитесь вы? – Лео сделал паузу, глядя на Джилани прозрачными голубыми глазами. Взгляд был стальной, внушавший робость. – Пастор!

Джилани кашлянул.

– Я хожу молиться в Фэрфилдскую объединенную церковь. Моя супруга тоже.

– Молиться? Не проповедовать и не окармливать, или что там принято у пасторов?

– Строго говоря, я не совсем пастор. Меня так подростки прозвали, еще когда я пришел сюда волонтером.

– Давно?

– Восемь лет назад.

Уступив Лео возможность шпынять «пастора» Маркуса, Къель подошел к пробковой доске, сплошь покрытой приколотыми фотографиями разных лет. Сезонные и религиозные праздники, на некоторых – Джилани с беспризорницами, некоторых обнимает за плечи. Почти сплошь девочки, совсем юные. Вот девушка сидит на коленях у «пастора», одетого Санта-Клаусом. Внимание Къеля привлек один снимок: вглядевшись, он сразу

напрягся.

– Что, «пастор», любите девочек помоложе? – тихо сказал он.

– Простите, что?

Кьель отступил от доски и взял с полки газету, где на первой полосе они с Паллорино. Хольгерсен и сам выглядел как чертов торчок. Особенность метамфетамина в том, что те, кто его долго употребляет, даже бросив, сохраняют характерную внешность метамфетаминщиков: нервные, дерганые. Полубезумные.

– Все беспризорные нуждаются в помощи – и мальчики, и девочки.

– Но девочки в особенности?

– К сожалению, в нашем обществе женщины и дети действительно беззащитны и чаще попадают в беду, поэтому в поисках надежного убежища...

– И вам особенно нравится спасать девочек? – Кьель кивнул на слоган на стене: «ГРЕШНИКИ ИСКУПЯТ СВОИ ГРЕХИ. – Вы заставляете их отвергать Сатану?

– Да что вам от меня нужно? – Заметно занервничав, «пастор» Маркус сунул руки в карманы широких вельветовых брюк. Мышцы на шее натянулись.

– Я хочу знать, что случилось с Фейф Хокинг после того, как она пожила здесь.

– Она слезла с кристаллов и нашла работу.

– Какую, где?

– Сперва в «Макдоналдсе» на Мейн-стрит.

– А после «Макдоналдса»?

– Не знаю.

– Может, другие знают – вдруг кто-нибудь из беспризорных с ней общался? Вам не рассказывали, как прекрасно выглядят ее дорогие, жемчужно-белые виниры?

– Что?!

– Зубы искусственные!

– Я... – В дверь постучали. – Слушайте, мне необходимо идти, готовить...

– Это «да» или «нет»?

– Я не видел Фейф и не знаю, кто мог видеть. – Джилани решительно вышел из столовой и направился по коридору к выходу.

– А если бы и видели, то нам бы не сказали, – заключил Кьель, идя за ним. Лео медленно двинулся в арьергарде.

«Пастор» Маркус отпер и распахнул входную дверь. С улицы повеяло

холодом и сыростью.

– Я же ясно сказал, эти подростки сторонятся всякой бюрократии – государственная система их уже здорово подвела. Большинство всю жизнь кочевали по приютам, сбегали оттуда и в конце концов оказывались на улицах, наотрез отказываясь возвращаться. Даже к врачу не шли, боясь, что их опять упекут в приют... или в полицию. С копами они в жизни откровенничать не будут. – Некоторое время он смотрел в глаза Лео, выдерживая его стальной взгляд. – Не все копы порядочные, и дети это ох как хорошо знают.

– Вы понимаете, что мы расследуем убийство? – поинтересовался Кьель. – А вы утаиваете информацию, способную спасти потенциальных жертв. Возможно, даже кого-то из ваших подопечных.

– Тогда делайте свою работу, детективы, а мне предоставьте заниматься моей. – Джилани выпроводил их на улицу, захлопнул дверь и некоторое время смотрел через окно.

Кьель постоял под карнизом, подняв воротник, и прикурил сигарету, бережно прикрывая ладонями пламя. Дождь пузырил лужи и стекал с крыш.

– Что ты о нем думаешь? – спросил Лео, тоже закуривая. – Самозванный пастор, религиозная чепуха о грешниках, спасение юных девушек? Я не доверяю таким субчикам.

Кьель несколько мгновений смотрел на дождь.

– Ты пробковую доску с фотографиями заметил? – Кьель выпустил сизую струю дыма. – Там на двух снимках Фейф Хокинг. На одном, как на фотографии из полицейской базы данных, – тощая, прыщавая, беззубая, а на другом – уже с чистой башкой и белыми зубами, причем рядом с той теткой, которую мы видели час назад.

– Это с той наркоманкой?!

– Во-во. – И Кьель решительно вышел из-под карниза.

Глава 24

– Вот комната Грейси, – сказала Лорна Драммонд, открывая дверь спальни.

Мэддокс пропустил Паллорино вперед и задавал вопросы, осматривая комнату. Он хотел наладить отношения с этой рыжей красавицей, которая дерзко предложила ему секс и переспала с ним, едва не бросив его пристегнутым к кровати в номере мотеля. Базьяк, кстати, тоже просил обратить особое внимание на ее работу, потому что Паллорино подала заявление о переводе в убойный отдел. Впрочем, эта инициатива неизбежно встретит ожесточенное сопротивление остальных сотрудников, особенно Харви Лео.

Мэддокс и сам не очень хотел, чтобы Энджи работала в убойном. Почему? Потому что он все еще не мог избавиться от мысли снова затащить ее в постель. А заводить роман с сотрудницей своего же отдела – хуже того, с напарницей – не вариант. Подобные интрижки плохо вяжутся с объективностью и могут помешать оценке риска в опасной ситуации. А если Паллорино так рвется на работу в убойный, она тоже не станет все портить, решившись на секс с Мэддоксом.

Больше всего ему нравилось наблюдать за ней. Стройные ноги, гибкие руки, кошачья грация в движениях, длинные, идеально прямые темно-рыжие волосы, стянутые в хвост, доходивший почти до талии. Бледная до прозрачности кожа и холодные серые глаза, по которым ничего не прочтешь. Энджи заинтриговала его – на редкость привлекательная и успешная женщина, которая днем охотится на гнусных насильников, а ночью ищет анонимного секса. Вот интересно, часто Энджи Паллорино бывает в том клубе? Разве это безопасно? А что он сам там забыл, кстати? Нужно было уехать, когда не пришел приятель, а не идти за рыжей незнакомкой в отдельный номер.

Он сунул руки в карманы, оставшись на пороге комнаты Грейси Драммонд.

Здесь было чисто – настоящая девичья спальня, оформленная в разных оттенках зеленого с густо-розовыми акцентами. На кровати, поверх горы цветных подушек, сидел плюшевый мишка. Над кроватью прикреплены мотивационные лозунги, над столом – календарь и деревянное распятие с бронзовым Иисусом с поникшей под тяжестью тернового венца головой.

На столе – роман в твердом переплете, айпод, «макбук», а рядом какое-то жемчужное ожерелье и тонкая золотая цепочка с кулоном. Из двух раздвижных зеркальных дверей одежного шкафа одна была заклеена фотографиями.

Паллорино подошла к столу, тронула золотой кулон и кончиками пальцев подвинула бусы, оказавшиеся четками с жемчужно-белым крестиком, как с опозданием понял Мэддокс. Внимание напарницы переключилось с четок на распятие, затем на мотивационные слоганы. Наконец Энджи подошла к карте, приклеенной над книжной полкой у изножья кровати.

Мать Грейси плотнее запахнулась в длинную кофту. Она была в джинсах, без макияжа, явно не принимала душ и не расчесывала волосы. Случайная жертва трагедии, обреченная жить.

– Грейси мечтала путешествовать, – пояснила Лорна Драммонд, когда Паллорино наклонилась, чтобы разглядеть цветные кнопки на карте. – Кнопками отмечала места, где хотела побывать. Хотела повидать мир. У нее было столько планов... – Лорна Драммонд шмыгнула носом и подтерла его большим пальцем. – Столько планов...

Паллорино легонько коснулась корешков книг на полке.

– В алфавитном порядке, – отметила она. – И почти все в твердом переплете. Должно быть, Грейси много читала.

Лорна Драммонд кашлянула и кивнула.

– Ой, она очень любит... то есть любила... свои книжки. Прямо тряслась над ними. Могла одолеть толстую книгу за день – в основном фэнтези, и часто перечитывала.

– Вы ей книги покупали?

– Нет, она сама.

Паллорино подошла к айподу и откинула клапан обложки.

– Одна из новых моделей, с распознаванием отпечатка пальца... – Она взглянула на Лорну Драммонд: – Мы изымем все электронные устройства как вещественные доказательства...

– Зачем? Зачем они вам?

– Личная информация, включая телефонные звонки, электронные письма и адреса, сообщения на автоответчике, списки контактов, записи в календаре и сайты, которые она посещала, могут иметь решающее значение. Мы сможем узнать, что Грейси делала, куда ходила, где она могла встретить человека, который решил на нее напасть. – Паллорино открывала и закрывала ящики стола, затем она подошла к шкафу и отодвинула застекленную дверцу.

Энджи перебрала вешалки с одеждой, рассматривая наряды.

– Ваша дочь питала слабость к дизайнерским брендам, миссис Драммонд. Здесь есть очень дорогие вещи, некоторые еще с этикетками. – Она оглянулась на мать жертвы. – Откуда у Грейси эта одежда?

– Я... я не знаю. В основном она покупала через интернет.

– Ей было всего шестнадцать лет. Вы официально разрешали ей завести кредитную карту?

– Нет... Я не знаю, что откуда. Она же работала, вот и покупала себе вещи.

– И вы ни разу не спросили?

– Как-то к слову не пришлось.

– А айпод, ноутбук – их она тоже купила?

Мэддокс обратил внимание, что Драммонд начинает паниковать – женщина машинально потирала локти.

– Вы говорили, она работала в «Синем барсуке» всего один раз в неделю? – спросила Паллорино.

– Да.

– А вы уверены, что Грейси не получала деньги откуда-то еще, помимо работы в пекарне?

– Слушайте, я не понимаю, чего вы вообще пришли! Это комната моей дочери, ее личное пространство! Почему вы не убийцу ищете, а роетесь в ее шкафу и осуждаете меня как мать?

Взгляд Паллорино смягчился, когда она повернулась к Лорне Драммонд.

– Мне очень жаль, миссис Драммонд, я представляю, насколько вам нелегко, – сочувственно заговорила она, разительно меняясь буквально на глазах у Мэддокса. Настоящий хамелеон. Большинство хороших детективов умеют перевоплощаться и легко устанавливают контакт с кем угодно, от сливок общества до уличных отбросов. Но Мэддоксу не давал покоя вопрос: какая на самом деле Энджи Паллорино? Кто она дома – сексуальная красотка, как в ночном клубе, или холодный, бесстрастный коп? Или же успешная карьеристка, расчетливый, опытный следователь, выжимающий по максимуму из своих подозреваемых и преследующий собственные цели?

– Вы говорили, что уже давно не виделись с ее отцом, но может ли такое быть, чтобы он или кто-то другой завел для нее кредитную карту, а Грейси бы вам не сказала?

– Нет. Нет... – Лорна Драммонд закрыла лицо руками. – Я не знаю. Не знаю... – Она подняла голову. На лице выступили красные пятна. – Грейси

работала. Я тоже вся в работе. Я дочку подняла. Я ее выучила. Она хорошо училась! По воскресеньям ходила в церковь. Она же пела как ангел! Грейси была порядочной, приличной девочкой.

– Иногда все не так, как кажется, миссис Драммонд. Судя по всему, вы многого не знаете о своей дочери. – Паллорино помолчала. – У каждого свои секреты.

– Значит, вот чем вы на работе занимаетесь – ходите по спальням, суете нос в чужую жизнь, секреты на свет вытаскиваете?

– Идите-ка сюда, присядем на минутку. – Паллорино присела на кровать Грейси. Лорна Драммонд неохотно опустила на краешек. Мэддокс воспользовался возможностью и подошел к фотографиям на зеркальной дверце. – Когда вы впервые заметили, что у нее появились хорошие вещи? – спросила Паллорино спокойно, даже ласково. – Приличная одежда, ноутбук, айпод?

– Не сразу, пожалуй, полгода тому назад или месяцев восемь. А может, меньше. Но точно после того, как она пошла работать в «Барсук».

– А когда она пошла туда работать?

– Чуть больше года назад.

– Вы заметили какие-нибудь изменения в самой Грейси?

– Она стала веселее, похудела немного. В детстве Грейси всегда была пухленькой и вечно сидела на диетах...

Мэддоксу вспомнилась Джинни, и его сердце сжалось: на некоторых фотографиях Грейси была очень похожа на его Джинн. Ему есть в чем себя упрекнуть – он не видел, как росла его дочь. Интересно, он бы заметил, если бы у Джинни появилась дизайнерская одежда?

– Раньше Грейси в школе обижали, но теперь все изменилось – она стала увереннее, начала краситься. Я-то радовалась – девочка повзрослела, кончился неуклюжий переходный возраст... – Драммонд высморкалась.

– У нее был бойфренд?

– Она встречалась с мальчиком из своей школы, Риком Батлером, но они расстались.

– Когда?

– Я... Ну месяцев восемь назад или девять... Я за такими вещами как-то не слежу.

Паллорино достала из кармана блокнот и записала имя.

– Расстались мирно?

– Нет, у них произошла крупная ссора, Грейси страшно переживала. Но потом она с кем-то познакомилась в загородном клубе «Оук Бей», куда Рик ездил заниматься теннисом. Он, знаете, прекрасно играет, но такой клуб

ему не по карману. Тренер из Европы, Серж Радикофф, оплатил его членство в «Оук Бей». Он Рик и тренер, и старший товарищ. Грейси ездила смотреть, как Рик занимается.

– Значит, в последнее время она встречалась с новым парнем из спортивного клуба?

Драммонд тяжело вздохнула.

– Я не уверена, можно ли его назвать парнем Грейси. Сперва дочка о нем рассказывала, а потом как отрезало, вообще ни слова. Но он однажды за ней заехал, когда я была дома, на маленьком черном «БМВ».

Паллорино и Мэддокс переглянулись – может, вот откуда у Грейси Драммонд деньги и дорогая одежда?

– А как его зовут? – спросила Паллорино.

– Господи, я не помню, я много работаю в последнее время... Джек... Джон... Джон Джекс, вот как!

Паллорино записала имя в свой блокнот.

– А его нигде нет на фотографиях? – спросил Мэддокс.

Драммонд встала и подошла к шкафу. Паллорино неслышной тенью последовала за ней. Лорна вгляделась в снимки. У нее вырвалось рыдание, и она зажала рот ладонью. Покачав головой, она с усилием справилась с собой и ответила:

– Нет, я его тут не вижу. Вот Рик Батлер. – Она ткнула пальцем.

– А на этих снимках кто?

– Это пляжный пикник для персонала «Синего барсука», они летом туда ходили. Это Грейси с участницами хора из Дюнэйгл – они в прошлом году в Торонто ездили.

На нескольких фотографиях Грейси снялась вдвоем с брюнеткой – очаровательная улыбка, каскад локонов, ямочки на щеках. Казалось, они крепко дружат уже много лет.

– А эта девочка кто? Близкая подруга?

– Ой, это Лара. Поет как соловей. Она на полтора года старше Грейси, уже учится в Университете Виктории. Они познакомились в школьном хоре, когда Грейси ходила в третий класс, и с тех пор неразлучны. Лара даже привела Грейси в университетский хор.

Мэддокс вдруг подобрался и повернулся к Лорне Драммонд:

– Не будучи студенткой, Грейси пела в хоре университета?

– Хормейстер иногда принимает одаренных старшеклассниц, особенно если на будущий год они планируют поступать в университет.

– А репетируют они, случайно, не в центральном католическом соборе? – спросил Мэддокс. – По четвергам?

На лице Драммонд отразилось удивление:

– Вы и это знаете?

Мэддокса сковала безотчетная тревога. Мысли бумерангом отлетели к Джинни и разговору в «Синем барсуке».

– Да вот, недавно услышал... А в прошлый четверг Грейси была на репетиции? – спросил он, соображая, не пересекались ли пути его дочери и Грейси Драммонд четыре дня назад.

– Нет, в тот четверг нет. Она сказала, что у нее свидание.

– С Джоном Джексом? – уточнил Мэддокс.

– Простите, я не знаю, – сникла Драммонд. – Я в тот вечер сама пошла на свидание с Куртом.

– Кто такой Курт?

– Курт Шеперд, мой новый знакомый. Мне так хотелось личного счастья. Я думала, Грейси у меня девочка правильная и достаточно взрослая, чтобы у нее была своя жизнь...

Голос Лорны пресекался. Она снова высморкалась – промокшая бумажная салфетка начала рваться.

– А в какую церковь Грейси ходила по воскресеньям, миссис Драммонд? – спросила Паллорино с другого конца комнаты. Она вернулась к письменному столу и рассматривала золотой кулон на цепочке.

– В центральный католический собор, туда же, где поет их хор. Когда Грейси была маленькой, наша семья была очень религиозной, но после ухода ее отца мы как-то охладели к вере. Развод, все такое... – Драммонд прерывисто вздохнула. – Грейси вернулась к религии, и очень ревностно, после того как начала петь в соборе. Они ведь и светские произведения исполняют, но, видимо, сказала знакомая обстановка...

– Поступление в хор, возвращение в лоно религии – могло ли это стать причиной приподнятого настроения, которое вы заметили у Грейси? – уточнила Паллорино.

Драммонд откинула со лба прядь волос.

– Все может быть. В хор она начала ходить в июне, перед началом последнего учебного года...

Паллорино подняла со стола маленький медальон, и Мэддокс увидел, что цепочка разорвана.

– Это святой Кристофер, – сказала Энджи, – покровитель путников. Его образок часто носят на цепочке или на браслете, кладут в карман или укрепляют на приборной доске, чтобы берег в дороге...

– Грейси постоянно носила этот образок. Наверное, в субботу не надела потому, что цепочка порвалась.

– Сзади гравировка, – сказала Паллорино, перевернув кулон. – «Грейси с любовью. Дж. Р.». – Она подняла глаза: – Кто такой Дж. Р.?

– Не знаю... Не могу сказать. Никто с такими инициалами не приходит на ум.

– А давно она носила этот кулон?

– Уже довольно давно.

– Точнее сказать не можете?

Драммонд покачала головой:

– По меньшей мере несколько месяцев.

– А вот здесь, в настенном календаре, прошлый вторник обведен в кружок и подписано: «Лара П., Аманда Р., К.В., в восемь». Грейси куда-нибудь ходила в прошлый вторник?

– Да, к Ларе в гости, с ночевкой. Сказала, они будут готовить ужин и смотреть фильм про любовь.

– А кто такая Аманда Р.?

– Я не знаю.

– А К.В.?

Драммонд покачала головой.

– Неделей ранее отмечена еще одна встреча с Ларой, Аmandой и таинственным К.В., и тоже во вторник. Грейси часто оставалась у Лары с ночевкой?

– Да, регулярно. Я же сказала, они с детства дружат.

– Если вы что-нибудь вспомните об Аманде Р. и К.В., позвоните нам, миссис Драммонд. Любую мелочь вспомните – сразу сообщите, хорошо? – Паллорино подала свою визитку. – Какая у Лары фамилия, адрес, телефон?

– Пеннингтон. Снимает квартиру возле кампуса...

Драммонд быстро написала адрес и телефон и подала бумажку Паллорино.

– А Рик Батлер?

– Рик в июне закончил школу, живет с родителями в одном квартале от Дюнэйгл. – Лорна записала и этот адрес.

– Будьте добры, еще контакты Курта Шеперда.

– Зачем? Вы же не думаете...

– На всякий случай, чтобы исключить как можно больше людей.

Помедлив, Лорна Драммонд записала телефон своего приятеля. Отчаяние росло в ней с каждой минутой – это было видно по резким росчеркам ручки.

– Я была с ним, – отрывисто сказала она, подавая Паллорино адрес. – Я была со своим бойфрендом, когда мою дочь изнасиловали и изувечили.

Когда издевались над ней... Курт ни при чем, это только я виновата. Если бы я осталась дома...

– А Лара знает, что произошло с Грейс?

– Да весь мир уже знает, что сделали с моим ребенком, благодаря этим чертовым газетчикам! Да, Лара все знает, она мне утром звонила. Она тоже безутешна.

– Мы придем к вам экспертов, чтобы собрать вещи Грейси – мы их изымаем в качестве вещественных доказательств. Они все тщательно переписут. Вы до вечера дома?

Лорна кивнула, угрюмо сжав рот.

– Ребенок работающей женщины, – сказала Паллорино, примеряясь к походке Мэддокса. В коридоре старого дома пахло готовящейся едой, от паласов тянуло сыростью. – Грейси жила своей жизнью, о которой ее мать ничего не знала. Покупала себе одежду, гаджеты, ходила на свидания...

– Или ее задарил этот Джон Джекс на «БМВ», из элитного загородного клуба, – отозвался Мэддокс.

– Под предлогом ночевки у подруги дети часто занимаются чем-то совершенно иным.

Мэддокс покосился на нее:

– У тебя есть дети, Паллорино?

Ее лицо едва заметно дрогнуло.

– Нет. Но я сама когда-то была девочкой-подростком, – быстро добавила она. – Спорю, Лара Пеннингтон знает о Грейси Драммонд в разы больше, чем родная мамаша.

Неожиданно она обогнала Мэддокса и в мгновение ока сбежала по лестнице, оказавшись на улице раньше его.

С удовольствием дыша чистым зимним воздухом, Мэддокс пошел за Паллорино в машину, где их ждал Джек-О.

– С четками молятся об искуплении грехов, – сказала Энджи, дойдя до «Импалы». – После исповеди священник назначает, сколько раз прочесть «Отче наш» или «Аве, Мария», в зависимости от тяжести проступка, а согрешивший отсчитывает молитвы по бусинам, чтобы не сбиться.

Мэддокс пискнул пультом, и Энджи открыла правую дверцу.

– В одном из вариантов «Аве, Марии» говорится: «Святая Мария, Матерь Божия, молись за нас, грешных, сейчас и в час смерти нашей, аминь».

– А ты католичка, Паллорино? – спросил Мэддокс, усаживаясь за руль и пристегиваясь.

– Я агностик.

Он улыбнулся:

– Значит, предпочитаешь свободу выбора?

– Может, бог есть, а может, и нет. И то и другое недоказуемо.

– Я и говорю – для тебя важнее свобода выбора. – Он завел мотор и выехал на улицу.

– Меня растили в католической вере, – немного погодя проговорила Энджи. – Мой отец итальянского происхождения, из очень религиозной семьи, а мама из ирландских католиков. Так что я с обеих сторон католичка.

– Но тебя что-то не устроило?

Энджи не ответила. Мэддокс бросил на нее вопросительный взгляд.

– Я прочитала свою долю «Аве, Мария» и знаю ритуал крещения... – Она снова замолчала. – Однажды мы просто перестали ходить в церковь – не помню почему... – Она кашлянула. – Ниточка, которую мы ищем, может тянуться к центральному собору и этому хору. Нужно поговорить со священником.

– Сперва Пеннингтон, – напомнил Мэддокс. – И загородный клуб.

Глава 25

Наркоманка, пристававшая к ним полчаса назад, дрожала в дверной нише недалеко от того места, где детективы с ней столкнулись. Кьель поднес ей к глазам флаер с фотографией:

– Узнаешь? Это Фейф Хокинг.

Женщина покачала головой, ковыряя болячку на щеке и глядя в сторону. Кьель решил, что ей под тридцать, хотя могло быть и гораздо меньше: сказывались употребление наркотиков и жизнь на улице.

– А такую татуировку видела? – спросил Лео, повернув к ней свой телефон с фотографией Медузы горгоны. Кьель раздраженно поглядел на нового напарника.

Женщина резко подняла голову:

– Откуда фотка?

– Из морга. Это тоже Фейф Хокинг. Когда ты ее в последний раз видела?

Женщина отвернулась от Лео и забилась в угол. Кьель кивком попросил Харви Лео отойти и не отвечивать. Старый коп, недобро нахмурившись, посверлил Кьеля взглядом, но отошел и укрылся под соседним навесом, прикурив новую сигарету.

Кьель вынул пачку сигарет из нагрудного кармана и вытряс одну.

– Он повел себя грубо, я за него извиняюсь. Но я знаю, что ты уже видела эту татуировку, потому что в «Харбор-хаусе» на снимках ты и Фейф такие прям подружки-подружки. Одна фотография свежая, у Фейф там белые зубки, красивая новая стрижка и отпадные шмотки. – Говоря, он предложил сигарету нищенке. Та поколебалась, но взяла. Прикрыв конец сигареты дрожащими руками, она позволила Кьелю поднести зажигалку. Не в силах справиться с тремором, нищенка жадно затаилась и выпустила дым, немного успокоившись. Лео был прав – от нее исходил отвратительный смрад. Она была мокрая, тощая, явно замерзшая и наверняка нуждалась в медицинской помощи.

– Когда ты в последний раз видела Фейф? – негромко спросил Кьель.

Нищенка снова затаилась сигаретой, будто хватаясь за спасительную веревку, и взглянула на флаер:

– А что мне за это будет?

– Мы не закроем твою тощую задницу, – пообещал Кьель.

– Иди на хрен, козел. – Нищенка ткнула сигаретой в его направлении. – У вас на меня ни фи́га нет.

– Ладно, ладно. – Къель поднял обе руки, по-прежнему держа пачку. – Ты меня уела, я пошел.

Наркоманка не отрывала взгляд от сигарет в его руке. Хольгерсен собрался уходить.

– Эй, слышь, а вы еще платите за инфу?

– Если хочешь стать конфиденциальным информантом, тебе придется приехать в отделение и оформить пару документов. Как тебя зовут, красавица?

– Нина.

– А фамилия?

– Просто Нина, и все.

– Скажи, просто Нина, когда ты в последний раз видела Фейф?

– Она правда умерла? Татуху реально в морге снимали?

Къель промолчал.

Наркоманка опустила голову и переступила с ноги на ногу.

– Где ее нашли?

– В заливе.

– Блин, ой, блин... Не-ет... Вот блин... – Она ритмично закачалась, обхватив себя руками, затем пнула бордю́р. Глаза ее заблестели. – Кладбищенская девка тоже утонула! С Фейф сделали то же, что и с кладбищенской?

Къель несколько секунд пристально смотрел на собеседницу, но не ответил.

– Блин... Вот блин... Блин...

– Нам нужно отыскать ее друзей, родственников, рассказать тем, кому она была небезразлична, что произошло. И мы хотим найти того, кто это сделал.

Нина испуганно заморгала.

– У нее родственников нет, и парня ее я не знаю! Небезразлична, скажет тоже...

– Значит, парня не было? Фейф сделала нехилый такой прыжок из уличной метамфетаминщицы в работницы фастфуда прям-таки сама-одна? А потом вставила беленькие жемчужные зубки, никакого тебе метамфетаминского рта! Где она себе фиксы делала, чем платила-то? – Он затолкал в сигаретную пачку две двадцатки, стоя спиной к Лео, чтобы напарник не увидел, что он делает.

Нина дикими глазами посмотрела на краешки купюр, торчащие из

пачки, и принялась судорожно расчесывать руку через рукав.

– Пастор Маркус помог Фейф с детоксом и работу ей нашел, как некоторым другим.

– Может, пастор Маркус и зубы оплатил?

– Не знаю, где она на фиксы «капусты» настригла, я ее давно не видела!

– Очень давно?

– Не знаю, я не слежу за временем!

Къель кивнул и подал ей пачку. Нина схватила ее и сунула подальше под свою грязную джинсовую куртку. Взгляд ее заметался по улице, словно кто-то мог подбежать и отнять у нее верную дозу.

– Тут такое дело, Нина, – начал Къель. – Если мы хотим убрать убийцу с улиц, нам нужно больше знать о Фейф. Как она жила, с кем встречалась. Ты можешь нам помочь. Ты можешь помочь Фейф добиться справедливости.

На лице наркоманки на секунду отразилась внутренняя борьба – откровенный страх, уличные «понятия», непреодолимое желание побыстрее обменять наличные на дозу боролись с желанием отомстить за Фейф. Къель не просто читал ее эмоции – он их знал.

– Она жила в квартире.

Къеля обдало жаром.

– Где?

– В Эскимолте, в одном квартале от воды. Называется «Монблан апартаментс», оттуда горы видно через залив. – Нина заметно погрузнела. – Очень красиво.

– Ты там была, что ли?

– Нет, только слышала.

– От кого?

Нина отвела глаза.

– Тебе пастор Маркус сказал?

По улице шли какие-то парни. При виде них Нина заюлила еще сильнее.

– Может, да, может, и нет...

– Что, какой-то клиент снял ей хату?

– Мне нужно идти.

Нина выскочила под дождь. В витрине секонд-хенда мигали рождественские огни. Ветер завывал, небо потемнело от напозавших низких туч. Дни в это время года совсем короткие, и жизнь на улицах становится невыносимо трудной. Слишком холодно. Не как в других районах Британской Колумбии, но все равно...

Вернулся Лео, и Кьель пересказал ему новости, пока они шли к машине.

– Что она имела в виду, сказав, что уже видела твою задницу в этом районе? – спросил Кьель, открывая дверь со стороны водителя. Паллорино нипочем не уступила бы руль, но Лео был только счастлив развалиться на пассажирском сиденье. Ему нравилось, когда его возят.

Лео встретился с ним взглядом над крышей седана.

– Я полицейский, я здесь бываю.

– У нее что-то на тебя есть?

Лео не опустил взгляд.

– Ты о чем, блин, спрашиваешь? Хочешь знать, не хожу ли я сюда за минетом? Ты что, больной?

– Не хочешь позвонить Базьяку, сказать, что у нас есть адрес проживания жертвы? – ответил вопросом Кьель, садясь за руль.

В Эскимолт, в «Монблан апартаментс», поехали молча. Нина, жавшаяся в тени, проводила взглядом машину детективов. Нужно найти дилера, пока у нее есть налик. Но ей было страшно. В «Харбор-хаусе» она видела газеты и знала, что сделали с той девушкой на кладбище – изнасиловали и распятие вырезали. Автор статьи – Мерри Уинстон. Об утопленнице из залива Нина тоже слышала, но чтобы это была Фейф?! Господи!..

Решившись, она торопливо пошла по городским улицам к каменному зданию во внутренней гавани, где размещалась редакция «Сан». Над водой клубился густой туман, запуская белесые пальцы в мощные улицы и темные переулки. Не смолкая, ревели сирены. Пройдя через вращающуюся стеклянную дверь, Нина пошла по блестящему мраморному полу к стойке администратора.

Женщина за стойкой велела ей убираться, пригрозив вызвать полицию.

– У меня есть информация. Для статьи, – возразила Нина, нервно расчесывая локоть. – Мне нужна репортерша, которая писала про девушку с кладбища...

Секретарша поглядела на нее с сомнением, но Мерри вызвала.

Мерри Уинстон спустилась, и при виде гостыи на ее лице отразился шок:

– Нина?! Что за фигня, что ты тут делаешь?

Взгляд Нины заметался по сторонам. В голове зашумело, и она схватилась за виски.

– Пойдем, я тебя кофе напою. Только пальто возьму...

Вскоре Мерри вернулась со своим пальто, неся и куртку для Нины.

– Сними свою мокрую джинсу и надень вот это.

Нина молча подчинилась. Куртка была сухая и теплая, с подкладкой, и Нину переполнила благодарность.

– Оставь себе, – сказала Мерри, ведя ее за угол, ко входу в маленький паб.

– Не хочу туда. Не пойду.

Мерри оценивающе поглядела на нее и кивнула. Она все понимала.

– Пойдем, я знаю куда.

– Нет... Мне пора. Мне нужно купить кристалликов... Вот только хотела сначала тебя повидать.

Мерри переменилась в лице, в глазах появились сочувствие, жалость. Нина это терпеть не могла, как и то, чем она стала. Ненавидела чужие взгляды на себя такую.

– Не осуждай меня, блин, если сама слезла! Мы с тобой, знаешь ли, старые знакомые!

– Я тебя вообще не осуждаю. Нисколько. Что стряслось, почему ты пришла?

– Из-за Фейф.

– В смысле – из-за Фейф?

– Фейф умерла. Утонула. Это ее в заливе нашли. Копы крутились у «Харбор-хауса», спрашивали пастора Маркуса о родственниках Фейф, кому сообщить, что она умерла. – Нина вдруг обернулась как ужаленная и дико огляделась по сторонам – ей показалось, что ее выследили. – Мерри, ее убили и завернули в пленку, а потом бросили в море!

Кровь отлила от лица Мерри Уинстон.

– Ты уверена?

– Коп мне фотку показал, она в морге лежит! С татухой своей... А вдруг *он* вернулся? Что, если это он? Я читала, что сделали с той девкой на кладбище! Это он, точно он!

Мерри, с трудом справляясь с дурнотой, схватила Нину за плечи. Глаза у журналистки загорелись:

– А коп ничего не говорил о распятии на лбу Фейф?

Нина покачала головой.

– Все равно это он.

– Почему?

– Потому что я спросила копа – с Фейф сделали то же самое, что и с кладбищенской девкой, а он на меня так странно посмотрел и ничего не стал отрицать...

– Слушай меня. Когда ты по правде в последний раз видела Фейф?

Нина неистово расчесывала струпья на лице:

– Давно уже. Месяцев пять, а то и все восемь. Она была со своим сутенером Дамианом и с новым блондинчиком – богатенький козел на маленьком черном «БМВ». Молодой, лет двадцать с небольшим.

– Точно на «бэхе»?

– Блин, я разбираюсь в машинах! Я же знаю, откуда больше подают...

Глава 26

– Как я уже сказал, аренда у нас помесечная. Жиличка предупредила, что съедет, в конце ноября, одиннадцать дней назад. Получается, в четверг. На следующий день она прислала грузчиков, а те передали от нее наличные, то есть декабрь у нее оплачен...

Кьель медленно прошелся по деревянным полам, остановившись у окна. Пыльные или более темные участки пола отмечали места, где лежали ковры и стояла мебель. Из окна открывался вид на стройку у самой воды. Они отыскивали управляющего «Монблан апартментс» и показали ему снимок Хокинг. Оказалось, она прожила здесь почти два года, платила всегда наличными. А сейчас квартира освободилась.

– Она лично предупредила, что съезжает? – спросил Лео. Хольгерсен смотрел из окна, перебирая в голове различные варианты.

– Нет, по телефону.

– Вы уверены, что звонила она?

– Голос женский. Почему я должен сомневаться?

– В какую компанию перевозок она обратилась? – спросил Лео.

– Не знаю. У подъезда стоял белый фургон, но ни логотипа компании, ни названия...

– А тип, который принес вам деньги за декабрь, как-то представился?

– Нет.

– Как он выглядел?

– Темноволосый, среднего роста, лет тридцати с небольшим. Самый обычный молодой человек.

– Он был одет в спецодежду с логотипом, этот обычный молодой человек?

– Нет, в джинсы и темную куртку.

Кьель вышел на кухню и начал один за другим открывать шкафы. Пусто. Он заглянул под раковину, в мусорное ведро – все уже вычистили. В холодильнике нашлась лишь начатая коробка пищевой соды. Захлопнув дверцу, Хольгерсен начал выдвигать холодильник из ниши между шкафами.

– Ты что делаешь? – удивился Лео, входя.

– Люди вечно клеят на холодильник телефоны, памятки, записки. У меня дома листки вечно падают между ним и столами, а иногда улетают

вниз. Помоги-ка...

Вдвоем они отодвинули холодильник. Хозяин квартиры наблюдал за ними с умеренным интересом.

В толстом слое пыли и грязи под холодильником нашлась расческа, несколько рассыпавшихся старых орехов, скрепка для бумаг, неопределимые крошки еды, а еще когда-то белая, а теперь вся в пятнах визитка. Сдув с нее пыль, Кьель прочел: «Доктор Джон Джекс, косметическая стоматология».

– Бинго, – прошептал он, помахивая карточкой перед носом Лео. – Вот и нашелся дантист, который сделал Хокинг прелестные жемчужные зубки. Я всегда говорю – ищи, кому выгодно. Но ему она наличными не платила.

Не найдя больше ничего, Кьель и Лео оставили управляющему свои визитки и пошли к лифту. На первом этаже за стеклянной входной дверью они увидели женщину, которая стучала пальцем по кнопке на панели домофона.

Кьель выругался:

– Опять она, эта репортерша!

Услышав голос, женщина обернулась и с трудом сглотнула. Она была смертельно бледной, глаза казались черными провалами. Выглядела она ужасно.

– Мерри Уинстон, – констатировал Кьель, разглядывая ее.

Журналистка быстро огляделась – лицо исказилось от неподдельного страха. У Кьеля шевельнулась догадка: он взглянул на панель домофона и увидел на экране имя Фейф Хокинг.

– Что, часто бывали в гостях у Фейф? – спросил он.

– Это она? – хрипло спросила Мерри. – Это Фейф нашли в заливе?

Кьель и Лео переглянулись.

– Что заставляет вас так думать? – осведомился Лео.

– Просто скажите, она или нет! – Уинстон дрожала всем телом.

Кьель нахмурился: в нем зародилось нехорошее подозрение.

– А почему вы именно сейчас приехали к Фейф Хокинг?

– Я проверяю одну версию.

– А кто вам подбросил эту версию? – не отставал Хольгерсен. – Или снова по сканеру слышали, а, Уинстон?

Журналистка не ответила. Кьель подошел ближе, нависая над миниатюрной Уинстон. Та отступила на шаг. Лео молча смотрел на них.

– Кто вам рассказал о Фейф Хокинг? Откуда вы знаете, где ее искать? Кто вам сливает информацию?

– Слушайте, я просто хороший репортер, ясно? Я на месте не сижу.

– Препятствие правосудию – серьезное правонарушение. Если мы обнаружим...

– Ну, тогда арестуйте меня и предъявите обвинение! – Она невольно бросила взгляд на экран домофона.

– Фейф Хокинг вы здесь не найдете, Уинстон, – сказал Лео. – Она съехала, даже вещи уже вывезли.

Побледнев еще больше, Уинстон отшатнулась:

– Я вам не верю!

Лео пожал плечами.

– А кто вывозил вещи? – спросила Мерри Уинстон.

– А ваш источник вам этого не сказал? – не удержался Къель.

Репортерша обожгла его взглядом и чуть ли не бегом кинулась к светло-зеленому «Фольксвагену»-«жуку», оставленному под голым вишневым деревом в нескольких ярдах от подъезда. Мотор «жука», зачихав, заработал. Уинстон промчалась до перекрестка, свернула направо и скрылась из виду.

– Черт возьми, ну вот как ей это удастся? – задумчиво сказал Къель, глядя ей вслед. – Мы сами только утром установили личность Хокинг, адрес вообще узнали час назад, а Уинстон со здешним домофоном как у себя дома...

– Вот поди знай, блин, – огрызнулся Лео.

Къель нахмурился:

– Что скажешь, если мы отзвонимся Базьяку и нанесем визит дантисту?

Глава 27

Лара металась по гостиной с опущенными гардинами, чувствуя, что ее вот-вот вырвет. Грейси мертва – это ее нашли на кладбище, а теперь и Фейф не отвечает на звонки. Надо было слушать Грейси, когда она две недели назад пожаловалась, что за ней кто-то ходит, какой-то тип прятался в сумерках у ее дома, глядя на ее окно. Лара считала, что это, скорее всего, он сел с Грейси в автобус в прошлую субботу и тоже сошел у «Барсука». Она думала, это один из них. А сегодня напротив дома Лары, на противоположной стороне улицы, залепленной мокрыми дубовыми листьями, пасется черный «Лексус» с тонированными стеклами. Стоит с самого рассвета, иногда включая мотор – видимо, водитель греется. Лара отчетливо помнила, что видела «Лексус» у церкви в прошлый четверг, когда после репетиции бежала на автобус.

Снова набрав мобильный Фейф, Лара попала на автоответчик.

– Фейф, это я... Ну позвони мне, пожалуйста!

Она нервно забежала по комнате, затем позвонила Еве. Облегчение так и рванулось в легкие, когда в трубке послышалось «алло».

– Ева, привет, это Лара, я... – Лара вдруг почувствовала себя глупо. – Я это... Насчет Грейси и этой ужасной новости... И я не могу дозвониться до Фейф. Ты с ней не созванивалась?

– Наверное, она просто телефон не проверяет, – коротко ответила Ева. Ларе показалось, что подружка куда-то торопится.

– Что ты, Фейф всегда отвечает, она же не расстается со своим айфоном. – Тыльной стороной руки Лара чуть отвела гардину. «Лексус» по-прежнему торчал под голым дубом с узловатыми ветками. – Грейси жаловалась, что за ней следят, а теперь у моего дома стоит и не уезжает машина. Может, это кто-то из них?

– С чего это вдруг?

– А ты не замечала ничего... странного?

– Я – нет. Слушай, все будет нормально, ты только с копами не вздумай откровенничать, иначе полная задница. Если откроешь рот, тебя убьют, понимаешь? Это часть сделки – никакой болтовни. И не звони им, они тебя сами наберут, когда нужно будет.

– А что, если Грейси заговорила? – прошептала Лара. – Что, если... – Она замолчала. Прямо перед окном остановился темно-синий седан.

Дверцы открылись. Лара быстро нажала отбой, непроизвольно стиснув телефон.

Из седана выбрались высокий темноволосый мужчина и женщина с длинным рыжим «конским хвостом», оба в черных пальто, и направились к ее подъезду. Послышались шаги на ступеньках крыльца.

В дверь громко постучали.

Лара колебалась, обмирая от страха.

Гости постучали снова, на этот раз еще громче. Лара припала к глазку.

– Кто там? – спросила она, вглядываясь в лица.

– Полиция Виктории, – ответил низкий мужской голос. – Детективы Мэддокс и Паллорино. Мы хотим поговорить с вами о Грейси Драммонд.

Лара сглотнула комок в горле и нерешительно приоткрыла дверь на узенькую щелочку, рассматривая пришедших поверх дверной цепочки.

– У вас какие-то удостоверения есть? – спросила она. Лара понятия не имела, куда смотреть в удостоверении или как определить, что оно подлинное, но не спросить не могла.

Детективы показали значки.

– Вы Лара Пеннингтон? – спросила рыжая женщина.

И тут Лара узнала ее лицо. Во рту появился противный привкус.

– Как вы только допустили, чтобы мать Грейси узнала об этом из газет! – вырвалось у нее. – Чтобы имя и фамилия Грейси попали во все новости...

– Лара, можно нам войти? – попросила женщина-детектив, оставшись бесстрашной.

Лара сняла цепочку и распахнула дверь, пропустив гостей в скромную гостиную со старым, из секунд-хенда, диваном, накрытым саронгами с Бали.

Сама она опустилась на краешек стула. Рыжая присела на диван, а мужчина остался стоять, разглядывая обстановку – опущенные шторы, пустую бутылку текилы. От смущения Лара занервничала еще больше.

– Я сочувствую вашей потере, Лара, – начала женщина. – Насколько я понимаю, вы с Грейси были хорошими подругами?

Лара не ответила. В голове начался звон.

Ей задавали разные вопросы, но смысл отчего-то ускользал, и Лара не отвечала из опасения сказать лишнее.

– Грейси во вторник ночевала у вас?

– Нет.

– В своем календаре она отметила прошлый вторник и несколько предыдущих вторников именами Лара П., Аманда Р. и К.В. Кто такая

Аманда Р.?

Звон в голове усилился. Нет, ее сейчас точно вырвет.

– Я иногда прикрывала Грейси. Она... Она гуляла.

– А куда она ходила? И почему только по вторникам?

– Не знаю.

– Точно не знаете?

Глазные яблоки, по ощущениям, норовили закатиться внутрь головы.

Лара зажала дрожащие ладони коленями.

– Она мне не говорила.

– Такой близкой подруге – и не говорила?

Лара уставилась на свои босые ноги, сосредоточившись на облупившемся лаке и твердя себе, что нужно сделать педикюр. Все, что угодно, лишь бы прекратился звон в голове.

– А кто такие Дж. Р. и К.В.?

Лара невольно подняла голову и тут же пожалела о своей оплошности.

– Не знаю, – солгала она.

Детектив Паллорино молча посмотрела на нее, затем переглянулась со своим напарником. Тот облизал губы, медленно подошел к окну, чуть раздвинул шторы и выглянул на улицу. Лара подумала, стоит ли еще «Лексус» напротив подъезда. Паллорино заглянула в свой блокнот:

– Что вам известно о Джоне Джексе?

Лара покачала головой:

– Я не знаю никого с таким именем.

– Куда Грейси пошла вместо репетиции в прошлый четверг?

– Не знаю.

– А вы сами были на той репетиции?

Лара кивнула.

Паллорино подалась вперед.

– Вы уверены, что не знаете Джона Джекса? Грейси довольно долго с ним встречалась, по словам ее матери. У него маленький черный «БМВ». Ничего не вспоминается? Может, именно Джон Джекс дарил ей прекрасные дорогие вещи, сапоги «Франческо Милано», например? – Она помолчала. – Эти сапоги были на Грейси Драммонд, когда на нее напали, Лара. Они сейчас в полицейской лаборатории вместе с ее одеждой.

– О господи... Я... я... – По щекам Лары вдруг потекли слезы, и она не могла их сдержать.

– Поговорите со мной, Лара. Что вы можете сказать о Джоне Джексе?

– Я... э-э... У них с Грейси были скорее... дружеские отношения...

– Где его найти?

– Я не знаю, где он живет.

– Он же член загородного клуба «Оук Бей», разве не там они с Грейси познакомились? Ведь она приезжала на тренировки Рика Батлера, прежде чем Рик с ней порвал?

Лара вытерла лицо рукавом.

– Наверное. Рик больше знает.

– Почему вы утаиваете информацию от полиции? Кого вы покрываете?

Звон в голове стал нестерпимо сильным. Лару затошнило. Ей показалось, что она вот-вот упадет в обморок. Голос женщины-детектива звучал словно издали, и Лара не понимала, что ей говорят.

– Лара! Лара, поглядите на меня! Тот, кто сделал это с Грейси, до сих пор на свободе и может напасть на кого-то еще. Нам нужно найти его, и побыстрее, поэтому скрывать от нас информацию означает ставить под удар молодые жизни. Если у вас есть какие-то сведения...

– Нет, нет у меня сведений, ясно?!

Рыжая кивнула и убрала блокнот в кожаную сумку.

– Мы сейчас проверяем почту Грейси, ее страницы в соцсетях, списки контактов и распечатки звонков. Если что-то обнаружится, нам придется пообщаться еще раз. – Рыжая подала Ларе свою визитку. – Если вы что-то вспомните, что угодно, пусть даже это покажется пустяком, звоните мне в любое время. – Женщина снова помолчала. – Это будет лучше, иначе мы сами привезем вас в отделение, когда найдем электронные доказательства того, что вы знаете больше, чем говорите.

Уже у двери рыжая вдруг обернулась и сказала:

– Да, и еще один вопрос. Лара, вы знаете Фейф Хокинг?

Лара, не глядя, направила стул и схватилась за спинку:

– Нет.

Детективы пристально смотрели на нее.

– И никогда не встречались?

– Я не знаю никого по имени Фейф.

– Понятно, – тихо сказала рыжая. – Звоните, если вспомните.

– Она лжет, – сказала Энджи Мэддоксу, пока они шли к «Импале».

– Да, и до смерти напугана, но почему?

Энджи обернулась и поглядела на окно. За занавесками виднелся силуэт Лары Пеннингтон. Девушка следила за ними.

– Давайте-ка поглядим, что нам скажут другие и что в лаборатории вытащат из гаджетов Драммонд, – решила Энджи, открывая пассажирскую дверцу. – Официально допросим Пеннингтон позже – будет больше толку, если у нас будет что ей предъявить.

Энджи уселась в машину. Пока Мэддокс водил Джека-О на газон облегчиться, она смотрела, как силуэт Лары Пеннингтон мечется туда-сюда за опущенными гардинами. Девушка действительно перепугана. Размышляя, отчего такое может быть, Энджи огляделась и увидела, как медленно отъехал стоявший на противоположной стороне сияющий черный «Лексус» последней модели с тонированными стеклами.

Креститель

Копы у дома Лары! Внутри все светло от приятного, томительного возбуждения, когда он узнал Энджи Паллорино с длинными рыжими волосами. Однако с ней приехал не Къель Хольгерсен: этот постарше, с черными волосами и повадкой крутого детектива. Дрожь восторга усиливалась – игра началась! Реально, по-настоящему. Но с Ларой теперь медлить нельзя, раз ее уже допрашивают. Мысли о Ларе Пеннингтон вдруг потеснили все остальные – Лара с пухлым лобком и тяжеленькими, больше, чем у Грейси, грудями... Он облизал пересохшие губы, чувствуя, как от предвкушения наступает эрекция... А после Лары настанет черед Евы – шустрой, бойкой, мокренькой Евы... Но вместе с жаром в паху, вместе с учащенным дыханием и забившимся сердцем возникло и смутное беспокойство. Он не попадетя – нет, сэр, Джонни никогда не попадетя! Нет-нет, Джонни... Он покончит с этими девицами, а потом найдет других. Дрянные девчонки будут всегда. Мир не оскудеет плохими-плохими девчонками... Не здесь, так в других краях. За морем, за океаном. Нужно только быть хитрее и осторожнее, раз они уже вышли на Лару.

«Петр же сказал им: покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов, и получите дар Святого Духа»^[5].

Глава 28

– Доктор Джекс занят с пациентом, – сказала секретарша, разглядывая значки, которые выставили Лео и Хольгерсен.

– Ничего, мы подождем. У нас пара вопросов к вашему доктору.

Девушка подняла глаза и встретилась со взглядом Къеля. В одежде предпочитает консервативный стиль, отметил он. Хорошая стрижка, неброский макияж. Очки в дизайнерской оправе, наверняка дорогие.

– Простите, но у него сегодня расписано все время, – возразила секретарша. – Вы же видите, полная приемная пациентов.

– А мы не торопимся. – Къель нарочито хозяйским взглядом прошелся по элегантной приемной. – Если вам здесь нужны двое копов до самого вечера, буду только рад. – И он втиснулся на диван между двумя явно богатыми дамами, которые отпрянули от него, как от завшивленного.

Секретарша незамедлительно встала.

– Одну минуточку. – Она поспешно скрылась в кабинете и вернулась несколько мгновений спустя: – Доктор Джекс уделит вам ровно десять минут, – сухо сказала она. – Сюда, пожалуйста.

Они прошли в кабинет. Огромный полированный письменный стол, книжные полки, на стенах – произведения современного искусства. На высоком комодe – фотографии в рамках. Къель взял одну: средних лет блондин с редующими волосами, зачесанными набок и залаченными до неподвижности – такое называют «переплюйчиком». Стройная брюнетка в свадебном платье с очень глубоким декольте, стоящая рядом, по виду вдвое моложе жениха. Готовая модель для каталога «Виктория секрет» (по представлениям Къеля, в жизни не державшего в руках этот каталог): коллагеновые губы «уточкой» и раскосые, кошачьи глаза. На следующей фотографии – парень лет двадцати двух, тоже блондин, сын Переплюйчика, предположил Къель.

– Я так думаю, у него ребенок от первого брака и молодая жена, – поделился он с Лео. – А вторая супруга-то ненамного старше сынка!

– Третья супруга, – поправил его кто-то за спиной.

Детективы обернулись – Къель даже не успел поставить фотографии обратно.

– Доктор Джон Джекс, – представился Переплюйчик. Сунув руки в карманы брюк, он остался стоять на пороге кабинета. – Чем могу помочь,

детективы?

– Фейф Хокинг была вашей пациенткой? – спросил Кьель, аккуратно ставя снимки обратно на комод.

– У меня много пациентов, я не помню всех по именам.

Лео вынул из кармана флаер и показал Джексу:

– Вот эта женщина.

Дантист даже не посмотрел на фотографию, глядя в упор на Лео, а потом на Хольгерсена.

– Почему бы вам не перейти к делу, джентльмены? Я человек занятой.

– А мы вот просто выясняем, не вы ли привели в порядок ее зубы и кто за это платил, – отозвался Лео.

Доктор Джекс мазнул взглядом по флаеру, не изменившись в лице, и посмотрел на часы.

– Простите за раздражение, но уж вам-то должно быть известно, что я не имею права обсуждать пациентов или выдавать по ним финансовую информацию. Так что извините меня, но...

Кьель и Лео не двинулись с места.

– Она стала жертвой убийства, док. Все, что вы скажете, может помочь в расследовании.

– Очень жаль, конечно, но...

– Эта женщина, – Кьель сделал два быстрых шага к Джексу, оказавшись так близко, что почувствовал запах дорогого одеколona, – пришла к вам с улицы с метамфетаминным ртом. Вы такие рты не забываете. Скажите нам только одно: кто вам заплатил за жемчужно-белые винирчики, и мы тут же уберемся и не будем вонять в вашей приемной!

Доктор Джекс сверкнул короткой и хищной улыбкой, обнажив прямые и безупречно белые зубы, однако глаза остались невыразительными и холодными.

– Могу лишь повторить: информация о пациентах конфиденциальна.

– Может, нам вернуться с ордером?

– Возвращайтесь, конечно. А пока – до свидания, джентльмены.

Когда Кьель и Лео шли через приемную, сидевшие там пациентки доктора Джекса без всякого стеснения строили им глазки.

Вновь оказавшись на улице под дождем, Кьель признался:

– Бесит меня этот тип.

– Зато мы нашли дантиста, – возразил Лео. – А бывшая метамфетаминщица черта с два смогла бы оплатить квартиру в новом комплексе или позволить себе услуги такого вот Жан Жака. Разве что она прошла элитный апгрейд...

– Может, сутенер раскошелится, чтобы ее малость отмыть, и зарядил на работу, чтобы отбить бабки? Судя по снимку из «Харбор-хауса», Хокинг стало просто не узнать.

Лео глянул на него снизу вверх, изогнув бровь:

– С каких пор мужики платят бешеные бабки, чтобы сунуть в пасть Медузе? Что-то я не просекаю.

Они уже дошли до машины. Къель, пискнув пультом, подытожил:

– Короче, без веских оснований шиш мы получим, а не ордер на изъятие финансовой документации доктора Переплюйчика.

– Значит, будем искать основания. – Лео открыл правую дверцу. – Ведь кто-то оплатил зубы Хокинг, и, готов спорить на мою задницу, Джекс знает кто.

Когда Энджи и Мэддокс приехали в загородный клуб «Оук Бей», уже начинало темнеть. Крытые теннисные корты сияли в декабрьских сумерках белым светом, как инопланетные летающие тарелки.

– Без ордера они не станут разговаривать о членах клуба, – сказала Энджи, когда они вошли через большие стеклянные двери. Пол в холле был выложен плиткой, а негромкой мелодии флейты вторили доносившиеся из зала тупые удары тугих ракеток о теннисные мячи. Изумительно сложенная блондинка-секретарша с бронзовым загаром улыбнулась при виде вошедших, показав идеально ровные, отбеленные зубы. Паллорино подумала, что загар получен в каком-нибудь из соляриев «Оук Бей».

Пока Мэддокс расспрашивал эту «мисс Швецию» о Джоне Джексе, Энджи, привлеченная звуками игры, заглянула в зал.

– Здравствуйте, – улыбнулась она тренеру, выходящему с корта в окружении группы подростков. Тренер лет тридцати шести, загорелый, с телом Адониса, был в дизайнерском спортивном костюме. Каштановые волосы с мелированием рассыпались в художественном «сёрферском» беспорядке. Энджи взглянула на его бейдж: – Серж Радикофф? Рада познакомиться. Я слышала, вы тренировали Рика Батлера?

Он прошелся глазами по фигуре Энджи и улыбнулся, дерзко глядя ей в лицо. Энджи не ошиблась – перед ней настоящий донжуан.

– У Рика прекрасные данные, это один из моих лучших учеников.

В речи Радикоффа слышался восточноевропейский акцент.

– Говорят, он – ваш протеже, а вы – его спонсор.

Серж обтер лицо концом белого полотенца, висевшего на шее, и отпил воды из бутылки.

– У Рика талант, он далеко пойдет, но без помощи он не смог бы себе позволить ни такого клуба, ни моих уроков.

Стоя у ограждения, Энджи смотрела, как какие-то молодые парни по очереди отбивают мячи, подаваемые теннисной пушкой.

– Значит, вы прославитесь за его счет. – Она повернулась к Радикоффу: – Джона Джекса тоже вы тренируете?

Радикофф замолчал. Несколько секунд тишину нарушал лишь гулкий стук мячей. Один вдруг ударился в ограждение рядом с ее лицом. Энджи напряглась.

– Я – тренер клуба, – ответил наконец Радикофф. В его взгляде появилась осторожность. – Мне платят, чтобы я учил тех, кто хочет заниматься. – Снова пауза. – А кто вы?

– Энджи Паллорино, – сказала она, широко улыбнувшись и протянув руку: – Полиция Виктории. Я слышала, Джекс играл с Батлером?

Радикофф быстро огляделся.

– К чему вы клоните?

– Джекс встречался с бывшей девушкой Батлера, Грейси Драммонд. Грейси убили, и мы сейчас выясняем ее передвижения и контакты за последние недели.

Радикофф вздрогнул.

– Но... это же не она «кладбищенская девушка», про которую говорили в новостях?

Энджи выдержала его взгляд.

– Драммонд приходила сюда смотреть, как тренируется Батлер. Здесь она, как я понимаю, и познакомилась с Джексом.

– А я при чем?

Краем глаза она заметила, что к ним направляется Мэддокс.

– Где можно найти Джекса?

Лицо Радикоффа тут же стало ледяным.

– Извините, мне не разрешается вступать в дружеские связи с членами или гостями клуба. И вообще, контрактом мне запрещено говорить о них.

Подхватив со скамейки спортивную сумку и ракетки, он зашагал прочь. Энджи смотрела ему вслед. Красивые ноги. Удивительно красивые ноги. И идеальная задница.

Мэддокс подошел и остановился рядом, проследив за ее взглядом. Энджи покосилась на него – синие глаза уже смотрели на нее. От него буквально волнами исходила странная энергия.

– А если бы это он вошел тогда в ночной клуб?

– Никогда, – тихо сказала Энджи, – больше об этом не заговаривай.

Со стесненным сердцем она направилась к выходу. Ею двигала непривычная смесь воинственности и чего-то похожего на стыд. Энджи было неприятно, что Мэддокс знает о ее пристрастии, что он ее осуждает и припомнил достопамятный случай в рабочем контексте, но еще противнее было, что ей не все равно, что думает Мэддокс.

Она довольно долго простояла под дождем у «Импалы», и Мэддокс наконец показался на пороге клуба. Энджи успела порядком вымокнуть, когда он открыл машину, но уселась молча. Он завел мотор и включил печку, а сам вывел свою дворняжку на коротенький променад. Вернувшись, он не торопясь налил псу воды в миску из бутылки, которую отыскал в багажнике.

– Что ты узнал от «мисс Швеции»? – требовательно спросила Энджи, когда Мэддокс сел за руль.

– По нулям. А ты от этого Джимми Коннорса?

Энджи, стиснув зубы, отвернулась к окну. Мэддокс выехал на дорогу.

– Джон Джекс – член клуба, как мы и подозревали. Его тренирует Серж Радикофф. Узнав, что я коп, он сразу замолчал. Поговорим с Риком Батлером – узнаем больше.

Вместо того чтобы ехать в отделение, Мэддокс свернул налево, одновременно шаря на заднем сиденье и не отводя взгляда от мокрой дороги.

– Куда мы едем? – не выдержала Энджи.

– Можешь достать плед?

– Что?

– Плед, за моим креслом. Накрой Джека-О. Холодно, а у него шерсть выбрита. После второй операции у него, по-моему, иммунитет ни к черту.

Энджи нахмурилась, но дотянулась и взяла плед. Когда она накрывала им собаку, Джекс-О зарычал и щелкнул зубами. Энджи отдернула руку.

– Вот зараза, чуть не тяпнул!

Губы Мэддокса изогнулись в сдерживаемой улыбке.

– Что смешного?

– Наверное, чувствует, что ты его недолюбливаешь.

– Ну и недолюбливаю, что с того? А что там любить?

Мэддокс искоса взглянул на нее.

– Нет уж, ответь, почему тебе нравится эта собачонка? – разошлась Энджи.

– Хочешь правду?

– Только правду!

– Потому что с ним мне легче на душе. Будто от меня все же что-то

зависит. – Он пожал плечами, снова свернул за угол, остановился на светофоре и повернул голову к Энджи: – На этой работе такое ощущение возникает не всегда.

«Я сажаю негодяев, я хорошо умею это делать, папа. Чертовски хорошо. Благодаря мне мир становится лучше.

– Неужели?

– Да! Иногда...»

Мысли Энджи перескочили на Тиффи, которую не удалось спасти, на Хаша, который скончался по ее вине, а теперь без него пусто и плохо. Энджи думала о полных муки и горького укора глазах Лорны Драммонд, которая не удержалась на ногах от страшной новости, а опустилась на пол, скуля, как животное. Все это вдруг разом навалилось на Энджи, и ей стало трудно дышать.

– Куда мы едем-то? – уже тише повторила она.

– Надо отвезти Джека-О. Базьяк разорился на пиццу к вечернему брифингу, а я наконец нашел барбосу няньку: старик из гавани согласился за ним присмотреть, хотя бы пока этом в расследовании что-то не прояснится.

– Почему из гавани?

– А я живу в Западной бухте на старой яхте. Пытаюсь ее отремонтировать, но одно починишь – другое ломается. Надеюсь, когда потеплеет, удастся что-то наладить.

– Ты еще и моряк?

Мэддокс коротко засмеялся:

– Мы с супругой мечтали обзавестись к пенсии собственной яхтой, когда Джинн вырастет и будет жить отдельно. Плавать вдоль побережья, бросать якорь в живописных маленьких бухточках. Устраивать гонки на каяках, ловить рыбу... – Несколько кварталов он молчал. – А потом мой брак развалился. Эта работа и семья практически несовместимы.

Любопытство в Энджи пересилило такт.

– Вы разошлись?

– Как раз сейчас переживаем весьма болезненный развод. Может, поэтому-то я и привязался к Джеку-О – собака тебя не бросит... – Он снова замолчал. Энджи показалось, что она только что нечаянно увидела очень личную и закрытую сторону этого человека. Она не хотела знать больше, не хотела того, что смутно начинала чувствовать, но не удержалась от вопроса:

– Тогда зачем ты носишь обручальное кольцо?

– Ради Джинн. Надел в воскресенье перед встречей с ней в знак

твердого намерения сохранить семью. Джинни винит меня в том, что мама нашла себе другого... – Мэддокс невесело усмехнулся. – Наверное, я просто находка для психотерапевта со своей склонностью спасать окончательно развалившееся: то старую шхуну, то прежнюю мечту о жизни на пенсии, то семью, которой давно уже нет...

Сердце гулко стучало в груди Энджи – значит, он не снимал кольцо, чтобы подцепить ее в клубе; наоборот, ненадолго надел ради спокойствия своего ребенка, но человека тут же сдернули на место происшествия и втавили в это расследование.

– Надо было все же ехать двумя машинами, – решительно сказала она. – Я бы уже вернулась в управление, пока ты возишься со своей дворняжкой...

Глава 29

Когда Мэддокс свернул на шоссе, ведущее в гавань, впереди вдруг показалась лечебница «Маунт Сент-Агнес». Энджи, встрепенувшись, глянула на часы. Секунду она боролась с собой, но, когда они с Мэддоксом проезжали мимо ворот, сказала:

– Подожди! Сверни сюда... Пожалуйста.

Мэддокс взглянул на нее и сбросил скорость «Импалы» у входа в лечебницу, обнесенную высокой стеной с большими коваными воротами.

– Зачем?

– Я обещала... кое-кого сегодня навестить. Мне нужно полчаса, не больше. Ты пока можешь отвезти собаку. Заедешь за мной на обратном пути.

Мэддокс снова взглянул на нее и медленно въехал на территорию лечебницы, затормозив у широкого крыльца. Энджи вдруг охватили сомнения. Она яростно потерла колено. Она очень любила мать, но немного боялась увидеть, во что превратилась Мириам, и опасалась, что у нее самой тоже появились симптомы этого заболевания. Может статься, и на ее горизонте не в столь отдаленном будущем замаячит это бетонное здание за высокой каменной стеной с железными воротами и санитары в белых халатах.

– А кто у тебя здесь? – спросил Мэддокс, так пристально глядя на Энджи, что она почувствовала себя голой.

– Это личное, – отрезала она и взялась за ручку двери. – Буду через полчаса.

– Не торопись, если нужно.

– Успею. – Хлопнув дверью, Энджи, не оглядываясь, взбежала по лестнице к двойным дверям.

Медсестра провела ее в просторное помещение, где столы и стулья были составлены группами. Одни пациенты ерзали на месте и что-то бормотали, другие сидели неподвижно, совершенно уйдя в себя. У стены стоял санитар, наблюдая за подопечными. Возле одного из окон неярко мигала огоньками рождественская елка.

– Вон миссис Паллорино, в эркере, – сказала медсестра, указав на сгорбленную фигуру, сидевшую без движения в плетеном кресле-качалке и рассматривавшую в темном стекле собственное отражение. Обмерев,

Энджи повернулась к медсестре:

– Почему моя мать здесь, а не в отдельной палате? У нее же там привычные вещи!

– К сожалению, когда она в первый раз осталась одна, с ней случился припадок. Это бывает – незнакомая обстановка, новая комната, недоумение, где она и кто вокруг. Пока она побудет под наблюдением. – Медсестра помолчала. – Ваша мама на сильных седативных препаратах, мисс Паллорино. Сознание у нее сейчас не очень ясное, но знакомое лицо должна узнать. Однако, если она вдруг начнет проявлять беспокойство, пожалуйста, тихо отойдите и подзовите санитаря.

– А кто решает, какие препараты и сколько колоть?

– Лечащий врач после консультации с ближайшими родственниками. Муж миссис Паллорино уехал совсем недавно.

Глубокое волнение, к которому примешивалось болезненное чувство вины, ударило Энджи под ложечку с такой тупой силой, что у нее перехватило дыхание. Некоторое время она пыталась отдышаться.

– Спасибо, – сказала она и медленно пошла к окну. Пробитые сединой волосы Мириам стали пастельно-оранжевыми, а не густого пшеничного цвета, как раньше. Белый махровый халат висел на костлявых плечах. Лицо без привычного макияжа казалось сухим и морщинистым. За двое суток мать словно постарела на несколько десятилетий.

– Мама?

Мириам начала раскачиваться в кресле все быстрее и быстрее.

Энджи подтянула поближе табурет и присела.

– Ма-ам, как дела? – улыбнулась она.

Перестав качаться, мать взгляделась в Энджи, словно не узнавая. Взгляд у нее блуждал, действительность мешалась с фантазиями.

– Ты кто? – спросила мать слегка заплетающимся языком. – Мы знакомы?

– Я Энджи.

– Энджи? – Мать недоуменно нахмурилась. Затем медленная, печальная улыбка сморщила щеки: – У меня когда-то была маленькая дочка по имени Энджи. Прелестная малышка, чудесный ребенок. А потом ее... не стало. – Застонав, она снова принялась раскачиваться. Лицо исказилось, пальцы вцепились в подлокотники. Стон становился громче, а качания все сильнее.

Энджи подалась вперед и накрыла руку Мириам своей ладонью, замедлив движения кресла.

– Мам, все в порядке, я здесь.

– Ее вернули ангелы. Ей еще не пришел срок, вот они ее и вернули.

– Кого? Ты о ком говоришь, мам?

– Об Энджи.

Стылый ужас холодной струйкой просачивался внутрь.

– Какой срок-то не пришел? – спросила Энджи.

– Ну предел жизни. Ангелы ошиблись – ей еще рано было уходить к Господу, вот ее и вернули... – Мириам перестала раскачиваться. – В Италии, в сочельник. Я тогда пела в большом соборе... Такой красивый собор... Вот что значит предопределение... – Прикрыв глаза, мать тихо запела молитву, странно знакомую, хотя Энджи не понимала откуда. От страха у нее зашевелились волосы.

– О каком соборе идет речь?

– Шел снег, – тихо продолжала Мириам. – Ее нашли в ангельской колыбели, как божественного младенца в яслях...

– Мам, погляди на меня, пожалуйста.

Мать открыла глаза, и в них мелькнуло недоумение:

– Кто ты? Я... я тебя знаю...

Энджи нежно улыбнулась, однако сердце учащенно билось, и кожа стала липкой от пота.

– Я тебя тоже знаю, – сказала она, сжав мамины руки. – Напомни, кто ты? – спросила она для проверки.

Мать немного посидела, задумавшись.

– Я – мама Энджи. У меня прелестная малютка.

Энджи была тронута до глубины души.

– Все верно.

– А ты ее знаешь?

– Знаю.

Мириам успокоилась и словно ушла в себя. Лицо стало безмятежным. Закрыв глаза, она снова запела мягким меццо-сопрано:

– Ave, Maria, gratia plena...

Энджи сглотнула, не понимая, почему от ужаса сжимается сердце.

Мать снова начала медленно раскачиваться.

– Dominus tecum...

– Мам!

– Benedicta tu in mulieribus...

– Мама!

– Et benedictus fructus ventris...

Энджи охватила паника. Нужно бежать отсюда. В ушах снова зазвучал женский голос. Женщина кричала на каком-то чужом языке, однако Энджи ее почему-то понимала:

– Утекай, утекай! Вскакуй до шродка, шибко! Шеди тихо!

– Я... я еще вернусь, – сказала Энджи, ища глазами выход. – Я приеду, как только смогу. В следующий раз тебе уже будет лучше. – Нагнувшись, она быстро поцеловала мать в щеку и чуть не бегом кинулась к двери. Что за черт? Мэддокс ждал ее на парковке «Маунт Сент-Агнес» с работающим мотором.

Рванув пассажирскую дверь, Энджи плюхнулась на сиденье.

– Спасибо, что дождался, – буркнула она.

– Господи, ты меня напугала! – засмеялся он. – Я и не увидел, как ты подошла. Думал, ты вон оттуда появишься.

Энджи пристегнулась, не глядя на него.

– Все нормально?

Энджи вытерла рот.

– Да, все отлично. – Она повернулась, скроив деловую мину: – Собаку отвез?

Мэддокс пристально смотрел на нее. Энджи почти с вызовом выдержала оценивающий взгляд. Что-то невысказанное нарастало между ними. Наконец Мэддокс ответил:

– Отвез.

И тронул машину с места.

По дороге в отделение он сказал:

– Мне только что звонил Базьяк. Лео и Хольгерсен нашли квартиру Хокинг – там все чисто.

– В смысле – чисто?

– Одиннадцать дней назад Хокинг якобы позвонила и предупредила, что съезжает. Приезжали люди из компании перевозок и вывезли мебель и вещи.

– Значит, одиннадцать дней назад она была жива?

– Или кто-то позвонил от ее имени насчет прекращения аренды. Хольгерсен с Лео вроде бы нашли ее дантиста. – Он поглядел на Энджи. – Догадайтесь, как его зовут?

– Ну? – спросила она, неотрывно глядя на него.

– Джон Джекс! Правда, пишется замысловато, на французский лад.

– Так что, он и есть бойфренд Драммонд?!

– У доктора Джекса имеется сынок, Джон Джекс-младший, двадцати двух лет. Лео с Хольгерсеном покопались в биографии Джекса-старшего. Он – член правления загородного клуба «Оук Бей» и неоднократно попадал в поле зрения полиции за связи с организованной преступностью. Отмывание денег, уклонение от уплаты налогов и попытка подкупа судьи.

Но от всех обвинений он отбился. В прокуратуре его называют Тефлоновым Джоном.

Энджи тихо присвистнула.

– Значит, дантист с сынком могут оказаться ниточкой, соединяющей наших мертвых девочек, Грейси и Фейф.

– Дальше – больше: репортерша из «Сан» Мерри Уинстон оказалась у квартиры Фейф Хокинг одновременно с Лео и Хольгерсеном. Опять ей кто-то слил информацию о личности и адресе нашей утопленницы! – Мэддокс снова поглядел на напарницу. – Что ты думаешь об этой утечке? Неужели кто-нибудь из нашего управления?

– Если из нашего, тогда у него нешуточный личный интерес, – отозвалась Паллорино. – Он хочет либо убрать кого-то из руководства, либо по-крупному подставить полицию Виктории.

– Не обязательно он, может статься, что и она.

– В смысле?!

– В самом прямом.

– Ты думаешь, это я?!

– Ты же не единственная женщина в столичной полиции, Паллорино.

От Энджи пахнуло волной такого гневного жара, что в салоне стало душно.

– Я – единственная женщина с информацией по этому делу!

– Не могу согласиться. Существует технический персонал, члены семей и интимные связи. В семейном кругу даже копы бывают болтливы. Нравится это тебе или нет, но так обстоят дела.

Энджи промолчала. Тишину нарушали лишь звуки «дворников» и тихий гул обогревателя.

– Ты-то мне доверяешь? – тихо спросила она.

– Напарнику необходимо доверять. – Мэддокс украдкой взглянул на нее. – Напарник прикрывает твою спину.

Глава 30

В оперативном штабе было жарко и пахло пóтом, сырой одеждой и табачным дымом, вьевшимся в ткань и мокрые волосы. Добавьте к этому чесночный, сырный, дрожжевой и колбасный запах от пиццы, пятнами пропитавшей картонные коробки, и станет понятно, отчего Энджи замутило. Она налила себе холодной воды и села поближе к белой доске. Странные речи матери не шли из головы. И эта молитва – вроде бы прекрасная похвала Деве Марии... Еще в коридоре Энджи нашла в телефоне перевод с латыни: «Радуйся, Мария, Царица Небесная, Господь с тобою. Преплагая и Всемиловитейшая владычица, услышь меня, грешную»...

Может, смятение, вызванное этим гимном, связано с расследованием? Религиозные обертоны? Дева Мария, к ногам которой положили Грейси Драммонд? Или накопилось все сразу – галлюцинации, голоса в голове, возможное психическое расстройство, внутренний конфликт из-за секса с Мэддоксом, тревога по поводу заболевания матери – и спеклось с фактами дела об убийстве и теми прошлыми изнасилованиями? Неужели от хронической усталости у нее уже едет крыша?

Из головы не шло странное упоминание об Италии, несостыковки в датах на фотографиях и обрывки воспоминаний о той аварии, которую она не помнит. Это глодало Энджи изнутри. А откуда взялись непонятные фразы, застрявшие в памяти?

«Утекай, утекай!.. Вскакуй до широдка, шибко! Шеди тихо! Убегай, убегай! Забирайся быстро сюда! Сиди тихо!»

Что это за язык, черт побери? И почему она словно бы понимает смысл?

Базьяк снова вышел к белой доске и постучал костяшками пальцев по столу, как судья молотком. В кабинет внесли большой монитор и установили рядом с доской, уже порядком заклеенной распечатанными фотографиями и данными, пополнявшимися по мере того, как поступала информация от участников следственной группы. Мужчина лет пятидесяти восьми – темноволосый, в очках как у Джона Леннона, – колдовал над ноутбуком, готовя какую-то презентацию. Наконец он вывел изображение на экран. Фиц тоже присутствовал на совещании – он уселся у стены и наблюдал.

Кабинет понемногу заполнялся, все рассаживались, но место рядом с Энджи оставалось пустым, точно она была некой парией. В конце концов стул занял Мэддокс, нечаянно задев Энджи локтем, отчего она невольно напряглась. Она чувствовала исходящий от него жар, твердость его тела. Воспоминания о том, как он лежал обнаженным в красной комнате, запульсировали в потаенных уголках сознания. Энджи глубоко вздохнула.

Вождделение – коварный зверь.

Похоть была ее зависимостью. Анонимный секс несложен, но это... То, что она начинала чувствовать... Желание быть слабой, потребность получить его одобрение, зарождающаяся привязанность... Надо побыстрее отделаться от Мэддокса. Ей нужен новый партнер. Она не выдержит, если потеряет еще одного друга, и уж точно ей не нужны новые интимные отношения с коллегой. Она сейчас не в том состоянии, чтобы затевать что-то подобное.

– Так, – сказал Базьяк. – Короче, что у нас есть на этот час? Начнем с результатов вскрытия.

Жара и духота в комнате сгущались. Голова у Энджи гудела, перед глазами все сужалось в одну точку. Слова Базьяка сливались в монотонный гул. Энджи оттянула ворот свитера, стараясь сосредоточиться на том, что он говорит:

– ...непереваренное содержимое пищеварительного тракта Хокинг указывает на прием пищи за два-три часа до смерти...

Энджи с ужасом поняла, что отключилась, причем непонятно насколько. Ее обдало страхом. Соберись же, черт побери!

– ...проведенный анализ остатков пищи, извлеченной из пищеварительного тракта Хокинг, показал, что она ела некое блюдо, в состав которого входит *tuber melanosporum*, черный трюфель, произрастающий в южной Европе, и мраморную говядину кобе, то есть мясо черных бычков особой породы тадзима, выращенных в японской префектуре Хиого... – Базьяк поднял глаза: – Наша утопленница лакомилась весьма недешевыми кушаньями за пару часов до того, как ее убили. – Он вновь углубился в отчет: – Пока еще ждем дальнейшего экспертного анализа, но уже сейчас можно сказать, что фрагменты шерсти животного, найденные в складках пленки, принадлежат домашней козе. Есть и остевые, и пух... В области лобка Хокинг найдены фрагменты человеческих волос. Анализ ядерной и митохондриальной ДНК показал, что фрагменты волос принадлежат двум разным мужчинам, белым, черноволосым, европейского типа, и могли расти в паховой области, внизу живота либо на бедрах. Совпадений по нашей базе нет. Еще один волосок

одного из этих мужчин был найден на теле покойной. Итак, двое неустановленных мужчин... – Базьяк замолчал, просматривая дальнейший отчет, перевернул страницу и нашел то, что искал: – Фрагменты листьев принадлежат *Quercus garryana*, дубу белому орегонскому, а семечко травы, найденное в пленке, – один из видов сельскохозяйственных травянистых культур. Вместе с белым дубом она произрастает довольно редко и, как правило, в экосистемах дуба заостренного, которые встречаются на неглубоких почвах юга провинции и островов Галф. Сейчас мы пытаемся сузить район поисков с помощью специально привлеченного специалиста-ботаника...

Базьяк глотнул воды.

– Опрос жителей прилегающих улиц возле кафе «Синий барсук» ничего не дал. Попутчик Драммонд, который сходит на той же остановке, что и она, сам явился в отделение, у него есть алиби. Второго пассажира, который тоже сошел на той остановке в прошлую субботу, никто не узнал. Парни из экспертного нашли фрагменты волос и крови у стены бывшей газовой станции, ДНК совпадает с Драммонд, плюс обнаружили пуговицу от ее пальто. Улики, найденные на одежде Драммонд, включая светлый волос с головы, пока еще в лаборатории.

Базьяк поднял голову и оглядел собравшихся:

– На пустыре у газовой станции обнаружены следы покрышек, оставленные и седаном, и внедорожником последней модели. Это согласуется с рабочей версией, что на Драммонд неожиданно напали в проходе между зданиями газовой станции, заткнули или зажали рот и вывезли на машине туда, где затем надругались и изуродовали, после чего снова погрузили в машину и отвезли на кладбище Росс Бей. На записях с камеры наружного наблюдения «Севен Элевен» напротив кладбища можно разглядеть темный внедорожник, медленно проехавший мимо главного входа в воскресенье незадолго до полуночи. Наши эксперты определили модель внедорожника – «Лексус lx-570». Новая, элитная модель. При увеличении удалось прочитать часть номерной таблички – первые две буквы вроде бы «Б» и «Х».

По рядам пронесся гул: это могло означать реальный прорыв в расследовании. Базьяк прилепил на доску черно-белый зернистый кадр с «Лексусом», а рядом еще более нечеткое изображение номерной таблички.

При виде этих снимков в памяти Энджи что-то шевельнулось.

– Данные камер наружного наблюдения «Севен Элевен», – продолжал Базьяк, – согласуются с показаниями свидетелей, полученными во время опроса жителей улиц района Росс Бей. Пожилая леди, страдающая

бессонницей, выглядывала в окно незадолго до полуночи и видела, как у бокового входа на кладбище стоял темный внедорожник. Это рядом с тем местом, где была обнаружена Драммонд.

Опершись кулаками о стол, Базьяк подался вперед, пристально глядя на детективов своими темными глазами.

– Технический отдел сейчас просматривает запись новой дорожной камеры на мосту Джонсон-стрит: эксперты выясняют, не проезжал ли этот «Лексус» на восток или запад примерно в то время, когда Драммонд похитили на западе города.

Энджи, кашлянув, подала голос:

– Напротив дома Лары Пеннингтон, когда мы ее допрашивали, стоял черный «Лексус» с затемненными стеклами, – сказала она. – Внедорожник как раз отъезжал, когда я обратила на него внимание. Номера я не видела, но Пеннингтон во время разговора поглядывала в окно и казалась напуганной.

Базьяк некоторое время сверлил ее взглядом.

– Значит, номера ты не запомнила?

– Никак нет, – спокойно ответила Энджи.

Мэддокс развернулся всем корпусом и, не скрываясь, уставился на нее, будто спрашивая, почему она ничего не сказала ему о «Лексусе».

Энджи не была бы собой, если бы упустила возможность лишний раз подковырнуть напарника:

– Я обратила внимание на внедорожник только потому, что ждала, пока детектив Мэддокс закончит выгуливать своего пса!

Мэддокс прищурился, взгляд стал острым. Кто-то из сидевших сзади что-то пробурчал вполголоса.

– Ладно, – отмахнулся Базьяк. – Среди важной информации еще вот что: так называемый пастор Маркус Джилани числится в нашей базе – одиннадцать лет назад он отбывал срок за вождение в нетрезвом состоянии. В его машине находилась несовершеннолетняя девушка, которая занималась с ним оральным сексом в тот момент, когда Джилани насмерть сбил велосипедистку. Лео и Хольгерсен наведаются к нашему пастору еще раз... А теперь я передаю слово судебному психологу доктору Рейнольду Грабловски, которого я пригласил в качестве консультанта.

По аудитории снова пробежал шепот. Позади Энджи кто-то тихо застонал.

Темноволосый человек в очках, как у Джона Леннона, встал и нажал кнопку на ноутбуке. Экран ожил, и на нем появилась карта Виктории из «Географической информационной системы».

卅

Глава 31

Мерри барабанила в дверь «Харбор-хауса», дрожа от холода и обхватив себя свободной рукой. У открывшего ей пастора Маркуса расширились глаза:

– Мерри?! Что ты здесь делаешь? У нас нет свободных коек, и если ты за этим...

– Я не по поводу ночлега, я к тебе. По делу. Могу я войти?

Маркус незаметно оглядел улицу и понизил голос:

– Слушай, не ходила бы ты сюда. Я же тебе объяснял – это нормально, что ты ко мне прониклась, потому что я помог тебе в трудное время, но я женатый человек, к тому же служитель Божий. Моя супруга Верити наконец-то беременна, я скоро стану папашей...

– Блин, да я не за этим! Мне нужно поговорить про этих девушек! Это и раньше было... Он ведь и меня... Этот чертов урод снова рыщет по городу! Он вернулся! Это он убил кладбищенскую девку и Фейф, скорее всего, тоже, и занимается он этим уже очень давно, много лет...

– Входи, – быстро сказал Маркус, чтобы заставить ее замолчать, потому что у Мерри начиналась настоящая истерика. Мерри и сама чувствовала, что не может сдержаться.

Он провел ее через кухню в свой маленький кабинет, усадил возле обогревателя и принес горячего чая. Мерри обхватила керамическую кружку с надписью: «Покайся, и будешь прощен» – и глотнула чая: ее трясло, и не только от холода. Маркус принес ей свитер из секонд-хенда.

– Давай сюда свое пальто, – проворчал он.

Мерри стянула промокшее пальто и с благодарностью надела свитер. Маркус повесил пальто возле газового обогревателя. Пастор казался взволнованным.

– Я слышала, к тебе приходили копы и спрашивали про Фейф, – начала Мерри. – Что ты им сказал?

– Ничего.

– Обо мне не сказал? О красном распятии на моем лбу пять лет назад?!

– Нет, я уважаю своих подопечных из «Харбор-хауса».

– То, что случилось со мной, связано с этой девушкой с кладбища. Это он. Он вернулся!

– Тебе бы в полицию пойти, Мерри...

– И что я им скажу? Что я сбегала из приютов и приемных семей, что я употребляла метамфетамин? Что я была под кайфом и ни черта не помню, только его глаза, фразу эту и как очнулась в канаве? Уже потом, когда посмотрелась в зеркало, я увидела на лбу красное распятие. Мне было больно, из задницы шла кровь, но, кроме этого, я ни в чем не уверена на сто процентов! Я даже думала, может, это глюк был...

– Мерри, – тихо начал Маркус, – ты снова употребляешь?

– Пока нет.

Он неловко двинулся на стуле.

– Зачем ты все-таки пришла ко мне?

– Зря я пришла, вот что! – с горечью вскинулась она. – Думала, ты поможешь. Ты мне, конечно, не скажешь, но я должна, должна знать – еще такие, как я, были? Тебе кто-нибудь признавался? Может, кто из уличных рассказывал о клиенте-извращенце или об изнасиловании, как-то связанном с распятием? Я хочу знать, как долго он этим занимается. – Мерри отставила кружку и с силой провела ладонями по мокрым волосам: – Блин, как же страшно-то... Не знаю, с кем еще поговорить... Он же может читать мои статьи, он догадывается, что я одна из его жертв! Может, он уже следит за мной!

Маркус молча выдержал ее взгляд. Внутри у Мерри все оборвалось:

– Значит, были и другие?!

Тишина.

– Блин, да скажи же мне!

Маркус молчал.

– А я вот сейчас пойду к твоей жене и расскажу, что у нас с тобой было несколько лет назад. Всей конгрегации расскажу! Конец тогда тебе и твоему молчанию, па-астор!

Маркус вздохнул, опустил глаза, встал и заходил по кабинету. Затем снова сел и с силой прижал руку ко рту.

– Ладно, – тихо сказал он. – Была однажды такая девочка, Эллисон Фернихок, которую так же, как и тебя... После этого она никак не могла опомниться, начала бродяжничать, колоться, здесь ночевала несколько раз... Я попробовал расспросить, она все рассказала, и я предложил ей пойти в полицию, памятуя о том, что случилось с тобой. Она написала заявление, но прошло уже много времени, улики не осталось. Так они и не смогли ничем помочь. Среди уличных ребят поговаривали, что были и еще такие жертвы, но я лично больше ни с одной не сталкивался.

– И ты мне об этом не сказал?!

– Эллисон пришла сюда гораздо позже тебя, Мерри. А потом подобные

изнасилования вдруг прекратились, как ножом отрезало. Будто он исчез.

– Когда это случилось с Эллисон?

– Через два года после твоего.

Уинстон вскочила и сорвала с вешалки еще влажное пальто.

– Куда ты? – спросил Маркус, вставая. – Что ты собираешься делать?

– Я его достану. Я найду этого больного скота и прибью его член гвоздями к стенке! У меня есть блог криминальной хроники. За Фейф, за других девчонок, за меня, черт побери! Я такое подниму, ты еще услышишь! Если даже из газетенки меня уволят, я и без них справлюсь. Хватит с меня бюрократии и редколлегии «Сити Сан»! Сама справлюсь!

«Я не позволю ему снова заставить меня начать употреблять, не дам ему пустить прахом все, чего я добилась. Ему не отправить меня обратно в сточную канаву...»

– Мерри, одна ты никак не справишься...

– Это я-то не справлюсь? Да мне в жизни никто не помогал – ну кроме тебя, конечно. Ты меня вытащил из грязи и принялся втирать очки. Спасал хороших девочек, по твоему выражению. Ты помог мне после того, как меня изнасиловали, – навешал на уши своей слезливой чепухи про свет в конце тоннеля, про Бога, рай и все такое, и какое-то время я тебе правда верила, потому что больше у меня ничего не было. Но окончательно из дерьма я выбралась за счет своего ума, своих способностей, слышишь? Это мое упорство помогло мне выдержать и вечернюю школу, и треклятую работу в фастфуде с параллельной учебой в колледже! Это мой талант обеспечил мне ночную халтурку в отделе уголовной хроники «Сан», потому что я знаю улицу, знаю, где нарыть реально интересный сюжет, и я лезла, лезла вверх, цепляясь за каждую ступеньку! Но теперь я себе цену знаю. – Мерри смотрела на Маркуса Джилани, часто дыша. В ней бурлили гнев, ненависть и горечь.

– Всегда можно выбрать другой путь, Мерри, пойти прямой, а не кривой дорожкой.

Она фыркнула:

– Я родилась для дурной дорожки, пастор! Совсем как ты. И я не доверяю копам. Они не смогли помочь этой Эллисон Фернихок... да и другие грешки за ними водятся... Один из них использует меня и мою работу в газете, а теперь я его буду использовать.

Швырнув жалкий свитер из секонд-хенда на пол, она сунула сжатые в кулаки руки в рукава пальто и вышла, хлопнув дверью.

Глава 32

Доктор Рейнольд Грабловски оглядел членов следственной группы. Глаза у него были угольно-черные, глубоко посаженные, под густыми темными бровями. Со своим крючковатым носом, узким лицом и длинной шеей он напоминал Энджи стервятника, хищную птицу, выклеывающую мозг больных преступников. Она невзлюбила Грабловски с первого взгляда, но про себя Энджи понимала, что в этой комнате собрались те, кто не очень-то отличается от Грабловски. Все они, так или иначе, старались забраться в голову гнусному негодяю, чтобы выйти на след и задержать подонка, а уж что движет каждым из присутствующих, дело частное.

– Судя по собранной информации, – начал Грабловски с легким акцентом, напоминающим немецкий (точнее Энджи определить не могла), – мы ищем не насильника, который убивает своих жертв, чтобы они его не выдали, а похотливого убийцу, для которого акт убийства, связанный с ним ритуал и половые извращения являются воплощением его психосексуальных фантазий. Иными словами, покойные... – Грабловски показал на фотографии на белой доске, – не просто попались ему под руку. Это не случайные жертвы, которым не повезло. Он их выбрал. Выследил, схватил, изнасиловал и убил, потому что они соответствовали его извращенным сексуальным фантазиям. Этот убийца к тому же психопат и садист. Он организован, методичен, хитер. Жестокость действий вызывает у него сексуальное возбуждение: он может пытаться своих жертв. С каждого убийства он оставляет себе сувенир – ту же прядь волос, – чтобы переживать свою фантазию снова и снова, пока потребность убивать не усилится настолько, что он опять выйдет на охоту.

«Валяй, трепись, гений... Можно подумать, мы об этом не догадываемся...» Если бы на совещании Базьяк дал ей договорить, Энджи сказала бы почти все то же самое.

– Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод, что человек, которого мы ищем, обладает незаурядным интеллектом. По натуре он одиночка. Скорее всего, у него есть исправный автомобиль, а еще ему очень нравятся долгие поездки. С помощью своих коммуникационных способностей преступник манипулирует своими жертвами, пока они не окажутся там, где он может сделать с ними все, что хочет. Однако его коллеги – сотрудники, если таковые есть, – могут считать его странным,

что называется, со сдвигом, или социально неадаптированным.

Грабловски взял со стола стакан воды и сделал медленный большой глоток. Выпуклый кадык двинулся вверх-вниз по шее. Энджи снова подумала про странную хищную птицу.

Доктор поставил стакан.

– Большинство его жертв схожи между собой – как внешностью, так и возрастной группой. На момент нападения покойные, – Грабловски снова показал на доску, – были очень юны, все белые, с длинными темными волосами. С преступником они, скорее всего, знакомы не были, и отчего-то он определил их для себя как женщин, которых он в состоянии контролировать вербально или силой. Кроме того, они для него «подходили», то есть соответствовали критериям его психосексуальных фантазий. Таким образом, виктимология в данном расследовании выходит на первый план: кто эти женщины, чем они занимались в своей жизни на момент происшествия, чем и как впервые привлекли внимание насильника? Ответьте на эти вопросы, и выявятся точки соприкосновения, которые помогут сузить поле поиска.

– Умник вонючий, – прошептал Лео, сидевший за Энджи. – Ты нас еще азам профессии поучи.

– Любой секс всегда начинается с фантазий, – продолжал Грабловски. – Мыслеобразов на основе осуществленных или неосуществленных желаний. У каждого из нас в сознании формируется программа сексуального поведения, так называемая любовная карта; эти программы закладываются в пубертатном периоде. Но этот сексуальный маньяк, клинически говоря, создал такую любовную карту, где вождление соединяется с фантазиями и практиками, которые либо социально неприемлемы, либо порицаемы, либо служат предметом насмешек, либо влекут за собой уголовное наказание. В его фантазиях прослеживается агрессия, доминирование, контроль. Он возбуждается при одной мысли о сексуальном насилии и подкрепляет возбуждение просмотром садистского порно либо фантазиями на тему полового садизма. Эти фантазии – или впечатления от порнофильмов – он подкрепляет мастурбацией, и в результате создается некий шаблон, который в следственной практике принято называть почерком преступника.

Грабловски снова сделал паузу и глотнул воды. Его мокрые губы блестели. Мысли Энджи обратились к собственной «любовной карте». Кретинское определение: скорее это карта похоти. Взять хоть этого маньяка: его отвратительные садистские насильственные акты не имеют к любви ни малейшего отношения.

– В любовной карте этого преступника просматривается сильная религиозная привязка, сформировавшаяся в условиях, когда его наказывали за проявления сексуальности в период полового созревания. Иными словами, сексуальное возбуждение он считает грехом, за который следует наказывать и очищать. Скорее всего, он воспитан в католической вере и был крещен по соответствующему обряду. Весьма вероятно, что своих жертв он высматривает вдали от места своего проживания или работы. – Грабловски нажал клавишу на компьютере, и на карте появились красные точки.

– На Риттер напали здесь, – показал он. – На Фернихок здесь. Драммонд была похищена здесь. Запад города в районе залива. Мы пока не знаем, где совершено нападение на Хокинг, но на основании имеющейся информации можно предположить, что преступник проживает в границах этой зоны... – Грабловски снова нажал клавишу, и восточная часть столицы вместе с пригородами окрасилась желтым. – Его охотничья территория там, где анонимность совпадает с зоной комфорта. Это значит, что следующую жертву найдут, скорее всего, здесь. – Он снова нажал на клавишу, и карта к западу от залива окрасилась красным.

«Ну спасибо, помог. Куда бы мы без тебя».

– Учитывая небольшой промежуток времени между двумя последними эпизодами, преступник недавно пережил серьезное эмоциональное потрясение и, так сказать, сорвался. Он обязательно убьет снова – и, считаю, очень скоро. Не забывайте, что он полностью отдает себе отчет в преступном характере своих действий. Он гордится своим умением оставить полицейских ни с чем. Он знаком со стандартной процедурой следствия и старается по возможности не оставлять улики. Он будет носить с собой оружие и фиксирующие приспособления, будет посещать похороны и другие многолюдные события, связанные с совершенными им преступлениями. Вероятно, он пристально следит за ходом расследования через средства массовой информации. Какие-то обнародованные сведения могут даже заставить его изменить почерк, чтобы избежать обнаружения.

– Можно подумать, мы обязаны слушать такую элементарщину черт знает от кого, – пробубнил Лео, сидевший за Энджи, и она впервые была согласна со старым женоненавистником.

Фиц встал и вышел на середину комнаты. В комнате воцарилась какая-то давящая тишина, когда он заговорил своим неестественно высоким, скрипучим голосом.

– Принимая во внимание, что наш неустановленный субъект следит за освещением хода расследования в СМИ и знает, что нам известно,

последствия предполагаемой внутренней утечки могут оказаться самыми серьезными. Недопустимыми. Это необходимо остановить, поэтому довожу до всеобщего сведения, что я назначил внутреннее расследование. Прошу учесть, что проверка будет поголовной, неприкасаемых нет, за любым из вас может быть установлено наблюдение, или же вы в любое время можете быть вызваны на допрос. – Он обвел глазами собравшихся, на долю секунды задержав взгляд на Энджи. – Мы найдем того, кто выдает тайны следствия, и поступим с ним по всей строгости закона.

Глава 33

Вторник, 12 декабря

– Энджи! – удивился отец, открывая дверь. – Что ты делаешь здесь в такую рань? И что за вид, почему ты так выглядишь?

– Я вчера ездила к маме, – только и сказала Энджи.

– Входи. Хочешь кофе? Я только что сварил полную кофеварку...

– Ох, я готова убить за чашку кофе. – Сбросив высокие ботинки у двери, Энджи прошла на кухню за отцом, с удовольствием ступая в носках по полу с подогревом. Положив привезенный альбом на стол, Энджи придвинула к стойке высокий стул, забралась на него и теперь смотрела, как отец наливает кофе. Она чувствовала себя совершенно разбитой. Вчера, едва наконец удалось заснуть, она проснулась в холодном поту от ощущения, что в комнате кто-то есть. В полутьме в ногах кровати в ореоле мягкого розоватого света она разглядела ребенка. Девочка приложила указательный пальчик к губам и громко прошептала:

– Шеди тихо! Сиди тихо!

Или это ветер свистел сквозь щель в оконной раме? Ведь на окне в спальне нет даже занавески.

Выбравшись из кровати, Энджи включила везде свет. Конечно, никакого ребенка в квартире не оказалось. Она занялась самолечением – выпила водки и погуглила назойливые иностранные слова, как можно старательнее передав их фонетику на письме. Гугл предложил разнообразные русские и восточноевропейские сайты и выражения, но ничего не совпадало, вернее, не имело смысла. Тогда Энджи забила в обратный перевод английские слова, которые, как ей казалось, передают значение повторяющихся у нее в голове непонятных слов: «Сиди тихо!»

Один за другим пробовала она переводы на разные славянские языки. Когда она кликнула на «Перевести на польский», из динамиков раздалось:

– Шеди тихо!

Зная некоторые особенности «Гугл-переводчика», Энджи рано утром, прежде чем ехать к отцу, позвонила и разбудила старую подругу по университету, польку, попросив сказать по-польски: «Убегай, убегай! Залезай сюда! Сиди тихо!»

Подруга подтвердила то, во что Энджи начинала верить: слова «Утекай, утекай! Вспакуй до шродка, шибко! Шеди тихо!» означали «Убегай,

убегай! Забирайся сюда (если речь идет о машине, коробке, автобусе и т. д.)! Сиди тихо!»

Либо она сходит с ума, либо откуда-то знает польский.

Отец незаметно взглянул на Энджи и сразу перевел глаза на альбом, лежащий на столе:

– Как она там?

– Неважно. – Энджи взяла протянутую кружку и отпила глоток. Теплый пар согревал щеки. – Она меня не узнала и говорила странные вещи...

– Вчера ей действительно было худо – начались галлюцинации. Ей ввели седативы, плюс она продолжает принимать свои лекарства...

– Знаю, но... – Поколебавшись, Энджи поставила кружку и обхватила ее, грея ладони. – Она сказала, что у нее когда-то была маленькая дочка по имени Энджи.

Отец печально улыбнулся:

– Так и есть. Ты когда-то была маленькая.

– Но затем она вдруг добавила, что ее дочка умерла. Ее, видишь ли, забрали ангелы. Но дочка не прижилась ни в раю, ни в Италии, поэтому ее вернули. Это якобы случилось под Рождество, когда шел снег, а она пела в соборе... – Энджи на секунду замолчала. – А потом мама запела «Аве, Мария».

Переменившись в лице, отец медленно поставил кружку на гранитную столешницу.

– Энджи, мы едва не потеряли тебя в той аварии. Может, мама имела в виду те события... Ты была без сознания, лицо порезано, очень много крови...

Глядя на отца, Энджи заметила в его лице нечто странное. Отец лгал. К инстинктивной уверенности добавились подмеченные характерные внешние признаки. Когда столько проработаешь копом, появляется чуйка на ложь или сокрытие правды и связанные с этим нервные тики и прочее смещенное поведение.

– Тогда при чем тут Рождество и падающий снег? Авария произошла в марте.

Отец тяжело провел своей большой рукой по густой седой шевелюре, на секунду отведя глаза.

– Может, потому, что ты полностью поправилась только к следующему Рождеству? Сперва губу тебе просто зашили, и только вторая, косметическая операция вернула твое личико практически в норму. Тогда мы уже вернулись в Канаду, и мама наконец начала успокаиваться.

– А она когда-нибудь пела в церковном хоре?

– Энджи, а в чем вообще дело?

Она взяла альбом, открыла его и вынула снимки из Италии. Перевернув, она показала отцу крошечную надпись на обороте, сделанную рукой матери.

– Смотри: «Рим, янв. 1984». А вот из Неаполя, и тоже написано «1984». Однако вот на этом снимке на фоне елки мне явно еще не делали второй операции, и датирован он... Ага, «Рождество 1987, Виктория». – Энджи подняла глаза. – Между снимками из Италии и этим не хватает пары лет. Это же Рождество 1986 года?

– Я уже говорил, у твоей мамы уже начинались первые признаки болезни, она все путала...

– А со мной кто-нибудь в детстве говорил по-польски?

Отец нахмурился:

– Станный вопрос. Вряд ли, но, может, кто и говорил. Энджи, пожалуйста, объясни, что происходит?

Энджи вставила снимки обратно на свои места. На других фотографиях записей не оказалось – ночью она разобрала весь альбом. Энджи не хотелось признаваться отцу, что у нее тоже галлюцинации. О девочке в розовом никто не должен знать. Если произнести эту новость вслух, мысли о том, что у Энджи уже проявляются симптомы психического расстройства матери, превратятся в реальность. Да, гены пальцем не раздавишь... Энджи напряглась, подыскивая благовидный ответ.

– Меня заинтересовало то, что мама сказала в больнице. Мне под Рождество всегда муторно от гимнов и хоралов, от холода и снега. Вот я и захотела спросить.

Лицо отца смягчилось, и он накрыл своей большой рукой руки дочери.

– Ты слишком глубоко копаешь, Эндж. Это все твоя работа – во всем видеть злой умысел. Тебе нужен отдых. Да, да, особенно после того, что случилось с Хашовски и той несчастной малышкой.

Энджи встала, не допив кофе.

– Ну да, ну да. Все, я поехала. У меня сегодня длинный день.

По дороге в управление Энджи взглянула на часы на приборной доске – новости часа только начались. Она включила радио, чтобы дослушать, что успеет.

Сперва говорили о ценах на недвижимость, но вдруг диктор перебил сам себя:

– У нас последние новости о двух шокирующих убийствах, которые потрясли Викторию...

Сердце Энджи забило. Она прибавила звук.

– Репортер «Сити Сан» и блогер криминальной хроники Мерри Уинстон сообщает на своем сайте, что недавние убийства и изнасилования связаны с чередой религиозно ассоциированных зверских надругательств, имевших место за последние пять лет. Она заявляет, что в столице и пригородах было минимум три, а вероятно, и больше эпизодов, когда жертвы подверглись изнасилованию, в том числе анальному, а затем преступник красными чернилами рисовал им на лбу крест. Также у всех жертв он срезал прядь волос надо лбом. В течение дня у нас будут новые подробности по этому сюжету. Не пропустите интервью Грейнджера Пейтона с профессором криминологии Дейвом Биггсом, который спрашивает: имеем ли мы дело с серийным насильником, который перешел к серийным убийствам? Неужели другие молодые женщины тоже в опасности?

Вот черт!

Энджи резко свернула к обочине, остановилась и с силой потерла лицо ладонями. Блин, вот блин... Она схватила телефон и набрала Мэддокса.

– Новости слышал?

– Нет еще, я...

– Уинстон в своем блоге пишет, что убийства Хокинг и Драммонд связаны с давними изнасилованиями. Она упоминает красные распятия, нарисованные фломастерами, и срезанные пряди волос. Откуда, откуда, блин, новая утечка? От давно распущенной следственной группы?! Еще она утверждает, что изнасилований не три, а больше, причем называет пятилетний период, а мы с Хашем знали только про два! Первое зарегистрировано четыре года назад. Кто же другие жертвы, черт побери? Или это блеф? – Энджи не дала Мэддоксу возможности ответить. – Я сейчас же еду к ней.

– Стоп, Паллорино, подожди! Никуда ехать не нужно, наше руководство уже связалось напрямую с издателями «Сити Сан». Подключился правовой отдел. Не подводи...

– Это пишет не «Сан», а Уинстон в своем личном блоге уголовной хроники!

– Та же «Сан», просто вид сбоку! Они прекрасно знают, чем занимается их репортер.

Вдруг Энджи осеклась:

– Стоп, а откуда ты знаешь, что руководство уже вышло на издателей и привлекло правовой отдел?

Мэддокс ответил не сразу:

– Мне сказал Фицсиммонс.

- Фиц? Ты что, спишь с ним? Когда это он успел тебе сказать?
- Мы встречались по другому поводу, и это всплыло в разговоре.
- По какому такому поводу? Речь о внутреннем расследовании?
- Энджи...

– Я Паллорино! Я немедленно еду к Уинстон. Меня все равно будут трясти в связи с этой утечкой. Сам знаешь, Лео давно на меня кивает. Но если этой женщине известно еще о каких-то потерпевших, я тоже должна о них знать.

- Не смей к ней ехать, это приказ!

Энджи нажала отбой и резко рванула машину с места.

Глава 34

– Что вы имели в виду, утверждая, что изнасилований было три, а может, и больше? – Энджи старалась не повышать голос. Они с Уинстон сидели за отгороженным столиком в маленьком английском пабе недалеко от редакции «Сити Сан». Высокие спинки скамей темного дерева создавали подобие уединения. Остальные посетители, звякая ножами и вилками, активно приканчивали свои полные английские завтраки.

Уинстон оценивающе смотрела на Энджи, поднеся к губам кружку кофе. Энджи охватило раздражение – словно крохотные пчелы бились под черепной коробкой, желая вылететь наружу.

– То есть на самом деле у вас нет никакой информации?

– Эллисон Фернихок и Салли Риттер, – еле слышно ответила Уинстон. – Эти два дела как раз вы и вели – и не раскрыли. Есть минимум еще один подтвержденный инцидент, но жертву я вам не назову.

У Энджи внутри все сжалось.

– Не можете или не хотите? – тихо спросила она.

– Это мой эксклюзивный материал.

– Откуда вы получили эти сведения?

– Сегодня ночью я ездила к Эллисон Фернихок. Она рассказала об изнасиловании и о красном нарисованном распятии, и как копы – в частности, вы, мадам, – ничего не сделали, чтобы поймать негодяя. А еще она добавила, что годом ранее изнасиловали Салли Риттер, и вы ей сказали, что это один и тот же насильник. Почерк совпал. Среди уличных тогда тоже прошел слухок, что были и другие жертвы.

– Как вы вышли на Фернихок? Кто вам сказал о ней?

– Я вообще-то хороший журналист! – с вызовом отрезала Уинстон.

Энджи пристально смотрела на нее. Плохие зубы. Дерганая. Легкий тремор рук. Ей вспомнились зубы Фейф Хокинг. Последствия длительного употребления метамфетамина.

Соберись, Паллорино. Используй то, что у тебя есть.

Она спросила мягче:

– А кто третья «подтвержденная» жертва, Мерри?

– Этого я вам сказать не могу. Слушайте, я нигде не назову имен Эллисон и Салли, я пообещала Эллисон, прежде чем она согласилась со мной поговорить. А я свои обещания выполняю. И уважаю свои

источники.

Энджи фыркнула:

– Мерри Уинстон знакома порядочность?

Гнев стрелами вылетел из глаз молодой репортерши.

– Я знаю, что случилось с Эллисон и Салли, и мои сведения насчет третьей жертвы достоверны на сто процентов!

– Я вам не верю.

– Ну и пошла на фиг, – тихо буркнула Мерри и отпила кофе. Взгляд ее метался по залу.

– Кто ваш информатор в столичной полиции?

Уинстон коротко засмеялась.

Энджи уже поднялась, но вдруг присела обратно, застав Уинстон врасплох. Энджи приблизилась почти вплотную к испитому личику маленького эльфа, которое Хольгерсен находил интересным.

– Тот, кто сливает вам служебную информацию, имеет свою выгоду. Вы себя спросите, какая это может быть выгода и против кого направлена эта информация. Потому что, если анонимный источник задумал подсидеть руководителя столичной полиции, полетят головы, и ваш информатор, загнанный в угол, станет для вас смертельно опасен. Он – или она – забеспокоится, что вы его скомпрометируете или станете шантажировать. – Энджи перевела дыхание. – Вас используют, а когда вы перестанете быть полезны, вас просто грохнут, милочка. Проблемка вроде вас завязывается аккуратным маленьким бантиком и топится в заливе, как Фейф Хокинг.

Уинстон заморгала.

– Ладно, все. Пейте кофе. – Оставив мятую купюру на темном деревянном столе, Энджи пошла к выходу.

– Вам-то что за дело? – бросила ей вслед Уинстон.

Энджи остановилась – к этому она и подводила разговор. Медленно вернувшись к столу, она поглядела на репортершу сверху вниз:

– Что вы сказали?

– Я-то? Вы же коп, вы арестовываете людей, которые ничем не хуже вас, просто у них обстоятельства, или они подсели на наркоту, или просто выживают! Я видела, как копы на улицах делают черт-те что с несовершеннолетними, покупающими наркотики. Вы закрываете щенков за всякую фигню, а вот такое чудовище вам не по зубам – слишком заняты шлюхами и подростками, которые всего лишь хотели понравиться, а их чертовы клиенты-копы как ни в чем не бывало едут домой, к жене, или на работу...

С бьющимся сердцем Энджи подалась к Уинстон, опершись ладонями о

стол. Молоденькую репортершу трясло, глаза сверкали, румянец пятнами выступил на скулах и на крыльях носа. Энджи тихо и раздельно начала:

– Я однажды разговаривала с девятилетней девочкой, которая спала с ножом под подушкой, потому что отчим иногда приходил к ней в комнату ночью и насиловал. А один раз на заправке я видела, как подъехал грузовик – окна опущены, из кабины орет «грязный» рэп, сплошь нецензурщина, – двое мужиков в майках спрыгнули на землю и пошли в магазин. А за ними бежит девчушка лет трех, со светлыми кудряшками, в грязном платице, с куклой в руках, старается не отстать от огромных татуированных мужиков. – Энджи глядела на Мерри Уинстон в упор и видела, как повлажнели у репортерши глаза. – Ей точно было не больше трех лет, и я до сих пор думаю: ну почему ребенок должен так жить? Что она слышит изо дня в день? Что она видит? Кем она вырастет в результате? А полгода назад у меня на руках истекла кровью двухлетняя девочка, раненная собственным папашей, который насиловал ее несколько месяцев. Ее звали Тиффани. Тот же гад застрелил и моего напарника... – Голос Энджи треснул, и она кашлянула. – Ясно теперь, Уинстон? Мне не все равно. Мне настолько не все равно, что я стала офицером полиции и пошла работать в отдел борьбы с сексуальными преступлениями. Мне настолько не все равно, что я вкалываю там шесть лет, потому что у меня цель – пересажать козлов, насилующих женщин и детей. Может, у меня ни черта не получится. Может, это вообще никому не нужно. Но мне настолько не все равно, что я не сдамся, и если ты мешаешь мне ловить этого ублюдка, если ты сливаешь секретную полицейскую информацию, вынуждая маньяка изменить свой фирменный почерк, ты виновна не меньше его. И когда он убьет очередную девушку, я сделаю все, чтобы закрыть заодно и тебя. – Энджи выпрямилась и расправила плечи: – Поэтому не мешай мне делать мою работу, ясно?

– Это угроза, офицер?

– Нет, Мерри Уинстон, – тихо отозвалась Энджи, – всего лишь обещание. – Она положила перед журналисткой свою визитку: – Позвони, когда будешь готова разговаривать.

На этом Энджи повернулась и пошла к двери.

– Паллорино! – заорала ей вслед Уинстон. – Даже не думай, будто ты меня так напугала, что я сейчас все брошу!

Глава 35

– Чего вам еще надо, я же все рассказал... – простонал Маркус, выходя на улицу и плотно прикрывая за собой дверь «Харбор-хауса».

«Ага, значит, на этот раз внутрь ты нас не пригласишь», – подумал Хольгерсен.

– Ты не сказал о своей судимости, Джилани.

– Я свое отсидел, моя судимость уже погашена.

– Тебя закрыли за вождение в пьяном виде, да еще с расстегнутой ширинкой, над которой трудилась какая-то малолетняя соска. Ты кончил до, во время или после того, как сбил насмерть мать двоих детей?

Странное спокойствие проступило на лице пастора. Он произнес:

– Я бы хотел, чтобы вы ушли.

– А иначе что? – поинтересовался Лео.

Маркус Джилани пожал плечами:

– Иначе вы окончательно промокнете, стоя под дождем у подъезда.

Он отвернулся и взялся за ручку двери.

– Какая у тебя машина, Джилани?

– Я пользуюсь общественным транспортом или езжу на велосипеде.

– У тебя есть автомобиль или доступ к чьей-то машине?

Джилани медленно повернулся:

– Если бы вы, детективы, как следует подготовились к разговору, вы бы знали, что я не только отсидел свой срок, но и лишился водительских прав. На новые я никогда не подавал.

– Значит, с дорог тебя убрали, но с несовершеннолетними работать оставили, – сказал Хольгерсен. – Сюда приходят ну просто то-олпы юных беспризорниц, которые, как ты сам говоришь, в случае чего в полицию не побегут. Ты можешь делать с ними все, что угодно. Доверие, говоришь? Они тебе, как отцу, доверяют, да, пастор? Ты обещаешь им постель, тепло и уют и даже сажаешь к себе на колени, изображая Санта-Клауса?

– Совершенное мной преступление не относится к разряду сексуальных, детективы. Для возвращения к нормальной жизни мне в том числе назначили лечение в реабилитационной клинике. Программа реабилитации из двенадцати этапов привела меня к Богу, а он привел меня сюда, в эту гавань, в этот приход, к этим детям. Я нашел здесь свое призвание, и я каждый день тружусь, чтобы искупить то, что сделал. И

хотя я ежедневно молю Бога о прощении, я знаю, что обрету душевный покой, только бескорыстно помогая другим, искупая грехи всей своей жизнью, потому что если я перестану это делать... – На секунду Джилани замолчал, и в его глазах словно мелькнуло отражение пережитых кошмаров. Он кашлянул. – Моей проблемой был алкоголь и спровоцированное им отсутствие тормозов, неспособность принять верное решение. Я был алкоголиком, понимаете? Я не дурной и не злой человек и уж точно не насильник... – Он перевел дыхание и поглядел детективом прямо в глаза: – Каждый справляется с проблемами по-своему, у каждого своя зависимость, свои способы преодолеть что-то невыносимо болезненное. Один пьет, другой пользуется услугами уличных проституток, третий становится жертвой кристаллического амфетамина, четвертый бегаёт марафоны или покоряет горные пики. В моей жизни уже нет алкоголя, и я спасаюсь благотворительной работой в «Харбор-хаусе».

Обратно Хольгерсен и Лео ехали молча. В машине царил странная давящая тишина.

– Ты ему веришь? – наконец спросил Лео.

– Как будто да, – отозвался Кьель, приглаживая бородку. – Он не подростков спасает, а себя.

Лео прикурил сигарету. Хольгерсен мстительно опустил стекло, и в салон ворвался холодный влажный воздух.

Выдохнув целую тучу дыма, Лео сказал:

– А у тебя какая зависимость? Как ты справляешься с проблемами?

– Блюду целибат. Я девственник.

– Что?! Почему? У тебя что, какая-то болезнь?

– Потому что это дает ощущение контроля. Если управляешь таким основным инстинктом, как половой, значит, ты можешь контролировать решительно все.

Лео уставился на него:

– Ты смеешься, что ли? Блин, да ты хуже извращенца!

– Зато не даю в рот малолетним наркоманкам в переулках.

– Ты на что это намекаешь?

Кьель дернул плечом:

– Да так, ни на что...

Лео некоторое время яростно смолил сигарету и вдруг выпалил:

– Половина парней из нашего отдела так поступают. Снял кого для минета – глядишь, и убивать уже хочется не всех подряд. И домой все дерьмо с работы не несешь, и с женой не скандалишь. Никакого от этого вреда, и ничего в этом плохого. И не лей мне в уши, что ты сам ни разу не

думал кого-нибудь снять!

Глава 36

Атмосфера в машине ощутимо сгустилась, когда Мэддокс и Энджи ехали к Джону Джексу-младшему. Рика Батлера Мэддокс опрашивал один, когда Энджи сорвалась к Мерри Уинстон, вопреки приказу старшего по званию. Ничего себе – работа в паре... Ехали на «краун вик» – пристроив Джека-О, Мэддокс сдал свою машину на техосмотр.

Энджи выключила мотор на парковке перед элитным жилым комплексом, где Джекс-младший, двадцати двух лет от роду, изволил проживать в пентхаусе совершенно самостоятельно.

– Как прошло с Батлером? – спросила наконец Энджи.

Мэддокс медленно выдохнул сквозь зубы.

– Вышла лажа. Батлер знал, что мы приедем, и был готов. Сказал, что они с Драммонд расстались, и с тех пор он ее знать не желал. Он признал, что Драммонд познакомилась с Джексом-младшим в загородном клубе и что он, Батлер, знает Лару Пеннингтон, но утверждает, что не знаком ни с какой Амандой Р. и никаких ассоциаций с инициалами Дж. Р. или К.В. у него не возникает. Заявил, что Джекс-младший и он, Батлер, вне клуба не общаются. Откуда у Драммонд дорогие вещи, он не в курсе.

– Фейф Хокинг?

– Говорит, в жизни о такой не слышал. – Мэддокс помолчал, глядя вверх, на последний этаж роскошного дома. – Сдается мне, здесь нас тоже ждет облом.

Энджи промолчала.

Он взглянул на нее – губы сжаты, сексуальный шрам в уголке рта, холодные серые глаза. Бедовая девчонка. Ему страшно хотелось наклониться и поцеловать ее так, чтобы дух захватило, – может, это побороло бы растущее в душе чувство бессилия.

Энджи взялась за ручку двери.

– Не поступай так со мной снова, ладно? – негромко попросил Мэддокс.

Энджи медленно повернула голову:

– А как надо поступать? Бегать по твоей указке, потому что у тебя звание выше? Я приняла правильное решение, Мэддокс. Я ее зацепила.

– Тобой движет желание контролировать и доминировать. Это было очевидно еще в нашу первую встречу, Энджи.

В ее глазах полыхнуло пламя при звуках имени. Подбородок стал квадратным.

– Может, для хорошего секса это и нормально, – сказал Мэддокс, уже не в силах сдерживаться. Сексуальное желание и отчаяние выжигали его изнутри с той минуты, когда она оставила его на кровати в мотеле, написав свое имя на клочке бумаги. Негласное обещание, что это не в последний раз. – Но не на работе. Расследовать убийства должны те, кто умеет работать в паре. Мне нужен напарник, который меня не подставит, не кинется в бой, не зная всех фактов, наплевав на мои советы или приказы.

Энджи сглотнула. На виске билась жилка.

– А может, я не хочу тебя в напарники, – очень тихо сказала она. – Особенно если ты постоянно будешь напоминать, что у нас был секс...

– Не просто секс, черт побери! Это же русская рулетка – ходить по клубам и снимать незнакомцев.

– Ты мне в опекуны записался? Значит, для мужика нормально ходить в клубы и позволять неизвестной бабе с ножом в кармане пристегивать тебя голого к кровати и делать с тобой, что ей хочется? Ты это каждый раз припоминать будешь, когда твое мужское эго окажется задетым?

Перед глазами Мэддокса возникла красная пелена, и он приказал себе остановиться. Вот прямо сейчас. Надо ехать в отделение и просить нового напарника. Это будет означать конец мечте Паллорино попасть в убойный отдел, но Мэддокс ей ничего не должен. С чего его вообще волнует ее очевидное наплевательское отношение к себе самой? Но он был как огненный шар, катящийся с горы по сухостою, и чем дальше, тем большую скорость он набирал и тем сильнее накалялся.

– Ты вроде хотела работать в убойном? Ты знаешь, что от меня потребуют дать оценку твоей работе за тот период, пока мы работаем в паре?

Она заморгала.

– Ну так вот, Энджи, таким манером ты ничего не добьешься. Дело не в ночном клубе, а в твоём характере, в слаженности наших действий. Я должен быть уверен – меня не подстрелят из-за взбрыка моего напарника. И я обязан буду сказать своим коллегам правду, если сочту, что работать с тобой рискованно.

– То есть ты угрожаешь подставить меня?

– С этим ты прекрасно справляешься сама.

Энджи зло выругалась.

– Значит, твое эго все-таки задето, и это твоя месть?

– Ты себя послушай. Ты уже потеряла напарника. На твоём месте, если

бы я захотел повышения, я бы задницы сейчас целовал, а не выпендривался.

Энджи бешено уставилась на него. Атмосфера была наэлектризована до предела, и Мэддоксу ничего на свете так не хотелось, как схватить Паллорино и отыметь прямо здесь, в машине.

– Я не ребенок, Мэддокс, можешь со мной не нянчиться. – Энджи выскочила из машины, грохнула дверцей и зашагала к подъезду.

Мэддокс чертыхнулся, выбрался из машины и направился за Энджи. Та перешла на бег – пожилой человек подошел к подъезду и вынул электронный ключ. Дверь уже начала закрываться, но Энджи ее перехватила, показав удивленному жильцу полицейский значок. Мужчина пожал плечами и не стал спорить. Она вошла, не придержав дверь для Мэддокса, однако он успел в последний момент протиснуться в подъезд и нагнал ее у лифта.

Запыхавшиеся, не глядя друг на друга, они поднимались в пентхаус в гневном молчании. Уже на верхних этажах Мэддокс тихо сказал:

– Больше не провоцируй меня, Паллорино. Я не из тех, кого можно рассердить без последствий.

Она сверкнула глазами, и в ее взгляде и выражении лица он прочел, что она сожалеет о своей импульсивности и вспыльчивости. Он тоже пожалел о своей резкости, но такие ситуации в учебниках не описаны...

Дверцы лифта разъехались, и Мэддокс и Энджи на секунду замялись. Он пропустил ее первой, и они пошли по коридору к пентхаусу Джона Джекса-младшего – Энджи впереди, Мэддокс за ней.

Паллорино постучала в дверь. Спина у нее была прямая, как струна, плечи расправлены, лицо серьезное и деловое.

Дверь открыл молодой блондинчик среднего роста. Стрижка, явно от дорогого стилиста, выгодно подчеркивала достоинства совсем еще мальчишеского лица. Он был в махровом халате и босиком.

– Джон Джекс? – осведомилась Паллорино.

– А вы кто?

– Детективы Паллорино и Мэддокс, столичная полиция, отдел расследования убийств, – сказала Энджи, протягивая свой значок. Мэддокс показал свой. – Уделите нам, пожалуйста, минуту своего времени.

Джекс устроил настоящее шоу, с повышенной тщательностью проверив их удостоверения. За его спиной был виден кусочек сверкающего паркетного пола целой залы с огромными окнами, откуда открывался вид на город. Мебель в гостиной была белой. Где-то в недрах пентхауса играла музыка.

– Что там такое, Джей Джей? – послышался капризный женский голос.

– Ничего, детка! – крикнул через плечо Джекс. – Ты там не остывай, я сейчас вернусь... – Он вернул детективам значки. – А как это вы вошли в здание?

– Нам известно, что вы были знакомы с Грейси Мэри Драммонд, – сказала Энджи.

– С Грейси? А, да, теннисный клуб... – Поза Джекса чуть изменилась: он взялся за дверную ручку, словно преграждая дорогу.

– Мы сочувствуем вашей потере.

После едва уловимой паузы Джекс-младший сказал:

– Я ее едва знал.

– Можно нам войти? – спросил Мэддокс.

– Нет.

– Вы ездите на черном «бумере», – продолжал Мэддокс. Он не спрашивал, а утверждал – он уже проверил по базе: на этого соплика зарегистрирован «БМВ Z4 E 89 слингшот».

– Ну езжу, и что?

– Вы несколько месяцев встречались с Драммонд, – подключилась Паллорино. – Это несколько интимнее, чем «едва знал».

– Слушайте, вы же видите, я сейчас не один, и ваши вопросы мне не нравятся. Я не обязан отвечать, мне отец сказал, что вчера вы его уже доставали вопросами про какую-то девицу и можете прийти и ко мне. Он предоставил в мое распоряжение адвоката!

– А почему ваш папа сделал такой поспешный вывод, что если копы задавали ему вопросы про «какую-то девицу», то мы придем сюда спрашивать вас о Грейси Драммонд?

Джекс-младший издал короткий смешок, но в глазах появилось беспокойство. Да, он не самый острый инструмент в сарае.

– Просто отец по опыту знает, что, когда вы отправляетесь, как это говорится, тралить дно или начинаете охоту на ведьм, вы трясете всю семью. Это называется «преследование», поэтому, если вы не можете предъявить обвинение, мне вам сказать нечего. – И он начал закрывать дверь.

Мэддокс придержал ее ногой:

– В следующий раз мы вызовем вас в управление.

– Вот мажор тупой, – бросил он, когда они с Энджи отъехали.

– Джекс, Пеннингтон, Батлер, этот пастор Джилани, судя по тому, что сказали Хольгерсен и Лео, – все это напоминает заговор молчания, – сказала Паллорино.

– Зато не молчат СМИ и Мерри Уинстон со своим болтливым информатором. – Мэддокс поколебался: – Чем закончился ваш разговор?

Энджи покосилась на напарника.

– Я объяснила ей, почему не надо мешать расследованию, и спросила, кто другие жертвы изнасилования и кто ей сливает информацию.

– Она ответила?

– Нет.

– Неудивительно. А что ты имела в виду, сказав, что ты ее зацепила?

Энджи глубоко вздохнула. Руки на руле заметно напряглись.

– Я объяснила, что мне не наплевать на Фернихок и Риттер, Драммонд и Хокинг. Что я добиваюсь правосудия для пострадавших женщин и детей и поэтому работаю в своем отделе. Я сказала, что использование конфиденциальных сведений в ее статьях ставит под угрозу безопасность других девушек... – Она облизала пересохшие губы. Мэддоксу показалось, что приоткрылось некое окошко, и он увидел настоящую Энджи Паллорино. – Уинстон не сказала мне ничего конкретного, но я почувствовала – ее проняло. А я успела понять, что прошлое у нее было весьма пестрое. Она явно прошла огонь и воду. Надо бы разузнать. Чем больше накопает, тем вернее выйдем на информатора. Я собираюсь пробить ее по нашей базе...

– Фиц уже пробил ее по базе. За ней ничего нет.

Глаза Энджи сверкнули:

– Да вы с Фицем что, и впрямь спите друг с дружкой?

«Единственный офицер полиции, с которым я спал, – это ты, Энджи Паллорино», – хотел ответить Мэддокс, но счел за благо придержать язык. Положение спас звонок мобильного.

Звонил Базьяк.

– Кое-что есть, – без предисловий сказал он. – Дорожная камера зафиксировала черный «Лексус» с номером БХЗ 99Е, который переехал через мост Джонсон-стрит на запад в пять тридцать семь вечера в субботу и снова проехал в обратном направлении в шесть пятьдесят две. Я хочу, чтобы вы потянули за эту ниточку, но самым аккуратным образом, строжайше соблюдая все формальности. Потому что «Лексус» зарегистрирован на Рэя Нортон-Уэллса.

Сердце Мэддокса на мгновение остановилось и тут же взорвалось частым стаккато.

– Мужа заместителя генерального прокурора?!

– На него самого. Адрес – Аплендс, Стэнли-роуд, 5798. Будьте тише воды, ниже травы, говорите с ним только о «Лексусе», на убийства пока

никаких намеков. Если машину видели вблизи тех мест, где были обнаружены оба тела, это не означает, что Драммонд похищали непременно на «Лексусе». Повторяю и прошу прислушаться: ведите себя самым осторожным образом. Если эта ниточка куда-то приведет, если это дело каким-то образом связано с замом и вообще с офисом генерального прокурора, нам в опергруппу потребуется гособвинитель по особо важным преступлениям. Расследование грозит стать настоящей бомбой для СМИ и политического истеблишмента – нужно, чтобы никакие юридические комары потом носа бы не подточили, блин.

Глава 37

Гравий хрустел под ногами Энджи, когда они с Мэддоксом медленно обошли бронзового цвета «Ягуар», стоявший перед домом. Двери гаража со стороны дома были открыты. Дождь усилился, ледяной ветер с моря продувал улицы элитного района. Атмосфера между Энджи и Мэддоксом по-прежнему оставалась накаленной – и сексуальной. К тому же Паллорино испытывала неловкость, зная, что перешла черту, и ее пугало, что Мэддокс прав, что он читает ее, как книгу с крупным шрифтом, и не боится открыто сказать ей то, что не решаются сказать другие. Энджи действительно губит свою карьеру, как любой человек с зависимостью. Причем у нее не получается остановить сползание в свою зависимость, и она не могла бы убедительно ответить, что ею движет. Мэддокс был прав и в другом: одно его слово, и ее заявление о переводе в убойный полетит в корзину. Энджи задевало, что у Мэддокса над ней такая власть.

– Это не дом, – сказала она, оглядывая три этажа, – а целый отель.

В гараже стоял миниатюрный красный «Порше 911 турбо» модели 2016 года. Еще три места рядом были пусты. Неудивительно, сегодня же вторник. Жильцы, вероятно, на работе.

– Чем могу помочь? – сухо осведомился кто-то сзади.

Детективы обернулись. Рядом с «Ягуаром» стоял человек в плаще поверх костюма, с портфелем, в сияющих туфлях.

– Рэй Нортон-Уэллс? – уточнил Мэддокс, подходя.

– А вы кто?

– Детективы Мэддокс и Паллорино, столичная полиция. – Он показал значок. Капли дождя густо усеивали волосы и лицо Нортон-Уэллса.

– Чем обязан?

– На ваше имя зарегистрирован черный «Лексус». Я не вижу его в гараже.

Мужчина нахмурился. В этот момент внимание Энджи привлекло движение в окне в левом крыле особняка. Молодой человек в белой футболке стоял вплотную к стеклу и следил за ними.

– Потому что его угнали, – ответил Нортон-Уэллс.

Энджи постаралась не выдать вспыхнувшего любопытства.

– Когда? – невозмутимо спросил Мэддокс.

– Недели две назад. Слушайте, я тороплюсь к себе в офис...

– Вы заявили об угоне, мистер Нортон-Уэллс? – перебил Мэддокс.

– Заявлял мой сын Джейден. Полгода назад я отдал «Лексус» ему.

– Но страховка оформлена на ваше имя.

Нортон-Уэллс раздраженно стер дождевую влагу со лба.

– Да.

– И когда машину угнали, вы не отменили страховку?

– Джейден сказал, что сам этим займется.

– Ваш сын дома, мистер Нортон-Уэллс? – вмешалась Энджи.

– Я вынужден спросить, почему вас интересует эта машина.

– Ваш «Лексус» мог быть использован для совершения преступления, – дипломатично ответил Мэддокс.

Нортон-Уэллс несколько секунд смотрел на него, после чего перевел тяжелый взгляд на окно в западном крыле. Молодого человека за стеклом уже не было, и Энджи ожидала, что Нортон-Уэллс сейчас солжет.

– Отчего же, ему сегодня опять нездоровится... что неудивительно, – неожиданно съязвил он и показал подбородком на дверь в западном крыле. – Он в своей комнате, вход вон там. А теперь извините, я опаздываю. – Отвернувшись, он с пульта открыл замки «Ягуара». – Если вам от меня еще что-нибудь понадобится, позвоните моему секретарю. – Согнувшись, он сел за руль и завел мотор.

– Надо же, как папаша сынка любит, – не удержалась Энджи, когда они с Мэддоксом подошли к двери комнаты.

– Да уж, – буркнул Мэддокс и постучал.

Дверь медленно приоткрылась. На пороге стояла молодая копия человека, с которым они только что говорили, но глаза были лихорадочные, болезненные, а кожа блестела от пота. Волосы влажные и такие же иссиня-черные, как у Мэддокса, отметила Энджи. На белой обтягивающей футболке тоже выступили темные круги пота. Золотая цепочка на шее исчезала под небольшим вырезом, на запястье – золотые часы.

– Джейден Нортон-Уэллс?

– Да.

Мэддокс объяснил, кто они и зачем приехали.

– Можно нам ненадолго войти?

Джейден выглядел вялым и словно неживым – Энджи даже подумала, может, это действие каких-то лекарств, а то и наркотиков. Он открыл дверь, прошлепал босиком по полу и с размаху уселся на диван. Потер лицо и поднял голову:

– Извините, у меня несколько дней желудочный грипп, я совсем

расклеился.

Энджи с Мэддоксом остались стоять. В комнате пахло потом и застарелым перегаром. Обогреватель был включен на полную мощность, окна плотно закрыты. Предоставив Мэддоксу задавать вопросы, Энджи подошла к стене, увешанной фотографиями. В одной из рамок красовался школьный аттестат на имя Джейдена Ройса Нортон-Уэллса.

Дж. Р. Нортон-Уэллс?! Пульс Энджи ускорился, когда она подошла к другой фотографии – совсем юный, лет одиннадцати, Джейден в белом костюмчике, улыбающийся, рядом со своей мамашей, теперь заместителем генерального прокурора, с отцом и епископом в ризе. Снизу была надпись: «Джейден Ройс Нортон-Уэллс, первое причастие».

– Ваш отец сказал, вы заявили об угоне «Лексуса», – начал Мэддокс.

– Я забыл.

– О «Лексусе»? Так-таки забыли?

– Я был очень занят, я учусь на юридическом... Просто руки еще не дошли.

Энджи переглянулась с Мэддоксом.

– А когда угнали «Лексус»?

Нортон-Уэллс поскреб голову под влажными волосами.

– Я... десять дней, может, две недели назад. Точно не скажу.

– Какой день недели это был? Чем вы занимались? Откуда его угнали?

– Я... Вторник. Да, я вспомнил. Двадцать восьмого ноября, перед похолоданием. Мы... мы были в ресторане в центре города, я оставил «Лексус» на платной парковке на той же улице. Мы засиделись допоздна, выпили, и я вызвал такси. На следующий день вернулся за «Лексусом», но его уже не было.

– Как называется ресторан?

Взгляд Джейдена заметался, и он ответил, помедлив:

– «Оберж».

– А парковка где находится?

– Ну где-то в квартале от ресторана.

– Вы столик заказывали?

– Нет.

– Как расплачивались за ужин, кредитной картой?

– Да... Нет, подождите, в тот вечер я платил наличными.

– Почему?

Джейден пожал плечами:

– Я так часто делаю.

– Чек сохранили?

– Нет. А что происходит? Почему вы задаете мне такие вопросы?

– Возможно, ваша машина была использована при совершении преступления.

Нортон-Уэллс побледнел, глаза расширились. Зрачки у него были огромные – парень явно что-то принял, подумала Энджи.

– Какого преступления? – выпалил он.

– Этого я вам пока сказать не могу, – отозвался Мэддокс. – Вот вы сказали – «мы». А с кем вы ужинали в тот вечер?

Нортон-Уэллс смотрел на них несколько секунд, словно пытается придумать правдоподобный ответ, а затем сказал:

– Друзей я втягивать не буду. Если «Лексусом» воспользовались преступники, я отношения к этому не имею. Мне больше нечего сказать.

Осторожнее, осторожнее. Это сын заместителя генерального прокурора.

– Ну и прекрасно, – благодушно отозвался Мэддокс. – Но вам придется приехать в управление для официального заявления. Вы в состоянии это сделать?

– Гм, как только мне станет лучше. Сейчас я не в состоянии выйти из дому.

– Справедливо. Мы с вами скоро свяжемся.

Когда Мэддокс и Паллорино направились к выходу, Энджи вдруг повернулась к Нортону-Уэллсу, который приподнялся с дивана:

– На цепочке у вас медальон со святым Христофором? – спросила она, кивнув на его шею.

У парня приоткрылся рот.

– Да, а что?

– И вся ваша семья – католики. – Она кивнула на фотографию Джейдена в белом костюмчике.

– Об этом все знают.

Энджи облизала губы и повернулась к выходу, но, точно передумав (а на самом деле, чтобы встревожить подозреваемого), снова развернулась к Джейдену.

– Ваше второе имя Ройс?

– Ну да...

– Джейден Ройс. Вас кто-нибудь называет Джей Эр?

Он поколебался.

– Некоторые называют.

– Вы когда-нибудь кому-нибудь дарили медальон со св. Христофором и гравировкой «С любовью от Дж. Р.»?

Кровь отлила у парня от лица.

– Нет, нет, не дарил... Простите, я хочу, чтобы вы ушли.

Выехав с подъездной аллеи Нортон-Уэллсов, Мэддокс остановил «краун вик» под старым дубом на противоположной стороне улицы. Паллорино уступила ему руль – в качестве предложения мира, как он решил про себя.

– Правильное решение, – тихо сказал он, глядя на каменные столбы ворот. На одном была привинчена бронзовая табличка со словом «АКАША»^[6] заглавными буквами. – Но крайне рискованное. Базьяк приказал говорить сугубо об автомобиле.

– Фотография с первого причастия висела на стене, – возразила Энджи. – И школьный аттестат с полным именем. Ревностный католик Дж. Р. Нортон-Уэллс, на шее золотая цепочка, принадлежащий ему «Лексус» волшебным образом исчез, и налицо душевный раздрай. Эх, надо было спросить, знает ли он Драммонд и Хокинг!

– Базьяк решил иначе.

– Сын заместителя генерального прокурора! – недоверчиво протянула Энджи. – Кто бы мог подумать? Дело может прогреметь...

Мэддокс уже хотел ответить, когда мимо пулей пролетел маленький красный «Порше», с визгом покрышек свернул за угол и понесся по улице.

– Удирает! – вырвалось у Энджи.

Мэддокс рванул «краун вик» с места и тоже резко свернул. Началось преследование.

Глава 38

– Да не может быть, это же Зак Рэддисон, помощник мэра! – Энджи следила через телефотообъектив, как высокий смуглый парень вышел из здания мэрии вместе с Джейденом Нортон-Уэллсом. Неожиданно они остановились и начали о чем-то спорить под дождем, бешено жестикулируя. Энджи сделала несколько снимков. Нортон-Уэллс ударил Рэддисона в грудь. Тот покачнулся, но потом прынул вперед, схватил Нортон-Уэллса за плечи и сжал, удерживая на одном месте и настойчиво говоря ему что-то в лицо. Энджи снова нажала кнопку ускоренной съемки, и камера сделала серию снимков с почти пулеметным треском.

Они с Мэддоксом остановились напротив мэрии, на другой стороне улицы. Нортон-Уэллс, объявивший себя совсем больным и не пожелавший покидать дом, чтобы сделать официальное заявление, буквально прилетел сюда на «Порше». Бросив машину на парковке, он вбежал в мэрию. Так и приехал в футболке и джинсах, несмотря на зимний холод. Буквально через несколько минут он уже снова появился в дверях в сопровождении Рэддисона.

– Итак, – подвел итог Мэддокс, – сын заместителя генерального прокурора, презентовавший Драммонд золотую цепочку и медальон со святым Христофором и ездивший на автомобиле, причастном к совершению преступлений, находится в интересных бурных отношениях с руководителем избирательной кампании Джека Киллиона Заком Рэддисоном, правой рукой нового мэра.

– Ну все мы находимся в пределах шести рукопожатий друг от друга. – Энджи снова сделала снимки, когда Рэддисон схватил Нортон-Уэллса за локоть и повел к наспех брошенному красному «Порше».

– Значит, Нортон-Уэллс смертельно испугался нашего визита и кинулся сюда, предположительно прямо в кабинет мэра, искать Рэддисона. Зачем? – рассуждал Мэддокс.

Нортон-Уэллс сел в машину, и Рэддисон звучно захлопнул за ним дверцу. Нортон-Уэллс выехал на улицу уже гораздо медленнее. Рэддисон стоял на тротуаре без пиджака под проливным дождем и смотрел, как исчезает вдаль «Порше», после чего развернулся и направился обратно в мэрию. Рэддисон был заметно потрясен.

Энджи опустила фотоаппарат.

– Ну что, проследим за Нортоном-Уэллсом или нанесем визит Рэддисону и новому мэру?

Мэддокс взялся за ручку.

– Пошли к Рэддисону, пока он не остыл.

Зак Рэддисон по любым меркам был красавцем, хоть на обложку журнала: смуглая, как у итальянца, кожа, блестящие черные глаза, невероятно белозубая и легкая улыбка. А еще от него веяло высокомерием, которое дают деньги, привилегии и внимание противоположного пола. Энджи и Мэддокс стояли в его комнате, представлявшей своего рода прихожую кабинета Джека Киллиона. Окно за спиной Рэддисона заливало дождем. Он предложил детективам присесть, но они отказались, и тогда он пристроил свою выхоленную задницу в брюках от дорогого портного на край сияющего полированного стола и сложил руки на груди в ожидании, когда детективы объяснят цель своего визита.

– Гляжу, вы промокли. – Мэддокс показал подбородком на пятна от дождя на белоснежной рубашке и ярко-синем галстуке Рэддисона.

Тот улыбнулся и сразу же, без малейшей заминки, ответил:

– У нас сегодня собрание городского совета, посвященное инаугурации Джека Киллиона. Если вы сразу перейдете к делу, детективы, я смогу вернуться к своим обязанностям.

Энджи якобы непринужденно расхаживала по комнате, разглядывая декоративные украшения на полках, а Мэддокс плотно занялся подозреваемым. Энджи подмывало спросить Рэддисона о Драммонд и Хокинг, но у них был приказ Базьяка – задавать вопросы исключительно о «Лексусе». После небольшого скандала с напарником Энджи решила пока играть по правилам.

– Вы знакомы с Джейденом Нортоном-Уэллсом? – спросил Мэддокс.

И снова Рэддисон не замедлил с ответом:

– Это один из моих приятелей. Мы вместе учились в старшей школе. Наши родители хорошо знают друг друга.

– Частная была школа?

– А это вам к чему?

Энджи подошла к двери: на полке стояла керамическая миска, раскрашенная в индейском стиле, в которой лежали визитные карточки и несколько коробков спичек. Энджи небрежно принялась перебирать содержимое миски, отложив несколько визиток в сторону, и рассеянно взяла коробок. Сердце мгновенно забилось с удвоенной силой.

– Можно ничего не трогать, детектив? Пожалуйста. Благодарю вас, – окликнул ее Рэддисон через плечо Мэддокса. Ага, наконец-то в его голосе

прорезалось волнение.

– Конечно, конечно. – Энджи положила спички обратно и подошла к Мэддоксу, сунув руки в карманы пальто.

– Вы обедали с Джейденом в ресторане «Оберж» во вторник, двадцать восьмого ноября? – спросил ее напарник.

В глазах Рэддисона мелькнула искра.

– Нет, а что?

– Джейден, видите ли, обедал там с друзьями, немного перепил, оставил «Лексус» на парковке, и автомобиль исчез.

– Как исчез?

– Джейден утверждает, что машину угнали.

Брови Рэддисона сошлись на переносице:

– А вы ему почему-то не верите?

– А вы знали, что «Лексус» угнан?

– Конечно, он же мне говорил.

– На улице, несколько минут назад?

Ответа не последовало. На шее Рэддисона дернулся кадык. Глаза чуть сузились. Бинго.

– Зачем приезжал Джейден, что он сказал? Он выглядел расстроенным.

Рэддисон скрестил руки на груди.

– У нас был личный разговор, – тихо ответил он.

– Про «Лексус»?

– Я уже сказал, разговор велся на личные темы.

– Простой интерес, мистер Рэддисон: где были вы вечером во вторник двадцать восьмого ноября?

Впервые Зак Рэддисон дрогнул.

– Слушайте, я не знаю, к чему вы гнете, но вы действительно тратите мое время, а следовательно, и время мэра. Поэтому, если у вас нет...

– Что означает «КВ»? – перебила Энджи.

– Что, простите? – осекся Рэддисон.

В этот момент неожиданно распахнулась дверь кабинета, и вышел Джек Киллион:

– Зак, ты мне нужен.

– Сейчас иду.

Киллион взглянул на Мэддокса, затем на Энджи и, приподняв брови, поглядел на своего помощника.

– Лучшие кадры столичной полиции, – отрекомендовал их Рэддисон.

Мэр, прищурившись, смерил детективов внимательным взглядом.

– По поводу?

– Они мне еще не сказали.

Киллион, поколебавшись, сказал Мэддоксу и Энджи:

– Мы готовимся к инаугурации, детективы. Мне нужен мой помощник. Не могли бы вы ускориться?

Дверь кабинета захлопнулась.

Козел, подумала Энджи, ощутив прилив искреннего сочувствия к шефу Гуннару. Если это новый режим, то жди неприятностей.

Рэддисон оттолкнулся от стола, встал и шагнул к двери, красноречивым жестом вытянув руку.

– Если сочтете необходимым или у вас возникнут новые вопросы, запишитесь у секретаря.

Энджи не двинулась с места.

– А что все-таки означает аббревиатура «КВ»?

– Понятия не имею. Капитальные вложения? Киловольты? Еще тысяча вариантов?

И тогда Энджи вынула из раскрашенной миски начатую коробку спичек и протянула Рэддисону. Простая белая поверхность с двумя причудливо переплетенными К и В.

Уставившись на коробок, Рэддисон сунул руки в карманы дорогих брюк, сомкнул свои красивые губы и медленно покачал головой:

– Простите, все равно не знаю. Сюда в основном кладут визитки. Но там и другие коробки лежат. Может, кто-то забыл.

– А вы курите?

– Иногда.

Паллорино с деланой небрежностью откинула клапан коробка и показала написанный с внутренней стороны номер.

– И кто сейчас раздает спичечные коробки? – пожала она плечами, внимательно разглядывая телефонный номер.

С потемневшим от гнева лицом Рэддисон выхватил спички у нее из рук.

– Хотите осмотреть мой кабинет – возвращайтесь с ордером!

Энджи посмотрела на него в упор. Черные глаза злые, рот сжат, шея напряжена – похоже, Рэддисон не выносит, когда его злят. Особенно женщины.

– Может, и вернемся, Зак, – тихо сказала она. – Может, и вернемся.

Когда они вышли из здания, Энджи нырнула под навес, спасаясь от дождя, достала из сумки записную книжку и сверилась с номером, который ей продиктовала Лорна Драммонд еще в больнице Сент-Джуд.

– Черт, – тихо ахнула она.

– Что там? – спросил Мэддокс.

Энджи подняла голову: в глазах загорелся огонек азарта.

– Бинго, – сказала она. – Цифры на том коробке – это номер сотового Грейси Драммонд, и написан он был на спичках с буквами «КВ»! – Ее взгляд стал пронзительным: – А у нее в календаре «К.В.» рядом с Аmandой Р. и Ларой П.!

Глава 39

Когда Зак обернулся, Киллион стоял в дверях своего кабинета и глядел на него как-то странно.

– Это по какому поводу визит? – осведомился мэр.

Зак глубоко вздохнул. Мысли путались, вопросы трещали и шипели в мозгу, крутясь вокруг одной темы, но он сразу переключился на привычный режим, когда Киллион повторил вопрос.

– Детективы расспрашивали меня об одном из моих приятелей, Джейдене Нортоне-Уэллсе. Кажется, они ищут «Лексус», который у него угнали около двух недель назад.

– А почему они пришли к тебе? Почему сюда?

– Как я уже сказал, Джей – мой друг. Они хотели знать, был ли я с ним в ресторане в тот вечер, когда угнали автомобиль. Судя по всему, Джей немного перебрал и не помнит всех, кто сидел за столом.

Мэр молчал, странно глядя на помощника. В груди Зака шевельнулось беспокойство.

– Тогда при чем тут вопрос об инициалах К.В.?

Значит, Киллион слышал весь разговор. Зак сжал пальцами злосчастный коробок, уже лежавший у него в кармане.

– Я понятия не имею.

– Это что-то важное?..

– Нет-нет.

Несколько мгновений мэр пристально смотрел Заку в глаза и наконец откашлялся.

– Изменения повестки сегодняшнего собрания прессе отправлены?

– Уже несколько часов назад.

На этом Киллион неожиданно повернулся и ушел к себе в кабинет. Зак смотрел на закрытую дверь, и темное беспокойство внутри росло.

Джек Киллион поднял трубку, покосился на дверь и быстро набрал номер. Их особый номер. Когда послышались длинные гудки, он повернулся в кресле к серебристым струям дождя, заливавшим окно.

– В чем дело? – послышался низкий хриловатый голос, который он так любил.

Киллион облизал пересохшие губы:

– Здесь только что побывала полиция.

– В твоём офисе?

– Два детектива, мужчина и женщина, задавали Заку вопросы об угнанном «Лексусе» и твоём сыне.

– О Джейдене?!

– Да.

– А что... Почему?!

– У него угоняли «Лексус»?

– Гм, ну да, я слышала, как он говорил об этом отцу. Я не вмешиваюсь в их дела – это ни разу не заканчивалось ничем хорошим. Значит, полицейские делают свою работу, ищут чертову тачку.

– Но почему они приходили к Заку, да ещё в мой офис? За несколько часов до инаугурации?

– Думаешь, столичная полиция затеяла свою игру? Своего рода вендетту?

– Вряд ли я расположил к себе полицейское управление Виктории своими предвыборными обещаниями вычистить их ряды. А завтра я председательствую на первом закрытом собрании полицейского руководства. Все ожидают смену караула...

Долгая пауза.

– Я поговорю с Джем, когда приеду домой. Думаю, что ничего особенного, они действительно ищут машину.

– Джойс, сам факт того, что столичная полиция расследует правонарушение, связанное с сыном заместителя генерального прокурора, привлечет пристальное внимание прессы. А детективы, заявившиеся в офис мэра, прозрачно намекают на *мою* связь с твоей семьёй и этим уголовным делом. Если вспомнить, что полиция не в состоянии заткнуть утечку в собственных рядах, мы рискуем прочесть авторскую интерпретацию происходящего на первой полосе завтрашней «Сан» или в блоге этой... женщины. Что дальше? На окна нашего пентхауса будут нацелены телефотообъективы, и борзописцы станут следить за нами с залива, со служебного катера?

– Может, уже пора снять Гуннара и поставить на его место твоего Энтони Морено, чтобы взял дела в свои руки и выкурил из норы этого болтливового информатора! Тебя фактически подталкивают к действию, Джек. Ты можешь начать реализацию своих планов на завтрашнем собрании руководства полиции – на твоей стороне минимум трое, а то и четверо.

– Ну могу.

– Так сделай это, Джек! Сдвинь дело с мертвой точки. Пора.

– А как же наши планы не трогать Гуннара, пока они не продвинулись в расследовании с этим серийным убийцей?

– Придется действовать иначе. Проявишь инициативу, как только вступишь в должность. Назначишь новое, лучшее руководство, чтобы полиция взялась за расследование этих чудовищных преступлений, чтобы очистить ряды сотрудников правопорядка от предателей и сделать город безопаснее для молодых женщин, которые уже боятся ходить одни в темное время суток.

Энджи с Мэддоксом сидели у Базьяка. Начальник плотно закрыл дверь и опустил жалюзи на стеклянной стене, выходящей в общий зал. Слушая отчет Мэддокса и Энджи по итогам беседы с Нортоном-Уэллсом и само собой образовавшегося разговора с Заком Рэддисоном, Базьяк щелкал кнопкой авторучки.

Они уже проверили, поступало ли в полицию заявление об угоне «Лексуса». Оказалось, не поступало. Таким образом, ориентировка на розыск приплыла, можно сказать, на блюде.

Выслушав отчет, Базьяк откинулся в кресле, все еще играя ручкой.

– Значит, выявилась связь между Грейси Драммонд, Джейденом Нортоном-Уэллсом и Заком Рэддисоном, помощником мэра. Оба белые, и оба брюнеты, у Рэддисона в кабинете спичечный коробок с телефоном Драммонд и буквами «КВ». Может, коробок его, а может, и нет. Аббревиатура «КВ» может иметь отношение к записи в календаре Драммонд, а может и не иметь. Однако непосредственно после разговора с вами, во время которого было упомянуто, что «Лексус» видели на мосту и возле кладбища в ночь похищения и убийства Драммонд, Джейден Нортон-Уэллс в панике кинулся к Рэддисону и о чем-то ожесточенно с ним спорил. Сын заместителя генерального прокурора – ревностный католик и носит на шее медальон с изображением святого Христофора. Его инициалы Дж. Р. совпадают с подписью на обороте медальона Драммонд. Плюс он не заявлял об угоне «Лексуса», не аннулировал номер автомобиля и связанную с ним страховку, и мы не нашли подтверждения, что он ужинал в «Оберже» в тот вечер, когда машину якобы угнали, равно как и того, что «Лексус» вообще оставляли на той платной стоянке. – Базьяк снова щелкнул ручкой. – При этом его отец, девелопер Рэй Нортон-Уэллс, поддерживавший избирательную кампанию Киллиона в надежде на лакомый кус – масштабную застройку прибрежных участков, заявляет, что он был слишком занят, чтобы отменить страховку на пропавший «Лексус». Как и его сын, старший Нортон-Уэллс брюнет. Плюс его жена –

заместитель генерального прокурора... Короче, полная задница. – Базьяк вдруг подался вперед и быстро застучал ручкой по столу.

Энджи очень хотелось попросить начальство прекратить: щелканье отдавалось в голове какими-то электрическими импульсами и мешало думать. Базьяк уже хотел что-то добавить, когда в дверь постучали. Он напрягся. Все трое переглянулись.

– Информация о связи между Нортонами-Уэллсами, кабинетом мэра и «Лексусом», предположительно использованном для совершения преступления, не должны выйти за пределы этого кабинета до особого распоряжения. Все строго между нами, ясно?

Энджи и Мэддокс кивнули. Базьяк повернул голову:

– Войдите!

На пороге стоял Лео. Седовласый детектив недобро зыркнул на Мэддокса и Энджи, совещающихся с начальством, и скривился.

– Что у тебя, Лео? – спросил Базьяк.

– Пришел отчет ботаника. Такое сочетание белого дуба и культурных растений встречается редко – там, где эндемичный дуб адаптировался к неглубоким прибрежным почвам и выработал ветроустойчивость. А если добавить одичавших коз, то такое место вообще одно – остров Тетис.

Детективы переглянулись. У Энджи даже мурашки побежали от волнения.

– Метеоролог тоже подтверждает, что сильное береговое течение в сочетании с недавно зафиксированным шквалистым ветром с моря и высокой приливной волной в это время года вполне могло принести такой груз, как мертвое тело, от острова Тетис в залив. Личинку падальной мухи тоже можно объяснить, если тело некоторое время оставалось на острове, прежде чем его бросили в воду.

Энджи подалась вперед и быстро заговорила:

– На острове Тетис есть заброшенный хутор. В 1862 году во время эпидемии черной оспы несколько семей покинули материк и устроили на Тетисе маленькую коммуну с козьей фермой. Однако «черная смерть» проникла и на остров... Короче, на хуторе никого не осталось, козы без присмотра постепенно дичали, и сейчас там целая колония одичавших домашних коз.

Она замолчала. Интерес собравшихся вырос до предельного градуса.

– Возможно, у нас есть место убийства Хокинг, – сказал Базьяк, решительно поднявшись на ноги. – А ну, поехали работать.

Глава 40

Среда, 13 декабря

Энджи в сапогах-бахилах стояла рядом с Мэддоксом, Хольгерсеном и Базьяком в большом холодном погребе старого хутора на острове Тетис. Все молча смотрели, как работает Барб О'Хейган вместе с экспертами-криминалистами. Фотограф снимал каждый сантиметр подвала. Одетые в белые комбинезоны, шапочки, бахилы и нитриловые перчатки, эксперты двигались как на стоп-кадрах в ослепительных вспышках фотокамеры, сообщавших обстановке почти потустороннюю атмосферу. Царила тишина, нарушаемая лишь треском вспышек и тонким, действовавшим на нервы завыванием ветра, задувавшего в щели возле треснувших стропил.

С раннего утра выехать не получилось: очередной штормовой фронт, густой туман и высокий прибой задержали полицейских до середины дня. Дорога до Тетиса, до которого на полицейском катере было двадцать минут, растянулась на пару часов – мешал сильный встречный ветер и волнение на море. Детектива Лео скрутила морская болезнь, и он сейчас стоял наверху и курил, борясь с рвотными позывами и ругаясь, как морской волк, что не может спуститься в подвал, не заблевав место преступления. Не хватало еще повсюду оставить свою ДНК!

В погребе с земляными стенами было темно, хоть глаз выколи, и стоял ледяной холод – «как ведьмины сиськи», по меткому выражению Хольгерсена. Энджи сказала бы – как в морозильнике. Учитывая истинно арктическую стужу, цепкой хваткой державшую город больше двух недель, не нужно было ломать голову, отчего тело Фейф Хокинг так хорошо сохранилось. С поправкой на вновь вскрывшиеся обстоятельства О'Хейган определила давность наступления смерти от десяти дней до двух недель. Труп, сказала она, лежал здесь практически как в холодильнике морга. Даже сейчас, когда штормовой фронт принес дожди и наметилось потепление, погреб напоминал земляную пасть со стылым дыханием из недр земли.

Эксперты привезли с собой портативные, на аккумуляторах, прожекторы, заливавшие все вокруг неестественно резким светом, это позволяло увидеть мельчайшие детали и догадаться об ужасах, творившихся здесь. Энджи осматривалась, стараясь уяснить, что происходило с Фейф Хокинг.

Эксперты обнаружили свежие царапины на осклизлых досках пристани, где швартовались полицейские катера. Это был первый признак недавнего присутствия человека на острове – о подпоре и доски явно терлась лодка, и вряд ли сюда приезжали на пикник, учитывая погоду последних двух недель. Были найдены следы, ведущие от пристани, – отпечатки ног в подмерзшей грязи и следы волочения: мох и лишайники, выросшие на камнях, оказались местами содраны.

Возле входа на хутор в грязи отыскивались следы. В развалинах дома полицейские наткнулись на небольшое стадо одичавших коз, укрывшихся от непогоды. Нетрудно было понять, как козья шерсть, семена травы, фрагменты листка белого дуба и остальное могли попасть внутрь кокона из пленки.

Но в погребке детективы и эксперты наткнулись на настоящую золотую жилу.

Плетеный полипропиленовый шнур свисал с опорной балки под потолком, покачиваясь на сквозняке (ветер ухитрялся проникать даже через открытый люк подвала). Таким же шнуром была обвязана Хокинг. Осмотр с люминолом позволил обнаружить следы человеческой крови на жестком шнуре, а между полипропиленовых волокон эксперты нашли фрагменты человеческих волос – черных и темно-русых. Энджи подумала, что длинный черный волос, скорее всего, принадлежит Хокинг, а вот другие вызвали острый интерес всей следственной группы: среди них явно были лобковые или же волосы с тела мужчины. Все находки поместили в отдельные пакеты и занесли в список вещественных доказательств. Энджи страшно хотелось знать, совпадут ли какие-то фрагменты волос со светлым волосом, обнаруженным на одежде Драммонд: это связало бы обладателя волос с обеими жертвами.

Один из экспертов присел на корточки у стены, отскребая капли свечного воска. Несколько огарков, сгоревших практически полностью, уже были соответствующим образом упакованы и отнесены в палатку, где развернули передвижную лабораторию.

Лист плотной пленки вроде той, в которую было замотано тело Хокинг, лежал смятый в углу подвала вместе с остатками сгнивших мешков, старых деревянных ящиков, нанесенных ветром сухих дубовых листьев, желудей, клочков старой травы, обломков коры и обрывков «ведьминой бороды» – этим лишайником густо заросли сосны с наветренной стороны острова. После обработки люминолом засветились и темные пятна на кедровых досках, настеленных прямо на земляной пол.

О'Хейган присела на корточки возле этих пятен, сравнивая их

расположение с фотографиями со вскрытия Хокинг, которые она привезла с собой. Пальцем, обтянутым нитрилом перчатки, она указала на грубо оструганную кедровую доску:

– Ширина досок и расстояние между ними совпадает с формой трупных пятен на спине Хокинг.

Она сжала губы, похожая в своем широком белом комбинезоне и шапочке на пряничного человечка из сказки.

– Что там? – нетерпеливо спросил Базьяк.

О’Хейган взглянула на веревки, болтавшиеся под опорной балкой.

– Толщина веревки совпадает с размером некоторых странгуляционных борозд на шее трупа, но... – она пожевала нижнюю губу, – как же быть с содержанием ЖКТ? Жертва была буквально напичкана очень дорогими кушаньями.

– А следов, что она ела здесь, нет, – добавил Мэддокс.

– Может, он ей устроил последний ужин? – вмешался Хольгерсен. – Я всегда считал, что это перевод продуктов, когда смертник заказывает себе все, что душа пожелает. Еда ж все равно останется в желудке непереваренной, когда он откинет коньки...

Не обращая внимания на Хольгерсена, Мэддокс тихо сказал:

– Ее могли убить в другом месте, а сюда привезти на катере вскоре после убийства, прежде чем начался процесс разложения. Разлагаться тело стало, уже порядком полежав на этих досках. Или же ее могли привезти сюда сразу после ужина и задушить этими веревками. – Он подбородком указал на качавшиеся веревки.

– Ага, то есть она могла поесть в любой точке побережья и попасть сюда в течение часа на катере, – буркнул Хольгерсен. – Или ее могли задушить прямо на катере, который вез ее сюда. Спектр поисков все равно ни хрена не сужается.

Снаружи ветер завыл так, что эксперт, соскребающий с досок воск у земляной стены погреба, заметно вздрогнул и огляделся, будто боясь увидеть призрака кого-то из жертв эпидемии оспы полуторавековой давности. Веревки закачались, где-то наверху скрипнул чудом державшийся ставень.

И тут в подвале появилась маленькая девочка в мягком переливающимся розовом сиянии – возникла рядом с испуганным экспертом. Энджи окаменела. В ушах снова зазвучал голосок – так приговаривают дети в такт игре: «Пойдем, пойдем играть, пойдем в рошу поиграть...»

Но его тут же заглушил пронзительный женский крик: «Утекай!»

Девочка повернулась и выбежала с развевающимися волосиками и подолом прямо через черную земляную стену. Энджи уставилась туда, мокрая от пота; сердце ритмично бухало в груди. Голос Хольгерсена доносился будто издалека, как в каком-то тоннеле сложной конфигурации:

– Значит, он привез ее сюда, и здесь она умерла, либо он вез ее уже мертвую. Может, он навещал ее пару раз и однажды исполнил свою фантазию и все ей отрезал, а когда понял, что девица начинает подгнивать, закатал в пленку, отволок к своему катеру, привязанному у пристани, и вывез в море. За борт выбросил с подветренной стороны Тетиса. Рассчитывал, что с концами, а тут течение, шторма – короче, отправилась наша утопленница в плавание, и принесло ее в гавань. Там она, видимо, начала всплывать, и конец веревки намотался на чей-нибудь гребной винт... – Кьель помолчал. – Шкипер небось подумал, что наткнулся на бревно. Видит бог, полузатопленные бревна здесь повсюду – реальный риск для катеров. Затем этот самозванный буксир хренов потащил ее в залив, пока веревка не лопнула или не попала под лопасти, а уже с приливом тело оказалось под мостом, где его и заметил бездомный нищий...

Он бубнил и бубнил, но вскоре его голос заглох, будто затерявшись в тоннеле. С боков напознала чернота, свет прожекторов сузился до размеров булавочной головки...

«Паллорино... Тебе плохо?... Паллорино...»

– Энджи!

Глаза открылись сами собой. Энджи сразу собралась.

– Тебе плохо?

Спрашивал Мэддокс, поддерживавший ее за спину. Энджи вдруг чего-то испугалась. Она хотела проглотить слюну, но во рту пересохло.

– Нет, нет... Все нормально... – Она высвободилась, схватилась за лестницу, ведущую к люку в потолке, и покачнулась, едва удержалась на ногах.

– У тебя расширены зрачки, – сказал Мэддокс. – Ты очень бледная.

Базьяк и Хольгерсен тоже повернули головы. О'Хейган, не вставая с корточек, пристально наблюдала за Энджи. Лицо старой докторши пошло озабоченными морщинами, и это пугало. Все, пора на воздух. Нужно убраться отсюда, и побыстрее. Каждая молекула ее тела кричала: «Беги, убегай! Утекай, утекай!» Энджи заморгала, когда перед глазами мелькнула красная вспышка. Затем сверкнул полированный металл, будто льдом полоснув ей по губам. Энджи схватилась за шрам и поглядела на пальцы, словно ожидая увидеть кровь.

– Энджи? – Сильная рука Мэддокса вновь поддержала ее за плечи. Снова он обращается к ней по имени! – Давай-ка выйдем отсюда, подышим воздухом.

Он подвел ее к нижней ступеньке. Крепкие руки, тепло, исходящее от этого большого сильного человека... Энджи мучительно хотелось уступить этой твердости, побыть слабой, позволить ему позаботиться о ней, но она резко вырвалась и отступила и от лестницы, и от его руки.

– Спасибо, не стоит.

Она вытерла губы, убедившись, что крови нет. Однако шрам болел, что было необычно.

– Что случилось? Скажи, тебе нехорошо?

Все присутствующие по-прежнему глядели на нее.

Энджи с силой натянула шапку на уши – ее вдруг пробил озноб.

– Я сказала, все нормально! – Она повернулась к месту преступления. – Зачем же он ее сюда привез? – быстро заговорила она, пытаясь доказать, что ничего не пропустила, хотя ей казалось, что она отключилась на несколько часов и даже дней в результате непонятого искажения времени. – По каким-то критериям Хокинг и этот погреб подошли к извращенной «любовной карте» преступника, как выражается Грабловски. Именно здесь и именно с ней маньяк мог воплотить свою фантазию. – Энджи повернулась к коллегам: – Похоже, он человек со средствами, можно сказать, богатый. У него либо собственная яхта, либо возможность брать у кого-то яхту... Получается, он имеет отношение к сливкам общества, которые могут позволить себе черные трюфели и мраморную говядину, специально доставленную из Японии.

– Или просто работает у богатых людей, – поправил Базьяк.

– Видимо, он хорошо знает это место, – негромко продолжала Энджи. – Откуда-то он знаком с островом Тетис, со старым хутором, с течениями... Он был уверен в том, что сюда никто не придет, раз на какое-то время оставил тут жертву. Богатый он или нет, у него, скорее всего, есть лицензия на управление катером или прогулочной яхтой, и достаточный опыт, раз он смог причалить в такую погоду...

– Сюда! – крикнул один из экспертов, повернув прожектор. – Тут что-то между досками... – Пинцетом он осторожно извлек из щели использованный презерватив. – Надо же, обычно все так тщательно за собой прибирает, а это пропустил...

Глаза у него так и вспыхнули от важности находки.

– Ну все, попался, – шепотом сказал Хольгерсен, глядя на презерватив.

– Если он есть в базе, – поправил Мэддокс.

– Да, но теперь у нас его ДНК! В любом случае у нас появился крепкий подозреваемый, и если образцы семени из тела Драммонд совпадут с содержимым презика, значит, этот «креститель» у нас в руках...

Креститель

...потому что все согрешили и лишены славы Божией.

Послание к Римлянам, 3:23

Обнаженный, он сидел на металлическом стуле в центре подвала. Он включил обогрев на максимум, поэтому в подвале жарко, как в маленьком аду; бледная кожа стала скользкой от пота. Темно, но для эффекта он зажег белые свечи вроде церковных. Вроде тех, что горели в том погребке. Они мигали в маленьких прозрачных стаканах, точно так же, как мерцали и танцевали в ту ночь на острове.

Он покрепче уперся ступнями в пол, широко разведя мускулистые бедра и открыв пах. Мать усажена в удобное мягкое кресло напротив, чтобы ей все было видно, но не так близко, чтобы она могла коснуться.

Он мягко провел по пенису прядью волос Грейси. При первом же щекотном ощущении – чувствительную кожу под крайней плотью уже щипало от разогревающей мази «Ледяной огонь» – пенис начал твердеть.

Он закрыл глаза и с тихим стоном провел своим трофеем еще раз. Теперь он снова чувствовал ее вкус, видел ее, ощущал, улавливал ее запах. Горевший от жгучей мази эрегированный пенис гордо высился, как неподвижный часовой, между яичками, напоминая острыми кончиками – волоски уже начинали отрастать с последнего бритья. Он не хотел оставлять следы где попало, поэтому побрил все тело – но не голову. Он слишком гордился своими густыми волосами. На них он надевал плотную шапочку.

Глубоко вздохнув, он с силой зажмурил глаза, чувствуя, как растет член, становясь больше, горячее, болезненнее. Ощущения воспламенили его, и он запульсировал, как гигантское бьющееся сердце. Кровь шумела в ушах первобытным ритмом, старым, как мир, когда он начал онанировать в такт этим толчкам, возвращаясь мыслями назад... назад... назад... Он задержал дыхание. Он снова там, с ней. Часто дыша, он задвигал рукой сильнее, быстрее, мир сузился, спирально уходя в земляной погреб к... Фейф...

Он уже там... Он захлестнул веревку за балку и надежно закрепил.

Тело Фейф уже обмякло, но плоть оставалась упругой и податливой под его пальцами. Он подтащил ее к концам веревки, свисавшим с балки. Свечи дрожали и трепетали на пробравшемся в погреб ветру, но ему это нравилось. Это далеко, уединенно, романтично, под землей... священо. Священнодействие. Да. Да. Подхватив Фейф под мышки, он согнул ее, придав сидячую позу. Голова свесилась вперед, стукнувшись подбородком о грудь, длинные волосы закрыли груди. Кольцо в соске отражало пламя свечей – оно заводило его, это кольцо. Быстро перевязав Фейф поперек голых грудей, он пропустил веревку за спину, захлестнул за шею, перекинул свободный конец через потолочную балку и подтянул, как на шкиве. Фейф передвинулась в нужное положение, провезя пятками по кедровым доскам. Он приподнял ее еще немного и покрепче завязал веревку.

Отступив на шаг, он с гордостью оценил свою работу.

Казалось, будто Фейф сидит на полу, красивая и совсем как живая, – пятки опущены, мыски приподняты, стройные бедра широко раздвинуты, как у куклы.

Он некоторое время смотрел на реалистичных змей на ее животе, на клыкастую пасть Медузы горгоны, широко разинутую вокруг розового влагалища. В погреб ворвался порыв ветра, свечи замигали, и Медуза на миг точно ожила: змеи извивались в паху, пасть-влагалище облизнула свои влажные губы. «Входи же, мальчик Джонни. Я хочу полакомиться твоей эрекцией, Джон. Ах ты, любопытный мальчишка... Она плохая девчонка, Джонни, она заставляла тебя смотреть. Она заставляла тебя подглядывать... Исправь ее, сделай хорошей...»

Он вынул из чехла нож «Экзакто» с тонким лезвием и положил к свечам. Это на потом.

Глава 41

Мэддокс сидел в баре и потягивал пиво, закатав рукава рубашки, сняв галстук и поставив локоть на потертый, обитый медью прилавок. Его внимание было поглощено Энджи, которая резалась в пул с Хольгерсеном и двумя детективами из отдела, занимавшегося рецидивистами; рабочую группу «Улитки» усилили разными специалистами. Мэддокс ловил себя на мысли, что про себя называет напарницу Энджи, а не Паллорино. Что из этого следует? Черт, ему не хотелось думать о том, что это может означать.

Громко играла музыка – залихватский ирландский скрипичный дуэт перекрывал шум в пабе «Летающая свинья», находившемся на одной улице с управлением. Следственная группа праздновала находки на острове Тетис. После возвращения по штормовому морю и напряженного совещания, на котором рассматривались различные версии, обсуждались найденные вещественные доказательства и намечались ближайшие шаги в расследовании, все, кроме Базьяка, ушли «поправляться» в «Летающую свинью». Фица Мэддокс тоже пока не видел среди посетителей, хотя они с Базьяком и обещали прийти.

Мэддокс залпом допил пиво и показал Колму Макгрегору, владельцу «полицейского бара», что хочет еще. Время приближалось к полуночи. Мэддокс не ел целый день, но кухню осаждала целая толпа изголодавшихся детективов, поэтому ждать заказа придется еще долго. Скоро принятое на пустой желудок пиво вызовет приятное головокружение...

Макгрегор толкнул к нему по стойке холодную бутылку, и Мэддокс запрокинул голову, наслаждаясь прохладным, шипучим, мягким взрывом пены во рту. Одним глазом он следил за Энджи, нагнувшейся над бильярдным столом, не в силах оторвать взгляд от ее зада, обтянутого черными джинсами. Воспоминание о том, как она скакала на нем, обнаженная, вдруг стало отчетливым, настойчивым и возбуждающим: Мэддоксу еле удалось заставить себя думать о сегодняшних находках – волосках от разных людей и использованному презервативу, провалившемуся в щель между досками. Это значительный прогресс. Скоро придут результаты из лаборатории.

Энджи перешла на противоположный край стола и нагнулась, вытянувшись всем телом, чтобы достать шар своим кием. Она

сосредоточилась на том, чтобы поразить цель; рыжие волосы упали через плечо на бильярдный стол. В пабе было жарко, и верхние пуговицы рубашки у Энджи были расстегнуты. Мэддокс вдруг вспомнил, как подпрыгивали ее груди, когда она скакала на нем. Черт, он не мог стереть память о том сексе, как ни старался! Запрокинув голову, Мэддокс сделал новый большой глоток пива, думая о странном полуобмороке Энджи в подвале. С ней что-то творилось, и это лишь усиливало его интерес к этой женщине, дав заодно и небольшой повод для беспокойства. Слева от него кто-то хмыкнул, прервав размышления. Повернув голову, Мэддокс через два стула увидел Лео, привалившегося к стойке с бокалом виски и глядевшего на него с усмешкой. Мэддокс еле сдержал нахлынувшее раздражение.

– Что, Лео, развлекаешься?

Лео спустился со своего барного стула, подошел к Мэддоксу и взобрался на соседний стул. Вылив в рот остаток виски, он грохнул бокалом о стойку и крикнул Макгрегору:

– Эй, верзила, тройной виски! А нашему коннику еще того, что он дует.

Хрипло закашлявшись – заядлый курильщик, – Лео снова повернулся к Мэддоксу:

– Любуешься красивой задницей, сержант?

Тот и бровью не повел, спросив Макгрегора, подошедшего с напитками:

– Скоро там бургер с жареной картошкой?

– Две минуты максимум, – с густым акцентом отозвался огромного роста рыжий шотландец.

Лео, не отрывая взгляда от Энджи, поднес к губам бокал виски.

– Я бы на твоём месте даже времени не терял, все равно к ней в трусы не заберешься. Она в другую сторону смотрит... – Он захихикал: – У нее, наверное, тоже там татуировка с клыками, вроде той Медузы! Она тебе член раз-раз-раз...

Мэддокс напрягся, справляясь с приливом ярости. Досчитав про себя до трех, он еще раз глотнул холодного пива, но все же не смог удержать слетевших с языка слов:

– Ты что, сам к ней свои яйца подкатывал, да, Лео? А она отказала, и твое толстое волосатое эго все никак не успокоится?

Ухмылка на лице Лео растаяла, лицо побагровело.

– Да, – заключил Мэддокс, не сводя с него взгляда, – я так и думал. Может, тебе галстук малость ослабить, детектив? А то, глядишь, удар хватит от эмоций...

– Да пошел ты, – буркнул Лео себе под нос и отвернулся к телевизору над барной стойкой, с подчеркнутым вниманием глядя хоккейный матч. Но хватило его ненадолго: – Она всех динамит, ты же сам все понимаешь! Я считаю, она и есть треклятая стукачка – такие подянки в ее характере. Она решила подгадить старому Гэ за то, что не подписывает ей заявление в убойный! И делает она это из чистой злобы характера. – Лео высосал полбокала, утер губы ладонью и спросил: – Что это у тебя на руках? Можно подумать, тебя связывали, как нашу утопленницу!

– Связывали.

Лео уставился Мэддоксу в глаза.

– Для чего?

– Для секса.

Лео только что не крякнул от возмущения.

– Разве тебя никогда не привязывали к кровати во время секса, детектив?

– Врешь!

– Завидуешь?

Лео открыл рот, но, прежде чем он успел придумать какую-нибудь колкость, подоспел Макгрегор с бургером и дымящейся картошкой. Мэддокс с облегчением отправил в рот сразу несколько ломтиков. Он жевал, когда дверь паба распахнулась, и, напустив холодного воздуха, в зал вдвинулась О'Хейган в своих широких удобных джинсах, направившись прямо к бару.

Лео кивнул на нее:

– Вон еще одна идет. Может, у них с Паллорино роман?

– Как жизнь, Лео? – осведомилась О'Хейган, треснув старого детектива по спине с такой силой, что он выкашлял половину виски, которое как раз отпил. На глазах у него выступили слезы, лицо побагровело еще больше. А О'Хейган, напротив, расцвела как майская роза и приветливо помахала Макгрегору. Заказав мясной пирог с темным пивом и бутылку эля, она повернулась к Мэддоксу:

– Ну, дорогой, как вам на новом месте? – Широкая улыбка, открывавшая отсутствие переднего зуба, была искренней.

– Как и мечталось, – улыбнулся в ответ Мэддокс. – Дело крупное, время летит незаметно.

– А вы разве не искали офисной работы и скорого повышения?

Мэддокс взял с тарелки бургер.

– Нет, мне нужно было снова попасть на передний край, понюхать пороху, запачкать манжеты... – И он вьелся в бургер. О'Хейган

посмотрела на него несколько секунд и поняла, казалось, больше, чем многие.

– Ну пока все как по маслу – запачкаться можно хоть в чем, на выбор. – Она оглядела шумный переполненный зал: – А где Базьяк?

– Гуннар вызвал на совещание, – буркнул Лео.

– Совещание? В такое время? – не поверила О'Хейган.

Лео пожал плечами и уткнулся в свой бокал, заметно помрачнев. О'Хейган кивнула Мэддоксу и отошла к Энджи.

– Колючая проволока, а не баба, – с сердцем бросил Лео.

Мэддокс повернулся к стойке и молча жевал свой бургер и картошку, намереваясь уйти, как только доест. В зеркале он видел, что Энджи отложила кий и присела за столик с О'Хейган. Макгрегор принес им выпить. Энджи улыбнулась словам О'Хейган и захохотала, закинув голову, какой-то остроте Макгрегора. Мэддокс подумал, что Энджи – самая красивая женщина, какую он видел. Он впервые видел ее улыбающейся, смеющейся, и ему страстно захотелось, чтобы она улыбалась ему. Черт, он пьянее, чем думал. Нужно уходить, и поживее.

Он торопливо доел, положил купюру на стойку, благодарно кивнул Макгрегору и зашел на дорожку в мужской туалет.

Однако, выйдя спустя пару минут в коридор, он услышал хриплый голос Лео:

– Это ты, ты чертова болтливая предательница!

Мэддокс быстро обошел перегородку и увидел, что старый детектив преградил дорогу Энджи в тесном проходе, ведущем из женской кабинки к раковинам.

– Решила всех нас отыметь, потому что тебе, блин, никогда не стать настоящим копом...

– Эй, Лео, ты бы шел отсюда, – начал Мэддокс, подойдя, но Энджи так поглядела на него, что он остановился.

– Слушай, Лео, – сказала она холодно и ровно, – сегодня это тебе, так и быть, сойдет с рук. Я вижу, ты перепил и завтра будешь жалеть о том, что сказал. А теперь быстро убрался с дороги и дал мне пройти.

Мэддокс невольно заужавал ее еще больше.

Но Лео наставил палец ей в лицо:

– Ты, ты нас подставляешь, потому что тебе только и надо, что...

– Я сказала, прочь с дороги, Лео. – Мэддокс заметил, как Энджи чуть отставила правую ногу и перенесла на нее свой вес. Она готовилась дать детективу Харви Лео по морде. Кулаки Мэддокса непроизвольно сжались, мышцы инстинктивно напряглись.

– Говорят, тебя видели с этой дешевкой-репортершей. Чего это ты с ней встречалась, Паллорино?

– Последнее предупреждение, Лео. Отошел в сторону сейчас же!

Лео фыркнул, почти вплотную приблизившись к Энджи.

– А что? Что ты сделаешь? Подашь рапорт за сексуальное домогательство? Побежишь жаловаться в профсоюз? – Он взялся за ее грудь: – Поглядим-ка, из чего ты там сделана...

Не успел Мэддокс и глазом моргнуть, как Энджи неуловимым движением схватила Лео между ног. Он замер. Энджи, глядя старому копу в глаза, сжала пальцы.

– Блин! Сука, тварь! – заорал он, согнувшись от боли.

Энджи оттолкнула его плечом и на ходу передразнила:

– А что ты сделаешь, Лео? Подашь рапорт за сексуальное домогательство?

– Козел, – пробормотал Мэддокс, поспешив за Энджи по маленькому коридору, отгороженному от паба. Но не успел он ее догнать, как она сдернула свое пальто с вешалки у входа и вышла на улицу. Неожиданно Мэддокса обогнал Лео, кинувшийся в дверь, как озверевший бык-убийца.

Только этого не хватало.

Мэддокс выскочил в зимнюю ночь, под дождь со снегом, как был, в рубашке.

Лео нагнал Энджи и схватил ее за пальто. Она развернулась, но еще до того, как ее локоть прилетел в лицо детективу, Мэддокс успел дернуть Лео на себя. Того качнуло в сторону, и Мэддокс с левой нанес ему хороший удар в челюсть.

Лео не удержался на ногах и с размаху сел на мокрый тротуар, витиевато выругавшись. Кое-как поднявшись, он пригнулся и кинулся на Мэддокса, как раненое взбешенное животное. Мэддокс ловко повернулся боком а-ля матадор, и Лео пролетел вперед, где споткнулся и спьяну не удержался на ногах, приземлившись для разнообразия на четвереньки.

Мэддокс двинулся на него.

– Эй! – Энджи схватила его за локоть. – Хватит!

Он повернулся к ней, тяжело дыша: адреналин гнал кровь, как товарный поезд. Их взгляды встретились, лица оказались неожиданно близко, и Мэддокс увидел, что Энджи дышит так же часто, как он. Она не отпустила его руку. Падал дождь, превращаясь в мягкую ледяную дымку. Промокшая рубашка облепила торс Мэддокса. За его спиной Лео, ругаясь, поплелся куда-то в темноту, и они вдруг оказались одни. Тишину нарушал лишь плеск воды, падавшей с карнизов, и отдаленный гул машин с шоссе.

– Пусть проваливает, – прошептала она в лицо Мэддоксу и, кашлянув, добавила: – Ты тоже поезжай домой.

Он заглянул в самую глубину ее глаз и увидел то же, что и в ту ночь в клубе, – свечение. Голод. Неистовость. Подспудно бурлящую сексуальную страсть – скорее доминирование, чем подчинение. Но теперь, успев немного узнать Энджи, Мэддокс чувствовал в ней какой-то надлом, и это вызывало в нем любопытство и усиливало разгоравшееся влечение. Энджи интриговала в нем детектива, решалу, защитника и не только... Он приложил ладонь к ее щеке, бледной и блестящей от дождевой влаги, и тихо попросил:

– Поедем со мной, Энджи. Поедем на мою яхту. Закончим то, что начали.

Ее рот приоткрылся, но, прежде чем она успела что-нибудь сказать, Мэддокс наклонился и закрыл ей губы поцелуем.

Глава 42

Энджи напряглась, но ее вдруг охватило слепое, первобытное, свирепое неистовство, начисто вытеснив всякую логику. Она ответила на поцелуй, прижавшись к Мэддоксу грудью, вдавившись низом живота. На краю сознания забрезжили установленные ею самой правила секса: никогда не целоваться, никогда не спать с коллегой, уходить первой и сразу, не называть своего имени, не оставаться на ночь, никакого завтрака на следующее утро... Никогда не выбирать того, кто делает тебя слабее... всегда контролировать ситуацию...

Эти правила свились в жгут и были утянуты в огненную воронку полного к ним безразличия: ее рот, ее голод, ее агрессия встретились с его страстью. Языки переплетались, боролись, овладевали друг другом. Мэддокс намотал на руку ее волосы и оттянул голову назад. Другая рука скользнула по спине к ягодицам, и он с силой прижал Энджи к себе. Мокрая рубашка облепила тело, и Энджи ощущала каждый дюйм рельефных мышц под мокрой тканью. Она чувствовала твердость и длину его прекрасного члена, напрягшегося под молнией брюк напротив ее лобка. Внизу живота разлилась горячая волна; голова закружилась, ноги ослабли – она хотела его всего, внутри себя. Глубоко и быстро, жестко, грубо. Прямо здесь. Сейчас. Впившись зубами в его губу, она ощутила вкус крови, проворно расстегивая пряжку его ремня и нащупав замочек молнии. Но не успела Энджи повести молнию вниз, как сзади послышались звуки. Она остановилась. Сердце билось так, что было больно ребрам.

Дверь паба распахнулась, и оттуда вырвались свет, смех и голоса. Опомнившись, Энджи отпрянула и посмотрела на Мэддокса. Черты его лица обострились от неистового, всесокрушающего, опасного вожделения. Он слизал кровь с губы. Секунду Энджи стояла, забыв о дыхании, лишившись дара речи, в полном замешательстве. Они оба были оглушены этим беззвучным взрывом, вновь заглянув в ящик Пандоры, который приоткрыли в мотеле «Лис». С самого начала, когда они впервые встретились взглядами в переполненном баре, у них не было шансов, и Энджи обманывала себя, надеясь, что сможет все контролировать. Потому что в эту секунду она ничего не контролировала – и почти не хотела контролировать. Ей надо уехать и все обдумать.

– Я... Этого больше не случится, – с усилием проговорила она,

развернулась и скрылась в тумане, оставив Мэддокса в промокшей рубашке с расстегнутым воротником. В ушах шумело, кровь горячими толчками отдавалась в паху, и уже возле машины Энджи затрясло.

Сев за руль, она повернула ключ и стала ждать, пока машина прогреется, но дрожь усиливалась, на глазах выступили слезы. Не хотелось ни думать, ни чувствовать. Энджи рывком переключила передачу, уже зная, куда поедет. Мэддокс смотрел, как она исчезала в пелене дождя. Его сердце стучало в такт каплям, падавшим с козырька над выходом. Вдалеке завывала сирена. С шоссе доносился ровный гул. А где-то в городе убийца снова вышел на охоту.

Мэддокс догадывался, куда поехала Энджи.

Опущенные руки сжались в кулаки – в нем пульсировало желание, отдаваясь во всем теле. Пенис затвердел, в голове творился полный сумбур. Энджи стала для Мэддокса чем-то вроде наркотика, и потребность «поправиться» была непреодолимой. Но тогда, как и в случае с наркотиком, зависимость лишь окрепнет!

Энджи права – им необходимо остановиться, пока это еще возможно... Если это еще возможно. Глубоко вздохнув, Мэддокс повернулся и пошел в паб. Забрав свое пальто, он направился к «Импале».

Однако по пути домой он едва ли не против воли свернул к шоссе 1, а не в гавань. Энджи собиралась переспать с кем-то еще, и это сводило Мэддокса с ума. Он не хотел в это верить. Он знал, что это не его дело, но не мог пересилить свой иррациональный порыв и только высматривал на дороге габаритные огни «краун вик».

Дождь полил сильнее. Дорога вела к горному перевалу, но машин стало меньше, и вдруг впереди показалась «краун вик». Мэддокс сбросил скорость, чтобы Энджи не заметила «хвост».

Когда она включила поворотник, показывая, что сворачивает на следующем съезде, у Мэддокса упало сердце. Во рту появилась горечь желчи. Он повторил маневр. Вскоре Энджи въехала на растрескавшийся бетон парковки между клубом «Лис» и мотелем. Красные «иксы» пульсировали во влажной ночи обещанием заводного развлечения для взрослых.

Мэддокс свернул в переулок и остановился. Он не мог отвести взгляд от стоящих на парковке машин. Разобрать номер возможности не было, и он цеплялся за последнюю надежду, что ошибся, но тут открылась дверца, и на бетон выбралась Энджи.

Черт...

Мэддокс видел, как она решительно зашагала ко входу в мотель, а через

несколько минут вышла и направилась в клуб. Что-то сказала охраннику у двери, и тот ее пропустил. Незнакомая, пронзительная боль прошла Мэддокса насквозь. Он ударил кулаком по приборной доске «Импалы» – сильно, не жалея – и выругался. Тело, разум, каждый дюйм его существа вибрировал от воспоминаний о сексе с Энджи в номере мотеля, за который она заплатила заранее. Сейчас она снова кого-нибудь снимет и через полчаса отымеет свою жертву в той же комнате, на той же кровати.

Мэддокс вцепился в руль, борясь с желанием пойти в клуб и выволочь ее оттуда. Или увести ее в мотель самому. Форменное безумие бушевало в нем лесным пожаром, раскалывая череп; сексуальная неудовлетворенность глодала его изнутри. Но Мэддокс кое-как справился с собой, рванул «Импалу» с места и вылетел на шоссе, направившись к заливу на предельной скорости, словно пытаясь обогнать свои чувства – и бешеную ревность. Гнев на Энджи за ее поступок смешивался в нем с сознанием, что это не его собачье дело.

Нервные окончания Энджи, кажется, шипели и плевались искрами, как оборванные электрические провода на мокрой земле. Когда она распробовала поцелуй Мэддокса, вождление в ней превратилось в кровожадное, клыкастое существо, когтившее изнутри ее грудь и лоно. Она приехала сюда, на свою охотничью территорию, в поисках облегчения, которого, как она знала, ей не найти. Не в этот раз. Только не после этого поцелуя.

Слова Грабловски эхом отдавались в ушах, когда Энджи оглядывала танцпол: «Он охотится там, где его стремление сохранить анонимность совпадает с его комфортной зоной...»

Эта параллель окончательно вывела ее из равновесия: здесь *ее* зона комфорта – достаточно (но не слишком) далеко от Виктории и вполне анонимно для такого позднего часа в будний день. И здесь она доходит до крайностей. Превращается в кого-то другого.

Бармен ухмыльнулся, когда Энджи присела у стойки:

– Как обычно?

Она кивнула, не желая возражать, что в сегодняшней ночи обычного мало. Перед ней сразу возникла водка с тоником. Сегодня бармен работал полуголым – без рубашки, зато с черным галстуком-бабочкой на толстой, накачанной шее. Он, должно быть, натерся маслом – рельефные мышцы красиво ходили под гладкой кожей с ровным, из солярия, загаром. Энджи глубоко вздохнула, стараясь переключиться на то, что видит, и забыть тело Мэддокса под мокрой рубашкой... вкус его поцелуя, ощущение надежности... страсть в его глазах. Бармен повернулся, доставая с полки

бутылку, и Энджи увидела, что на брюках у него вырезаны куски ткани в форме сердец, обнажая ягодицы. Ничего себе... Энджи отвела глаза. «Найди себе мужика, выведи заразу страсти из организма, а потом поезжай домой и выспись. Завтра будет новый день».

Сегодня в клубе было малоллюдно. Вечер посвящался памяти рок-звезды, безвременно ушедшей от передоза, и зеркальный шар рассыпал над танцующими пурпурные искры. Танцоры двигались, как обреченные любовники, и терлись друг о друга под медленные, чувственные песни. Стихи были о любви и сексе – что-то вроде «слились в поцелуе» и «твой пот остался на моем теле...».

Энджи встрепенулась, взяла бокал и пригубила, но даже вкус сегодня был не тот. Она замерла, когда молодой человек у дальнего конца стойки перехватил ее взгляд. Высокий, темно-русый. Великолепное тело. Твердый подбородок. Красивый широкий рот. Бледно-голубые, как у хаски, глаза. Сердце забилось чаще – Энджи медленно втянула воздух. А что, это вариант. Она сделала еще глоток, глядя над ободком бокала прямо на незнакомца. Ее дерзость немедленно пробудила в нем интерес, и он встал и пошел к ней.

Этот ритуал – выбор жертвы – позволял ощутить приятную силу и власть, когда мужчина подчинялся ее безмолвному приказу, но сегодня привычное удовлетворение не наступило. Вместо этого Энджи снова вспомнились слова Грабловски: «У каждого из нас в сознании формируется программа сексуального поведения, так называемая любовная карта; эти программы закладываются в пубертатном периоде. Но этот сексуальный маньяк, клинически говоря, создал такую любовную карту, где вождение соединяется с фантазиями и практиками, которые либо социально неприемлемы, либо порицаемы, либо служат предметом насмешек, либо влекут за собой уголовное наказание. Его фантазии связаны с агрессией, доминированием, контролем. Он возбуждается при одной мысли о сексуальном насилии...»

Энджи снова тряхнула головой, но не избавилась от эха слов судебного психиатра, равно как и от их удивительно точного резонанса с ее собственным поведением. У нее возникло тягостное чувство, похожее на стыд, – эта зависимость не могла быть родом из детства, она появилась позже, после неудачного романа, и неожиданно оказалась тем, что нужно. Вскоре Энджи без этого уже не могла.

Песня закончилась, и зазвучала другая, мажорная. Жертва приблизилась на расстояние прыжка.

– Привет! – Незнакомец облокотился о стойку, нависая над Энджи,

совсем как Мэддокс в ту ночь. – Что ты пьешь? – кивнул он на ее бокал.

Энджи глядела ему в глаза – голубые, как лед, настолько бледного оттенка, что взгляд казался почти нечеловеческим.

По спине отчего-то пробежала дрожь.

Неожиданно для себя она положила на стойку ладони, сосредоточилась и легко встала с высокого стула.

– Спасибо, но я не одна.

Пробившись сквозь танцующих, она вышла из клуба в холод, мрак и морось, но ей вдруг стало нестерпимо горько, и Энджи с силой пнула стоявшую у стены урну своим байкерским ботинком со стальным мыском. Она пинала несчастное ведро, с каждым ударом выбрасывая из себя мучительную тревогу, и гулкие звуки корежащегося металла летели в ночь. Черт, черт, черт... От слез щипало глаза. Энджи было плохо, она горела, как в огне, страшно тоскуя по тому, кто мог бы все поправить, – так наркоманы желают заветной дозы. Но быть с Мэддоксом – значит, быть слабой. Он украл у нее единственный способ расслабиться.

И заменил пробуждающейся смутной тягой к чему-то иному, которого, как казалось Энджи, ей не достичь... Он заставил ее желать большего. Она захотела стать другим человеком, но не знала, как это сделать.

Глава 43

Четверг, 14 декабря

Уже к концу дня Мэддокс с Паллорино подъехали к собору Св. Оберна возле католической больницы Сент-Джуд. Да, теперь Мэддокс и про себя называл временную напарницу Паллорино. Он проработает с ней до конца расследования, затем Паллорино вернется в отдел по борьбе с сексуальными преступлениями, и он сможет про нее забыть.

Они приехали наблюдать за похоронами Драммонд. Грабловски считал, что преступник, которого они ищут, следит за новостями, наведывается на места своих преступлений и склонен посещать подобные события, чтобы насладиться своей сомнительной славой. После похорон детективы планировали поговорить со священником. Обычно по четвергам в соборе репетировал университетский хор, но сегодня девушки будут петь на погребальной мессе, чтобы почтить память подруги.

Весь день Мэддокс и Паллорино сторонились друг друга и избегали глядеть в глаза, пока отчитывались, обсуждали версии, соображения и улики. Мэддокс встретился с Базьяком и надежным человеком из офиса прокурора, чтобы решить, достаточно ли у них оснований запросить образцы ДНК Джейдена Нортон-Уэллса и Зака Рэддисона: оба брютеты и представляли интерес для следствия. Но государственный обвинитель, изучив обстоятельства, сразу сказал, что ордера на взятие образца ДНК, который в перспективе будет принят в суде, им никто не даст, учитывая высокое положение семей молодых людей и тот факт, что Джойс Нортон-Уэллс – главный государственный обвинитель провинции Виктория. Доказательства нужны солидные и неопровержимые, поэтому необходимо сперва расставить все точки над *i* и палочки на *t*, прежде чем идти к судье.

Оставалось надеяться, что результаты из лаборатории, которые уже начали поступать по найденным на Тетисе уликам, укрепят их позиции.

Мэддокс и Паллорино выяснили, что у всех – отца и сына Джексов, Зака Рэддисона и Джейдена Нортон-Уэллса – имеются действующие лицензии на управление прогулочными яхтами, что доказывало – они undoubtedly способны водить небольшое судно, потенциально знакомы с местными течениями и ориентируются среди островов. Автомобили тоже были у всех четверых.

Конечно, даже с натяжкой сложно было допустить, что кто-то из этой

четверки соответствует сделанному Грабловски психологическому портрету зверя-одиночки – сексуального маньяка, садиста и психопата. Однако все четверо явно что-то скрывали.

Хольгерсену и Лео поручили заняться контактами и передвижениями Джона Джекса. Лео утром явился молчаливый и угрюмый, оберегая ушибленную челюсть и подрагивая от сильнейшего похмелья. Он держал рот закрытым и избегал как Мэддокса, так и Паллорино. Было ясно, что вчерашний инцидент исчерпан.

– Можно попросить Нортон-Уэллса и Рэддисона добровольно сдать образцы ДНК, чтобы их можно было исключить, – сказала Паллорино, когда Мэддокс остановил «Импалу» у собора. Она была очень напряжена, снова оказавшись с ним наедине, говорила отрывисто и смотрела в сторону. – Хоть будем знать, не им ли принадлежат черные волосы, найденные на теле Хокинг.

Мэддокс выключил мотор и глубоко вздохнул. Подчеркнуто глядя на лобовое стекло, залитое дождем, он сказал:

– Мы рассматривали такой вариант, раз у нас нет достаточных оснований для получения ордера у судьи, но Базьяк не желает рисковать – их адвокаты могут потребовать признания доказательств недействительными, а оспорить нам пока нечем. Они могут переключиться в аварийно-спасательный режим и завести расследование в тупик, перекрыв нам потенциальную возможность задавать какие-либо вопросы. Базьяку нужны еще доказательства, чтобы основания для запроса ДНК были резонными и правдоподобными, и он по-прежнему требует держать в строжайшей тайне связь между сыном заместителя генерального прокурора и помощником мэра. В частности, из-за неведомого информатора в полицейском управлении.

– Когда он тебе это сказал?

– Сегодня утром, на совещании с юристом.

Энджи ошеломленно уставилась на Мэддокса:

– Почему меня не пригласили? Базьяк мне не доверяет, что ли?

– Я не знаю, кому он доверяет. Расследование поручено мне, вполне логично, что он вызвал к себе меня.

– А почему ты мне об этом не сказал?

– Вот сейчас говорю.

Энджи выругалась, выскочила из машины, грохнув дверью, раскрыла черный зонт и взбежала по ступеням собора. Мэддокс нагнал ее у входа. Стоя у дверей, они смотрели, как подъезжают машины и люди проходят на мессу. Вообще наблюдателей в штатском была полная улица. Двое

снимали толпу на видеокамеру. Похороны «кладбищенской девушки» привлекли внимание многих, в том числе представителей СМИ. Мэр Киллион в своем заявлении для прессы сказал, что тоже посетит похороны, дабы отдать дань уважения покойной, не упустив, однако, возможности подчеркнуть, что срочные меры уже принимаются, гайки закручиваются и город вот-вот станет безопасным.

– Вон Киллион подъехал, – сказал Мэддокс, кивком указывая на черный таункар.

– Ублюдок, – прошептала Паллорино, глядя, как мэр выходит из машины в сопровождении Рэддисона. – Использует панихиду по несчастной девчонке как политический митинг...

Толпа все прибывала, но не было видно ни Нортон-Уэллса, ни Джонов Джексов, младшего или старшего. Вдруг Паллорино словно окаменела. Мэддокс, обратив на это внимание, тут же спросил:

– Что?

– Ничего.

– От ничего ты бы не напрягалась. В чем дело?

– Вон тот высокий блондин у западного выхода, в шапчонке и черном пальто... Я его уже видела.

Будто почувствовав на себе их взгляды, человек повернул голову и замер при виде Паллорино. Даже отсюда Мэддокс разглядел, какие у него бледно-голубые глаза.

– Где? – тихо спросил он.

– Вчера, в одном месте.

– Почему ты так поступила? Зачем ты поехала в клуб?

– Почему ты решил, что я ездила в клуб?

– Я за тобой проследил.

– Что?! – Энджи чертыхнулась. – Это не твое дело!

– Ты сделала так, что теперь мое дело.

– Да отвянь! – прошипела она, яростно сверкнув глазами. На скулах выступили красные пятна. – Отвали из моей жизни, ясно? И не ездь за мной!

– Ты трахнула этого блондинчика? Поэтому он на тебя так смотрит?

Молодой человек уже спускался по ступенькам и скоро смешался с толпой на тротуаре.

– Я сказала, это не твое дело!

Мэддокс еле сдерживался. Шея напряглась. Он приказал себе не стискивать кулаки, а делать свою работу – рассматривать тех, кто пришел проводить Грейси Драммонд. Блондинистого Адониса в толпе он больше

не видел и старался не представлять обнаженную Энджи верхом на нем: от этого гнев вскипал только сильнее.

– Ты и сам не святой, – буркнула Энджи.

– Я в этот клуб один раз приходил!

– Ну да, как же!

– Это правда. Приезжал мой приятель с материка, сказал, что мне нужно развлечься и обзавестись личной жизнью. Пообещал дождаться меня в клубе и так и не пришел. Я уже хотел уходить, но тут появилась ты.

– И я оказалась дешевле, чем шлюха.

– Ты сделала предложение, от которого я не смог отказаться! Подай теперь на меня в суд.

От обоюдной ярости между ними даже испарился холодный туман. Атмосфера ощутимо накалилась, едва не потрескивая от сексуального притяжения. На город опускались сумерки. Наконец из собора полились звуки органа. Дождь громче застучал по зонту Паллорино.

– Папа?

Детективы обернулись.

– Джинни? – Мэддокс знал, что дочь поет в университетском хоре и сегодня придет, но не ожидал увидеть ее с Ларой Пеннингтон. Лара сверкнула глазами на Мэддокса, потом на Паллорино, что-то шепнула Джинни на ухо и поспешила в собор.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Джинни у отца, подчеркнуто разглядывая Энджи.

– Я веду расследование.

– Тут похороны, папа!

– Давно ты знакома с Ларой? – спросил Мэддокс, стараясь одним глазом следить за редющей толпой. – Неужели вы подруги?

Джинни нахмурилась:

– А что?

– Джинни, ответь на вопрос.

– Увидела ее сейчас в автобусе, вместе дошли. Лара дружила с Грейси.

Она тоже учится в нашем университете и поет в хоре. Мы...

– Джинни, я не хочу, чтобы ты с ней общалась.

– Что та-ко-е?!

– До окончания расследования я прошу держаться от нее подальше.

У Джинни даже рот приоткрылся, и она изумленно уставилась на отца. Паллорино, не выдержав, тоже покосилась на напарника.

– Джинн, – тихо начал Мэддокс, – по городу бродит убийца, охотясь за...

– О, и ты решил, что он вдруг с чего-то кинется на меня? Иисусе!

Двери собора уже закрывали.

– Слушай, когда месса закончится и вы споете, пожалуйста, дождись меня, я отвезу тебя домой. Ладно?

– Иногда, – тихо сказала Джинн, еще раз смерив Энджи взглядом, – я очень жалею, что ты переехал в Викторию.

Она взбежала по оставшимся ступенькам и исчезла за высокими дверями.

– Ты бы на нее не давил, – тихо сказала Паллорино.

– Полезный совет от бездетной дамочки.

– Но я сама была когда-то семнадцатилетней, и мой отец тоже пытался мне диктовать...

– И погляди, какая прелесть из тебя выросла!

Энджи испепелила его взглядом и тоже ушла в собор. Дверь за ней закрылась.

Повалил мокрый снег, но Мэддокс предпочел ждать снаружи, чтобы поглядеть, не явится ли с опозданием кто-нибудь подозрительный (и не вернется ли тот белокурый Адонис). Минуты шли, становилось все холоднее. Мэддокс сунул руки в карманы и поднял воротник, мысленно ругая себя за то, что так неуклюже все опять получилось с Джинни.

Занятый расследованием, он автоматически отметил, что Джинни внешне очень походит на девушку, которую сегодня хоронят. Совпадают и возраст, и интересы – взять хоть пение в хоре. А рядом крутится эта Пеннингтон, лучшая подруга Драммонд с начальной школы. Лара что-то скрывает и чего-то смертельно боится, за ней следит обладатель черного «Лексуса»... Вряд ли он, Мэддокс, так уж не прав, пытаюсь запретить дочери общение с этой Ларой.

Креститель

Радуйся, Мария, благодатная, Господь с тобою. Благословенна ты в женах, и благословен плод чрева твоего Иисус. Святая Мария, Матерь Божия, молись за нас, грешных, сейчас и в час смерти нашей, аминь.

Уже стемнело. Он караулил девушек на углу, где они будут поджидать автобус до дома. Какое приятное уединение, подальше от толпы и полицейских... Утром он незаметно ехал за Ларой до кампуса и ждал ее до окончания занятий. Он соображал, где ее лучше забрать, выбирая удобное «окошко» в ее расписании... Это становилось все труднее – полиция отрядила машины патрулировать улицы...

Он знал, что сегодня у Лары хор: все газеты писали о похоронах Грейси. Он хотел увидеть это сам. Приехать за Ларой сюда стоило риска, он пошел бы на это, просто чтобы насладиться масштабами дела рук своих – и ощутить знакомое возбуждение.

Ветер донес до него обрывки женских голосов. Идут! Его пульс участился.

В автобусе он осмелился сесть прямо за Ларой и ее новой подружкой так близко, что чувствовал их запах и при желании мог бы коснуться их волос. Лара в последнее время нервничала, часто озиралась, и это тоже затрудняло дело, но сегодня, увлекшись болтовней с подругой, существенно ослабила свою дурацкую бдительность.

Он слышал, как они разговаривали о хоре, о том, как Грейси будут отпевать в красивом большом соборе с блестящими полированными скамьями – в юности он сам помогал их чинить и полировать, пока мать была на исповеди или приносила провизию святому отцу. И заставляла заодно исповедоваться и его, сына.

«Благословите меня, святой отец, ибо я согрешил...» Но я ни разу не признался, что я любопытный скверный мальчишка, которому нравится подсматривать за голыми девочками в раздевалке...»

В соборе Св. Оберна он осваивал азы профессии, когда волонтером полировал церковные скамьи. «Это благородное занятие, сын мой... Иосиф был плотником, и даже Иисус занимался семейным ремеслом, прежде чем

исполнить свою миссию...»

Девушки почти поравнялись с ним. Он отступил в дверную нишу и ждал там в тени. От возбуждения кожа покрылась мурашками. Вторую девушку звали Джинни. Из разговора в автобусе он узнал, что отец Джинни – детектив Мэддокс, тот самый, который ведет это расследование вместе с детективом Паллорино. На днях он видел Мэддокса у дома Лары и вдруг понял, что небеса подают ему знак.

И новый план, гораздо значительнее и масштабнее жалкого кружка девочек, которых он должен спасти, несравненно тоньше и изощреннее, шевельнулся в его мозгу, щекотнув похоть. Большой замечательный план с участием Джинни Мэддокс.

Глава 44

– Да, я лично знал Грейси, – отозвался отец Саймон, снимая через голову широкую фиолетовую ризу. С грустной улыбкой он открыл шкаф, вставил в ризу вешалку и повесил ее на перекладину рядом с похожими облачениями красного, черного, зеленого и белого цветов. – Лорна Драммонд потребовала фиолетовую, – объяснил он, приглаживая волосы. – Сочла, что традиционный черный слишком формален для службы по ее Грейси. Ей хотелось акцента на скорби и искуплении грехов...

Из своего католического прошлого Энджи знала, что каждому событию в годовом цикле богослужений соответствует риза своего цвета: зеленая – для ежедневных служб, белый цвет – символ одержанных побед, например воскресения Христа, красный символизирует Святую Троицу, языки пламени и кровь, пролитую мучениками во имя Господа. Черное же облачение традиционно надевалось священником для заупокойных месс.

Детективы и священник стояли в ризнице, примыкавшей к главному нефу; здесь традиционно хранились облачения, церковная утварь, священные сосуды и приходские книги. Сняв ризу, отец Саймон остался в классическом белом подризнике, подхваченном синктурой – шнуром, символизовавшим целомудрие. Священник оказался неожиданно молодым и красивым, с точеными чертами, фигурой триатлониста и светло-карими глазами. Взгляд у отца Саймона был ясным, энергичным, выдававшим внутреннюю силу, которую Энджи находила сексуальной, манкой и несколько контрастировавшей с символом целомудрия на талии священника. Она готова была поспорить, что среди многочисленных прихожанок, молодых и не очень, не одна находит отца Саймона соблазнительным, и не в последнюю очередь потому, что он поклялся блюсти чистоту и умерщвлять плоть, посвятив себя Богу.

Любопытно, что обратило этого полного сил, молодого мужчину в веру? Какие тайны кроются в его прошлом?

– Грейси спрашивала моего совета, когда решила вновь стать образцовой католичкой, – рассказывал отец Саймон, развязывая пояс и расстегивая и снимая подризник, под которым оказались черные брюки и черная рубашка на пуговицах. Да, фигура у него прекрасная, этого не отнять. Он поправил белый стоячий воротничок. – С того дня она ни разу не пропустила воскресной мессы, разве что бывала совсем уж больна, она

пела здесь вместе с университетским хором.

– Вы считаете, что сыграли роль в спасении Грейси, святой отец? – спросил Мэддокс.

Несколько секунд отец Саймон взвешивал вопрос. Его глаза стали серьезными.

– Вы имеете в виду, выкручивал ли я ей руки, угрожая адом и вечным проклятием, если она не вернется в лоно католической церкви?

Мэддокс промолчал, но взгляда не отвел.

Отец Саймон вздохнул:

– Грейси вернулась к вере по своему желанию. Это была воля Господа. – Он повесил подрезник на вешалку.

– Она делилась с вами какими-то страхами или опасениями? Может быть, говорила, что ее преследуют или следят за ней? – спросила Энджи, в который раз недоумевая, почему ее семья вдруг прекратила всякие сношения с церковью.

– Нет, – ответил отец Саймон, закрывая шкаф.

– А что-нибудь можете нам рассказать, чтобы нам узнать о ней больше? – спросила Энджи.

Взгляд священника на мгновение потемнел, точно на дне глаз прошло облако. Или ей это показалось? Энджи пристально смотрела в эти ясные светло-карие глаза, дожидаясь, когда в них снова мелькнет нечто темное.

– Да пожалуй, что нет... Она была доброй, нежной, очень набожной. Строила планы на будущее.

– А конкретнее? – спросил Мэддокс.

– В основном о путешествиях.

– Наверное, с молодым человеком? У нее был парень, о котором вам известно?

– Я не могу ответить.

– Не можете или не хотите?

И снова отец Саймон некоторое время изучающе смотрел на Мэддокса, оставаясь, впрочем, обезоруживающе добрым и благожелательным. Однако Энджи уловила скрытую враждебность между собеседниками – либо же Мэддокс делал из себя дурака, все еще раздраженный пикировкой у собора.

– Я считаю, у нее был молодой человек, к которому она относилась по-особенному, – помолчав, ответил отец Саймон. – Но кто он, мне неизвестно.

Он спокойно ожидал дальнейших вопросов, снисходительный, как к нетерпеливым детям, которые со временем научатся. Атмосфера

старинного собора с его величием и историей странно действовала на Энджи: ей очень захотелось на воздух. Она откашлялась, испугавшись, что это начало очередной галлюцинации.

– А есть ли кто-то в вашей конгрегации или среди тех, кто следит за зданием и коммуникациями, или ухаживает за садом, или выполняет в приходе какие-то административные обязанности, тот, кто мог испытывать повышенный интерес к Грейси Драммонд? – спросила она.

– Вы считаете, на нее напал кто-то из наших прихожан?

– Кто бы на нее ни напал, святой отец, он осуществляет свои сексуальные фантазии в сильном религиозном контексте. Вероятнее всего, под католическим влиянием.

– Почему именно под католическим?

Энджи взглянула на Мэддокса. Тот едва заметно кивнул.

– Мы считаем, что после жестокого изнасилования он погружает своих жертв в воду, символизируя крещение. Очищает их во имя Божие. После этого он оставляет им на лбу знак креста и отрезает части тела, чье функциональное назначение ограничивается получением женщиной удовольствия от половых сношений. Кроме того, умирающую Грейси преступник положил к стопам Девы Марии.

Энджи не сводила взгляд с отца Саймона, но тот и бровью не повел.

– Символы распятия и крещения не обязательно указывают именно на католика. Крещение с погружением применяется или применялось во многих направлениях в христианстве.

Энджи взглянула на Мэддокса, чтобы убедиться, что он не против раскрытия толики секретной служебной информации, пусть даже она уже просочилась в СМИ. Мэддокс слегка кивнул. Глаза его по-прежнему были гневными.

– Во время нападений он произносит особые слова и заставляет жертв давать определенные ответы, прежде чем насилует их. Фразы и ответы взяты из формулы католического крещения, – пояснила Энджи. – Священник, в частности, спрашивает родителей крестимого: «Отрекаешься ли ты от Сатаны и всех дел его и всех искушений его? Отрекаешься ли от соблазнов несправедливой жизни, чтобы грех не господствовал над тобой? Отрекаешься ли ты от Сатаны, виновника и князя греха?» – Энджи помолчала, глядя на священника. – А крестные родители должны отвечать «Отрекаюсь» на каждый вопрос, прежде чем их крестник будет окроплен святой водой, после чего священник рисует знак креста на лбу ребенка. Все верно?

Отец Саймон медленно кивнул.

– Но это не значит, что он из нашего прихода.

– Это же церковь Грейси, святой отец! Она сюда ходила, пела здесь. Учитывая религиозный, а конкретно – католический контекст преступлений, нетрудно представить, что она именно здесь повстречала человека, возможно, раздираемого внутренними противоречиями в отношении греха и вожделения... – Энджи снова ощутила неловкость, пробудившуюся в клубе от слишком очевидных параллелей с ней самой.

Священник глубоко вздохнул и потер подбородок. Светло-карие глаза прищурились, и энергии в них поубавилось.

– Подходит кто-нибудь под это описание? – спросила она.

Отец Саймон покачал головой:

– Мне очень жаль, но, боюсь, я вам ничем помочь не смогу. – Он взглянул на часы на стене: – У меня встреча через десять минут. Я вам еще нужен или мне можно идти?

Энджи не покидало чувство, что отцу Саймону есть что сказать, но он не имеет права или не желает поделиться.

– Еще несколько вопросов. Вы знаете Джона Джекса? – Она выложила на стол два снимка из онлайн-новостей: Джекса-старшего и Джекса-младшего.

Священник пристально взгляделся.

– Нет, по-моему, нет.

– А Джейдена Нортон-Уэллса? – Энджи добавила фото Джейдена, тоже взятое из интернета.

– Семейю Нортон-Уэллс я знаю очень хорошо, – сказал отец Саймон, взглянув на снимок. – Они не из нашего прихода, но ревностные прихожане другой большой католической общины. Щедрые прихожане.

– Грейси с Джейденом сюда ни разу не приходили?

– Насколько мне известно, нет.

– Она когда-нибудь говорила, кто подарил ей медальон со святым Христофором?

Лоб священника пошел морщинами:

– Нет.

– А с Фейф Хокинг вы знакомы?

– Только из газет, – вздохнул отец Саймон. – Помилуй, Господи, души этих бедных созданий. А теперь, если не возражаете, я вас провожу. – Он сделал жест в сторону двери.

Детективы покинули ризницу и вслед за священником прошли по центральному проходу между рядов полированных деревянных скамей. Паника, подобно пару, с шипением вырывающемуся из трещин, заполняла

извилины мозга Энджи.

Соберись! Сосредоточься!

В последнем ряду на коленях стояла женщина, склонив голову и перебирая четки. У Энджи мелькнуло смутное воспоминание при виде двух исповедален по обе стороны от последней скамьи.

Над дверьми исповедален горели белые, с зеленоватым оттенком, лампочки, означавшие, что желающий исповедаться может войти. Красный свет означал, что внутри кто-то признается священнику в своих грехах.

Энджи остановилась и повернулась к отцу Саймону:

– Вы когда-нибудь исповедовали Грейси, святой отец?

Священник взглянул на молящуюся и ответил вполголоса:

– Давайте поговорим вон там.

Он провел детективов в своего рода переднюю собора и остановился у чаши со святой водой.

– Детектив Паллорино, вам наверняка известно, что тайна исповеди священна. Долг клирика – никогда не открывать то, что он услышал от кающегося во время исповеди.

Пульс Энджи участился: значит, отец Саймон что-то знает. Она почувствовала это, читала в его взгляде.

– Если Грейси вам что-то сказала и это может помочь нам найти того, кто с ней такое сделал, это спасет многих девушек от чудовищной...

– Меня лишат сана, – сухо ответил священник. – Я скорее умру, чем нарушу тайну исповеди.

Сердце Энджи забило еще быстрее. Она ощутила, как изменилась исходившая от Мэддокса энергия.

– Даже верховный суд провинции не сможет заставить меня нарушить клятву, – добавил отец Саймон. – Кстати, юридически меня защищает закон о конфиденциальности информации...

– Пусть так, – согласилась Энджи. – Но есть судебное постановление, что священник обязан сообщать о любых подозрительных контактах, замеченных вне стен исповедальни. Возможно, Грейси упоминала что-то во время обычной пастырской беседы, а в этом случае конфиденциальность имеет свои пределы.

Несколько долгих секунд длилась дуэль взглядов, и трещина, пробежавшая по броне этого красивого молодого священнослужителя, подалась и начала углубляться.

– Ваша работа – искать убийц, – тихо сказал он, – а моя – спасти души.

– Так вы спасли душу Грейси? – вскинулась Энджи. – Подумайте, что она вынесла – страх, муки, боль, пока какой-то психопат-извращенец

пытался «спасти ее душу» по собственным перевернутым понятиям! Поверьте мне, святой отец, страдания она перенесла нечеловеческие, от них вы ее не спасли. Но можете спасти других, если не будете сейчас скрывать важную информацию.

– Каждый из нас несет свой крест, детектив...

Ее охватило отчаяние. Энджи открыла рот, чтобы возразить, но тут зазвонили соборные колокола, и она сбилась с мысли. К первым колоколам присоединились новые, и шум стоял оглушительный: от трезвона на колокольне огромный каменный неф резонировал, словно гигантский колокол. Увидев, что напарница стоит как потерянная, Мэддокс встревожился.

– Пожалуй, у нас все, – сказал он. – Благодарю вас, святой отец.

Он нажал на тяжелую деревянную створку двери, за которой открылась зимняя ночь, когда отец Саймон вдруг сказал:

– Грейси переживала внутренний конфликт. Это я вам могу открыть.

– Конфликт в связи с чем? – тут же спросил Мэддокс, не отпуская дверь. Снаружи колокольный звон был еще громче. Через дверной проем Энджи видела в свете уличного фонаря, что мокрый снег превратился в мягкие крупные хлопья. Отчего-то ее бросило в жар, а во рту пересохло.

Голос отца Саймона долетал будто издалека:

– Выполняя пастырский долг вне стен исповедальни, я узнал, что Грейси Мэри стыдилась своих беспорядочных половых связей.

Энджи попыталась схватиться за эти слова, сосредоточиться и задать вопрос, но в голове стоял туман. Страх разгорался, как костер от ветра, от этого колокольного звона, падающего снега и запаха озона и металла, который несло в открытую дверь. Время растягивалось, как эластик, искажая все вокруг.

– Простите, в каком смысле? – переспросил Мэддокс.

– Сказанное Грейси позволяло предположить, что у нее регулярно был секс с разными партнерами, и она мучилась угрызениями совести.

– Она вам это сказала? Не на исповеди, а так? – уточнил Мэддокс.

– Да.

– Довольно интимное признание для беседы молоденькой девушки и священника. Почему у вас зашла об этом речь? Какие отношения связывали вас с Грейси? – спросил Мэддокс.

– Она пробовала на мне свои женские чары.

– Грейси Драммонд пыталась вас соблазнить?!

Колокола зазвонили громче.

– Когда я спросил, зачем она это делает, выяснилось, что Грейси

была... эмоционально зависимой. Ей была необходима любовь, симпатия. Мне кажется, ей было одиноко – отец бросил семью, мать пропала на работе. В детстве ее тоже травили и не желали принимать. Из того, что она мне рассказала, я сделал вывод, что, отдаваясь, она как бы покупала внимание мальчиков, а вслед за этим – интерес одноклассниц. Секс сделал Грейси популярной в школе. Насколько я понял, это и была подоплека ее романа с прежним мальчиком.

– Риком Батлером? – уточнил Мэддокс.

– Кажется, да.

– Она что-нибудь рассказывала о своем новом бойфренде и других мужчинах, с которыми якобы спала?

– Я сказал вам что мог, детективы. Теперь я должен идти.

– Когда вы сами в последний раз видели Грейси? – спросил Мэддокс.

Открылась внутренняя дверь, и вышла прихожанка, которая молилась у исповедальни. Створка двери начала медленно закрываться, и тут из собора полились звуки органа – разыгрывался органист. Мальчик-певчий запел изумительным высоким альтом:

– Аве, Мари-и-и-я...

Энджи охватил ужас.

Она поглядела на дверной проем, ведущий на улицу. Сердце готово было выскочить из груди.

– В позапрошлом воскресенье, – ответил священник. – На мессе, во время святого причастия.

– Спасибо, святой отец, – пробормотала Энджи и выбежала из собора под снег. Пушистые хлопья парили в туманных гало вокруг уличных фонарей. Колокола отдавались оглушительной какофонией в ущельях дворов и уступах зданий, становясь все громче... громче... громче... Энджи уставилась на красный крест над входом в приемный покой больницы на другой стороне улицы. Безумие кружащихся снежных хлопьев, трезвон, от которого закладывало уши, светящийся красный крест, молитва, потонувшая в звоне колоколов – все это слилось в оглушительный рев у нее в голове:

– Беги, беги! *Утекай, утекай!*

Голос Мэддокса доносился до нее как в тоннеле:

– Что ты думаешь об этом целомудренном святоше и его отношениях с Грейси? Ничего себе у них была тема для разговоров – секс!

Они проходили под горгульями Сент-Джуд, направляясь к красному кресту над больничным входом. Как они сюда попали? Неужели перешли улицу? Знак креста совсем близко.

– Забирайся сюда! *Вскакуй до шродка, шибко! Шеди тихо!* Сиди тихо!

Пронзительный женский крик прорезал многоголосый звон, и наступила мертвая тишина. Энджи ничего не слышала и не видела, кроме красного креста, просвечивавшего сквозь густо валивший снег. Она ослепла. Опасность. Боль. Повсюду. Они идут...

Ее рука нырнула под куртку, к бедру. Быстрым привычным движением Энджи выхватила из чехла свой нож из углепластика, выпустила лезвие и пригнулась, чуть согнув ноги в коленях...

Глава 45

Мэддокс даже остановился от удивления: рядом с ним Паллорино замерла, присев, как для броска – тяжелые байкерские ботинки будто приросли к земле. Лицо мертвенно-бледное, глаза – два черных провала – невидяще уставились на вход в отделение неотложной помощи. Она медленно покачивалась из стороны в сторону, вода перед собой лезвием ножа.

– Паллорино?

Она резко повернулась на звук его голоса, учащенно дыша открытым ртом, и махнула ножом, едва не задев.

– Энджи, ты чего?

Она сделала молниеносный выпад. Мэддокс чудом успел отскочить.

– Иисусе, Паллорино, что ты творишь?!

Ее кожа блестела от пота. Мэддокса охватило волнение.

– Энджи! Ты меня слышишь? Ответь мне!

Она снова атаковала, метя ножом ему в живот. Мэддокс схватил ее за запястья и вывернул руки вправо, увернувшись от лезвия.

– Брось нож, – приказал он, больно крутя ей руки.

Энджи завопила что-то неразборчивое, будто на чужом языке. Мэддокс перенес упор на левую ногу, не отпуская запястий Паллорино – это заставило ее потерять равновесие и невольно согнуться, но она удивила его, не стала вырываться, а повторила его движение и одновременно правым локтем ударила в нос снизу вверх. От боли в глазах у Мэддокса вспыхнули искры, а во рту, в горле, появился вкус крови. Глаза защипало от выступивших слез.

Энджи вырвалась и отскочила назад, снова пригнувшись для атаки. С дикими, блестящими глазами она махала ножом, загнав Мэддокса к нише в стене. Она убила бы его, если бы могла, – в этом он не сомневался. Он подумал о пистолете в кобуре, но вместо этого успокаивающим жестом выставил ладони, хотя из глаз лились слезы, а из носа текла кровь. На всякий случай он незаметно встал так, чтобы выхватить пистолет, если придется.

– Все нормально, – громко сказал он, – все нормально. Это всего лишь я, Мэддокс, Джеймс Мэддокс. Твой напарник, Энджи. Паллорино, ради бога, успокойся!

Она бросилась на него и нанесла удар – кончик ножа прорезал рукав плотного шерстяного пальто. Но Мэддокс использовал инерцию движения и пропустил Паллорино вперед, отправив ее плечом в стену, после чего рывком завел руки за спину и выкручивал запястья, пока нож не выпал на асфальт.

Сердце тяжело стучало в груди. Мэддокс давился и кашлял, отплевываясь собственной кровью, но продолжал прижимать Паллорино к стене, доставая из кармана пластиковые путы – такими она привязала его к кровати в мотеле. Зафиксировав руки, Мэддокс, по-прежнему удерживая напарницу, нагнулся и поднял нож, убрав лезвие. Сунув нож в карман, он заодно отобрал у Энджи и служебный пистолет.

Ее тело начало содрогаться, будто в конвульсиях.

– Энджи? – дрогнувшим голосом позвал Мэддокс и снова закашлялся. Она повернула голову, словно ища источник голоса.

Он медленно развернул ее к себе. В глазах Энджи Паллорино стоял страх, но зрачки были почти нормальные, взгляд осознанный. Она уставилась на его лицо, залитое кровью, затем перевела взгляд на пистолет в его руке, снова медленно подняла глаза на обезображенное лицо, и ее черты искажил ужас. По щекам покатились слезы, а крупная дрожь превратилась в настоящие судороги.

– Все нормально, Энджи, – говорил Мэддокс, убирая ее пистолет к себе в карман. – Все будет хорошо. – Он обнял ее – прямо со связанными за спиной руками, и кровь из его носа закапала ей на куртку. Энджи приникла к нему, перестав сопротивляться. Мэддокс погладил ее по мокрым волосам. – Все будет хорошо. – Он взглянул на дверь больницы. – Ты только не волнуйся, я сейчас медленно отведу тебя в приемный покой. Надо найти того, кто тебе поможет.

Задохнувшись, Энджи испуганно вскинула голову.

– Нет, – хрипло прошептала она, – пожалуйста, только не туда.

В глазах снова появилось странное, дикое выражение.

Мэддокс, давясь кровью, стекавшей по задней стенке горла, выплюнул кровавую слизь на снег.

– Я туда не пойду, – повторила Энджи.

– Пойдешь. Ради меня. Ты нужна мне там, понимаешь? Ты, похоже, сломала мне нос. Я без тебя не дойду, ясно?

– О господи... Вот блин... Вот блин...

– Пойдем...

Он обнял ее за плечи и повел ко входу в отделение неотложной помощи Сент-Джуд.

卅

Глава 46

Темноту над заливом лишь немного рассеивали нитки цветных рождественских гирлянд, которыми владельцы яхт обвили ванты, и кое-где светились окна кают. Мокрый снег летел косо, яхты покачивались на волнах, вода плескалась и клокотала вокруг корпусов, и фалы бились о мачты.

– Осторожно, палуба скользкая, – предупредил Мэддокс, подавая руку.

Энджи уставилась на протянутую руку, переполняемая предчувствием, что если она сейчас примет ее, то пройдет некую точку невозврата. Если она позволит провести себя на эту старую деревянную яхту, она будет обязана поделиться с Мэддоксом секретами, тайнами, неуверенностью и страхами, о которых больше никто не знает. И это будет стоить ей работы.

Но она понимала – если она с ним не пойдет, это тоже будет стоить ей работы.

– Энджи! – окликнул ее Мэддокс. Они уже давно оставили официальные манеры и профессиональную корректность. Она напала на него и пыталась убить. Она чуть не сломала ему нос – лицо распухло, под глазами уже проступили фиолетовые синяки. Энджи не знала, как благодарить его за то, что он не потащил ее к врачу силком, когда ей пришлось зайти с ним в больницу, а привез сюда, сказав, что присмотрит за ней, пока она обдумывает имеющиеся варианты.

«Энджи, тебе нужно к профессионалу. Я не могу с тобой работать. Я не могу доверять напарнику, который будет то и дело слетать с катушек и бросаться на меня с оружием. Ты же опаснее преступников, за которыми охотишься... Я не могу спустить это на тормозах».

Глубоко вздохнув, она медленно подняла голову и встретилась с ним взглядом. Глаза Мэддокса казались черными и бездонными, и Энджи решила – ухватившись за его руку, ступила на палубу. Он повел ее в свою каюту.

Спустившись по крутой лестнице через люк, Паллорино наткнулась на Джека-О, свернувшегося на коврик из овечьей шкуры. Пес зарычал на нее горловым рыком, будто намекая: не покушайся на мою территорию, и, может, я тебя не кусну.

Мэддокс, казалось, заполнял собой всю уютную гостиную, где нашлось место и для встроеной кухоньки. Он поглядел Энджи в глаза. Его

собственные, над повязкой на переносице, были налиты кровью. Завтра придется что-то объяснять коллегам. Энджи похолодела при виде того, как она отделала напарника, и с ужасом представила, что он может рассказать в управлении.

– Я еще раз прошу прощения, – в сотый раз покаянно повторила она.

В его глазах появилась забота – и не только. Энджи не произнесла ни слова с той минуты, как они покинули Сент-Джуд. Мэддокс до сих пор не вернул ей нож и служебный пистолет. Ее так и подмывало возмутиться, возненавидеть напарника за то, что он увидел ее в таком состоянии, развернуться и уйти, сделав вид, что ничего не было. Но логика подсказывала, что ей действительно нужна помощь, хотя Энджи не знала, как ее получить, не рискуя карьерой.

– Присядь, – сказал Мэддокс, включая газовый обогреватель и открывая кухонный шкафчик.

Энджи тяжело вздохнула, откинула со лба мокрые волосы и стянула куртку. Присев на узенький диван в тесной гостиной, она сняла ботинки. Мэддокс достал два бокала и бутылку скотча, щедро плеснул в каждый и принес один ей. Джек-О настороженно следил за ними со своего коврика и снова зарычал, когда Мэддокс подал скотч Энджи.

– Спасибо. – Ей пришлось взять бокал двумя руками, так они тряслись, и удалось сделать большой глоток виски, не пролив. Она снова глотнула и закрыла глаза, ощущая, как горячий комок скатывается в желудок. Дрожь начала отпускать. Энджи открыла повлажневшие глаза и взглянула на Мэддокса. В его взгляде читались вопросы, забота, сочувствие.

Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но промолчала, а Мэддокс не настаивал. Он снял свое пальто и повесил его и пальто Энджи на крючки у трапа. Вернувшись на крошечную кухню, он открыл пачку собачьего корма и насыпал полную миску. Поставив еду на пол рядом с поилкой, Мэддокс посвистел.

Джек-О поднялся с коврика и подковылял на трех ногах, недоверчиво косясь на Энджи. Хрустя собачьим кормом, он не сводил с нее черных блестящих глаз.

От резкого порыва ветра яхту качнуло – было слышно, как завибрировали снасти. Уютная каюта ничуть не походила на тесный бункер, чего опасалась Энджи. Маленький холодильник был сплошь увешан фотографиями Мэддокса с Джинни, обеденный стол завален книгами и бумагами. Мэддокс присел рядом и глотнул из своего бокала.

– Такое раньше случалось? – спросил Мэддокс. Энджи, держа бокал в ладонях, опустила его на колено.

– Нет. Такого никогда не было.

Мэддокс ждал.

Паника росла. Энджи захотелось убежать. Она бросила взгляд на дверь каюты.

«Ты должна признать, что у тебя проблема...»

– У меня, похоже, начались галлюцинации, – наконец проговорила Энджи. Она подробно описала маленькую девочку в розовом, когда и где она появлялась, что повторяла и на каком языке. Энджи не умолчала и о болезни своей матери, и что первые симптомы проявились у Мириам в таком же возрасте.

Глотнув еще скотча, Энджи коротко усмехнулась:

– Я схожу с ума! Вот, я это сказала. Через десяток лет я буду сидеть в кресле-качалке, уставясь на свое отражение, под присмотром санитаров в «Маунт-Сент-Агнес»...

– Значит, ты там навещала маму?

Энджи бессильно кивнула. Теперь все вышло наружу. Она выпустила из рук контроль над информацией. Штука с секретами в том, что нельзя их никому открывать: что знают двое, знает и свинья. Понятие «поделиться секретом» всегда казалось Энджи чем-то несерьезным.

Мэддокс молча обдумывал услышанное. Тишину нарушали только вой ветра и плеск воды за бортом.

– Не исключено, что у тебя шизофрения, – тихо сказал он.

– Спасибо, утешил.

Он забрал у нее бокал и поставил на маленький стол, к своему, затем взял ее за руки и начал водить большими пальцами круги на ее коже, отчего мягкие нити желания щекотно потянулись к соскам. Энджи вдруг захотелось свернуться в клубочек, как маленькой, и чтобы Мэддокс ее обнял и поцеловал. Эта потребность отдаться под чью-то заботу была для нее внове – подобные мысли не посещали ее с самого детства.

Джек-О, вылизав миску, подошел и улегся у ног Мэддокса, повернув острую морду к ступням Энджи в носках.

– Или посттравматическое расстройство, что вероятнее, учитывая ситуацию с Хашем и той малюткой. Видимо, она и преследует тебя в галлюцинациях.

– А что тебе известно о ситуации с Хашем?

– Я читал отчет об инциденте.

– Зачем?

Мэддокс неопределенно пожал плечами.

– Ты не знал, чего ждать от такой напарницы? Ты на это намекал возле

пентхауса Джекса? Ты сомневаешься в моей способности верно оценить ситуацию, потому что считаешь, что я могла спасти Хаша?

– Наоборот. Меня заинтриговала женщина, которая привязала меня к кровати в мотеле «Лис», – улыбнулся Мэддокс. Улыбка не успела подняться к глазам – он вздрогнул от боли.

– Если это была острота, то не смешно.

Он медленно кивнул. Лицо стало серьезным.

– Но если это посттравматический синдром, как прикажешь понимать невесту откуда взявшийся польский?

– Хм... Может, всплыли подавленные детские воспоминания?

Невольно задумавшись, Паллорино отвела глаза, перебирая в голове события последних дней.

– Нельзя исключать, что стресс от случившегося с Хашем затронул что-то очень глубокое.

– Знаешь, я думаю, мне начала вспоминаться автомобильная авария, в которую мы попали, когда мне было четыре года. Я тогда сильно пострадала, чуть не умерла.

– Шрам у тебя на губе?..

Энджи кивнула.

– Расскажешь?

Она объяснила про Италию и годичный отпуск отца, профессора университета.

– Но, когда я недавно перебирала фотографии, мне показалось, что там перепутаны даты. – Энджи рассказала про несоответствие карандашных пометок, сделанных рукой матери, и реальных событий. Не умолчала она и о словах Мириам про ангелов, вернувших Энджи под Рождество, когда шел снег, и о своих непонятных ощущениях, когда мать вдруг запела «Аве, Мария» мягким сильным меццо-сопрано.

Мэддокс чуть прищурился.

– Стало быть, сегодня все эти раздражители совпали? Вот что случилось? Собор, колокола, Рождество, падающий снег и тот же самый католический гимн?

Энджи вздохнула и потерла ладонями лицо.

– Наверное. Меня охватила беспричинная паника, даже ужас, когда я... то есть мы вышли из собора. Я увидела красный крест над входом в отделение «Скорой», а дальше ничего не помню.

– Дальше ты попыталась меня прирезать, – хмыкнул Мэддокс.

– Прости меня, я дура. – Энджи взяла бокал и залпом махнула остаток скотча.

– Тебе нужно поговорить с профессионалом, с хорошим специалистом...

– И потерять работу, потому что в управлении узнают, что я сумасшедшая?

Мэддокс посмотрел на нее в упор. В его взгляде читалось: «Какой же из тебя работник, если у тебя едет крыша?»

– Ты должна сделать это ради себя, – тихо сказал он. – И ради тех, кто будет рассчитывать на тебя в рискованной ситуации.

Снова услышав от него эти слова, Энджи ощутила дурноту под ложечкой. На ней лежит ответственность перед собой и перед другими. Несколько часов назад она едва не убила своего напарника.

Мэддокс взял ее лицо в ладони и большим пальцем мягко обвел ее губы и шрам.

– Энджи, все может быть очень просто, – сказал Мэддокс. – Больше всего это похоже на подавленные детские воспоминания. Что-то случившееся еще до аварии прорывается в твое сознание в результате наложившихся стрессов – резкого ухудшения у твоей мамы, погибших у тебя на глазах Хаша и маленькой девочки, теперь еще «креститель» этот... Это все раздражители.

– А девочка в розовом?

– Ты сказала, у нее длинные рыжие волосы? Возможно, это версия тебя в том возрасте, когда ты пережила аварию. Не исключена и экстраполяция с Тиффани.

– А польский язык? – не сдавалась Энджи.

– Опять-таки что-то заперто у тебя в памяти. Возле больницы ты кричала какую-то тарбарщину. Может, и по-польски.

Прикрыв глаза, Энджи растворилась в ощущении его ладоней, ласкающих ее лицо, в его надежности. В каюте было удивительно хорошо, и даже тщедушная приبلудная дворняга со скверным характером, уткнувшись носом в ее ступню, комично и как-то очень уютно похрапывала.

– А вдруг я все же унаследовала мамино заболевание?

– В любом случае нужно выяснить наверняка. Ты сказала, что твоей маме много лет удавалось справляться с болезнью, значит, и ты можешь получать лечение и жить нормально.

– Но мне придется уйти из полиции!

– Работа в полиции совсем не похожа на лихой боевик. Вот я детектив со стажем, а погляди, как живу...

Энджи огляделась, замечая свидетельства его одинокого

существования. Мэддокс пытается отремонтировать эту старую посудину, будто стремясь реанимировать прежние мечты о семье, о том, как они все заживут, когда он выйдет в отставку... Взгляд задержался на фотографиях на холодильнике, и сердце Энджи вдруг распахнулось перед этим человеком. Она нащупала его кольцо. Мэддокс несколько мгновений наблюдал за ней, потом молча высвободил руку и снял тонкий золотой ободок. Положив его на стол рядом с бокалом, Мэддокс поглядел Энджи прямо в глаза. Она сглотнула от волнения.

Он наклонился и поцеловал ее.

Прикосновение его губ оказалось мягким и страстным. Колючая щетина на подбородке царапала кожу, когда его рот открыл ей губы, а кончик языка прошелся по шраму, лаская его. Энджи положила ладонь на щеку Мэддокса, следя, чтобы не коснуться места удара, и выгнула спину, чтобы поцелуй стал глубже. Мэддокс начал расстегивать на ней блузку, не отрываясь от губ. Когда он стянул рубашку с ее плеч, Энджи завела руки за спину и расстегнула лифчик. Грудь качнулась, вырвавшись на свободу, и у Мэддокса остановилось дыхание.

– Пойдем, – пробормотал он ей в рот, накрывая тяжелую грудь своей шершавой рукой. – Пойдем в мою постель.

Глава 47

Обнаженная, Энджи сидела на краю кровати, а Мэддокс стоял между ее ног, пока она расстегивала его брюки. Желание росло, неудержимо поднимаясь из самой глубины ее существа. Энджи стянула брюки, высвободив великолепный член, и принялась его ласкать, взяв в рот. Держа Мэддокса за бедра, она обрабатывала его губами и языком. Сильные руки вцепились ей в плечи, пальцы впивались в плоть, а она все стимулировала его внизу, пока Мэддокс не застонал. Намотав на кулак тяжелые рыжие волосы, он остановил ее, оттянув от влажного эрегированного члена и заставив посмотреть на него. Его взгляд, потемневший, опасный, скрестился со взглядом Энджи. Мэддокс толкнул ее на постель.

Она упала на подбросивший ее матрац – волосы разметались по подушке дикой спутанной гривой – и широко развела ноги. Она страшно хотела его. Была так готова для него. Она приподняла бедра ему навстречу. Медленно – мучительно медленно – он прошелся взглядом по ее телу. На шее вверх-вниз дернулся кадык, темно-синие глаза над повязкой стали почти черными от желания. Жилка на шее быстро билась. Энджи чуть пошевелила бедрами, как бы говоря: «Я хочу тебя, иди сюда», обуреваемая жгучим желанием ощутить, как он войдет в нее полностью, во всю длину, растянув ее своим немалым объемом. Легкая признательная улыбка тронула губы Мэддокса, но он не торопясь подхватил брюки с пола и достал из кармана презерватив.

Энджи смотрела, как он закрывает себя, и где-то на краю сознания шевельнулась неловкость: обычно она сама приносила презерватив и надевала его мужчине, а у Мэддокса имелся собственный, в кармане, и хотя это ничего особенного не значило, Энджи показалось, что у нее отняли привычное ощущение контроля над ситуацией. Мэддокс встал над ней, упершись в матрац справа и слева от ее головы, коленями еще сильнее раздвинул ей бедра и приник губами к шее Энджи, дразня и щекоча языком и постепенно опускаясь к левому соску. Сосок сладострастно напрягся, когда Мэддокс прижал его зубами. По телу Энджи распространился нестерпимый жар. Кровь пульсировала внизу живым огнем, отчего половые губы набухли, а клитор напрягся, изнемогая от желания ласк. Рот Мэддокса скользнул ниже, к животу, задержался, обдавая пупок мягким дыханием, и опустился еще дальше, оказавшись между ее ног. Его язык,

теплый и влажный, скользил, обводя ее складки и кружа вокруг клитора. Мэддокс легко прикусил его зубами и потянул. Страстный вопль рос в груди Энджи, заполняя ее всю, она готова была взорваться, и весь мир для нее сузился до этого мгновения, сосредоточился в этом мужчине и этой постели на яхте. Энджи раздвинула бедра как можно шире и подалась ему навстречу, а язык Мэддокса глубже проникал в ее вагину, то погружаясь, то выходя. Прикрыв глаза, Энджи замотала головой по подушке, постанывая, уже не в силах долгие выносить эту сладкую пытку. Ей хотелось ощутить в себе его твердость. Ей хотелось отыметь его, и пожестче. Желание росло, тело блестело от пота, мышцы начали дрожать, и она провела руками ему под мышки, заставив приподнять голову. Согнув правую ногу в колене, она нажала бедром и приподнялась, сиюсь перевернуть Мэддокса на спину, оседлать и насадиться на его великолепный член, а потом, качаясь, тереться клитором о жесткий волос у него в паху – это ощущение она не могла забыть с той ночи в клубе. Но Мэддокс не поддавался.

Схватив ее запястья, он прижал их к подушке над головой, а сам коленом подвинул ее бедро и вошел в нее совсем чуть-чуть. Энджи замерла. Сердце билось в груди кузнечным молотом. Дыхание вылетало часто, коротко, отчего кружилась голова. Она лежала перед ним совершенно беззащитной. Энджи начала извиваться, пытаясь высвободить руки, но Мэддокс был сильнее, гораздо сильнее. Ей никогда не стать такой сильной. Энджи закрыла глаза и слушала, как в ушах шумит кровь. Взрывоопасная смесь самых разных, борющихся чувств вдруг взболтнулась в ней, опалив лесным пожаром. «Покорись, – убеждала она себя. – Будет хорошо. Ты же этого хочешь».

Сперва Мэддокс двигался дразняще медленно, и в Энджи пробудилось напряжение иного рода. Она снова попыталась вырвать руки, но не смогла. Глаза широко распахнулись, дыхание перехватывало.

Одним мощным движением он вошел полностью – Энджи ощутила жесткий волос его лобка. Она беззвучно ахнула, и Мэддокс размашисто задвигал бедрами, погружаясь еще глубже. Ее глаза увлажнились, тяжелое мускулистое тело вдавливалось в матрац, а руки он продолжал удерживать над головой. Энджи готова была кончить, но одновременно в ней рос страх. В отчаянии она снова принялась сопротивляться, бешено брыкаясь и стараясь вырваться. Ей стало нестерпимо жарко, в глазах стояли слезы, но Мэддокс принимал это за проявления удовольствия, за накопившийся эротический голод, и входил жестче и быстрее, в такт ее рывкам. Низкий стон рос в его груди, пот выступил на коже.

– Перестань, – задыхаясь, прошептала она. – Перестань. Хватит!

Он замер, глядя ей в глаза темным, бешеным взглядом. На лице проступило непонимание. Пенис вздрагивал внутри ее.

– Пожалуйста, Мэддокс, – попросила Энджи. – Пожалуйста...

Он сглотнул, мышцы задрожали от происходившей в нем внутренней борьбы, и вдруг он судорожно вздохнул и кончил, не в силах справиться с собой, мощно и сильно, внутри ее, глубоко впившись пальцами в плоть Энджи, и его тело неподконтрольно содрогалось на ней и в ней. Наконец, обессиленный, он медленно лег на нее и перекатился на бок, вынув пенис.

– Энджи? – прошептал он. Взгляд его снова стал прежним, зорким.

Из уголков глаз Энджи Паллорино потекли слезы, капая на его простыни: она по-прежнему изнемогала от желания, но ощущала стыд, подавленность, вину. Мэддокс погладил ее по щеке и отвел с лица влажную прядь:

– Я сделал тебе больно? Что не так?

Энджи покачала головой, не в силах отвечать, не в силах признаться, что происходит, не в силах понять себя. Ей было чудовищно неловко.

– Прости, – пробормотал он, – прости меня.

Она снова покачала головой, желая объяснить, что дело в ней, а не в нем, что он все сделал прекрасно, но волнение душило ее, и она разглядела обиду и разочарование в темно-синих глазах. Мэддокс наклонился, мягко поцеловал ее в губы и выключил лампу. В темноте он накрыл их обоих одеялом и обнял Энджи. Яхта покачивалась на усилившемся ветру, а на своем маленьком коврикe похрапывал Джек-О.

Глава 48

Пятница, 15 декабря

Энджи проснулась, будто всплыв из черной липкой патоки: в этой черноте бежала девочка в розовом сиянии, босиком, с развевающимися волосами. На этот раз у нее в руке была корзинка. Кругом вдруг возникли деревья – высокие, уходящие в небо, и солнечный свет проникал сквозь листву, рассыпавшись золотыми монетками по мягкой весенней траве, из которой выглядывали одуванчики. Энджи откуда-то знала, что это Италия, Рим. Она видела сверкающую морскую гладь, желтое солнце и пологие тосканские холмы, но вдруг небо почернело, послышался скрежет металла, и ей показалось, что она находится в машине, которую крутит и швыряет в разные стороны. Она старалась выбраться из смятой груды металла, убежать от вопля матери: «Беги! Забирайся внутрь! Нет, вылезай, вылезай!» Энджи судорожно рванулась к границе сознания, и глаза открылись сами собой.

Сон. Это просто сон.

Она лежала на кровати, которая мягко покачивалась. Ноздри щекотал запах свежего кофе.

Обмирая от шока, Энджи все вспомнила. Каюта. Мэддокс. Яхта.

Секс.

Иисусе!.. Она резко села на кровати. Пес, дремавший в ногах на одеяле, поднял голову и уставился на нее блестящими карими глазами. Энджи посмотрела в собачьи глаза, чувствуя себя таким же Джеком-О, приبلудной дворняжкой, которую Мэддокс соскреб с асфальта. Она нерешительно вытянула руку и коснулась головы собаки. Шерсть оказалась удивительно мягкой. Энджи погладила пса, и он не зарычал, а с тихим вздохом закрыл глаза и снова опустил голову на одеяло. От этого Энджи ощутила неожиданную нежность.

Она повернула голову к полоске света за приоткрытой дверью каюты. Было слышно, как Мэддокс орудует в своей крохотной кухоньке. За ночь ветер и не подумал уняться и яростно трепал снасти, гоня волны, качавшие яхту и шлепавшие о деревянный корпус. Через маленький иллюминатор Энджи видела, что снаружи еще темно.

Светящиеся цифры на будильнике показывали 5.55 утра. Пятница. Рабочий день. Ей – им – нужно ехать в управление. Подобрал с пола

одежду, Энджи быстро оделась, стянула волосы в хвост и вышла в маленькую кухню-гостиную. Мэддокс стоял к ней спиной, одетый в рабочие брюки, рубашку и галстук.

Он обернулся:

– Привет!

Улыбка тронула его прекрасное лицо, но он тут же вздрогнул от боли. Раскаяние, стыд, отвращение к себе и страх проснулись в Энджи при виде повязки у него на переносице и темно-фиолетовых синяков под глазами.

– Кофе?

– За кофе я убить готова. Спасибо.

– Не убивай, – снова улыбнулся он и дернулся от боли, когда улыбка тронула распухшую середину лица. Взяв кружку, он налил кофе. – Как ты привыкла пить?

Никогда не спать с коллегой.

Никогда не целоваться.

Уходить первой. Уходить сразу. Не называть своего имени. Не оставаться на ночь. Никакого завтрака на следующее утро. Никогда не выбирать того, кто делает тебя слабее... Всегда контролировать ситуацию...

– Хотя, – тут же сказала Энджи, – я, наверное, обойдусь.

Подхватив ботинки, она присела и натянула один и другой.

– А кофе? – не понял Мэддокс, стоя с дымящейся кружкой в руках.

Встав, Энджи сдернула с крючка пальто.

– Куплю по дороге.

– Энджи.

Она замерла от его тона и серьезного взгляда.

– Куда это ты собралась?

– Домой – в душ и переодеться. А потом в управление.

И тут она вспомнила, что ее служебный пистолет и нож у него. Мэддокс не отводил взгляда. В наступившей тишине звуки снаружи стали громче – заурчал чей-то катер, выходя в море.

– Нет, – тихо сказал Мэддокс.

У Энджи часто забилось сердце.

– Мы говорили об этом, помнишь?

Черт, значит, ей не приснилось. Она поглядела на иллюминатор над маленькой раковиной: тусклый серый рассвет понемногу рассеивал тьму. Паллорино провела рукой по волосам, поправила «конский хвост».

– Энджи, посмотри на меня.

Она глубоко вздохнула и подняла на него глаза.

– Позвони и скажись больной. А сама сегодня же поезжай к специалисту.

– Но я не могу сказать себя больной, расследование...

– Так, Паллорино, давай-ка выбирай. Либо ты звонишь и говоришь, что заболела, и идешь к врачу, или едешь в управление, но тогда я отдаю Базьяку твое служебное оружие и пишу на тебя рапорт.

Она в бессильном бешенстве смотрела на него, сжав кулаки.

– Пока я не хочу видеть тебя в моей команде. И ни в чьей другой не хочу.

Щеки и лоб у Энджи запылали. Она посмотрела на его заплывшие глаза и синяки на лице. То, что она сделала, отрицать было невозможно, и Паллорино поняла – как ни соблазнительно сделать вид, что вчерашнего приступа безумия не было, у нее ничего не получится. Мэддоксу придется объяснять в управлении, что у него с лицом.

– Не вынуждай меня, Энджи, не заставляй подавать рапорт. – Он помолчал. – Позволь тебе помочь.

Значит, с рапортом он подождет? И скормит копам какую-нибудь историю?

– Почему? – тихо спросила Энджи. – Почему ты готов рисковать ради меня?

Мэддокс долго молчал. Снаружи завывал ветер, швыряя капли дождя в толстое стекло иллюминатора.

– Потому что ты мне небезразлична, – медленно и отдельно ответил он, словно уясняя это для себя. В его голосе была искренность, от которой сердце Энджи затрепетало в горле. Она этого не стоит. Она не стоит его.

«Утекай! Беги...»

Она не сможет. Ей с этим не справиться. Она не хочет Мэддокса и непонятных эмоций, она хочет независимости. Петля паники затягивалась. Энджи облизала губы, отвернулась и, поколебавшись, начала подниматься по маленькой лесенке в тамбур. Ступив на темную мокрую палубу, она покачнулась, когда ледяной дождь принялся часто клевать ее в лицо, но овладела собой, перебралась на пристань и пошла к воротам, стуча тяжелыми ботинками по камням, оставив Мэддокса в теплой кухне с кружкой кофе в руке. Внутри у Энджи все дрожало.

Глава 49

– Так это, а Паллорино-то где?

Сидевший за металлическим столом в комнате, отведенный под оперативный штаб, Мэддокс раздраженно поднял глаза. Перед ним стоял Кьель Хольгерсен в узких грязно-серых джинсах, свободно свисавших с его тощей задницы якобы самым модным образом. Даже стоя неподвижно, он казался суетливым.

– Что? – резко переспросил Мэддокс, недовольный, что его отрывают от дел. Он приехал в управление пораньше, чтобы закончить отчет о том, что удалось заметить на похоронах Драммонд и узнать от отца Саймона – священник приоткрыл нечто очень важное, упомянув беспорядочные половые связи Грейси Драммонд. Мэддоксу хотелось уйти в работу и не думать об Энджи.

При виде его синяков Хольгерсен даже отшатнулся:

– Иисусе, чел, что с лицом? Кто тебе в нос дал? Видок у тебя черт знает какой!

– На яхте шкот ослаб от ветра, вот гик и заехал с разворота, пока я там крепил что мог в темноте на мокрой палубе...

Несколько секунд Хольгерсен молча смотрел на него.

Мэддокс выдержал его взгляд, не мигнув, хотя лицо здорово болело, и глаза слезились. Своим вопросом Хольгерсен явно пытался что-то вытянуть и сейчас искал признаки лжи. Этого парня не без причины высоко ценили на работе – несмотря на свои странности, он был очень умен. Он видел людей насквозь, а собеседники, напротив, как правило, не принимали Хольгерсена всерьез из-за своеобразной речи, одежды, специфической пластики. Мэддокс быстро разгадал, в чем преимущество Хольгерсена: молодой детектив нарочно наигрывал, чтобы усыпить бдительность собеседника.

– У тебя в заднице, что ли, зудит? – как ни в чем не бывало осведомился Мэддокс. – Или ты не видишь, что я занят?

Хольгерсен сунул пальцы в нагрудный карман и извлек пачку никотиновой жвачки.

– Я спросил, Паллорино где?

– Понятия не имею. – Мэддокс вновь углубился в свои записи, хотя сердце забило чаще. Хольгерсен не отходил, шурша целлофаном, в

который был запаян кубик жвачки. – Господи, Хольгерсен! – вскипел Мэддокс, покосившись на него. – Чего тебе? Мне нужно дописать отчет до утреннего брифинга у Базьяка!

Хольгерсен освободил кубик зеленой жвачки из целлофановой темницы, ухмыльнулся и отправил жвачку в рот. Громко жуя, он придвинул стул и уселся сбоку:

– Я не курить бросаю, это на крайний случай, чтоб ты знал. Помогает не психовать, когда курить нельзя. Жую начиная со среды.

Во временный штаб вошли еще два детектива с картонными стаканчиками в руках, распространяя вокруг себя запах кофе.

Хольгерсен понизил голос:

– Я ей звонил, она трубку не берет.

Мэддокс пожал плечами, перечитывая свои записи. Но плечи его были напряжены.

– Несколько раз уже звонил.

– Ну вот что. – Мэддокс грохнул ручку на стол и выпрямился: – Ты меня уже достал. Сейчас рано, может, она не хочет с тобой разговаривать. Может, она в душе, блин! Жди, когда она приедет.

Хольгерсен поглаживал свою козлиную бородку, а невыразительные карие глаза, взгляд которых обычно метался по комнате, сейчас для разнообразия пристально смотрели на Мэддокса.

– Я слышал, она позвонила и сказалась больной, – сообщил он.

– Откуда ты это взял?

Взгляд Хольгерсена метнулся к двум детективам, беседовавшим в дальнем углу с другими участниками расследования, тоже уже подтянувшимися на работу. Он ответил совсем тихо:

– Я слышал, как в кабинете Базьяка Фиц курлыкал с деловым костюмом из собственной безопасности. Из слов Фица я понял, что он открыл на Паллорино охоту, потому что считает ее этим неизвестным информатором и хочет отобрать у нее значок. Я хотел ее предупредить. Забавная штука – Базьяка нет в кабинете, там только Фиц и этот из СБ. Может, Бази тоже приболел, а? Может, что произошло на вчерашнем позднем совещании, куда его вызвали, пока мы насвинячивались в «Свинье»?

Мэддокс почувствовал, как отлила от лица кровь.

– Это вы с Лео подстроили? – гневно спросил он. – Опять ему нейдет нагадить Паллорино?

Хольгерсен фыркнул и хотел ответить, когда дверь временного штаба распахнулась.

– Сержант Мэддокс! – скрипучим высоким голосом громко произнес

инспектор Фрэнк Фицсиммонс, придерживая дверь. За ним стоял тощий человек в плохом костюме, которого Мэддокс не знал. – Прошу вас в мой кабинет на два слова.

Внимание всех собравшихся в комнате обратилось на Мэддокса, на его синяки и повязку на переносице. Он невольно напрягся.

– Что я говорил, блин? – пробормотал Хольгерсен, когда Мэддокс оттолкнул стул, поднялся и поправил галстук. – Удачи, – добавил Къель, вставая.

Когда Мэддокс пошел к выходу, Хольгерсен еле слышно произнес:

– Похоже, Лео вчера тоже досталось гиком с разворота, а?

Мэддокса осенило – Хольгерсен видел драку у «Летающей свиньи»! Наверное, прятался, как обычно, под навесами от дождя и курил в тени. Значит, наверняка видел и поцелуй.

Он пытался предупредить не только Энджи, но и Мэддокса, что информация, возможно, уже пошла наверх и начальство, в случае чего, не замедлит ее использовать.

Или же Хольгерсен вел свою собственную непонятную игру.

Глава 50

– Это сержант Чарльз Тиллерман из отдела собственной безопасности. – Фиц, придерживая галстук на животе, сел за письменный стол. Тиллерман уселся рядом с Фицем, а Мэддокс занял единственное оставшееся место напротив.

Фиц плотно прикрыл дверь. Жалюзи уже были опущены, чтобы закрыть кабинет от общего зала.

– Тиллерман раньше работал в полиции Ванкувера, – продолжал Фиц. – Может, вы даже знакомы – Ванкувер же входил в вашу юрисдикцию.

– Я служил в канадской королевской конной полиции, и хотя наш объединенный убойный отдел действительно сотрудничал с ванкуверской полицией, мы не встречались. – Мэддокс взглянул на Тиллермана, неподвижно сидевшего с каменным лицом.

– Понятно, – скрипуче протянул Фиц, и у Мэддокса возникло ощущение, что с ним играют. Оценивают. В нем крепла настороженность. Про себя он поблагодарил Хольгерсена за предупреждение, если тот, конечно, искренне хотел ему помочь.

– Что у вас с лицом, сержант Мэддокс? – осведомился Фиц.

Мэддокс повторил историю с ослабшим шкотом.

– Понятно.

Мэддокс молча ждал.

Фиц кашлянул:

– А ваша напарница, детектив Паллорино, сегодня заболела?

Напряжение усилилось.

– Мне об этом еще не сказали.

– Пищевое отравление, – махнул рукой Фиц. – Или что-то подобное. Она оставила сообщение на телефоне сержанта Базьяка.

– Понятно, – ответил Мэддокс, копируя Фица. У того в глазах мелькнул недобрый огонек. – Сэр, при всем уважении, не могли бы вы сказать, зачем я здесь, чтобы я мог ответить на все ваши вопросы. Дело в том, что мне нужно подготовить отчет к началу брифинга, который состоится... – он взглянул на наручные часы, – через шесть минут.

– Понятно. Дело в том, что... – Фиц потер подбородок. – Вы, а иногда и детектив Паллорино присутствовали на частных совещаниях с Базьяком. Без участия остальных сотрудников следственной группы.

Лео, подумал Мэддокс. Наверняка этот старый хрыч. Он сунулся к Базьяку с результатами экспертизы и видел их в кабинете втроем.

– Совершенно верно. Если это все... – Мэддокс сделал движение встать.

Фиц приподнял руку, жестом приказывая ему оставаться на месте.

– Какова была тема вашего частного общения?

Мэддокс в упор посмотрел в глазки Фица:

– Опять-таки, при всем уважении, сэр, но почему мне задают такие вопросы в присутствии сотрудника отдела внутренних расследований, когда вы можете лично спросить об этом моего шефа Базьяка? Конечно, если в отношении меня возбуждено внутреннее расследование, тогда я...

– О, нет-нет, ничего подобного. – Фиц через силу улыбнулся. – Я вызвал вас, чтобы поручить вам провести брифинг вместо сержанта Базьяка.

– Что?!

Фиц подался вперед, сцепив руки поверх настольного календаря:

– Более того, я бы хотел предложить вам занять его место в качестве руководителя следственной группы.

– А где Базьяк?

Фиц взглянул на Тиллермана. Тот слегка кивнул с непроницаемым видом, и Фиц ответил:

– Сержант Базьяк временно отстранен от службы до окончания внутреннего расследования.

– Вы подозреваете, это он тайный информатор? Выбалтывает детали дела, которое сам же и ведет?!

Фиц почесал свой хрящеватый острый нос.

– Конфиденциально могу вам сказать, что мы не исключаем наличия... как бы выразиться... тайного сговора между старыми работниками департамента столичной полиции Виктории с целью подрыва деятельности правоохранительной системы...

– То есть заговора?!

Молчание.

Иисусе, ну это уже...

– А еще мы ждем от вас официальной оценки работы детектива Паллорино, которая пока продолжит работать под вашим началом. Скажем, через две недели на брифинге? Здесь, в моем офисе?.. Нельзя сказать, чтобы она полностью справлялась с обязанностями, что косвенно подтвердил инцидент, закончившийся смертью ее напарника. Сержант Хашовски был одним из самых опытных и уважаемых детективов в

управлении, он пользовался всеобщей симпатией. Я считал его своим другом.

Так вот где собака зарыта... А этот Фиц мстительный тип – винит Энджи в смерти Хашовски (как, впрочем, и Лео, и некоторые другие) и ищет реванша. Он намерен уничтожить ее, устроив кабинетный самосуд, и рассчитывает использовать внутреннее расследование и лично Мэддокса, чтобы нарыть против нее хоть что-нибудь.

Все это разительно отличалось от просьбы Базьяка дать неформальный отзыв о работе Энджи, потому что она давно просится в убойный отдел. Фиц задумал расправу, несправедливую и насквозь сексистскую.

Неудивительно, что Паллорино вела себя как параноик: у нее были на это причины. Теперь ясно, почему она всячески сопротивляется затее с психологической оценкой.

Ну и гадюка же этот Фиц...

Кашлянув, Мэддокс бесстрастно отозвался:

– Мне говорили, внутреннее расследование не выявило в действиях Паллорино нарушений стандартного полицейского протокола...

– Официально – да, – согласился Фриц, облизав губы. – Однако осталось мнение, что детектив Паллорино, наименее опытный и самый молодой сотрудник управления полиции, в стрессовых условиях неправильно оценила ситуацию, и это стоило жизни ее напарнику.

Черт, если они пронюхают, что он не подал рапорт о ее вчерашнем психозе и прикрывает сейчас... Если узнают, что он отобрал у нее нож и служебный пистолет из опасения, что она убьет уже второго своего напарника или набросится на любого прохожего... Конфликт – резкий, непримиримый – раздирал Мэддокса несколько секунд, но верх одержала непреклонная решимость защитить, заступиться за Энджи, подкрепленная искренней ненавистью к этому носатому, писклявому, трусливому, ненадежному человечку, питающему слабость к званиям и никого не называющему по именам. Нужно срочно связаться с Энджи и велеть ей привести себя в порядок и возвращаться на работу, пока Тиллерман не начал ее искать. И не забыть прижать по ходу дела и его.

– Для вас это приемлемо? – осведомился Фиц. – Взять на себя полномочия Базьяка, пока все окончательно не прояснится? Жалованье, конечно, будет увеличено. Из вашего резюме явствует, что раньше вы успешно справлялись с аналогичными административными обязанностями, руководили даже более крупными следственными группами и расследовали серийные преступления. Вы идеально подходите на эту должность. – Фиц снова сверкнул ненатурально белыми зубами.

Мэддокс напряженно думал, взвешивая варианты и ища решение. Фиц опасен. Он, должно быть, в жизни никому не доверял. Парни из следственной группы начнут коситься – новичок, не успел прийти на работу, как уже занял место Базьяка в обход их, старых опытных служаек! Не иначе, снюхался с инспектором Фрэнком Фицсиммонсом и с этим, из отдела внутренних расследований! А тут еще ему предлагают шпионить за Энджи, с которой он переспал и которую прикрывает... Вот и говорите после этого о заведомо проигрышных ситуациях...

– Или... вы о чем-то хотите мне сказать?

– Приемлемо, – ответил Мэддокс и встал. – Простите, но в таком случае мне пора начинать сегодняшней брифинг.

– Хорошо, хорошо. Разбирательство еще не завершено, но рискну сказать, что должность ведь может стать и постоянной... Мне кажется, мы с вами сработаемся.

– Сэр. – Мэддокс вежливо кивнул и направился к двери, но остановился и сказал: – На одном условии – конторской крысой не стану. Я буду выезжать на места с другими детективами, когда этого потребует расследование. Так я лучше смогу руководить следствием.

Пронзительные глазки Фица ввинтились в Мэддокса.

– Прекрасно, – сказал он после паузы. – Мы с сержантом Тиллерманом ждем вас в этом офисе через две недели к семи часам утра с первым рапортом по детективу Паллорино. Если, конечно, раньше не случится ничего, требующего нашего внимания.

– И еще одно, – добавил Мэддокс. – Я прошу вас сообщить следственной группе об отстранении Базьяка и представить меня как его временного заместителя. Я задержу брифинг на сорок пять минут, чтобы мы с вами смогли подготовиться. – Он выждал пару секунд, следя за лицом Фица. – Лучше, чтобы новость исходила от вас, сэр. Мне нужна поддержка от участников операции «Улитка».

– Что ж, справедливо. Да, и еще, пока вы не ушли... Тут у нас вышла ориентировка на черный «Лексус», который, оказывается, принадлежит девелоперу Рэю Нортону-Уэллсу, мужу заместителя генерального прокурора...

– Совершенно верно.

– Но ведь «Лексус» оказался в угоне?

Мэддокс почувствовал, как к горлу подступила желчь. Он вдруг все понял.

– Да.

– Мы ищем вора, сержант Мэддокс, и никак не связываем преступления

с Рэем Нортоном-Уэллсом или членами его семьи, верно?

Мэддокс глядел в пронзительные птичьи глазки.

– В этом расследовании есть свои тонкости, сэр. Отсюда наши приватные совещания – ведь источник утечки до сих пор не найден.

– Гм, понятно. Ну тогда и не будем распространять секретную информацию, не правда ли? Ничего не предпринимать в этом вопросе без моего разрешения. Поняли?

– Понял, – ответил Мэддокс. Он вышел, плотно прикрыв за собой дверь, глубоко вздохнул и зашагал к пожарному выходу.

Перемахивая через три ступеньки, он спустился в подвал, набирая Энджи.

Паллорино не взяла трубку – сразу включился автоответчик.

У начала бетонной лестницы Мэддокс набрал еще раз.

Автоответчик. Он поколебался, прежде чем оставить сообщение, хорошо понимая, что телефон может прослушиваться и что сам он, возможно, является субъектом расследования:

– Паллорино, это сержант Мэддокс. Слышал, ты заболела. Позвони и доложи обстановку, как сможешь.

Глава 51

Легкие Энджи готовы были разорваться, когда она лупила ногами по беговому стенду, бешено работая руками. Футболка промокла от пота. Она пробежала уже шесть километров, ни на мгновение не сбавляя скорости.

Она то и дело возвращалась мыслями к Грейси Драммонд и Фейф Хокинг и к тому, как ей пришлось сказать себя больной и временно отказаться от участия в одном из самых крупных расследований в Виктории, как ее вчера перемкнуло и чем это грозит обернуться в будущем. Оставалось только гадать, что подумали Лео, Хольгерсен и остальные, потому что лишь однажды за все время она не вышла на работу – на следующий день после гибели Хаша. А уже через день вышла и работала.

«Беги. Убегай. Утекай, утекай...»

Она нажала на кнопку скорости, заставив дорожку двигаться еще быстрее, словно решив обогнать чертовы польские слова, которые знала неизвестно откуда.

На столе зазвонил телефон, и Энджи, постепенно замедлив тренажер, остановилась. Пот заливал глаза. Она перешла на ходьбу. Икры ныли, бедра болели, плечи ломило от перенапряжения. Соскочив с беговой дорожки, она схватила телефон с кухонного стола и проверила последний входящий.

Снова Мэддокс.

Она не могла говорить с ним сейчас – сперва ей нужно разобраться в себе и все разложить по полочкам.

С утра звонил Хольгерсен, но общения с ним хотелось еще меньше. Она оставила сообщение Базьяку, сославшись на недомогание, и хватит.

Выключив телефон, она вернулась на стенд, увеличив скорость и на этот раз еще и добавив наклон. Она бежала в гору все быстрее, ежеминутно боясь, что ее вырвет, но не останавливалась. Быстрее! Выше!

Тошнота подкатила к горлу. Энджи соскочила с беговой дорожки и кое-как успела в туалет. Схватившись обеими руками за чашу унитаза, она низко нагнула голову, давясь.

Сколько еще она сможет выдержать?

Как она оказалась в такой ситуации?

Когда это все началось?

Откуда взялась эта неестественная, нечеловеческая самоотдача?

Ее снова скрутил мучительный сухой рвотный позыв. Отдышавшись, Энджи выругалась. Ей было плохо – физически, психологически, эмоционально. Ей было больно думать о матери, об одиноком отце, о погибшем Хаше. Она с ужасом вспоминала, как отделала Мэддокса, и только чудом он не пострадал серьезнее. Больше такого допускать нельзя – хватит заглушать свои странности охлажденной водкой или беспорядочным сексом в ночном клубе.

Она в долгу перед Мэддоксом. Сейчас только от него зависит, останется ли она в полиции, продолжит ли участвовать в расследовании. Бездействие ее буквально убивало: работа была для нее всем.

Кое-как поднявшись, Энджи поковыляла к раздвижной стеклянной двери узенького балкона, выходявшего на залив. Выйдя на холод, она взялась за перила и, закрыв глаза, подставила лицо бледному зимнему солнцу.

Немного придя в себя под лучами солнца и слушая звуки города и порта – к причалам приставали катера и яхты, крикливо бранились чайки, орлы в вышине пронзительно кричали «ки-и-и-и», сигналили автомобили, орали старшины шлюпок, отдавая приказы гребцам, – Энджи поняла, что хочет жить.

Жить нормальной жизнью, остаться в Виктории и работать в полиции.

А сейчас она может все потерять.

Энджи вытерла потный лоб, вернулась в комнату и принялась шарить в ящиках стола. Наконец она нашла то, что искала, – старую визитку. Включив телефон, она набрала номер, не зная, действует он еще или нет.

– Алло? – послышался в трубке мужской голос.

На мгновение Энджи растерялась, но откашлялась и бодро сказала:

– Алекс? Здравствуйте, это Энджи. Энджи Паллорино.

– Энджи... Паллорино?! Господи! – Пауза. – Сколько лет, сколько зим! Как ты, где ты, черт побери?

– Найдется время для старой знакомой?

– А как же! – Новая пауза. – По личному делу или по служебному?

– И то и другое, я еще не разобралась. Мне просто нужно с кем-то поговорить... Кое-что озвучить.

– Приезжай в мой домашний офис. Я сейчас не в городе, но завтра возвращаюсь.

– Годится.

– В середине дня я свободен. В полтретьего успеешь? Напою тебя чаем, как в прежние времена...

Она улыбнулась, с любовью вспомнив старого профессора психологии, своего преподавателя, научного руководителя и друга: они галлонами потребляли «Дарджилинг», «Эрл Грэй» и цейлонский во время бурных дебатов.

– Адрес у вас прежний? – спросила она.

– Да, все тот же коттедж в бухте Джеймс. Всего хорошего. До встречи.

– Спасибо, Алекс. – Энджи нажала отбой. От сердца немного отлегло – первый шаг сделан.

Глава 52

Утренний брифинг прошел, как Мэддокс и ожидал: ледяной прием новости о Базьяке, недоверие к новому руководителю, внятное ворчанье Лео и мрачное настроение всех участников расследования, разъезжавшихся по поручениям. Следственной группе оставалось единственное утешение: если они крупно облажаются с поимкой маньяка до Рождества, отдуваться будет Мэддокс.

Фицева охота на ведьм нанесла ожидаемый урон – расследование забуксовало, меж тем как неведомый информатор по-прежнему оставался в их рядах. Мэддокс ни на секунду не поверил, что это Базьяк, и сильно сомневался в существовании заговора в поддержку Гуннара: с какого лиха старому полицейскому сливать информацию, способную повредить Гуннару, но выгодную Киллиону с его обещаниями устроить чистку рядов старой полицейской гвардии?

Прибавьте к этому гордиев узел противоречивых чувств Мэддокса к Энджи и сложностей с Джинни, и вы поймете, в каком настроении он явился вечером в лабораторию. Главный судмедэксперт, доктор Санни Падачайя, согласилась встретиться, несмотря на поздний час, и обсудить результаты исследований фрагментов волос, найденных на веревках с острова Тетис.

Мэддокс толкнул дверь. В лаборатории никого не было, кроме хрупкой смуглой женщины в белом халате, сидевшей в дальнем углу над микроскопом. Она подняла голову на шум и улыбнулась.

– Детектив Мэддокс, – сказала она, вставая и подходя к нему. Из-за солнечного имени, или из-за искренней улыбки, освещавшей черные глаза, или из-за комичной прозрачной синей шапочки вроде купальной, прикрывающей густые черные волосы, но Мэддокс невольно улыбнулся в ответ. Доктор Падачайя пользовалась безупречной репутацией и оказалась гораздо моложе, чем он ожидал.

– Спасибо, что задержались и согласились ознакомить меня с результатами анализа, – сказал он. – Я бы пожал вашу руку, но... – Он кивнул на ее латексные перчатки.

– Не беспокойтесь, я постоянно задерживаюсь на работе. Никакой личной жизни. – Санни Падачайя стянула перчатки и бросила их в корзину. – Пойдемте взглянем.

Она подвела его к негатоскопу, на котором были прикреплены увеличенные микрофотографии волос, включила лампы, и снимки ожили.

– Так как передали много различных головных и лобковых волос, – начала она, – наши эксперты работали в основном с ними. – Падачайя взяла указку. – Однако мы уже можем сказать, с каких участков тела остальные волоски, основываясь на их длине, форме, размерах, цвете, жесткости, курчавости и данных микроанализа, а также по пигментации волоса и его сердцевине. На основании данных общей морфологии нам удалось выделить волосы, принадлежащие брюнету номер один, – доктор обвела снимки указкой, – брюнету номер два и блондину.

– А эти? – Мэддокс указал на слайды с красновато-коричневыми волосами.

– Это наша брюнетка. ДНК совпала с Фейф Хокинг, поэтому эти волосы мы условно объединим в группу «Хокинг».

– Ясно. Все это находки с острова Тетис?

– Погодите. – Смуглая Санни широко улыбнулась, как маленькая Чеширская кошечка, и Мэддокс понял, что самое интересное она приберегла напоследок. Доктор Падачайя нравилась ему все больше и больше.

– Итак, брюнет номер один. – Она показала на первые фотографии. – В наличии волосы с головы, тела и из области лобка. Брюнет номер два: тоже голова, тело и лобок. Блондин: только волос с головы.

– Все трое белые мужчины европейского типа?

– Верно. А теперь смотрите: волосы с головы – обычно самые длинные на теле, – докторша показала на длинные волосы в каждой группе снимков. – Видите, какой у них одинаковый диаметр? Вон на том снимке видно, что кончик острижен.

Мэддокс кивнул.

– Так вот, большинство этих волос были вырваны. Если волос выпадает сам по себе, у него булавовидная луковица, как здесь. А эти вытянуты у основания, и волосяные фолликулы частично оборваны.

Значит, была борьба, подумал Мэддокс. Или же волос просто зацепился за веревку, когда завязывали узлы.

– Это волосы с тела. – Доктор Падачайя постучала ручкой по слайдам первого и второго брюнетов. – А вот лобковые – жесткие и вьющиеся. Можно заметить значительную разницу в диаметре и извитости, плюс у лобковых волос часто встречается как сплошная, так и прерывистая сердцевина. Все эти волосы тоже вырваны насильственно и сохранили фрагменты волосяных фолликул.

– То есть были вырваны в результате трения при грубом половом акте.
– Делать выводы – ваша работа, детектив. Я всего лишь ученый и рассказываю то, что вижу.

Мэддоксу очень нравился этот маленький солнечный ученый: с Санни паршивый день стал немного светлее. К тому же докторша рассказывала так, что дух захватывало от любопытства, как в детстве от интересной сказки.

– Далее. Хокинг. Лобковый волос с пола подвала вот. – Она постучала указкой по слайду. – Волос с головы, запутавшийся в волокнах веревки, вот. Все вырваны насильно. На волосах с головы следы окрашивания – Хокинг красилась темнее природного тона.

Падачайя перешла к следующему негатоскопу и включила его:

– А здесь у нас ДНК брюнета номер один и брюнета номер два.

– Выводы по ДНК?

– Говоря языком фактов, выводы такие: ДНК обоих брюнетов совпадают с найденными на теле Хокинг во время вскрытия волосами, запутавшимися в растительности на ее лобке и затесавшимися в кокон из пленки. – Докторша снизу вверх взглянула на Мэддокса блестящими темными глазами: – А еще ДНК брюнета номер один совпадает с волосами, найденными на одежде Грейси Драммонд!

Мэддокс присвистнул.

– Отличная работа, доктор Падачайя. Вы только что связали брюнета номер один с обеими жертвами.

Она засмеялась:

– Пожалуйста, называйте меня Санни, меня так все зовут! Вам нужно благодарить мою команду, хотя мы всего лишь делали свою работу.

Мэддокс взгляделся в увеличенные снимки волос.

– По логике вещей, если мужские лобковые волосы были найдены в области лобка Хокинг, оба брюнета имели с ней половой контакт.

– С плотным соприкосновением этих зон и как минимум с грубым трением, раз волоски вырваны с корнем, – добавила она.

– А мистер Блондин совсем ни при чем?

Молчание.

Мэддокс повернулся к докторше. При виде выражения ее лица у него радостно забилося сердце.

– Так, док, не молчите. Что вы приберегли напоследок?

– ДНК светлого волоса совпадает с семенем из использованного презерватива и с другим светлым волосом, найденным экспертами на пальто Драммонд.

Мэддокс уставился на нее, напряженно соображая.

– Полный бардак!

– Да уж.

– Трое мужиков, один блондин и два брюнета, – тихо проговорил он, глядя на слайды. – ДНК блондина и первого брюнета связаны с обеими жертвами.

– Но на этом и все, – сказала докторша. – Никаких совпадений по полицейской базе, ничего ни в национальной базе данных ДНК, ни в КОДИСе. Этих людей нет в нашей системе.

Мэддокс подумал о Джейдене Нортоне-Уэллсе и Заке Рэддисоне – оба черноволосые. Джексы, младший и старший, – блондины. От напряжения и адреналина он был как натянутая струна: во что бы то ни стало нужно достать образцы их ДНК, чтобы либо исключить, либо...

Но у них по-прежнему нет доказательств, на основании которых судья подпишет разрешение. Нужно как-то убедить судью, что кто-то из подозреваемых совершил одно или оба убийства или принимал в них участие. Пока это камень преткновения. Ордер необходим, но до него еще...

– Санни, я ваш должник, – сказал Мэддокс.

– Ловлю вас на слове, детектив, – улыбнулась доктор Падачайя.

Глава 53

Мерри села иначе, растирая сведенную ногу. Счастье еще, что на ней пуховик и зимняя шапка – ночь с пятницы на субботу выдалась ясной, но холодной.

От растущей луны по водной глади протянулась блестящая дорожка, похожая на рябой металл, и в ее отсвете белые яхты у причала светились призрачным светом. Приблизив изображение телефотообъективом, Мерри сделала быструю серию снимков так, чтобы в кадр попали название роскошной мегаяхты, «Аманда Роуз», и флаги, под которыми она плавала.

На борту плавучего дворца царило оживление – в освещенных окнах двигались силуэты, гости выходили курить на палубу – в объектив можно было различить ярко-оранжевые точки горящих сигарет, когда кто-то затягивался или прикуривал. Слабые звуки музыки и обрывки смеха долетали до Мерри, сидевшей на корточках между «Доджем»-пикапом и «Киа Соренто», припаркованными у дороги, огибавшей северо-восточный край небольшой бухты. Ее «Фольксваген»-«жук» стоял напротив, но отсюда было лучше видно.

Когда время перевалило за полночь и наступила суббота, веселье на яхте вроде бы начало утихать. Здорово замерзнув, Мерри искренне сочувствовала копам, которым приходится сидеть в засаде. Долгие часы ожидания – и ничего, только коченеешь от холода. Из головы не шла сегодняшняя перепалка с Дамианом Йориком.

Дамиан был сутенером, с которым Нина видела Фейф несколько месяцев назад. Мерри попыталась тряхнуть Дамиана насчет блондинчика на «бумере».

– Она была со своим «котом», Дамианом, и каким-то блондинистым мажором, который ездит на черном спортивном «БМВ». Молоденький, лет двадцати с небольшим... – говорила Нина.

Но Дамиан заявил, что не видел Фейф почти два года. Врал, конечно. Мерри всегда больше верила Нине, чем этому прыщу. Сейчас, следя за «Амандой Роуз», Мерри вспоминала сказанное сутенером:

– Пошла ты на фиг, подстилка метамфетаминовая! Или захотела поплавать в заливе с перерезанной глоткой, как твоя подружка? Такой крупный бизнес тебе не по зубам, мелкая таблоидная дешевка! А ну, срыла отсюда, а то я тебя сейчас как бог черепаху...

Она тайно записала этот разговор. «Такой крупный бизнес тебе не по зубам...» Теперь Мерри не сомневалась, что Дамиан причастен к смерти Фейф, плюс здесь круто замешан блондин. Поэтому она спряталась возле дома Дамиана и стала ждать. Около десяти вечера сутенер куда-то поехал. Мерри проследила за ним до этой бухты. Дамиан оставил машину на частной стоянке, а Мерри проехала немного дальше и оставила «жука» на обочине. Отсюда ей было прекрасно видно, как через охраняемый вход Йорик прошел на пристань и поднялся на борт «Аманды Роуз».

Мерри встrepенулась, заметив нового гостя, направлявшегося к роскошной яхте. Она навела на него объектив. Темные, даже черные волосы. Приблизительно ровесник Дамиана. Высокий, хорошо сложенный. Она сделала серию снимков, когда молодой человек поднялся по трапу на яхту.

Время шло. В бухте стало совсем тихо и промозгло-холодно – Мерри дрожала в своем пуховике и шапке.

Она уже хотела уезжать, решив, что вернется утром, а пока попробует что-нибудь выяснить о яхте, когда на сходах появился Дамиан с тем темноволосым парнем.

Они вместе шли по пристани, о чем-то беседуя. Мерри снимала, как они подошли к воротам и поднялись на стоянку. Она приблизила изображение: оба остановились у машины Дамиана. Черноволосый на мгновение повернулся в сторону Мерри – она сделала четкий снимок лица, затем подошел к темному «Порше», в свете фонаря казавшемуся красным, открыл дверцу со стороны водителя и сел за руль. Мерри заволновалась. Можно было пригнуться, добежать до «жука», прятаясь за припаркованными автомобилями, поехать за Дамианом, который как раз выезжал со стоянки, или же проследить за «Порше» и выяснить, что это за брюнетик. Мерри выбрала «Порше». Добравшись до «Фольксвагена», она приоткрыла дверцу, забралась внутрь и завела мотор. Она успела обогнуть маленькую бухту, когда красный «Порше» вылетел со стоянки, включил стоп-сигналы и свернул на дорогу, которая вела к фешенебельному району Аплендс.

Улицы по случаю позднего времени были почти пусты, а ночь стояла на редкость ясная, поэтому Мерри пришлось порядком отстать от «Порше».

Красный автомобиль повернул налево, затем снова направо и выехал на широкую, обсаженную деревьями улицу, застроенную дорогими особняками. Снова вспыхнули стоп-сигналы, и «Порше» промелькнул на чьей-то подъездной аллее, скрывшись из виду.

Мерри проехала мимо и сразу остановилась, уставившись на освещенную золотую табличку на каменном столбе у въезда. Во рту пересохло от любопытства, когда она прочла: «АКАША».

Она азартно принялась фотографировать табличку и все вокруг, но, как раз когда она делала серию снимков, в конце улицы показалась другая машина – белая «Ауди» – и остановилась под фонарем в нескольких метрах от «АКАША». Мерри тут же съехала по сиденью на пол, осторожно поглядывая в окно. В «Ауди» сидели мужчина и женщина. Мужчина наклонился к своей спутнице, и они обменялись долгим страстным поцелуем. Мерри медленно подняла объектив и сделала снимок, затем еще и еще. Стекла «Ауди» начали запотевать, но тут загорелась лампа в салоне, открылась правая дверца, и пассажирка вышла. У Мерри буквально замерло сердце, когда женщина наклонилась и что-то сказала мужчине, придерживая дверцу.

Мужчиной за рулем был Джек Киллион, чертов новый мэр Виктории. А женщиной – «замша» генерального прокурора, Джойс Нортон-Уэллс.

Стараясь не выдать себя, дрожащими от возбуждения руками Мерри сделала новую серию снимков. Прокурорша захлопнула дверцу «Ауди», и машина отъехала. Джойс Нортон-Уэллс с портфелем в руке прошла между каменных столбов с табличкой «АКАША».

Глава 54

Суббота, 16 декабря

На часах было полшестого утра, когда Мэддокс приехал в управление, зная, что в такую рань там мало кто из участников расследования «Улитка». Главное, нет Фица и прочего начальства. Мэддокс не хотел, чтобы Фиц путался под ногами: он был твердо намерен привезти сюда Джейдена Нортона-Уэллса и взять у него *добровольно сданный* образец ДНК.

Эта мысль пришла в голову ночью, когда Мэддокс мучился бессонницей, переживая из-за Энджи и расследования. Она не перезвонила, а Мэддокс из принципа не поехал к ней домой. Ночью он твердо решил: что бы она ни выбрала, ему придется сделать самую трудную вещь на свете – дожидаться, пока Энджи сама придет к нему.

Сейчас, стоя перед белой доской, Мэддокс сунул руки поглубже в карманы и, покусывая щеку изнутри, изучал собственноручно проведенные новые линии, связавшие Драммонд и Хокинг с брюнетом номер один, брюнетом номер два и блондином.

Сзади кто-то кашлянул. Мэддокс подскочил как ужаленный.

Хольгерсен молча наблюдал за ним, стоя в паре метров.

– И давно ты тут стоишь? – спросил Мэддокс, слегка испугавшись. Он вообще не слышал, как кто-то вошел.

Хольгерсен приблизился. Резкий свет подчеркивал глубоко запавшие глаза и ввалившиеся щеки.

– Вызывали, шеф? – сказал он, намекая на новую должность Мэддокса. – Ты оставил мне сообщение на телефоне. Рассказал о ДНК черных волос и приказал явиться с утра, помочь осуществить некий план. Помнишь?

– Я не сказал – в полшестого утра.

Хольгерсен вяло пожал плечами:

– Подумал, приеду пораньше, погляжу на эти рисунки и поразмыслю в тишине и покое. – Он показал подбородком на доску: – Но ты дорвался до нее первым.

Мэддокс некоторое время смотрел на него.

– Ты вообще успел поспать, Хольгерсен?

Тот снова дернул плечом.

– А-а, да нет, иногда расследование так затягивает человека... Я это, гляжу, у тебя тут готовы результаты по ДНК. – Он подошел к доске и принялся изучать новые связи и данные. Не поворачиваясь, Кьель начал: – А что, Фиц... То есть Базьяк... То есть новый начальник, как бишь вас...

Мэддокс промолчал.

Хольгерсен обернулся, приподняв бровь:

– Как там Паллорино?

– Не знаю.

Тот кивнул.

– Я так понимаю, Фицу про твой план мы не скажем?

Мэддокс не ответил.

– А откуда у тебя такая уверенность, что наш Джейден, богатенький красавчик, с радостью предложит нам свои телесные соки?

Мэддокс подошел к столу, где стояла кофеварка. Налив себе кружку, он протянул прозрачную емкость Хольгерсену:

– Хочешь?

– Не, я позже куплю настоящего кофе, спасибо.

Мэддокс вернулся к доске и некоторое время мелкими глотками пил дымящийся кофе, разглядывая фотографию Джейдена Нортон-Уэллса. Потом указал на него кружкой:

– Он слабое звено – и одновременно ключевое: «Лексус», медальон со святым Христофором... А как рванул к Рэддисону, у которого в кабинете на полке валялись спички с телефоном Драммонд! Он в этом по уши, правда, не пойму каким образом. Если его прижать, повалятся остальные костяшки домино.

– Видишь ли, тут есть проблема, – отозвался Хольгерсен, выудив из нагрудного кармана свою никотиновую жвачку. – Если Нортон-Уэллс в этом по уши, он нам добровольно своей ДНК не даст. И даже если не по уши, он же студент юридического! На юридическом много чего преподают про всякую лабуду, вроде хартии прав и свобод и право неприкосновенности частной жизни. Этим студентам палец в рот не клади.

Мэддокс приподнял бровь:

– И ты работаешь с Лео по всякой мелочи?

Широкая улыбка прорезала усталое лицо Хольгерсена. Он сунул в рот зеленую жвачку, сжал ее передними зубами и шепеляво сообщил:

– Я кое-что понимаю в жизни, босс.

Перенастройка – вот что происходило с Мэддоксом после каждого разговора с Кьелем Хольгерсеном. Этот коп, так сказать, будил в Мэддоксе детектива. Что, гадал он, заставило Хольгерсена пойти работать в

полицию? Что им движет, почему он предупредил Мэддокса о Фице? Отчасти поэтому он решил взять с собой Хольгерсена к Нортону-Уэллсу. Держи друзей близко, а врагов еще ближе, как говорит пословица, и Мэддокс решил разобраться, кто ему Къель Хольгерсен.

– Мотив, – медленно сказал Мэддокс, наблюдая за собеседником, – меня всегда интересует мотив. Может, Нортон-Уэллс и учится на юридическом, но для своего отца он пустое место. Думаю, и Джойс Нортон-Уэллс, сама главный прокурор провинции и известный политик, не в восторге от сына. Судя по всему, Джейден пошел на юридический, чтобы заслужить одобрение родителей. Значит, он эмоционально слабоват. Юриспруденция не для него: готов спорить, он не самый умный и не самый борзый на потоке...

Сделав еще глоток кофе, Мэддокс снова повернулся к фотографии Джейдена Нортон-Уэллса.

– Он религиозен, – тихо заговорил Мэддокс, рассматривая лицо юноши. – Ему вдолбили четкие принципы – для него мир делится на правильное и неправильное, хорошее и плохое. Согласно католическим догматам, плохое означает, что ты попадешь в ад. Джейден Нортон-Уэллс смертельно боится загреметь в пекло: мы видели его сразу после того, как материалы о Драммонд попали в прессу, Джейден был потрясен до глубины души – от него так и разило страхом.

– Ну хорошо, допустим, к нему можно привязать религиозный контекст убийств, он был знаком с нашей Грейси и соврал о «Лексусе», но Джейден Нортон-Уэллс не похож на описанного Грабловски одинокого волчару, похотливого и хитрого садиста, серийного убийцу. Я так понимаю, если он дал нашей Грейси медальон со святым Христофором и не поленился сходить сделать гравировку, значит, девочка была ему небезразлична. Ведь святые должны охранять от всякого зла. Красивый мягкотелый богатый мальчик не станет насиловать свою девушку, отрезать ей там все и зарабатывать вечное проклятие, притащив ее в полночь на кладбище и бросив истекать кровью у ног Девы Марии. Это, знаете ли, вряд ли.

– Согласен. Но он что-то знает и скрывает. Он перепуган до икоты. Испугавшись, Нортон-Уэллс начинает паниковать. От страха он наплел на редкость неудачную ложь насчет ужина в «Оберже» и уличной парковки, с которой якобы угнали «Лексус». Паника заставила его примчаться к мэрии и выяснять отношения с Рэддисоном прямо на улице – наш мальчик не только пальто не надел, ему и в голову не пришло, что за ним могут следить. У настоящих юристов голова работает иначе. – Мэддокс поставил кружку. – Паника – как дикая лошадь: без наездника-логики, способного ее

обуздать, человек теряет способность мыслить рационально и начинает думать спинным мозгом. Если надавить на Нортон-Уэллса насчет убийства дорогой ему Грейси Драммонд, он ударится в панику и сам предложит нам свою ДНК, чтобы очиститься от подозрений. Мое мнение – Драммонд насильствовал и убивал не Джейден, но он знает убийцу или подозревает, кто это сделал.

– А если он кинется к папочке или мамочке, и те расчехлят свою тяжелую адвокатскую артиллерию? Тогда нам конец.

– Вряд ли кинется. Даже когда у нас на руках будет подписанное судьей разрешение на взятие образцов ДНК, тяжелая артиллерия все равно даст по нам залп. А так мы их опередим. Часики-то тикают. Время, отведенное на расследование, летит, и быстро. Попытка того стоит...

– Стоит бешенства Фица?

– У нас нет другого выхода. – Мэддокс встретился глазами с Хольгерсеном. – Расследование поручено мне, а не Фицу.

Хольгерсен глубоко вздохнул, пригладил бородку и искренне улыбнулся:

– Тогда поехали брать этого студентика, шеф.

Глава 55

Доктор Алекс Страусс подал Энджи чашку чая на блюдце. За эркерным окном дома постройки конца восемнадцатого века дождь казался серебристым тусклым занавесом, наброшенным на бухту Джеймс.

– Цейлонский, – похвастался Алекс. – Помнишь, как мы пили цейлонский чай?

Энджи улыбнулась:

– Много времени прошло...

Она сделала глоток и словно вновь оказалась в университетском кабинете профессора Страусса, где они, бывало, дискутировали часами. Сперва доктор Страусс был ее научным руководителем, а потом они подружились. Он ушел из университета четыре года назад и сейчас, перед пенсией, редактировал журнал, посвященный вопросам психологии.

– Нехорошо забывать старых друзей. – Профессор опустил в вольтеровское кресло и пригубил свой чай. В камине уютно потрескивал огонь.

– Вы хорошо выглядите, Алекс, – похвалила Энджи, не покривив душой. Страуссу было уже за семьдесят, но он действительно почти не изменился. Находиться в его обществе по-прежнему было настоящим пиром духа. И почему она так долго не приезжала?

– Все еще ездите на своем велосипеде? – спросила она.

– А ты все мне льстишь, как я погляжу. – Его улыбка потухла. – Почему тебя так долго не было?

– Да так, рутина затянула... – Паллорино помолчала. – Не знаю, Алекс. Я... была очень занята.

Профессор долго смотрел на нее. Под этим взглядом Энджи стало неуютно, но она не подала виду.

– Ты мне так внятно и не объяснила, зачем пошла работать в правоохранительную систему, – сказал профессор. – Что заставило тебя бросить научно-исследовательскую деятельность и заняться розыском преступников?

Энджи облизала пересохшие губы.

– Вы говорите совсем как мой отец! Я хочу помочь тем, кто не может себя защитить. Хочу отправить за решетку негодяев, которые избивают и насилюют...

Ей отчего-то вспомнился Мэддокс со своим Джеком-О и рассказом, почему ему необходимо о ком-то заботиться, что-то ощутимо изменить к лучшему, потому что зачастую этого не дает даже работа полицейского. Мэддокс славный человек, он в беде не бросит. Она его недостойна...

– В основном мужчин – ты же работаешь в отделе особых жертв, – ввернул Алекс.

Энджи с усилием заставила себя вернуться к настоящему.

– В отделе борьбы с сексуальными преступлениями, – поправила она. – По статистике, подавляющее большинство насильников – мужчины. Так уж природа устроила.

Психолог медленно кивнул, обдумывая услышанное.

– Так что послужило причиной этого срочного визита? Что тебя беспокоит?

Как всегда, профессор перешел сразу к делу. Энджи уже открыла о себе больше, чем намеревалась. Именно поэтому она и избегала Алекса. Придя после университета в полицию, она эмоционально закрылась, выучившись, так сказать, не смешивать – не терять объективности при расследовании чудовищных преступлений. Одновременно она начала все чаще снимать мужчин для анонимного секса. Внутренняя трансформация произошла исподволь, практически неощутимо, но в обществе опытного психолога и своего старого знакомого, который видит ее насквозь, Энджи не на шутку разволновалась.

Осторожно поставив чашку с блюдцем, она заговорила о болезни матери, о лечебнице, о своих опасениях, что она унаследовала заболевание Мириам, потому что уже появились первые симптомы – визуальные и слуховые галлюцинации. Девочка в розовом, странные слова на неизвестном языке, от которых охватывает первобытный ужас и возникает непреодолимое желание бежать и спастись. Энджи поделилась, как ей всегда мучительно на Рождество и во время снегопада, рассказала, как едва сама не впала в протрацию, когда мать в палате запела «Аве, Марию», и наконец призналась, как на нее нашло помрачение, и она набросилась на своего коллегу у стен кафедрального собора.

Энджи не утаила, что избегает психологической оценки после трагедии с Хашем и маленькой Тиффи и боится обращаться к врачу, потому что в ее личном деле останутся записи, доказательство психического расстройства, и это будет стоить ей работы, а работа – это ее жизнь.

– Энджи, – мягко начал Алекс, – я знаю одного психотерапевта, у него отличные результаты, и он...

– Алекс, вы меня не слушаете. Я не хочу официального диагноза, мне

нужен дружеский совет, прежде чем я решусь куда-то обратиться... – Энджи теребила ремешок наручных часов. – Я кое-кого встретила и... кажется, начинаю влюбляться. Это на него я напала с ножом у собора. Когда я пришла в себя, меня потрясло то, что я наделала, но этот человек меня убедил, что ради него и других моих коллег я обязана показаться врачу, смириться с фактом, что со мной что-то не так, и если это действительно психическое расстройство, тогда мне необходимо уволиться.

– Значит, вот в чем заключается конфликт! Ты не желаешь помощи, однако вынуждена обратиться за ней из-за того человека и приехала ко мне за легкой психотерапией. За легким ответом и готовым решением.

Энджи показалось, что на нее обрушился потолок.

– Простите, наверное, я сделала ошибку. – Она поднялась. – Мне не нужно было...

– Я смотрю новости, Энджи. Я знаю, что ты участвуешь в расследовании недавних зверских убийств на сексуальной почве. Подобные вещи не могут не отразиться на психике, их вполне достаточно, чтобы вызвать...

– Неправда, я не какая-нибудь слабачка!

Алекс приподнял руку, остановив ее.

– Энджи, признай очевидное. Это только в кино полицейским все нипочем. Современный зритель уже привык к насилию на экране, но это жизнь, а не кино, и люди из плоти и крови. Человеческая природа не приспособлена к тому, чтобы справляться с бесконечной чередой кошмаров, которые ты чуть не каждый день видишь, расследуя дела особого рода. И уж совершенно точно этого никто не выдержит без регулярной психологической разгрузки, без грамотной психогигиены, черт побери! Посттравматическое расстройство нужно диагностировать вовремя. – Алекс помолчал. – Когда в июле погиб твой напарник Хаш, я видел в газете твою фотографию – ты с мертвым ребенком на руках, перемазанная его кровью, с искаженным мукой лицом... – Он печально улыбнулся: – Как видишь, я слежу за твоей карьерой.

Энджи стало окончательно неловко перед старым профессором за то, что она так долго не появлялась. Она нагнулась, подхватила сумку и повесила ее на плечо:

– Мне действительно пора ехать. Вы правы, я хотела готового решения...

– Сядь, Энджи. Положи свои вещи. Все может оказаться проще, чем кажется.

Она на мгновение замерла, а потом медленно опустилась в кресло.

Алекс подался вперед:

– Сразу оговорюсь – у нас не сеанс психотерапии, но, если учесть череду тяжелейших событий, навалившихся на тебя в последние полгода, напрашивается вывод, что кумулятивный стресс пробудил твои подавленные детские воспоминания.

Энджи шумно втянула воздух.

– Так же, почти слово в слово, сказал и мой... друг. Иногда мне кажется, что я действительно что-то вспоминаю – я нашла кое-какие несостыковки, связанные с аварией в Италии, когда я чуть не погибла и осталась со шрамом на лице. Галлюцинации действительно напоминают впечатления четырехлетнего ребенка. Но, Алекс, у меня было совершенно ванильное детство!

Старый профессор поднялся, взял кочергу, сгреб угли в центр очага и добавил большое полено.

Снова усевшись в кресло, он сказал:

– Классическое понятие о памяти как о некоем хранилище уже уступило новой научной концепции, которая рассматривает воспоминания не как нечто фиксированное и неизменное, которое хранится как папки в шкафу и может быть вынуто, рассмотрено и при необходимости заменено. Скорее всякий раз, когда мы что-то вспоминаем, мы создаем историю заново. Когда нас просят припомнить событие, мы берем основные элементы прошлого и с их помощью воссоздаем пережитое. – Алекс поглядел ей в глаза: – Иногда в процессе воссоздания своей биографии мы что-то прибавляем – ощущения, мнения и даже знания, приобретенные спустя много времени после самого события, и называем эту новую версию «воспоминанием». – Профессор взял чашку, отпил и поставил на блюдце. – Стремясь примирить факты из нашего прошлого с требованиями настоящего, мы допускаем ошибки и искажения. Мозг стряпает настоящие небылицы в ходе сложных, запутанных процессов, с помощью которых мы, люди, пытаемся придать своему существованию какую-то логику или благообразие. Но... – профессор сделал паузу, – эти процессы способны запустить и психологический диссонанс, если история, которую ты пытаешься себе скормить, сильно отличается от того, что случилось на самом деле. Возможно, твое подсознание, Энджи, решило наконец достучаться до тебя.

– Через маленькую девочку в розовом?

– С длинными рыжими волосами? – улыбнулся профессор. – Ну конечно! Мне кажется, ты об этом догадывалась. При наличии такого

диссонанса, когда воспоминания кажутся не имеющими смысла в твоём восприятии реальности, психика бывает очень изобретательной и алогичной в своём стремлении преодолеть стресс.

Он допил чай.

– Я готов попробовать одну технику гипноза, если ты не против. Ничего запредельного, просто релаксация, и в этих сценариях с маленькой девочкой я попытаюсь провести тебя чуть дальше. Заглянем под твоё сознание, как под капот автомобиля, поглядим, что за моторчик там работает...

Энджи охватила новая тревога. Пальцы невольно впились в подлокотники кресла.

– Но вы в любой момент сможете вывести меня из транса? Мне бы не хотелось...

– Заблудиться в мире иллюзий и застрять там навсегда? – хитро улыбнулся Алекс. – Нет, конечно, все будет хорошо. Я назову ключевые слова, которые позволят тебе сразу проснуться, если начнешь ощущать дискомфорт.

Глава 56

– Можно тут курнуть?

– Жвачкой обойдешься, – буркнул Мэддокс.

Был конец дня, уже начинались сумерки. Они с Хольгерсеном сидели в «Импале» под облетевшей вишней, следя за входом в здание юридического колледжа Университета Виктории. Окна были усеяны дождевыми каплями. Мэддокс гадал, где может быть Джинни: вдруг она сейчас пройдет по этой лужайке, усыпанной опавшей листвой? Пожалуй, Энджи права: он чересчур рьяно взялся командовать дочерью. Он планировал дать Джинни перекипеть, а через несколько дней возобновить попытки стать хорошим отцом.

Хольгерсен затрещал целлофановой оберткой жвачки, вытаскивая зеленый кубик, надежно запаянный от детей. Мэддоксу смертельно хотелось, чтобы Нортон-Уэллс наконец появился на крыльце: с него уже хватит многочасового заточения с Хольгерсеном. Не желая раскрывать карты перед родителями Нортон-Уэллса, детективы утром дождались у таблички «АКАША», когда на улицу выедет маленький красный «Порше», и сели Джейдену «на хвост».

– Может, он давно ушел через другой выход? – предположил Хольгерсен, сражаясь с упаковкой.

– «Порше» вон стоит.

– Может, он уехал с кем-нибудь из приятелей, натянул нас?

– Спорю, что нет, – ответил Мэддокс.

Шуршание целлофана безмерно раздражало.

– Секс – это такое дело, – сказал Хольгерсен, уронив жвачку и начиная шарить по полу. Мэддокс сжал руль: сейчас Хольгерсен скажет, что видел, как они с Энджи целовались и едва не завершили свою страсть прямо на парковке. Отыскав жвачку, Хольгерсен разогнулся и снова начал ее разворачивать. – Он дурит человеку мозги. Отбирает у него ясность мыслей. Начинаешь заключать сделки с дьяволом.

– Ты о чем?

– О сексе. Я говорю, что...

– Так, Хольгерсен, говори прямо, не тяни. Ты торчал в темноте у «Летающей свиньи» и видел, как вышел Лео...

– Ага.

– И?

– Не буду тянуть и скажу прямо. Паллорино – о-о-о, она такая классная-опасная... Никак не могу ее раскусить. Ты вот дотронулся и загорелся. Один раз попробовал – и пропал. Тебе хочется еще, но ты не можешь добыть себе еще и в результате заключаешь сделку с дьяволом – Фицем. А потом – фигакс, и тебе прилетает гиком по носу...

Мэддокс молчал, чувствуя, как сердце перекачивает кровь. Господи, и это от одного звука имени Энджи... Он увлекся сильнее, чем думал. И сердцем, и разумом, и телом, черт побери. У Хольгерсена есть чем его шантажировать.

– И что ты хочешь?

– Не волнуйся, шеф, я парень не болтливый.

– Ну да, ну да. А в пятницу подошел ко мне и заложил Фица.

– У человека должно быть свое отношение к начальству, без этого никак. Мне, видишь ли, импонирует Паллорино, такая вся жесткая, негибкая, но с трагедией в душе. Здесь точно нельзя курнуть? Я могу окошко открыть.

– Нет.

Хольгерсен снова зашуршал оберткой. Мэддокс уставился на его пальцы, и его осенило: это прием! Хрустящая обертка – это же прием для допроса! «Чертов гений, он меня допрашивает, заглядывает мне под капот, хочет поинтересоваться, что же мною движет...»

– Следи уже за зданием, блин! – не выдержал Мэддокс. – Как только Нортон-Уэллс появится, мы его берем. Я хочу задержать его на глазах друзей, коллег, преподавателей...

– А я не-е-ет, я свобо-о-о-оден от жела-а-а-аний... – запел Хольгерсен неожиданно хорошим басом. – Дья-а-аволу я не по зуба-а-ам...

Иисусе! Мэддокс провел рукой по волосам. Джейден, выйди уже на крылечко, гад...

– Я обхожусь без секса два года, одну неделю... и пять дней... – Жвачка наконец выскочила из обертки. – Ага, попалась! – Хольгерсен торжествующе поднял пластинку двумя пальцами. – Нужно прилагать инструкции для взрослых, как открывать эту штуку! – Он сунул пластинку в рот и взглянул на часы. – ...И шесть часов двадцать семь минут, – добавил он, жуя.

У Мэддокса голова пошла кругом: очередная перенастройка отношения к Кьелю Хольгерсену происходила автоматически. Он промолчал. Минуты шли.

– Ладно, – сказал наконец Мэддокс, не отрывая глаз от входа в

колледж. – Стало быть, ты уже испробовал сделку с дьяволом, и теперь у тебя программа из двенадцати шагов. Как говорят зависимые, я еще не вылечился, но это вот-вот произойдет, с минуты на минуту.

Хольгерсен ничего не сказал, но начал барабанить пальцами по приборной доске, напевая какой-то мотивчик. Затем потянулся и захрустел шеей.

Мэддокс сквозь зубы втянул воздух.

– Так что? – сказал наконец Хольгерсен. – Почему утром ты позвонил именно мне, а не кому-то другому?

– Решил провести время с пользой. Ты, да я, да мы с тобой. Подумал, будет поучительно.

Хольгерсен фыркнул и тут же подался вперед:

– Вон, вон он!

Он распахнул дверь, выскочил на траву и почти бегом понесся по газону, меряя землю длинными тощими ногами. Мэддокс кое-как выбрался из машины и поспешил за Хольгерсеном.

Глава 57

– Твои руки тяжелеют... Веки тяжелеют и опускаются... Ты расслабляешься в своем кресле... Тебе мягко и удобно, тепло и хорошо...

Энджи слышала низкий спокойный голос Алекса и уютное потрескивание поленьев в очаге. Профессор опустил портьеры и убавил свет, а ей пришлось снять обувь и выключить телефон. Энджи не очень верила в гипноз, но покорно закрыла глаза, сосредоточившись на том, что говорит Алекс:

– Твое дыхание становится расслабленным, спокойным, медленным, вдох-выдох, вдох-выдох... Воздух входит в твои легкие все глубже и глубже... сон, как теплое одеяло, окутывает твои плечи... Тебе хорошо, приятно... Тебе нравится, ты рада этому, ты поддаешься мягкой заботе, когда она ведет тебя вниз, вниз, туда, где комфортно. В кровать. Ты чувствуешь себя как ребенок, когда мама подтыкает одеяло после долгого счастливого дня. Она читает тебе сказку, но ты ее не слышишь, потому что быстро засыпаешь, ты устала... – Голос Алекса стал монотонным, и Энджи почувствовала, что лежит на спине на своей кровати в темной комнате. У нее было ощущение, что у кровати кто-то сидит – кто-то, с кем ей хорошо и безопасно в темной спальне. Чья-то рука держит ее руку. Слова. Песня медленно просачивалась в сознание. Нежная колыбельная. Женщина держит ее за руку и поет колыбельную. Тепло и ощущение знакомой обстановки переполняли ее удовольствием, и Энджи почувствовала, что улыбается.

– Что ты видишь? – мягко спросил Алекс.

– Темноту, – прошептала она. – Везде темно. Она держит меня за руку.

– Кто она, Энджи?

– Она надежная... она присматривает за мной... она тихо поет, чтобы другие не слышали.

– Какие другие?

От непонятого резкого диссонанса слова будто рассыпались на кусочки. Энджи покачала головой.

– Не знаю, я их не вижу. Везде темно. Она перестала петь.

– Ладно, дыши, вдох, выдох, расслабляйся. Она с тобой. Вокруг безопасно. Других нет. Она снова поет. Что ты слышишь?

Рот Энджи чуть слышно произнес, будто сам собой:

– *А-а-а, а-а-а, были себе котки два... А-а-а, котки два, шаробуры обе-два...*

– А что это означает, Энджи? Ты понимаешь смысл?

Она продолжала напевать, и от мелодии в голове словно разлетелись солнечные зайчики:

– Жили-были два котенка... А-а-а, а-а-а, два котенка, оба серые в полоску... Спи-усни, спи-усни, угомон тебя возьми... Хочешь с неба звездочку?.. Все дети, даже шалуны, закрыли глазки, только ты не спишь...

– Колыбельная, – тихо сказал Алекс. Голос его звучал издалека, из другого времени и места. – От нее ты засыпаешь еще крепче и погружаешься глубже. Кто поет колыбельную?

– Она.

– Кто она?

Свет раскололся о темноту, точно разбитое зеркало. Пульс Энджи участился. Ей захотелось проснуться. Здесь плохо, страшно...

– Все хорошо, Энджи, все хорошо. Ты в безопасности. Тебе приятно. Она поет песню. Можешь услышать слова, мотив? Спой еще.

Она кивнула. Тепло снова возвращалось, охватывая ее, и Энджи прошептала:

– *А где рано пииде свит, кшезицови бедзи встыд, це он заспал, а не ты...* Спи, сам месяц зевает и вот-вот уснет. А когда придет утро, ему будет стыдно, что он заснул, а ты нет...

Она замолчала, ничего не понимая.

– Что она делает?

– Держит меня за руку.

– А как она выглядит?

Энджи заметалась, мотая головой из стороны в сторону. Темно. Совсем темно. В память вдруг прорвался чей-то образ.

– Мужчина в комнате. На ней. Лежит на ней сверху. Он... – От слез защипало глаза. Энджи вцепилась в подлокотники. – Он сопит, как собака. Он на ней сверху, как собака. Странно дышит... это плохо, плохо! – Она зажала уши. – Уходи! Слезь с нее! Перестань!

– Все нормально, давай выйдем оттуда. Иди к двери. Открой дверь. Ты можешь это сделать?

Энджи покачала головой:

– Заперто. – Она задышала чаще: – Уходи!

– Ладно, ладно, я даю тебе волшебный ключ. Я хочу, чтобы ты открыла дверь волшебным ключом и вышла за порог.

Энджи взяла ключ, который вдруг лег ей в ладонь, – большой,

бронзовый, как из ее любимой книги сказок. Она вставила ключ в замок и со скрипом отворила большую дверь. Свет – белый, яркий, слепящий – ворвался внутрь.

– Иди в дверь, Энджи.

Но она повернулась, глядя в темноту комнаты, и протянула руку.

– Пойдем, – прошептала она. – Пойдем в рощу поиграть! – В другой руке у нее вдруг оказалась корзинка. – *Естешми ягóдки, чарне ягóдки...*

– А что это значит, Энджи?

Она начала напевать:

– Мы ягоды, черные ягоды... Мы ягоды, черные ягоды...

– Для кого ты поешь?

– Она должна прийти поиграть. Мы пойдем в рощу, под большие тамаринды. С корзинками. По ягоды.

– Кто должен прийти поиграть? Та женщина, которая пела?

Нет, нет, нет... В груди у Энджи все сжалось, виски стиснуло. Она замотала головой, все сильнее и сильнее. Она отчаянно рвалась вперед, а осока и куманика резали ей ноги до крови. Она пробивалась сквозь кусты, бежала под деревьями и вдруг очутилась на холодной улице, покрытой снегом и увешанной рождественскими гирляндами... «Убегай! Беги!» Идет снег. Энджи часто, тяжело дышала.

– Что происходит?

– Он идет. Большой рыжий дядька и еще другие. Гонится.

– А куда ты бежишь?

– Темно. Там темно. Иди! Иди сюда! Забирайся внутрь! Мне нужно забраться и сидеть тихо, как мышка.

– Ладно, забирайся внутрь и скажи мне, куда ты забралась.

Она замотала головой. Слезы полились по щекам. Энджи задыхалась.

– Большой сверкающий нож. У него нож...

Она закричала, зажав руками уши. Боль резанула по лицу.

– Кровь! Повсюду кровь!

Она смутно расслышала слово «три». Затем громче:

– Три! Два. Один. Энджи, ты возвращаешься, – сказал Алекс. – Ты просыпаешься. Тебе легко и хорошо. Тебе удобно в кресле. Ты в доме Алекса Страусса, в безопасности. Все хорошо.

Открыв глаза, Энджи сразу уставилась на руки. Кровь, покрывавшая их, липкая, горячая и влажная, исчезла. Она медленно перевела взгляд на Алекса.

Профессор был заметно взволнован.

Ее рука сама взлетела к лицу.

– Мой рот, – проговорила Энджи. – Меня же порезали! Ножом.

– Кто? – негромко спросил Алекс. – Кто тебя порезал?

Энджи прерывисто дышала. На верхней губе выступили бисеринки пота.

– Не знаю, Алекс. Я вообще не знаю, как это понимать. Мне всю жизнь говорили, что я получила травму в аварии.

Профессор заварил свежего чая. Энджи некоторое время сидела, глядя на пляшущие в камине языки пламени. На нее наваливалась страшная усталость, мешавшая разобраться в том, что она только что видела... В том, что когда-то произошло...

– Таких воспоминаний у тебя раньше не было? – спросил профессор, подавая ей чашку.

– Только маленькая девочка. Но она казалась скорее галлюцинацией, чем воспоминанием.

– А женщина, песни?

Энджи покачала головой:

– Польские слова приходили в голову, только когда появлялась девочка в розовом.

– Что-то произошло, Энджи, когда ты была маленькой, в возрасте девочки, которая тебе грезится.

Энджи вскинула глаза на Алекса.

– Думаете, родители солгали об аварии?

– Повторяю, всякий раз, вспоминая прошлое событие, мы создаем воспоминание заново, и иногда в память имплантируется... нечто не соответствующее действительности. В результате возникает искажение... – Он помолчал. – И когнитивный диссонанс.

Энджи вытерла верхнюю губу. Ее руки слегка дрожали.

– Мы в любой момент проведем новый сеанс, если хочешь. Можем попробовать проникнуть глубже и задержаться подольше. Сейчас мне пришлось вывести тебя из транса, ты входила в стрессовое состояние.

Энджи рассеянно пила чай, думая о том, что ей рассказывали об Италии, об аварии. О путанице с датами на фотографиях, о смятении на лице отца, когда она завела разговор о несовпадениях, о странных словах матери в лечебнице...

– Не знаю, – тихо сказала Энджи. – Я привыкла считать, что у меня было абсолютно нормальное детство. А почему все это началось именно сейчас?

– Возможно, толчком послужило посттравматическое расстройство из-за трагедии с Хашем и Тиффани. Или же напряжение копилось не один

год, в отделе-то борьбы с сексуальными преступлениями, и достигло критического уровня.

Энджи вспомнились слова Грабловски о формировании программы извращенного сексуального поведения и сексуальных отклонений. Может, в ее собственном прошлом, задолго до начала пубертатного периода, было нечто, что может объяснить ее проблемы с сексом и контролем, ее сопротивление – или боязнь? – любви, эмоциональные стены, которыми Энджи окружила себя за годы работы в полиции.

Может, это объяснит странную отчужденность между ней и родителями – даже к Хашу она относилась с большей теплотой и доверием, чем к родному отцу.

– Мне нужно еще раз поговорить с папой, – тихо сказала она.

Алекс кивнул.

– Я тебе еще кое-что скажу. С той девочкой в прошлом случилось что-то плохое, то, что ты заблокировала в своем подсознании, и теперь всю свою сознательную жизнь ты пытаешься исправить то, что тогда произошло. Спасти ее. Добиться справедливости. Поэтому ты и пошла в полицию. – Он помолчал. – И выбрала работу в отделе по борьбе с сексуальными преступлениями.

По спине Энджи пробежала дрожь: ей вспомнилось, как она убеждала Мерри Уинстон, что ей не все равно. Что она не может спокойно знать, что девятилетняя девочка вынуждена спать с ножом под подушкой, или безразлично смотреть на ту малышку с куклой на заправке, или не попытаться спасти Тиффи Беннет, которую насильовал родной отец. Тогда, в баре с репортершей, Энджи просто не могла остановить свою тихую, но страстную речь. И теперь она поняла, что Алекс Страусс, скорее всего, прав.

Всем, что она делала как офицер полиции, она пыталась спасти маленькую девочку в розовом с длинными рыжими волосами.

Со смертью Хаша она потеряла настоящего друга, почти отца. Со смертью Тиффи она вновь не смогла спасти маленькую девочку в розовом. И теперь девочка не хочет больше прятаться. Она требует для себя места в мире.

Глава 58

– Да что же это такое, вы за мной следили, что ли? Я не обязан с вами говорить, мне вам нечего сказать. Адвокаты моего отца...

– А мы считаем, что вы нам многое можете сказать, Джейден, – сказал Мэддокс, вслед за Хольгерсеном нагнав Нортон-Уэллса.

– Это преследование! – Зрачки юноши расширились, когда Мэддокс с Хольгерсеном взяли его в кольцо и медленно двинулись навстречу, заставив попятиться к стене.

Он бросал отчаянные взгляды на студентов, выходящих из здания, словно ожидая некоего спасательного круга.

– Джейден! – окликнул его один из парней, направляясь к Нортону-Уэллсу и детективам.

– Я... мне надо идти, – начал Нортон-Уэллс.

Но Хольгерсен преградил ему путь, заслонив от приближающегося студента.

– Вы не приехали в управление сделать заявление об угоне машины, – сказал он, глядя на Джейдена сверху вниз. – Вы сказались больным, но сейчас вам, по-моему, лучше. Что скажешь, Мэддокс?

– Он не приехал, потому что «Лексус» никто не крал, да, Джейден? – спросил Мэддокс.

– Джей! – повторил студент, подходя. – Все в порядке?

– Хотите, чтобы ваши коллеги по будущей профессии увидели, как вас арестовывают, Джейден? – осведомился Мэддокс.

Побледневшего Нортон-Уэллса прошиб пот. Ага, начало стресса: надпочечники погнало кортизол в кровь.

– За что?

– За изнасилование, убийство и нанесение увечий Грейси Драммонд.

Глаза Джейдена расширились.

– Проходи! – крикнул он подошедшему товарищу. – Со мной все в порядке, я вас позже нагоню.

Тот колебался.

– Иди, все нормально!

Помедлив, студент ушел. Нортон-Уэллс сглотнул явно пересохшим ртом. Нешуточный стресс. Очень хорошо, подумал Мэддокс.

– Мы знаем, что вас не было в «Оберж». Вам известно, что такое

система скрытого видеонаблюдения, мистер будущий юрист?

– У них нет...

Хольгерсен засмеялся:

– Мэддокс, ты слышал? Он думает, у них нет скрытых камер!

– Простак!

– Камеры сейчас везде – и в ресторанах, и на парковках рядом с ресторанами. Всегда можно посмотреть, в какой день и какие люди на какой машине ездили. Или не ездили. И на новом мосту есть камеры – «Лексус» проехал через мост перед самым похищением Грейси и в обратную сторону сразу после похищения. – Хольгерсен сунул фотографию в лицо Нортону-Уэллсу: – Твой «Лексус», студент. Который никто не угонял с парковки.

Нортон-Уэллс отшатнулся, налетев на стену. Колени у него слегка подогнулись, лицо побелело, дыхание стало коротким и частым.

– Это... Вы это имели в виду, сказав... что автомобиль использовали для совершения преступления?

Хольгерсен хмыкнул:

– В этот «Лексус» погрузили тело Грейси. Попался, студент. – Он приподнял медальон, висевший на шее Нортон-Уэллса: – Ах, как мило... Святой Христофор. Совсем как у Грейси, да, Мэддокс?

– В точности.

Хольгерсен перевернул золотой медальон.

– Только у Грейси сзади было написано «С любовью от Дж. Р.». – Кьель цокнул языком: – Слышишь, Мэддокс, он подарил ей святого, чтоб охранял. Только зачем студенту это понадобилось? А потом он похитил ее, связал, сунул голову под воду и держал, изнасиловал во все дырки и отрезал ей те нежные места, которые заставляли Грейси хотеть мужчин снова и снова – и клитор, и...

– Перестаньте! О господи, пожалуйста, пожалуйста, замолчите! – С полными слез глазами Нортон-Уэллс привалился к стене.

Мэддокс в основном наблюдал, не мешая Хольгерсену. Дело продвигалось быстрее, чем он рассчитывал: для парня действительно стало шоком, что его «Лексусом» воспользовался убийца девушки, которую Джейден Нортон-Уэллс любил.

– Я скажу тебе, почему ты это сделал, – тихо сказал Хольгерсен. – Ярость. Слепая ярость. До тебя дошли слухи, что Грейси спит со всеми подряд. Чем больше, тем ей слаще. И ты застал ее с мистером Блондином на «бумере», или, может, с «мэрским» мальчиком на побегушках Заком Рэддисоном, вышел из себя и...

– Нет! – задыхаясь, перебил Нортон-Уэллс. – Нет, – повторил он еле слышно. – Все было не так. Я этого не делал. – Он подавил тошноту и покачал головой: – Я бы никогда не причинил ей боли. Я любил Грейси.

Бинго!

Мэддокс с Хольгерсеном переглянулись.

– Ладно, ладно, – сказал Хольгерсен. – Мы знаем, что вы были знакомы и что ты был к ней неравнодушен. Значит, не ты это сделал? Не ты убил Грейси и исчислял ее, как котлету?

Джейден помотал головой.

– Тогда слушай сюда. Мы можем серьезно испортить тебе жизнь – арестовать хотя бы за препятствование расследованию двойного убийства... Ну а зачем ты врал насчет «Обержа» и угона «Лексуса»? Арест попадет в газеты. Мама с папой взвельются до небес, сбегутся адвокаты... Или же мы можем сразу исключить тебя из числа подозреваемых. Сейчас ты поедешь с нами в управление и добровольно сдашь образец ДНК сотруднику полиции с соответствующей квалификацией. Раз-два, кружева. Лады?

Джейден закивал:

– Да... Хорошо... Я согласен. – Он шумно выдохнул. По его щекам текли слезы.

– Согласен на что?

– Сдать образец ДНК.

Детективы снова переглянулись.

– Вот и умница, – похвалил Хольгерсен, обняв Нортон-Уэллса за плечи и ведя его к «Импале». – Это ты правильно решил.

Глава 59

Энджи торопливо шарила в ящиках отцовского стола, ища ключи от несгораемого шкафа, в котором Джозеф Паллорино держал все документы. Снаружи бесновался ветер, гоня к берегу сизые тучи и сгибая деревья чуть не вдвое. Небо потемнело. Телефон пискнул – еще один звонок, новое сообщение, но Энджи было не до этого.

Отца не было дома, поэтому она открыла дверь своими ключами и сразу направилась в его кабинет. Она искала документы, информацию, любые сведения о своем детстве, Италии, аварии, отцовском отпуске – что-нибудь, способное подтвердить даты.

«Я не сумасшедшая. У меня не галлюцинации, это воспоминания...»

Когда снаружи потемнело, Энджи включила настольную лампу. Наконец ключи нашлись под поддоном с карандашами в нижнем ящике стола. Энджи схватила связку, нагнулась к отделению шкафа под книжными полками, где у отца стоял несгораемый сейф, и отперла замок. Включив еще одну лампу, она села на пол и принялась вынимать бумаги и выкладывать их на ковер. Быстро, веером, пролистывала паспорта, документы на страховку, старые и новые завещания родителей, брачный контракт, документы на покупку дома, медицинские счета...

Вдруг она замерла: ей попалась вырезка из газеты. На итальянском. В пластиковом файле.

Под заголовком шла черно-белая фотография помятого белого седана, сорвавшегося с насыпи, а на шоссе над местом аварии можно было разглядеть «Скорую» и пожарную машины. Врачи и пожарные стояли на краю дороги и смотрели вниз, на смятый автомобиль. Энджи прочла под фотографией: *La bambina di due cittadini Canadesi Miriam e Joseph Pallorino è morta Mercoledì in un incidente stradale nella Toscana. La bambina, Angela Pallorino, aveva quattro anni...*

Энджи нахмурилась, прочитав слово *morta*^[7].

Между столбцов текста была помещена фотография маленькой девочки с подписью «Анджела Паллорино (4 года)».

Статья была датирована мартом 1984 года.

Во рту у Энджи пересохло: ей пятый год пошел в восемьдесят шестом. Где бы ни вкралась ошибка – в дате или в возрасте ребенка, – получалась какая-то бессмыслица. От порыва ветра толстая ветка стукнула в огромное

стекло. Энджи сильно вздрогнула. Слыша, как дождь забарабанил по металлической крыше, она достала из кармана мобильный и набрала свой любимый итальянский ресторанчик, где регулярно брала обед навынос. Когда трубку сняли, она попросила позвать Марио, владельца.

– Алло! – крикнул он. В трубке было слышно звяканье и бряканье кастрюль и сковородок и голоса поваров.

– Марио! – Энджи старалась говорить громко, быстро и четко. – Это Энджи Паллорино. У меня большая просьба, и это очень срочно. Можешь уделить мне минуту?

– Энджи! Подожди, я перейду в кабинет.

Когда телефон снова ожил, фоновый шум стал заметно тише, и Марио больше не нужно было кричать.

– Чем могу тебе помочь?

– Мне нужен перевод с итальянского на английский. Старая газетная вырезка.

– А-а, *нет проблем!* Сбросишь по факсу?

– А у тебя есть смартфон или имейл, куда я могла бы выслать фотографию статьи?

Марио продиктовал свой электронный адрес.

– И еще. Марио, понимаешь, это очень личное, поэтому...

– Не волнуйся, Энджи, что происходит с Марио, с Марио и остается.

Она улыбнулась:

– Ладно, тогда одну минуту.

Она сфотографировала статью и отправила сообщение. Она нервно мерила кабинет шагами в ожидании, когда Марио прочтет текст, но отчего-то напряглась, когда зазвонил телефон.

– Странные дела, Энджи. Что это за статья?

– Марио, а что там написано? Ты мне, главное, переведи.

– Тут сказано: «Дочь канадских граждан Мириам и Джозефа Паллорино погибла в дорожной аварии в Тоскане. Анджеле Паллорино было всего четыре года». – Марио помолчал. – Здесь сказано, что погибшую звали Анджела Паллорино. Это какая-то ошибка?

По спине Энджи пробежал мороз. В голове образовался водоворот, втягивая все, что она знала как правду, в бешеную разноцветную спираль, которая, подобно настоящей водяной воронке, всасывалась в какую-то черную дыру.

– Энджи, ты меня слушаешь?

– А дата... когда произошла авария?

– Двенадцатого марта 1984 года.

– Марио, ты можешь никому об этом не говорить? Мне нужно все обдумать.

– Конечно, конечно! Я же сказал, все, что происходит с Марио...

– Спасибо. Я твоя должница. – Энджи нажала отбой и невидящими глазами уставилась на свое искаженное отражение в исчерканном дождевыми каплями оконном стекле.

Согласно газетной статье, Энджи Паллорино погибла в возрасте четырех лет.

Но это ошибка, иначе кто сейчас отражается в стекле?

Минуты летели, а Энджи все смотрела на себя, не в силах осмыслить новость. Она-то думала, ее преследовали воспоминания об аварии – боль, попытка спастись из сминающейся, изуродованной машины. Неужели это ложная память? А куда она попадала в гипнотическом трансе? Что это были за люди с ножом? Куда отнести эти воспоминания?

Она бросилась к документам, разбросанным по ковру, и, опустившись на колени, стала перебирать все подряд, пока не нашла наконец то, что искала, – свидетельство о рождении Энджи Паллорино. На листке значилась дата: «14 февраля 1980 года».

Под ложечкой точно лег холодный камень. Это вообще не ее свидетельство!

Сзади открылась дверь. Энджи резко обернулась.

На пороге стоял отец. Побелев, он смотрел на лист в руках дочери, на стопки документов на ковре.

– Энджи?

– Кто она? – требовательно спросила Энджи. – Чье это свидетельство о рождении? Что за малышка погибла в аварии? Почему меня зовут так же, как ее? Кто я, черт побери?!

Глава 60

«Студентик» Джейден, с бледным, как мука, лицом, широко открыл рот и вздрогнул, когда полицейский, обученный брать образцы ДНК, потер ему внутреннюю сторону щеки губчатым концом аппликатора, собирая клетки слизистой. Кьель, стоявший рядом с новым «шефом», ощутил беззвучный взрыв облегчения, когда аппликатор с соскобом был уложен в стандартную пробирку для биологических образцов, снабженную подписанным ярлыком.

Затем взяли кровь – быстрый укол, и красная капля выдавлена на карточку вещдоков. Образец крови тоже занял свое место среди образцов ДНК и был соответствующим образом подписан. Отпечатки пальцев у Нортон-Уэллса уже сняли. Восемь волос были выдернуты с головы и уложены в отдельную пробирку из стандартного набора для взятия образцов ДНК.

Кьель украдкой глянул на шефа-кореша: черт, он готов был прямо здесь обменяться шлепком ладони о ладонь и заскакать по комнате в лихом танце победы в паре с Мэддоксом. Хольгерсен сегодня был сама обстоятельность: он даже заснял процесс взятия образцов на видео. Но сержант Мэддокс ничем не выдавал эмоций – стоял и смотрел, бесстрастный, как статуя.

Когда образцы унесли в лабораторию, а «студентика» увезли в университет на патрульной машине с полицейским за рулем, детективы пошли в оперативный штаб забрать куртку и пальто. Кьель, натягивая свой бомбер, сказал:

– Ну что, как? По пиву в «Летающей свинье», шеф?

– В другой раз, спасибо, – рассеянно отозвался шеф, застегивая пальто, погруженный в какие-то тревожные мысли.

– Или опять свидание с гиком?

Взгляд необычных темно-синих глаз хватил Кьеля как тростью. Несколько секунд у Мэддокса был такой вид, словно он может убить. Затем на лице появилась улыбка.

– Ну конечно, а то что же. Может, сразу с несколькими, чтобы легче было выдержать завтрашнюю головомойку от Фица.

– А что тебе не нравится? – спросил Кьель, когда они шли под сеявшимся дождем – до «Свиньи» было рукой подать.

- Тот факт, что Нортон-Уэллс вообще согласился сдать образцы.
 - Он же едва не отказался – несколько часов все висело на волоске!
- Сдается мне, ему еще по дороге в управление удалось малость сменить жокея-логику на лошадь-панику.

Глава 61

Деревянной походкой на непослушных ногах Джозеф Паллорино вошел в гостиную, опустился в кресло и закрыл лицо своими большими руками. Кресло матери, с другой стороны камина, зияло пустотой. Энджи ждала, молча глядя на отца.

Он долго молчал. Снаружи бушевала гроза. Ветки деревьев рассекали воздух и стучали по карнизам.

– Папа, поговори со мной.

– Энджи, ты не могла бы разжечь камин?

Она не поверила своим ушам, но послушалась, яростно ломая щепу, складывая поленья и комкая газеты с таким чувством, будто попала в альтернативную вселенную. Бездонная дыра, разверзшаяся под ложечкой, расширялась, разъедая ее изнутри. Энджи поднесла спичку к бумажному комку, и огонь с протяжным стоном ожил, охватив щепу.

Когда пламя заревело, как в горне, Энджи налила виски в два бокала чуть не до краев. Вставив бокал в отцову руку, она присела в кресло матери, не сводя глаз с отца.

После нескольких глотков он заговорил:

– Я любил твою маму. – Джозеф Паллорино поднял глаза. Его взгляд пробивал в груди невидимую дыру – в глазах застыло выражение непреходящей пустоты, боли, утраченной любви. Энджи сглотнула.

– Я знаю, пап.

– В тот день в Тоскане за рулем была она. Солнечный день, голубое небо, вокруг красота... Ты сидела на заднем сиденье... – он запнулся, но через мгновение собрался: – Энджи сидела.

– Энджи – это я, – поправила Энджи. – Меня зовут Анджела Паллорино, верно?

Тягостное предчувствие усиливалось.

Отец отвел глаза и стал смотреть на огонь.

– Твоя мать потянулась за темными очками, которые лежали на пассажирском сиденье: дорога шла в гору, и солнце било прямо в глаза. Уронила очки на пол, нагнулась поднять, на секунду отвлеклась от дороги, не заметила поворот и потеряла управление. Машина вылетела за ограждение и закувыркалась по крутому склону. – Отец смотрел на огонь со странным выражением, будто вновь оказался в Италии в тот день. – Она

сильно пострадала при падении, наша Энджи... О господи, Энджи... О господи... Как мне это исправить? – Он снова поглядел ей в глаза: – Я не хочу об этом говорить, не хочу делать тебе больно. Ты Энджи. Ты стала Энджи.

Она пыталась осмыслить услышанное. В голове будто кто-то внятно шептал, подсказывал очевидные выводы. Ей хотелось отвернуться и зажать уши, но пересилила решимость заставить отца объясниться, сказать ей все, жестоко и честно.

– Как это понимать, что я стала Энджи? – невозмутимо спросила она.

Отец покачал головой, потер лоб и сделал большой глоток виски.

– Папа, ответь! В газетной вырезке сказано, что Анджела Паллорино, четырех лет от роду, погибла в автомобильной аварии в Тоскане в восемьдесят четвертом году. Вы с мамой говорили мне, что мы попадали в аварию в Тоскане в восемьдесят шестом, я чуть не погибла, и с тех пор у меня остался шрам. Мне тогда шел пятый год. – Энджи коснулась шрама на губе.

Отец отвел глаза.

– Папа, посмотри на меня. На этот шрам. – Он медленно повернул голову. – Кто погиб?

– Наша первая дочка.

Энджи открыла рот, но оттуда не вылетело ни звука. Вскочив на ноги, она подошла к окну, развернулась и уставилась на отца, сидевшего у камина возле наряженной елки. Совсем как на фотографии 1986 года, где они втроем якобы только что вернулись из Италии.

– Кто же тогда я? – тихо спросила Энджи.

– Я любил твою маму. Я так ее любил... В этом же не было ничего плохого, Энджи, мы ничего плохого не делали. Просто так получилось.

Стараясь не выдать внутренней дрожи, Энджи вернулась к камину и опустилась в кресло.

– Ты только не вилай, – попросила она. – Расскажи мне все в хронологическом порядке. По пунктам, если не можешь иначе. Мне нужно знать. Я же думала, что заболеваю! Меня уже некоторое время преследуют воспоминания о том, чего, как мне казалось, никак не могло быть в моем детстве.

Ссутулившись, отец кивнул.

– Отпуск в университете мне дали в восемьдесят четвертом. Авария произошла тогда же. Наша четырехлетняя Энджи скончалась в больнице от травм, полученных при аварии. Твоя мама едва не лишилась рассудка, у нее началась сильнейшая клиническая депрессия с галлюцинациями. Чего я

только не перепробовал... Мы вернулись в Ванкувер, Мириам как следует пролечили. Я начал преподавать в Университете Саймона Фрейзера, но я попросту боялся оставлять ее одну на целые дни. Она молчала, погруженная в себя, бродила по дому с отсутствующим видом, будто часть ее умерла вместе с Энджи. Я начал водить ее в церковь, и у меня впервые появилась надежда: молясь за своего умершего ребенка, Мириам немного ожила, словно почувствовав некую связь с Энджи. Тамшний священник, спасибо ему, привлек твою маму к волонтерской работе и пригласил петь в церковном хоре. Хор часто выступал в центральном соборе Ванкувера, при больнице. – Он допил остававшееся виски и несколько секунд сидел молча, будто собираясь с силами.

– Это случилось в сочельник, через два года после аварии.

Странные слова Мириам будто ветерком прошелестели в ушах: «Ее вернули в сочельник. Я пела в соборе, таком красивом... Это было предопределение свыше...»

– Рядом с собором есть больница Св. Иосифа, и там у них устроена Ангельская колыбель. Больница католическая, и персонал совместно с полицией решил положить конец порочной практике, когда юные незамужние матери из страха выбрасывают младенцев в общественные туалеты или мусорные контейнеры. Они предложили мамашам оставлять новорожденных у больницы, а полиция согласилась не преследовать женщин, если жизни ребенка ничто не угрожало. В результате сконструировали специальную колыбель, вернее, подобие колыбели... – Отец замолчал.

– А дальше?

Он вздохнул:

– Ангельская колыбель представляет собой маленькую выгородку с детской кроваткой внутри. На уровне пояса есть дверца, которая открывается на улицу. Все, что нужно сделать матери, – открыть дверь со стороны улицы, возле входа в приемный покой, положить ребенка в кроватку и закрыть дверь. После этого женщина может уйти. Через пару минут в больнице прозвучит сигнал тревоги, и медсестры откроют вторую, внутреннюю дверцу бокса. Ребенка найдут, после чего он будет передан на попечение государства и пойдет на усыновление.

«Ангелы принесли ее обратно. Ей было еще рано на небо, вот они ее и вернули...»

Но этого не могло быть.

Ее не могли оставить там младенцем – время не совпадало.

Отец взял бутылку, оставленную Энджи на тумбочке, и долил себе

виски. Взяв бокал обеими руками, он рассматривал игру света в темно-янтарной жидкости.

– В восемьдесят шестом в сочельник, когда твоя мама пела в хоре во время рождественской мессы, в центре Ванкувера произошла какая-то разборка между уличными бандами. Один из эпизодов разыгрался прямо у собора. Мы, находясь внутри, слышали выстрелы, крики и визг шин. Затем все стихло. Когда мы вышли, все уже закончилось. Вокруг стояла особая тишина, потому что шел густой снег. Позже мы узнали из газет, что в ту ночь ближе к полуночи в больнице прозвучал сигнал тревоги из Ангельской колыбели. В боксе была обнаружена девочка лет четырех, истекавшая кровью от резаной раны на лице. – Он помолчал. – Нанесенной ножом, видимо, в ходе уличных беспорядков, как сказали врачи.

Рука Энджи медленно поднялась к шраму в углу рта.

«Утекай, утекай! Вспакуй до шродка, шибко! Шеди тихо!»

Убегай, убегай! Забирайся сюда!

– Ребенок ничего не говорил, – продолжал отец. – Врачи решили, это от шока, но вскоре встал вопрос, понимаешь ли ты по-английски...

– Я?!

Глаза отца блестели от эмоций.

– Длинные рыжие волосы. Ты была босиком. Зимой – и босиком! На тебе было только розовое платьице – нарядное, вроде как праздничное, но старое, рваное и перемазанное кровью. – Он отпил еще виски. Говорить ему становилось все легче и легче по мере того, как Энджи было все труднее слушать. – Когда история наконец попала в газеты и полиция начала расследование, о тебе не нашлось вообще никаких сведений. Ты поступила под опеку государства и стала кандидатом на удочерение.

Энджи моргала, не успевая за открытиями. Слова отца стремительно складывались в единое целое, с беспощадной ясностью объясняя все до мелочей. И все же она кое-чего не понимала.

– Тут какая-то мистика, Эндж. Детективы концов не нашли, а на фотографиях, которые мы с твоей матерью увидели в газетах, ты выглядела копией нашей дочери: те же рыжие волосы, тот же возраст. Нам не давал покоя тот факт, что тебя нашли, можно сказать, у стен собора, где пела твоя мать, словно она вымолила тебя обратно...

– Энджи, ты хочешь сказать, – поправила Энджи. – А не меня.

– Ей казалось, ты и есть наша Энджи. Ты появилась – вернулась – под Рождество, как Божественный младенец в яслях, и Мириам увидела в этом знак свыше. Она поверила, что тебя принесли ангелы и мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы забрать тебя, удочерить, законно привести в

наш дом...

– Безумие какое-то, сумасшествие!

Отец снова уставился в бокал.

– Да, ее рассудок пошатнулся. Я не жду, что ты поймешь, но Мириам, поверив, что ты – ее возвращенное небом дитя, и хорошо понимая, что такое процесс удочерения, решила во что бы то ни стало доказать государственным органам, что способна стать хорошей приемной матерью. Она взяла себя в руки и казалась совершенно нормальной, а клиническую депрессию списали на посттравматическое расстройство и абсолютно понятное горе. Мы оформили сперва опеку, а спустя положенный срок нам разрешили тебя удочерить...

– Потому что других желающих не нашлось? – перебила Энджи. – Четырехлетних удочерить непросто, а тут еще моя сомнительная история, немота и отсутствие воспоминаний! Получается, вам повезло.

Отец не отреагировал на сарказм.

– Когда мы наконец привели тебя домой, твоя мать ожила. У нее снова появилась цель в жизни, к ней вернулись любовь, смех, энергия. Ты вернула мне Мириам, Энджи. А я... Не знаю, суждено ли тебе испытать такую любовь, но Мириам была для меня всем. Она – мой мир. Когда я увидел, что она стала почти прежней... – Голос Джозефа Паллорино пресекся, но он справился с собой: – Я не стал ничего менять. Не пытался ее разубедить.

– И вы попросту стали звать меня Энджи? – не выдержала Энджи. – Как своего мертвого ребенка? Да что же вы за люди?

– Я не видел в этом ничего дурного, – неожиданно покорно ответил отец. – От этого твоя мать пришла в себя, а ты буквально расцвела – выучилась говорить, петь, смеяться. Я...

– Вы вот так запросто взяли и вставили подобранного ребенка на место умершей девочки? Как это можно считать нормальным? Как это могло не навредить?

– Да чем это навредило? Ты прекрасно развивалась, мы стали семьей. В восемьдесят седьмом под Рождество переехали из Ванкувера сюда, на остров, и ты стала совсем нашей Энджи.

– И вы меня всем так и представляли – ребенком из альбома с фотографиями? Все снимки младенца, начиная с родильной палаты и до самой Италии, – не мои? Годы шли, а вы ничтоже сумняшеся продолжали вкладывать в альбом мои фотографии?!

Отец промолчал.

– Вы вообще решили скрыть, что не являетесь моими биологическими

родителями?

Он потер колено.

– Я думал – расскажем, когда подрастешь, или если возникнет какая-то медицинская проблема. Но ведь не возникла же! Мы действительно начали верить, что ты и есть наша Энджи, так зачем же ранить тебя такой правдой? Все равно никто не знает, откуда ты взялась. Все ниточки давно оборваны, не у кого даже было брать образцы ДНК! Так почему нам было не оставить все как есть?

– Потому что это неправда. – Энджи вскочила и провела руками по волосам. Привычный мир опасно накренился на своих осях, вызывая дурноту. Все, во что она привыкла верить, ложь. Всю ее жизнь теперь нужно пересматривать под другим углом. Та, кого она ежедневно видит в зеркале, не Энджи Паллорино. Придется привыкать, что она неизвестно кто. Ей захотелось убежать, спастись, спрятаться. Выскочить из собственного тела, напиться до беспамятства, поехать в ночной клуб и натрахаться до потери пульса...

– Значит, у меня есть биологические родители. – Это не было вопросом, Энджи просто озвучила факт, чтобы лучше уяснить. – Может, они умерли, а может, и живы. – Она замолчала, бешено глядя на отца. В ней рос гнев, но он измельчался, как в уничтожителе бумаг, острой жалостью и сочувствием: Джозеф Паллорино тоже остался теперь совершенно одиноким. Сегодня они разбили прошлое семьи на мелкие осколки, которых уже не собрать.

– Как по-твоему, откуда я родом? Должна же у тебя быть теория! Моя мать была полькой? Я когда-нибудь произносила польские слова, когда снова начала говорить?

Отец покачал головой:

– Нет, только английские. Ты забыла все, что было до того сочельника, когда тебя нашли в Ангельской колыбели. Никто ничего не знает, Эндж, – ни вандуверская полиция, ни Интерпол, ни другие службы. Никто не обратился с просьбой отдать тебя, подтвердив кровное родство анализом ДНК. Розыск тоже ничего не дал. Ты, словно сама собой, вдруг оказалась в Ангельской колыбели и ждала нас...

Тут Энджи кое-что вспомнила.

– Скажи мне еще одно. Почему мы вдруг перестали ходить в церковь?

– Однажды, незадолго до Рождества, на воскресной мессе твоя мама заметила, как изменилось твое личико при звоне колоколов. Мне кажется, Мириам боялась, что ты что-нибудь вспомнишь. После этого мы туда больше не ходили.

卅

Глава 62

Открыв дверь своей тесной квартирki, Мерри Уинстон замерла, ощутив чужой запах. Здесь кто-то побывал. Она включила свет в коридоре и комнате. Занавеска легонько колыхалась от сквозняка.

Мерри быстро подошла к окну и отодвинула штору. Окно было приоткрыто, в щель тянуло холодом. Сердце замерло: она не оставляла окно открытым! Уинстон с силой задвинула раму и повернула ручку. Обернувшись, она огляделась, напрягая слух.

В квартире тихо, только кровь толчками шумит в ушах и слышится собственное частое дыхание. Уинстон не сводила глаз с входной двери. Расстояние, отделявшее ее от выхода, вдруг показалось огромным. Может, если кинуться бегом... на тот случай, если кто-нибудь притаился в ванной или спальне...

Мерри осторожно сделала шаг. Скрипнула половица. Мерри замерла, но все было тихо. И тут на обеденном столе, придвинутом к кухонной тумбе, она увидела маленький пакетик с белыми кристаллами, стеклянную трубку и зажигалку.

Мерри непроизвольно сглотнула, взгляд метнулся к двери спальни. Она ждала, прислушиваясь. Ничего не услышав, на цыпочках прошла по комнате и по миллиметру приоткрыла дверь в спальню. Ничего. Мерри заглянула в ванную, отодвинув душевую занавеску, проверила шкафы в коридоре, пошарила под кроватью. Вернувшись к столу, она уставилась на пакетик. Под ним лежал простой белый конверт. Мерри пришлось коснуться пакетика, чтобы вытащить конверт.

В нем оказалось два зернистых снимка, сделанные ночью. На одном ее «Фольксваген»-«жук» ехал вдоль берега бухты Аплендс. На другом Мерри собственной персоной, в пуховике и шапке, сидела на корточках между внедорожником и «Киа Соренто», направив огромный объектив прямо на того, кто ее фотографировал. Она перевернула снимок и прочла: «Тебе конец».

Мерри затрясло. Она посмотрела на лежавший перед ней пакетик, и в ней шевельнулся старый сосущий голод, неумолимый, как дракон, пробудившийся от спячки. Паника петлей стиснула горло. Уинстон кинулась к двери, где бросила свой рюкзак, и кое-как открыла боковой карман, нашарив визитку Энджи Паллорино. Она набрала номер, но после

первого же сигнала включился автоответчик. Мерри сбросила звонок, забегала по квартире, остановилась и уставилась на наркотик. Нет. Нет. Нет... Дрожащими пальцами она нажала набор номера, но снова попала на автоответчик.

Глава 63

Уже около полуночи Мэддокс въехал на парковку в Западной бухте и по дощатому настилу, отворачиваясь от дождя и ветра, направился к выходу на яхтенный причал. Пиво, выпитое с Хольгерсенем и другими детективами в «Летающей свинье», заметно ослабило эффект переизбытка кортизола: два дня выдались адские, плюс Мэддокс по-прежнему волновался за Энджи. Скучал по Энджи. Вождедел Энджи. Немного сердился на Энджи. Она занимала все его мысли – по пути домой Мэддокс проехал мимо ее дома, взглянув на крайние от угла окна на верхнем этаже, там, по словам Хольгерсена, жила Паллорино. Окна были темные.

Мэддокс остановился у калитки, чтобы набрать код, но слева в густой тени уловил движение и обернулся, схватившись за кобуру. Расслабляющее воздействие пива сразу прошло, когда от сырого мрака вдруг отделился знакомый силуэт.

– Энджи?!

Она ничего не сказала. Куртка блестела от дождя. Энджи была в черной шапочке, и от этого лицо будто светилось в темноте. Глаза были странные – больше, темнее и глубже, точно подведенные. Мэддокс заволновался, но тут же в душу закралось сумрачное подозрение, что она побывала в клубе.

– Что ты здесь делаешь в такой час? Что-нибудь случилось?

Не отвечая, Энджи подошла к нему вплотную, обняла ледяной рукой за шею и запустила пальцы ему в волосы, при этом в упор глядя в глаза – глубоко, в самую душу.

Мэддокс сглотнул.

– Энджи, ты давно здесь? – вполголоса спросил он.

По-прежнему молча она прильнула к нему, и холодные губы, мокрые от дождя, нашли его рот, целуя нежно, испытующе, дурманяще, отчего Мэддокс забыл обо всем на свете. Его дыхание участилось, когда он почувствовал, что рука Энджи пробралась к нему под пальто и двинулась вниз по животу, скользнув между ног. Низкий стон вырвался из груди, когда он ответил на ее поцелуй, открыв рот, пробуя ее, переплетаясь языками. Энджи гладила, массируя, его напрягшийся член, сдерживаемый тканью брюк, но, когда Мэддокс обезумел от страсти, когда кровь отлила от головы, устремившись в пах, некий осторожный голосок подсказал – тут что-то не так. Паллорино ведет себя иначе. Исчезло грубое, нетерпеливое

вожделение, сексуальная агрессия, которая горела в ней прежде. Мэддокс отодвинулся, тяжело дыша.

– Энджи, – прошептал он, – ты не отвечала на мои звонки. Что случилось?

– Вы пригласите меня к себе, Джеймс Мэддокс? – Голос Энджи звучал напряженно, хрипло. Мэддокс поколебался, но взял ее за руку, открыл калитку, ведущую к воде, и повел свою спутницу по пристани, вздрагивавшей от ударов волн. Сердце билось от ожидания и обещания, от страха, от внутреннего конфликта...

«А еще мы ждем от вас официальной оценки работы детектива Паллорино, которая пока продолжит работать под вашим началом. Скажем, через две недели на брифинге? Здесь, в моем офисе?.. Нельзя сказать, чтобы она полностью справлялась с обязанностями, что косвенно подтвердил инцидент, закончившийся смертью ее напарника. Сержант Хашовски был одним из самых опытных и уважаемых детективов в управлении, он пользовался всеобщей симпатией. Я считал его своим другом...»

– Чего-нибудь выпьешь? – спросил Мэддокс, когда они спустились в каюту.

Энджи помотала головой, стягивая мокрую куртку. Бросив ее на пол, она взяла Мэддокса за руки и повела в глубь каюты, к кровати, на которой он спал. Мэддокс с пересохшим ртом ожидал, что она толкнет его спиной на постель, рванет на нем все пуговицы и молнии, как той ночью в клубе, оседлает и жестко, страстно и безжалостно отымеет.

Но она усадила его, одетого, на кровать и молча разделась перед ним, не выключая света, будто не хотела ничего скрывать, а, наоборот, решила перестать играть в игры. Она стояла обнаженная – белые груди, напрягшиеся бутоны сосков, темно-рыжий пушок внизу живота, длинные влажные волосы, тяжелой волной рассыпавшиеся по плечам. Сейчас Паллорино казалась трогательно-беззащитной – ее хрупкость приводила на память красивые стеклянные вещицы, произведения искусства, которые могут треснуть от одного прикосновения. В ушах шумело. Мэддокс чувствовал, как пульсирует кровь в паху. Он нерешительно потянулся к Энджи, желая коснуться ее бедер, но она отвела его руки и начала раздевать Мэддокса – чувственно, дразняще-медленно.

Когда они оба остались обнаженными, Энджи легла рядом с Мэддоксом и потянула его на себя. Огромные расширенные зрачки почти затопили светло-серые радужки, отчего глаза казались неестественно большими. Что с ней? Страх? Шок?

– Энджи, – повторил Мэддокс, из последних сил стараясь сосредоточиться, борясь с неистовым желанием, искрами пробежавшим под кожей, когда Паллорино, подавшись к нему навстречу низом живота, руками направила эрегированный член в свои складки. – Что произошло, черт побери?

Ее глаза заблестели, но она помотала головой, будто говоря: «Не сейчас», и раздвинула бедра. Нетерпение отразилось в ее движениях, когда она напряглась в ожидании, часто дыша. Его кожа казалась обжигающе горячей.

Перед глазами у Мэддокса все поплыло, когда он резко вошел в ее теплое влажное лоно. Энджи тихо вздохнула, словно от облегчения. Сначала Мэддокс двигался медленно и нерешительно, а она встречала его мягким уверенным движением бедер – старый как мир ритм, совпадавший с волнами, покачивавшими яхту. Но вскоре внутри его начало расти нестерпимое давление. Он чувствовал, как Энджи распяляется, становится нетерпеливее, начинает двигаться быстрее. Он ускорил темп. Она обхватила его ногами и крепко обняла, будто стараясь слиться с ним воедино, пропитаться им и поглотить.

Вдруг она ахнула и напряглась всем телом, глубоко впившись ногтями ему в спину, не дыша и не двигаясь, затем вскрикнула, и Мэддокс почувствовал, как сокращаются ее мышцы, будто волна за волной пробегают по телу. Энджи запрокинула голову, широко открыв рот и глаза, и Мэддокс не смог больше сдерживаться: со следующим мощным движением он разрядился, обессиленно опустившись на нее и сотрясаясь от сладострастных судорог.

Некоторое время они так и лежали, прикинув друг к другу и тяжело дыша. Кожа блестела от пота. Почувствовав на шее ее слезы, Мэддокс повернул голову. Энджи, с порозовевшими носом и щеками, плакала.

– Энджи?

Она покачала головой, обняв его ладонями за щеки.

– Как хорошо, – прошептала она, целуя его солеными от слез губами. – Это так прекрасно... Спасибо тебе, – пробормотала она ему в рот, – спасибо.

Глава 64

Энджи смотрела снизу вверх в эти невозможно синие глаза, которые привлекли ее еще в первую ночь в клубе, и тихий голосок на краю сознания подсказал: «Ты могла бы полюбить этого человека».

Мэддокс соскользнул с нее и лег на бок, подперев голову рукой и глядя на Энджи. Повязку с переносицы он уже снял, но припухлость еще была заметна, а синяки под глазами даже не думали желтеть. Ее сердце сжалось.

«Ты правда могла бы...»

Но Энджи понимала, что пока не готова. Сперва ей нужно найти себя, выяснить, кто она такая. Ничего, что четверть века назад копам не удалось ничего выяснить; она добьется возобновления дела.

«Ты позволила себе быть покорной и слабой в его объятиях, и это принесло тебе удовольствие, а не страх. Это подарок судьбы, ты можешь стать новым человеком...»

– Энджи, поговори со мной, – шепнул Мэддокс, коснувшись ее губы и проведя пальцем по шраму. – Расскажи, где ты была, что случилось?

– Как там расследование? – отозвалась она, вдруг занервничав, оттого что придется ему все рассказать и от этого правда станет еще реальнее. – Меня просто убивает, что я не на работе. В новостях вроде ничего нового не сообщали?

– Расследование буксует, – ответил Мэддокс, обводя пальцами ее сосок, так что он снова напрягся и пробудил желание. Энджи вздрогнула, и Мэддокс накрыл их обоих одеялом. – А тут еще ты волынку тянешь. Что произошло? Что изменилось?

Энджи глубоко вздохнула и наконец ответила:

– Я съездила к специалисту. Неофициально. К доктору Алексу Страуссу, этой мой бывший научный руководитель и большой друг. Я ведь изучала психологию, прежде чем пришла в полицию.

Она рассказала, что удалось выяснить во время сессии с Алексом и разговора с отцом.

Мэддокс слушал, играя ее волосами, но взгляд оставался острым, сосредоточенным.

– Раз Мириам Паллорино не является моей биологической матерью, я не могла унаследовать от нее предрасположенность к шизофрении, – попытожила Энджи. – Я считаю, это важно. Алекс предложил провести

еще несколько сеансов гипноза и поглядеть, смогу ли я вспомнить что-нибудь еще.

– И что ты теперь чувствуешь?

От нахлынувшего волнения Энджи не сразу смогла ответить. Чуть повернув голову, она поглядела на Джека-О, свернувшегося на своем овечьем коврикe, и ей стало чуть легче на душе.

– Я обязательно отыщу своих настоящих родителей. Выясню, кто я и откуда, как попала в Ангельскую колыбель и почему знаю отдельные фразы по-польски. – Она вновь повернулась к Мэддоксу. – Мне кажется, с моей матерью произошло нечто ужасное. Или с нами обеими... Наверное, поэтому я неосознанно подавляла память о раннем детстве.

Мэддокс помрачнел, и у Энджи шевельнулось нехорошее предчувствие. Ей не терпелось снова вернуться к расследованию, но это зависело от Мэддокса. Нужно, чтобы он ей поверил.

– Расскажи, что удалось обнаружить? – попросила она в надежде развеять его мрачность. – Что Лео и Хольгерсен сказали о моем отсутствии и о твоём носе?

– Утром поговорим.

Опасения усиливались. Он явно о чем-то недоговаривал.

– Почему?

– Энджи, ты знаешь, который час? Нам спать надо.

– Я хочу завтра вернуться на работу, Мэддокс. Меня не было уже целых два дня. Еще один – и ко мне возникнут серьезные вопросы.

– А как же психологическая оценка? – тихо спросил он.

У Энджи внутри все напряглось.

– Схожу. Запишусь к специалисту и схожу. Со мной все будет в порядке.

– А куда деть тот факт, что на тебя снова может накатить временное помрачение?

– Да нет, этого точно не повторится. Понимаешь, я много лет жила под страшным давлением, будто под холодной коркой моего сознания клочкотала раскаленная лава. Я напрягала все силы, силясь сдержаться, но теперь наружный слой лопнул, трещина расширилась, лава вытекла, и давления больше нет...

Он смотрел на нее. Повисла тяжелая пауза.

– Мэддокс, – тихо сказала Энджи, – у меня уже все прошло, ты должен мне поверить.

– Завтра поговорим. – Он нежно поцеловал ее и выключил свет.

Но когда Энджи наконец задремала в его объятиях, обнаженная и

теплая, – яхта мерно покачивалась, Джек-О похрапывал, старый пропановый обогреватель громко щелкал всякий раз, когда термостат подавал сигнал, что кабина слишком остыла, – в голове кто-то шепотом запел колыбельную. Послышалась музыка с каким-то металлическим призвуком, становясь все громче и громче:

– «Жили-были два котенка... Серые в полоску... Все дети, даже шалуны, закрыли глазки, только ты не спишь...»

От этой музыки в Энджи распространился глубокий беспричинный страх, клубясь холодной, угрожающей безумием чернотой и подтачивая ее уверенность в том, что она справится.

Глава 65

Воскресенье, 17 декабря

Энджи вышла на маленькую кухню во вчерашней одежде, связав волосы в аккуратный хвост. Ей страшно хотелось под горячий душ, но еще больше хотелось поговорить.

Мэддокс накрыл стол на двоих. Он стоял спиной к ней, переворачивая омлет. Заваривался полный кофейник кофе. Джек-О хрустел собачьим кормом у ног хозяина.

– Привет, – сказала Энджи.

– Привет. Выспалась? – Мэддокс повернулся со сковородкой в руке, принес ее к столу и не поднимал глаз, раскладывая омлет по тарелкам. В душе Энджи ожила вчерашняя тревога: почему Мэддокс избегает ее взгляда?

– Еще как, – солгала она. Всю ночь ее мучили кошмары о том странном месте, где она побывала с помощью Алекса.

– Порубаем, что ли? – сказал Мэддокс, присев к столу, и, улыбнувшись, наконец-то поглядел на Энджи: – У меня так отец говорил. Кушать подано, ешь, пока горячее.

Энджи не шевельнулась, изучая его лицо. Улыбались только губы, глаза оставались серьезными. На нем джинсы и красивая рубашка без галстука. Одет для работы, но менее формально, чем обычно... Она вспомнила, что сегодня воскресенье.

– Мэддокс!

– Сядь, – повторил он, наливая кофе в две кружки, но тут же, будто осекшись, поглядел на нее: – Как ты себя чувствуешь?

– Как огурчик. А ты?

Его рука замерла, улыбка исчезла.

– Нам нужно поговорить, – тихо сказала Энджи.

– Я помню, но сейчас мы поедим. – Мэддокс взглянул на часы, берясь за нож и вилку.

Энджи нехотя опустилась на стул.

– Ты едешь в управление, – начала она. – Посматриваешь на часы. В деле наметился какой-то прогресс, раз тебе не терпится попасть на работу.

Энджи чувствовала себя исключенной, забытой, словно ее отделяла от остальных целая пропасть. Ее охватило тоскливое предчувствие.

– Да. – Мэддокс отпил кофе, отрезал кусок омлета и отправил его в рот: – Вчера Джейден Нортон-Уэллс добровольно сдал образцы ДНК. Санны обещала к утру подготовить для нас результаты.

У Энджи глаза полезли из орбит:

– Что?!

– Ешь, – сказал Мэддокс, кивнув на тарелку.

– Зачем? Мне что, тоже нужно торопиться? Я еду с тобой, Мэддокс?

Он отложил вилку и нож и встретился с Энджи взглядом. На лице отразилась внутренняя борьба – лоб пошел морщинами, две глубокие вертикальные складки залегли по сторонам рта.

– Ты избегаешь этого разговора. Избегаешь меня. Этот чертов нервный срыв... Ты меня пугаешь, потому что я тебя таким не видела. Мне казалось, ты вилять не станешь, скажешь прямо, как есть. Нам очень многое нужно обсудить.

– Прости, Энджи, я... – Мэддокс глубоко вздохнул. Порывы ветра раскачивали яхту. – Я не знаю, как поступить. Я в такой ситуации впервые. Я двумя руками за тебя и...

– Но не знаешь, что со мной делать? Ты отобрал у меня табельное оружие. Ты знаешь о моем психическом состоянии такое, о чем обязан доложить начальству. Мы переспали друг с другом. Напарники! А на меня ведь уже пытались повесить гибель напарника. Это об этом говорили в управлении? Как ты объяснил синяки на лице, что рассказал про меня? Что сказали Лео, Хольгерсен и остальные, когда я не пришла? Рвали меня на клочки, как шакалы? Дождались своего часа, наконец? – Ее голос звучал сипло, глаза щипало от слез. Самое худшее в метафорической трещине и излившейся лаве состояло в том, что теперь, без толстой корки, Энджи все чувствовала и от этого становилась слабее. Ей уже хотелось его одобрения, веры в нее. Да, ночью она попробовала слабость и покорность, и это оказалась прекрасная, трепещущая и хрупкая штука, но Энджи не была уверена, что сможет быть такой постоянно. Она глядела на Мэддокса, и в ней росли воинственность и отчуждение.

– Ненавижу, – отчеканила она. – Ненавижу, когда мне от кого-то что-то нужно. Я обойдусь. Прости, что поставила тебя в такое положение, конечно, это нечестно. – Она приподнялась: – Лучше будет, если я сама...

Рука Мэддокса, большая и теплая, властно легла на ее руку:

– Энджи!

Сердце гулко застучало. Энджи слышала ток своей крови. Ветер задевал фалами о мачты, волны плескали о борт. Время исчезло – прошлое, настоящее... неопределенное будущее...

– Выкладывай, Мэддокс, – тихо сказала она. – Давай по пунктам, если иначе не можешь. Так я вытянула правду из отца. Я справлюсь. Лучше без обиняков – я сейчас не выдержу намеков, недомолвок... Неизвестности...

Он взглянул ей в глаза. Энергия исходила от него ощутимыми волнами. Кивнув, Мэддокс отодвинул тарелку, тяжело вздохнул и провел рукой по волосам.

– Базьяк отстранен до окончания внутреннего расследования.

Энджи заморгала и медленно опустилась на скамью:

– Продолжай.

– Понятия не имею, что у них на него есть, но об отстранении объявили в пятницу. Отчасти поэтому я решил встрясти из Нортон-Уэллса добровольный анализ ДНК.

– А кто вместо Базьяка?

Мэддокс промолчал.

– Ты?! – Мир Энджи снова накренился на своих осях. Она почувствовала себя преданной. – Теперь ты мой начальник?!

– Слушай, я понимаю, что ты сейчас чувствуешь...

– Нет, ты не понимаешь!

– А мне кажется, понимаю. Я с тобой переспал, я о тебе многое знаю. Я не стал вчера говорить – тебе и без того было о чем подумать, не хватало еще, чтобы...

– А ты мне нянька, что ли? Решаешь, что мне нужно услышать, а что нет?

Добровольный отказ от контроля и покорность в сексе еще ладно, но на работе?! Это уже совсем другое. Энджи сглотнула сжатым горлом. Уши заложило. Нахлынула клаустрофобия. Сосредоточься. Не уступай. Она снова вскочила, не в силах сидеть в этой тесной каюте, в этой крошечной яхте-качалке...

– А еще Фиц попросил меня шпионить за тобой.

Это произвело эффект удара кувалдой.

– Что?!

Мэддокс промолчал.

– Да вы действительно снюхались, что ли?

– Стал бы я тебе говорить, если бы снюхался с Фицем!

Энджи сверлила Мэддокса взглядом. Прежний, хорошо знакомый гнев, ослепляющая ярость бушевали в ней, выжигая страхи, и Энджи даже обрадовалась.

– Шпионить? Из-за Хаша?

Мэддокс кивнул:

– А еще из-за того, что Фиц – мелкий женоненавистник с комплексом Наполеона.

– Значит, я тебе еще и здесь нагадила – обострила конфликт интересов. Поставила в положение, когда тебя просят оценить мою психологическую пригодность для этой работы, а ты уже убедился, что я слетаю с катушек и могу убить! Ты сказал об этом Фицу?

– А ты как думаешь?

– Я уже не знаю, что мне думать, Мэддокс. Я сама виновата. Сижу вот здесь, вся в твоей власти. Телом, сердцем и душой... – Она замолчала, поразившись собственным словам.

Сердцем.

Душой.

У нее защипало глаза. Мэддокс замер. Его глаза тоже подозрительно заблестели.

Вот и вышло наружу. Непонятная вибрация между ними оказалась зарождающимся чувством. Трудновообразимые последствия. Забрезжившие возможности. Соперничество.

В Энджи тихим приливом поднялся ужас, затопив вспышку гнева и оставив после себя нечто гораздо более сложное.

– Я на твоей стороне, Энджи, – прошептал Мэддокс. – Ты должна это знать.

– Это тебе дорого обойдется, Мэддокс. – Опустив глаза, она снова и снова переворачивала серебряный столовый нож, лежавший рядом с тарелкой с нетронутым завтраком. Нужно уйти и не возвращаться – ради Мэддокса. Уволиться или куда-нибудь перевестись. Иначе нечестно по отношению к нему. Но ей совершенно не хотелось уклоняться от вызова – не в ее характере было признавать поражение. Эмоции вели в ней гремучую войну. Вчера впереди вроде бы забрезжило решение, и она готова была ухватиться за это решение, но мир отчего-то задумал сделать все не таким простым и легким. Она подняла глаза.

Она хотела этого человека.

Она не могла уйти от него, как бы ей этого ни хотелось.

– И не я один, – тихо добавил Мэддокс.

– В смысле?

– Хольгерсен тоже за тебя.

– Он знает?!

– Об инциденте у собора – нет, но он видел нас возле «Летающей свиньи».

Энджи непроизвольно сглотнула – память о том поцелуе на секунду

вытеснила все. А потом она помчалась в клуб и пришла в отчаяние, потому что не смогла перешагнуть через себя и переспать с тем светловолосым Адонисом с глазами-льдинками. Мэддокс тайно ехал за ней, а она и не знала...

– Это Хольгерсен предупредил меня, что Фиц хочет тебя подсадить. Он и тебе несколько раз звонил. – Мэддокс помолчал. – Энджи, поверь, в управлении у тебя есть друзья. Ты бываешь вспыльчивой, раздражительной, стараешься оттереть новых напарников в сторону и скрутить их в бараний рог, но Хольгерсен тебе симпатизирует. О’Хейган тебя любит, и я... Я...

– Ты веришь Хольгерсену? – тихо спросила она.

Мэддокс поколебался.

– Скорее да. Он темная лошадка и много чего повидал, но, мне кажется, Хольгерсен парень правильный. Может, даже больше чем правильный. – Он подался вперед: – Слушай, Фиц интригует не только против тебя, но и против меня. Пытается использовать втемную, водит за нос. Он бы меня живьем сожрал, если бы не личное распоряжение мэра раскрыть эти убийства до Рождества: если нам удастся задержать маньяка, лавры достанутся Фицу. Он же мелкий деспотичный параноик, который охотится на ведьм где только может. В любую щель пролезет, лишь бы выслужиться.

– А мне ты доверяешь? – спросила Энджи.

«Ты доверяешь мне настолько, чтобы снова работать со мной? Ты доверяешь мне настолько, чтобы подпустить меня к остальным?»

Мэддокс некоторое время молчал, но едва он открыл рот, как у Энджи зазвонил мобильный. Она судорожно принялась доставать его из кармана, будто ловя спасательный трос. Номер был неизвестный, но этот человек звонил уже несколько раз.

– Мне нужно ответить, – сказала она и нажала зеленую кнопку. – Паллорино!

– Детектив... это Мерри... Уинстон. – Голос в трубке звучал слабо и странно, будто язык звонившей слегка заплетался. Энджи бросила взгляд на Мэддокса, пристально следившего за ней.

– Что случилось? – спросила она, чуть отвернувшись в сторону.

– Я звоню вам, звоню... Со вчерашнего дня... Можете со мной встретиться? У меня для вас кое-что есть. Тут такое дело... срочное...

– Какое дело?

– Покажу, когда приедете.

– Куда, Мерри?

– Возле Огден Пойнт есть такое бистро «Уорф», прямо на пирсе. Открывается рано. И окон много – можно увидеть, если кто-то идет от дороги. Только вы приезжайте одна – обещайте, что придете одна, иначе я уеду на фиг, и вы ничего не получите!

На этом трубка опустела.

– Звонила Уинстон, – объяснила Энджи. – Разговаривает как-то странно. Вся перепуганная. Хочет встретиться со мной в кафе у Огден Пойнт.

– Зачем?

– Говорит, у нее срочная информация. – Энджи встала. – Надо ехать.

– Информация по нашей «Улитке»?

– Я не знаю.

Оставшийся без ответа вопрос по-прежнему висел в воздухе: «Ты доверяешь мне настолько, чтобы...»

– Я должна к ней ехать, Мэддокс, – тихо сказала Энджи. – Я же говорила, мне удалось до нее достучаться. Уинстон попросила, чтобы я приехала одна.

Он глубоко вздохнул, встал и подошел к обшитой деревом стене. В ней оказалась потайная ниша, в которую был вмонтирован маленький сейф. Мэддокс открыл его и достал ее табельный пистолет, обойму и автоматический нож.

Выложив все это на стол перед Энджи, Мэддокс встретился с ней взглядом.

– Чтобы ты была в безопасности, – тихо сказал он.

Энджи долго смотрела ему в глаза. От него исходила решимость, и Паллорино поняла – он пересек черту. Он сделал ставку на нее, на свою напарницу. И она его не подведет.

Она взяла пистолет и вставила обойму, а нож убрала в карман.

– Спасибо, – шепотом сказала она.

Глава 66

Уинстон сидела, втянув голову в плечи, за деревянным столом в крытой застекленной галерее бистро. Ладонями она прижимала к столешнице коричневый конверт, нервно поглядывая на дорожку, начинавшуюся от шоссе и тянувшуюся вдоль волнореза. В зале потрескивал огонь в камине и приятно пахло свежемолотым кофе и сладкими булочками.

Другие столики в такой ранний час были еще свободны, кроме одного, возле туалета: какой-то старик потягивал кофе и переворачивал страницы утренней газеты дрожащими, в старческих пятнах, руками. Энджи Паллорино подумала, что это его собака привязана к перилам пирса – черную шерсть ерошил соленый ветер.

– Почему здесь? – тихо спросила Энджи, стягивая куртку и шапку и присаживаясь напротив тощей темноволосой репортерши. Глаза Уинстон были в красных прожилках и метались по залу, будто не в силах на чем-то сфокусироваться. Лицо – блестящее от пота и мертвенно-белое. Под кайфом, с досадой подумала Энджи.

– Я же сказала, место открытое. Сразу заметишь, кто идет. – Из своего конверта Уинстон достала черно-белые зернистые снимки и пододвинула Энджи: – Это вам.

Энджи взгляделась в фотографии. На одной темноволосый молодой человек в кожаной куртке шел по пристани. На второй он поднимался на роскошную яхту.

– Кто это?

Мерри Уинстон сквозь зубы втянула воздух, вытерла рот. Взгляд заметался между окном и фотографиями.

– У Фейф раньше был сутенер. Давно уже... Дамиан Йорик. На днях я слышала от одной из уличных... неважно... что Фейф совсем недавно видели с ним и с блондинчиком на черном «БМВ». Это Дамиан, – ткнула она в фотографию.

Энджи сразу подобралась.

– А вы можете описать блондина, с которым его видели?

– Ну молодой...

– Лет сколько?

– Ну, двадцать, двадцать один.

– Вы точно знаете, что блондин ездит на черном «БМВ»? Ваша

собеседница, случайно, номер не заметила?

– Какой там номер, она употребляет метамфетамин, живет на улице! Но она уверена, что это «бумер», такая маленькая спортивная модель. Черный.

– Как зовут вашу знакомую?

– Я... – Уинстон закрыла глаза, будто борясь с собой, и решилась: – Нина. Иногда она ночует в «Харбор-хаусе». Там я познакомилась с ней и Фейф. – Мерри откашлялась, нервно озираясь: – Я тоже жила на улицах, понятно? Меня перекидывали из одной приемной семьи в другую, в конце концов я сбежала на фиг. Пастор Маркус вроде как взял меня под крыло, и Нину, и Фейф. Мы сдружились, приглядывали друг за дружкой на улицах. Мне удалось соскочить, я ушла от той жизни... Нина не смогла. Фейф попала в эскорт-услуги, сначала с Дамианом, потом я не знаю с кем, но тот свел ее с очень богатыми клиентами. У Фейф появился регулярный дорогой заказ по вторникам. – Уинстон шмыгнула носом и утерлась рукавом. – Она ничего не рассказывала, но вскоре переехала в ту классную квартирку, залечила зубы, начала круто одеваться. Фейф была еще красива, когда соскочила с метамфетамина. Она выглядела моложе своих лет, вообще как школьница, стариканы сразу западали...

Адреналин у Энджи уже зашкаливал. Она так и знала, сразу почувствовала, что эта девчонка чего только не перепробовала и до сих пор борется с демонами своего прошлого. Этим объясняется ее агрессивная, циничная манера. У Мерри Уинстон имелось много причин с размаху дать миру сдачи, и она избрала своим оружием клавиатуру компьютера. Энджи с невольным восхищением поглядела на маленькую журналистку с плохими зубами: может, Уинстон и «соскочила», но метамфетаминовый рот остался ей в напоминание.

– Продолжайте, – попросила Паллорино.

– Я поехала к Дамиану, чтобы потрянуть его насчет Фейф и блондина, но он наврал, что ничего не знает и в глаза ее не видел больше года. – Уинстон снова вытерла рот. – Я решила подождать у его дома, когда он куда-нибудь поедет, и проследила. Он приехал сюда, – она кивнула на фотографии, – в бухту Аплендс.

Сердце у Энджи зачастило.

– В какой день это было?

– Ночь, а не день. В ночь с пятницы на субботу.

Энджи взгляделась в Дамиана Йорика, поднимавшегося на яхту, на борту которой четко читалось «Аманда Роуз». Аманда Р.! Имя и инициал в календаре Грейси Драммонд вместе с Ларой Пеннингтон и буквами К.В. были записаны по вторникам.

– А что Дамиан Йорик делал на яхте?

– Не знаю. Но он же сутенер, так? Вращается в определенных кругах, покупает и продает женщин и секс и имеет свой процент. Поэтому я ждала. На яхте были люди, много людей, как на вечеринке. В салоне горел свет, но на палубе постоянно находились два качка, вроде охранников, поэтому я не рискнула подходить ближе. Пока я следила за Дамианом, приехал вот этот. – Уинстон вынула из конверта третью фотографию. Новый нечеткий снимок, сделанный ночью: другой молодой человек поднимается на «Аманду Роуз». Темноволосый, стройный, спортивный.

– Кто это? – спросила Энджи.

Уинстон сжала губы, вынула еще одну фотографию и толкнула ее по столу к Энджи. Дамиан Йорик и второй молодой человек шли по пристани, повернув друг к другу головы, как при оживленном разговоре. У Энджи перехватило дыхание: собеседник сутенера очень походил на Джейдена Нортон-Уэллса.

– Они уехали на разных машинах, и я решила поехать за вторым. Может, думаю, удастся выяснить, кто он и откуда. Он сел в эту машину. – Из конверта Уинстон достала фотографию красного «Порше». Паллорино в упор поглядела на журналистку:

– И куда он поехал?

Уинстон выложила фотографию красного «Порше», сворачивающего на подъездную аллею между двух каменных колонн. На одной привинчена табличка с четко различимым словом «АКАША».

Под кожей Энджи будто пробежали искры – это действительно Нортон-Уэллс! Она сглотнула, уставившись на фотографию.

– Кофе? Что-нибудь закажете? – спросил материализовавшийся у столика официант. Энджи проворно перевернула снимки обратной стороной.

– Вы не дадите нам еще минуту? – попросила она.

Официант отошел.

Энджи подалась вперед и тихо спросила:

– Вы знаете, чей это особняк?

Уинстон кивнула и молча достала новый снимок. Мужчина и женщина страстно целовались в белой «Ауди», припаркованной под уличным фонарем.

– Я отъехала от столбов с табличкой и встала напротив, когда появилась «Ауди»... Они целовались, потом женщина вышла. – Уинстон положила на стол еще снимок. Энджи смотрела, не веря своим глазам: Джойс Нортон-Уэллс, придерживая дверцу «Ауди», нагнулась и говорит с

мужчиной, сидящим за рулем.

Свет в салоне ярко освещал угловатое, с длинным подбородком лицо водителя.

Мэр города Джек Киллион.

– Полная задница, да? – криво улыбнулась Уинстон. Ее взгляд метнулся к окну, она двинулась на стуле, коленка начала трястись. – Это все вам.

Энджи медленно пересмотрела фотографии еще раз.

Уинстон достала из кармана флешку и положила ее перед собеседницей:

– И это тоже. Тут копии записей звонков моего анонимного информатора. Я считаю, он работает в столичной полиции.

Энджи бросила на нее внимательный взгляд:

– А кто он?

– Не знаю. Даже не могу сказать, он это или она. Звонящий использует маскировку голоса. Еще у меня тут запись нашей перебранки с Дамианом.

Уловив в голосе Уинстон нотки обреченности, Паллорино мгновенно встревожилась.

– А почему, Мерри? – Она впервые назвала репортершу по имени. – Почему вы обратились ко мне? На таком материале можно было бы сделать хорошие деньги, привлечь массу читателей... Это как-то больше в вашем характере.

Уинстон не улыбнулась, то и дело посматривая на окна.

– Потому что я получила вот это. – Она вынула из конверта два последних снимка и пододвинула их к Энджи. – Это я, – пояснила она, указывая на маленькую фигурку в большой темной куртке и низко надвинутой шапке, с огромным телефотообъективом в руках, сидящую на корточках между внедорожником и седаном. – Меня засекли с яхты, – сказала Уинстон. – И сфотографировали, пока я снимала их. Глазастые у них охранники.

– Как это к вам попало?

– Кто-то оставил на столе в моей квартире вместе с этим.

Энджи взяла последний снимок. Маленький пакетик с белыми кристаллами, трубка и зажигалка.

– Кто-то вломился ко мне в дом, детектив, и оставил крэк на столе поверх моих фотографий. На обороте почитайте.

Энджи перевернула снимок.

«Тебе конец».

Глаза Уинстон вдруг заблестели.

– Я вам позвонила, потому что вы сказали – вам не все равно. И я вам

поверила. Не знаю, что за чертовщина происходит, но я хочу, чтобы вы закрыли ублюдков, убивших Фейф. – Мерри отодвинулась вместе со стулом и поднялась на ноги. – И еще одно. Я написала новую статью – все, что знаю о информаторе, о Фейф, о ее сутенере, о блондинчике на «бумере». О том, как круто Фейф вылечила себе зубы и приделалась. Об изнасилованиях, которые начались еще несколько лет назад. О распятиях, нарисованных красным маркером. О словах, которые говорил насильник, что Сатана – отец греха и князь тьмы. Об этой... – она сложила руки на груди и показала подбородком на снимки и флешку на столе, – «Аманде Роуз». О «замше» прокурора и мэре. О красном «Порше», который проехал в эту «АКАША»... Все написала и фотографии приложила. Анонс выйдет в сочельник.

На этом она вскочила и решительно пошла к выходу.

– Подождите! – Энджи успела схватить Уинстон за руку. – Почему вы написали статью заранее?

Мерри поглядела ей в глаза.

– Чтобы дать вам возможность поймать этого скота. И на тот случай, если со мной что-нибудь случится.

– Мерри, что вы сделали с наркотиком? – понизив голос, спросила Энджи.

– Я не употребила, если вы об этом. Я в завязке.

– Что вы с ним сделали?

– Дома оставила.

– Вынесите его из дома, Мерри. Привезите мне. Это улика, на ней остались микроследы.

Но тут открылась дверь быстро, и Уинстон подскочила. Вошли мужчина и женщина, а вместе с ними влетела маленькая птичка. Дверь медленно закрылась, и птица оказалась в ловушке. Она летала по застекленной галерее и билась в окна. Уинстон смотрела на нее, окаменев, потом вырвала руку:

– Мне надо идти.

– Мерри, послушайте меня, позвольте нам вас защитить...

– Черта с два я позволю, – прошептала журналистка. – Информатор этот, он же из вашей полиции. Может, это он оставил то дерьмо у меня в квартире или стоял с теми козлами на палубе. Если Дамиан и «Аманда Роуз» связаны с тем, что случилось с Фейф, и если Дамиан дружит с сыном прокурорши, а прокурорша трахается с мэром, то я уж и не знаю, куда могут привести такие «ниточки»! Я никому не доверяю, тем более копам. Я сама о себе позабочусь. Я всю жизнь надеюсь только на себя. Больше у

меня никого и ничего нет.

– Но вы же принесли мне снимки и флешку...

Взгляд Мерри не отрывался от мечущейся птицы.

– Потому что вы сказали – вам не все равно.

– А что вам известно про те изнасилования, Мерри? Вы должны мне рассказать.

Репортерша снова покосилась в окно на дорожку, ведущую к шоссе, нагнулась к Энджи и сказала еле различимым шепотом:

– Я точно знаю, потому что я была одной из его жертв, ясно вам? Это случилось со мной пять лет назад. Красное распятие, нож к горлу, срезанная прядь волос. Вот почему Эллисон Фернихок согласилась со мной говорить. Она рассказала мне о Салли Риттер.

– А...

На тропинке показался мужчина средних лет, приближающийся к бистро. При виде нового посетителя лицо Уинстон исказила паника.

– Мне пора, – бросила она и выскочила за дверь. Сбежав по ступенькам, она поспешно зашагала по пирсу к берегу. Энджи увидела, как репортерша в черном, низко надвинутом капюшоне, скрывавшим даже профиль, дошла до зеленого «Фольксвагена»-«жука» и села за руль. Паллорино достала свой мобильный.

Мэддокс ответил на втором звонке.

– Есть, – тихо сказала она, провожая глазами отъезжающий «горбунок». – «Аманда Роуз», яхта класса люкс. Ко мне попали фотографии, доказывающие, что в пятницу вечером Нортон-Уэллс поднимался на яхту вместе с сутенером Фейф Хокинг. Этого же сутенера видели в обществе молодого блондина лет двадцати, который ездит на черном «бумере».

Глава 67

Расправив плечи, Энджи набрала воздуха в грудь и вошла в оперативный штаб «Улитки», неся конверт Мерри Уинстон.

В комнате было шумно: детективы листали папки, беседовали с экспертами, лихо печатали что-то на компьютерах, стоявших на столах вдоль одной стены. Было душно и пахло подгоревшим кофе и пончиками, которые кто-то принес в качестве воскресного завтрака. Когда Энджи вошла, никто даже не поднял головы: о ее отсутствии давно забыли в горячке новых находок. Расследование стремительно набирало темп: Мэддокс уже объявил следственной группе, что анонс Уинстон вместе с фоторепортажем выйдет в сочельник, до которого остались считанные дни. Внутреннее облегчение, которое испытала Энджи, не передать словами.

Мэддокс, изучавший документы вместе с Хольгерсеном, заметил ее и поманил к себе. В его глазах читалось одобрение. Отзвонившись из бистро, она заехала домой, чтобы наскоро принять душ и переодеться. Она знала, что некоторые сотрудники вроде Лео будут ее придирчиво разглядывать, и ей хотелось по возможности выглядеть получше.

Мэддокс взял у нее конверт и начал выкладывать на стол фотографии.

– А где Лео? – спросила Энджи, оглядевшись.

– Я отправил его и Смита следить за «Амандой Роуз», – отозвался Мэддокс, изучая снимки. – А экспертам дал поручение покопаться в прошлом владельцев «Аманды». Яхта зарегистрирована на Каймановых островах, в связи с чем не исключена проблема, однако я хочу, чтобы за ней установили круглосуточное наблюдение на тот случай, если вдруг «Аманда» поднимет якорь. Не хватало еще, чтобы яхта смылась в нейтральные воды прежде, чем мы разберемся, что к чему. Я связался с морской полицией, чтобы ждали в соседней бухте, если вдруг «Аманда» попытается удрать.

Энджи не удержала улыбки, встретившись взглядом с Хольгерсеном: Лео отправлен на наружное наблюдение! Можно себе представить, как брюзжит сейчас старый коп, что его затирают! Один – ноль в пользу Мэддокса. Он поднял глаза от фотографий:

– Отличная работа, спасибо.

Паллорино смотрела ему в глаза на долю секунды дольше, думая о доверии, которое Мэддокс вернул ей вместе с табельным пистолетом. Это

она должна его благодарить.

Мэддокс еле заметно кивнул и прикрепил сделанные Уинстон снимки на белую доску. Взяв фломастер, он повернулся к собравшимся в комнате:

– Так, попрошу всех взглянуть! Подойдите поближе.

Детективы подтянулись к доске.

– Будем требовать отмены выхода репортажа этой Уинстон, сэр? – спросил кто-то.

– Оснований нет, – сказал ему другой детектив. – Свобода слова, прессы и все такое.

– Отчего же, если она собралась сорвать нам расследование!

– У нас нет доказательств – мы же не знаем содержания статьи, – возразил кто-то еще.

Мэддокс постучал по столу.

– Действовать будем так. До сочельника и назначенного Уинстон анонса осталось восемь дней, считая сегодняшней. Значит, делаем все, чтобы за это время найти преступника. Всем ясно?

Члены оперативной группы что-то нестройно пробурчали.

– Дальше. – Обратным концом фломастера Мэддокс постучал по снимку, где Дамиан Йорик и Джейден Нортон-Уэллс поднимались на «Аманду Роуз». – Нортон-Уэллс, сын заместителя генерального прокурора, брюнет, поднимается на борт элитной яхты, зарегистрированной на Кайманах, в обществе сутенера Фейф Хокинг Йорика в пятницу, пятнадцатого декабря. Йорик хорошо известен полиции – за ним числятся торговля наркотиками на улицах, обвинения в изнасилованиях и избиениях, он отбывал срок. Тоже черноволосый. По нашим сведениям, Йорика видели в компании блондина лет двадцати, который ездит на черном «БМВ». – Мэддокс провел линию от Йорика к Джону Джексумладшему и поставил знак вопроса. – Будем исходить из того, что этот блондин – сын дантиста Джекса-старшего, тоже светловолосого. – Он провел еще одну линию.

Потом Мэддокс постучал фломастером по фото Фейф Хокинг.

– Убитую Хокинг видели недавно с Йориком и блондинчиком на «бумере». Раньше у Хокинг был «метамфетаминовый рот», но зубы восстановлены с помощью очень недешевого лечения и виниров. В квартире Хокинг найдена визитная карточка стоматолога Джекса-старшего. – Мэддокс провел новую линию, связав дантиста и его сына с Хокинг и ее сутенером. – Мистер Блондинистый «бумер», видимо, подцепил Грейси Драммонд в загородном клубе «Оук Бей», когда ее бросил школьный бойфренд... – Мэддокс провел линию, связав Драммонд

с указанной группой через Джона Джекса-младшего, и повернулся к участникам расследования: – После знакомства с Джексом-младшим у Драммонд появились деньги: она делает массу дорогих покупок на неизвестные средства. В разговоре со священником Драммонд признается, что испытывает чувство вины, так как спит со многими мужчинами. Значит, прорабатываем версию, что Драммонд была вовлечена в занятия проституцией.

– Бэби-Джексом, – вставил Хольгерсен. – Возможно, он приводит девочек вроде Драммонд к сутенеру, Йорику. По моим догадкам, он их обкатывает, а тем, кого надо отмыть и привести в порядок, вроде Хокинг, небескорыстно помогает папаша-дантист.

– А что папаша с этого имеет? – спросил кто-то из детективов.

– Может, свой процент с бизнеса, – ответил кто-то еще. – Джекстарший много раз попадал в орбиту нашего внимания за финансовые связи с организованной преступностью и отмывание денег, но обвинения разваливались.

Мэддокс продолжил:

– Эксперты сейчас проверяют материалы дел, возбуждавшихся против Джекса-старшего. Пока удалось выяснить, что у него десятки счетов на Каймановых островах, причем на один из них, похоже, поступает процент со счета, принадлежащего владельцу «Аманды Роуз».

– Мать твою, – не удержался кто-то. По комнате пронеслась струя оживления: наконец-то что-то начало вырисовываться, причем очень крупное.

– Получается, на «Аманде Роуз» работает какой-то элитный секс-клуб? – сказал кто-то. – А что с Ларой Пеннингтон, она ведь тоже бывала на яхте?

Энджи кашлянула, подумав о своем клубе и сексе, который она там регулярно получала.

– В календаре Драммонд отмечены регулярные встречи с Ларой П. – Взяв со стола маркер, она написала под фотографией Пеннингтон: «Лара П., Аманда Р., К.В.» – и повернулась к детективам: – Мы придерживаемся версии, что Пеннингтон тоже вовлечена в занятия проституцией на «Аманде Роуз». Мы еще не знаем, что означает аббревиатура «К.В.», но в ходе расследования нам попался спичечный коробок с логотипом «КВ», на внутренней стороне клапана которого был записан сотовый телефон Драммонд... – Энджи сделала паузу, удерживая внимание собравшихся. – Коробок мы видели в офисе Зака Рэддисона, личного помощника мэра Джека Киллиона.

Среди детективов кто-то присвистнул. Градус напряжения в комнате ощутимо вырос, когда участники расследования узнали о новых подробностях.

– А мэра Киллион, – добавил Хольгерсен, кивнув на фото с табличкой «АКАША», – крутит роман с заместителем генерального прокурора Джойс Нортон-Уэллс, матерью Джейдена Нортон-Уэллса, которого засекли на «Аманде Роуз» с вышеозначенным сутенером.

– Ну полная задница, – крикнул кто-то.

– Во-во, пора уже вот так и переименовать операцию, – отозвался другой. – Это расследование как пить дать утопит эту сладкую парочку, мэра и «замшу». Может, это «замша» заставила любовника лоббировать проекты масштабной застройки прибрежных районов, которыми занимается ее муженек?

– А студентик наш признался, что знал и любил Драммонд и что знакомые называют его Джей Эр, – добавил Хольгерсен. – Скорее всего, это он подарил Драммонд медальон со святым Христофором, чтобы сохранил от бед. К тому же он солгал о таинственном исчезновении «Лексуса», который камеры слежения зафиксировали на новом мосту до и после похищения Драммонд и у кладбища Росс Бей, где ее нашли.

Энджи уставилась на Хольгерсена, поразившись, что он прекрасно умеет говорить длинными, грамотными предложениями. Он что, увлекся и забылся? Или перед ними исправленная версия Къеля Хольгерсена? Или парень просто решил показать класс перед старыми опытными детективами?

Словно почувствовав, что вышел из образа, Хольгерсен продолжил:

– Да, и это, когда мы наехали на студентика по поводу якобы пропавшего «Лексуса», он перепугался и метнулся на своем игрушечном красном «поршаке» аж к мэрии, лично к Заку Рэддисону. – Он ткнул в фото Рэддисона на доске. – У которого тоже черные волосы, коробок спичек с «КВ» и номер телефона Драммонд.

– Каким же образом, по-вашему, интрижка мэра связана с расследованием? – поинтересовался Дандерн, включенный в следственную группу вместе со Смитом, который куковал сейчас вместе с Лео в бухте Аплендс.

– А вот не повезло ему, – отозвалась Энджи. – Разоблачение интимных или фамильных секретов не редкость, если твои пути вдруг пересеклись с преступлением и детективы расшелушивают твою жизнь, как луковицу...

В дверь постучали. Все одновременно обернулись.

– Доктор Падачайя? – приветливо сказал Мэддокс. Участники

следственной группы сразу оживились – все с нетерпением ждали результатов анализа ДНК Джейдена Нортон-Уэллса.

Маленькая докторша подошла к Мэддоксу, сияя улыбкой и блестя глазами. Энджи сразу догадалась – Нортон-Уэллс попался.

Докторша подала Мэддоксу файл.

– Здесь копии всех результатов – анализы волос, крови и слюны.

Не изменяя себе, Мэддокс, как истинный джентльмен, позволил доктору Падачайе самой объявить сенсацию.

– Это он, – просто сказала она. – Брюнет номер один – это Джейден Нортон-Уэллс. Волосы с его тела есть на лобке нашей утопленницы Хокинг, внутри пленки, в которую она была завернута, в волокнах веревок с острова Тетис и на одежде Драммонд.

– Ну все, студент, попался. – Хольгерсен торжествующе ткнул в воздух кулаком. – Мы схватили тебя за твою курчавую черную растительность... Ну что, я тогда поехал за ним?

– Не так быстро, – послышался высокий скрипучий голос.

Все ошарашенно обернулись. Позади всех, у стены, стоял инспектор Фрэнк Фицсиммонс. Энджи смерила его тяжелым взглядом.

Сколько этот гад здесь уже стоит?

Он двинулся вперед с мрачным, как туча, лицом, вытянув по швам напряженные руки, не сводя лазерно-пристального взгляда с Мэддокса. Когда он приблизился, Энджи разглядела, что Фиц *действительно* дрожит от гнева: листок в его руках слегка трясся.

– Сержант Мэддокс, – сказал он, остановившись перед Мэддоксом. – Рэй Нортон-Уэллс со своими адвокатами получили ходатайство от судьи Лофланда на аннулирование анализов ДНК его сына. Джейден заявил, что сдал образцы под давлением. Ни в какой форме и никоим образом вы не можете использовать полученные данные.

– Чушь! – резко сказал Хольгерсен. – У нас все заснято! Он подписал...

– Можете жаловаться, – парировал Фиц. – А пока эти улики больше не обсуждать.

– Блин горелый, – пробормотал Хольгерсен, переглянувшись с Энджи.

– Сержант, на одно слово. – Развернувшись, Фиц вышел в коридор. Когда за ним захлопнулась дверь, Мэддокс повернулся к Энджи:

– Готовь машину, едем его брать. Немедленно. Он сейчас в церкви.

Взгляд Энджи метнулся к двери:

– Но Фиц...

– Я сказал, немедленно! – Мэддокс повернулся к Хольгерсену: – Бери Дандерна, и садитесь Рэддисону на хвост. Не трогать его, просто следить.

О малейших подозрительных или необычных передвижениях сообщать мне. Хейзлтон, – обратился он к следующему участнику группы, – звони Веддеру. Мне потребуются все ресурсы отдела по борьбе с сексуальными преступлениями. Готовность номер один. Скажи, что нам нужна команда быстрого реагирования. Сегодня вечером отряд полицейского спецназа должен быть на борту «Аманды Роуз».

Схватив пальто со стула, Мэддокс широкими шагами вышел в коридор. Фиц, кипя от тихого бешенства, ждал за дверью.

– Сейчас его привезут сюда. Я лично привезу, – сказал Мэддокс, прежде чем Фицсиммонс успел раскрыть рот.

– Сержант, я приказывал вам докладывать мне обо всем до того, как...

Мэддокс выставил руку вперед и горячо заговорил:

– Нам удалось зацепить международную сеть проституции – идет торговля несовершеннолетними девушками на борту плавучего борделя, зарегистрированного на Кайманах, возможны связи с организованной преступностью через местного дантиста, которым отдел по борьбе с коммерческими преступлениями и оргпреступностью интересуется не первый год! Попавшие в эту среду Хокинг и Драммонд каким-то случайным образом пересеклись с серийным маньяком. Если мы сейчас упустим Нортон-Уэллса, если он поднимет тревогу, «Аманда Роуз» сегодня же окажется в нейтральных водах. На яхте может преспокойно уплыть и убийца, а если сейчас там в каютах или трюме находятся другие девушки, за их жизнь я не дам и гроша – преступники избавятся от улик в открытом море.

– Но у нас нет оснований привозить сюда...

– У нас есть все основания. У нас есть фотографии и свидетельские показания, что Нортон-Уэллс был на «Аманде Роуз» в компании сутенера Хокинг, который, в свою очередь, связан с Джоном Джексом-младшим, а тот, уже в свою очередь, крутил любовь с Драммонд. На основании имеющейся у нас информации можно допустить, что Джейден Нортон-Уэллс знал и любил Драммонд. Кроме того, у него есть «Лексус». На основании новых важнейших улик – фотографий, сделанных Уинстон, – мы просто заново возьмем образцы ДНК.

– Сержант! – повысил свой писклявый голос Фиц. – Я...

– Предупреждаю вас, сэр, – тихо сказал Мэддокс. – У нас есть фотографии, изобличающие мэра Киллиона и заместителя генерального прокурора Джойс Нортон-Уэллс в адюльтере. – Он сделал паузу, глядя в маленькие темные ястребиные глазки Фица: – Предвидение в политике – это все, сэр. Учитывая упорные слухи, что мэр Киллион копает под

Гуннара, чтобы заменить его своим человеком, и что в полиции пройдут увольнения старых сотрудников и набор новых, вы предстанете в крайне невыгодном свете как саботировавший расследование дела, в котором замешаны сам Киллион и сын заместителя генерального прокурора. Все решат, что вам обещали за это повышение.

Мэддокс сделал паузу, глядя на Фица. Тот трясся от злости, пепеля Мэддокса взглядом. Мэддокс прекрасно понимал, что его работа в столичной полиции Виктории, пожалуй, стремительно накрывается медным тазом, но он все равно не даст этой яхте уплыть. Ни за какие блага в мире.

– В любом случае сенсационный репортаж уже готов и будет обнародован в сочельник, – тихо добавил он, давая Фицу возможность сохранить лицо. – Вместе с фотографиями. Я бы хотел завершить расследование до Рождества, сэр. Разумеется, под вашим руководством.

Креститель

В воскресное утро он ехал по шоссе вдоль побережья. Сегодня машина ему нужна. Сегодня он планировал похитить Лару и весь вибрировал от предвкушения. Еще до рассвета он долго качал мышцы, затем пробежал восьмимильный кросс – и все ради подготовки. Накануне вечером он побрил мошонку и кожу вокруг гениталий. Лара сейчас в церкви. Он на взводе, ему нужно чем-то занять себя до темноты, поэтому он поехал мимо бухты Аплендс – поглядеть, на месте ли еще «Аманда Роуз». Он часто проезжал там после Фейф: ему нравился сияющий дворец на ночной воде. Он гадал, кто там сейчас в каютах и с кем, представлял, что снова видит Грейси, Лару, Фейф... Еву... других со штрихкодами сзади... И тут он резко сбросил скорость при виде полицейской патрульной машины.

Автомобиль с двумя копами стоял на обочине. Он сглотнул, глядя строго на дорогу и держа руки на руле, быстро включил поворотник и свернул влево, удаляясь от берега.

Через минуту он остановил машину под каким-то деревом. Сердце частило, ладони стали влажными. Не было решительно никаких причин для беспокойства – все хорошо, все прекрасно, но в нем проснулось любопытство: сейчас его интуиция обострена, как у охотника в лесу. Он вылез из машины и пошел обратно к океану. Переулок вывел его на бугорок с дубами и длинной бурой травой. Отсюда бухта была как на ладони: «Аманда Роуз» во всей своей красе, зимний бриз колыхал ее флаги. Он замер, наблюдая и глубоко вдыхая морской воздух. Вид яхты его успокоил. Он подумал о прекрасной деревянной отделке кают и салонов, о девушках с их «кисками», ожидающими мужчин... И тут он заметил двоих незнакомцев – один постарше, седой и с квадратной головой, другой длинный и тощий. Они сидели на скамье у тропы над бухтой. Вскоре седой поднес к глазам маленький бинокль, рассматривая «Аманду Роуз».

Он сглотнул и отступил под защиту дубовых ветвей и тени. Он долго смотрел на сидящих на скамье – вид у них был какой-то не такой. Кто будет сидеть у воды в деловых костюмах? Копы. Это копы.

Он повернулся и быстро пошел к своей машине, сжимая и разжимая кулаки.

Глупый мальчишка, ох уж это твое любопытство... Конечно, это копы... Ах ты, глупый Джонни... Они пытаются поймать любопытного

Джонни... Лучше заканчивай со своим любопытством, мальчик Джонни...

Дойдя до автомобиля, он уже знал, что нужно делать: поменять планы и действовать быстро. Сегодня будет не Лара, а та, другая. И конец игры.

Все нормально, Джонни, все хорошо. Приступай к делу, любопытный мальчишка... Еще один грешок напоследок не считается...

Глава 68

Энджи стояла, сложив руки на груди и прислонившись плечом к стене, за спинами Джейдена Нортон-Уэллса и его адвокатши, они сидели за столом, привинченным к полу. Пусть лишний раз понервничают.

Интерьер кабинета не отличался разнообразием: стены выложены грязно-белыми звукоизолирующими плитками, слева дверь, в стену вмонтировано зеркало Гезелла^[8]. Энджи знала, что за зеркалом стоят Фиц, Веддер, государственный обвинитель и Хольгерсен.

Мэддокс сидел за столом напротив Нортон-Уэллса и его адвокатши. Энджи с Мэддоксом задержали Нортон-Уэллса буквально на ступенях церкви, когда он выходил после воскресной мессы. Джейден вел себя покорно, не противился аресту и только сказал, что ему нужен адвокат.

Дождавшись адвоката – опытного спеца по уголовным делам, оплаченного Нортон-Уэллсом-старшим, детективы приступили к допросу.

– Почему вы добровольно сдали образцы ДНК, Джейден? – спросил Мэддокс.

Нортон-Уэллс бросил взгляд на своего адвоката – женщину лет под шестьдесят с непроницаемым лицом, ручкой «монблан» и линованным блокнотом, лежавшим на столе перед ней.

– Я не добровольно, – решил возразить он. – Меня заставили.

В беспощадном флуоресцентном свете потолочных ламп его лицо казалось восковым. Он выглядел измученным и надломленным. У Энджи, напротив, прибавилось сил от адреналина.

Мэддокс открыл свою папку и выложил на стол фотографии Джейдена, поднимающегося на яхту «Аманда Роуз» вслед за Дамианом Йориком.

Джейден поглядел на своего адвоката.

– Взгляните на снимки, Джейден, – попросил Мэддокс. – Это вы. – Он указал на первой фотографии, где именно Джейден. – А это сутенер Фейф Хокинг, Дамиан Йорик. Здесь вы возвращаетесь с сутенером на стоянку. А вот вы садитесь в ваш красный «Порше» – номер четко различим. А вот вы едете на «Порше» к воротам с надписью «АКАША» после того, как ушли с «Аманды Роуз»... – Мэддокс подался вперед: – Нам известно, что вы были близки с Грейси, Джейден. Мы знаем о медальоне со святым Христофором и о вашей лжи насчет угона «Лексуса». В «Оберже» вы в тот вечер не были

и машину на стоянке не оставляли.

– Обвинения косве... – начала адвокат.

– Только не эти снимки, – сказала из своего угла Энджи. – Это неопровержимое доказательство, что вы были на «Аманде Роуз» с сутенером Фейф. А что, Йорик был еще и сутенером Грейси? Фейф умерла на яхте, Джейден? После того, как вы ее отымели?

– Детектив! – возмутилась адвокат. – У нас...

– У нас скоро будет разрешение судьи на взятие образца ДНК, – не дала себя перебить Энджи. – На основании имеющихся доказательств. Мы же все понимаем, что нам даст новый анализ вашей ДНК, правда, Джейден? Анализ докажет, что у вас был секс с Фейф Хокинг непосредственно перед тем, как она умерла. А может, и после того как умерла. Вы ее здорово отымели, жестко так, да, Джейден?

На глазах у парня выступили слезы. Он открыл рот.

Адвокат быстро тронула его за руку:

– Вы не обязаны ничего говорить, Джейден, мы...

– Все нормально, Джейден, – продолжала Энджи, неторопливо пересекая допросную и останавливаясь рядом с Мэддоксом. Ее руки по-прежнему были сложены на груди. – Говорить необязательно. Ордер на взятие образцов будет в течение получаса, и за вас убедительно выскажется ваша ДНК.

Нортон-Уэллса буквально затрясло. Адвокат твердо взяла его повыше локтя.

– Достаточно, детективы. Мы закончили. Джейден, пойдем со мной. – Она встала, потянув вверх и Нортон-Уэллса.

– Но вот что меня удивило, – быстро сказала Энджи, когда подозреваемый с адвокатом пошли к двери, – почему вы добровольно сдали ДНК после того, что натворили.

Джейден замер на месте.

– Мне кажется, это потому, что он не убивал Фейф или Грейси, – отозвался Мэддокс. – Может, он и платил за приятный благородный секс с Фейф – нам известно, что суд смотрит на это сквозь пальцы. Но резать и пытаться девушек? Удерживать им голову под водой? Оставить шестнадцатилетнюю Грейси с отрезанным клитором истекать кровью на могиле, широко разведя ей ноги? Вырезать ей на лице распятие?

У Нортон-Уэллса подкосились ноги, а из горла вырвался странный звук.

– Джейден, идем, – потребовала адвокат, но он не двинулся с места.

– Ну что ж, если он ничего не говорит, – продолжил Мэддокс, – за него

все скажет ДНК, и он пойдет под суд за двойное убийство. Сексуальный маньяк и серийный убийца Нортон-Уэллс – вот это сенсация! Ты попадешь прямо в ад, малыш Джейден.

– Я этого не делал. Я этого не делал. Я этого не делал. Я этого не делал! Джейден вырвался от адвокатши.

– Джейден! – Она попыталась поймать его за руку.

– Нет, оставьте меня, я им все скажу! Я должен сказать. Я больше так не могу! Я этого не делал, это... не я.

– А кто же это сделал, Джейден? – спросил Мэддокс. – Как все было на самом деле?

– Это Зак! Фейф убил Зак.

Глава 69

– Я только ходил в клуб заниматься сексом и платил за секс. Вот и все. Там я познакомился с Грейси.

– В какой клуб? – спросил Мэддокс.

– Клуб «Вакханалия», на «Аманде Роуз».

– Логотип этого клуба – переплетенные К и В? – уточнила Энджи.

Джейден кивнул. По его щекам катились слезы.

– У них есть такие фирменные спички с логотипом... «Вакханалию» позиционируют как частный клуб джентльменов. Для суперэлитных клиентов. Грейси записала мне свой номер телефона внутри коробка спичек. Вообще им запрещено разглашать какие-то сведения о себе, но... Господи, я поверить не могу, что это происходит на самом деле!

– Продолжай, Джейден, – попросил Мэддокс, переглянувшись с Паллорино. – Кому «им»?

– Девушкам.

– Проституткам?

Джейден кивнул.

– Их там называют компаньонками. Мы с Грейси... сблизилась. – Он шмыгнул носом и вытер лицо.

– Значит, ты член клуба «Вакханалия»?

– Нет, я пока гость на испытательном сроке. Там свои правила. Члены клуба могут приводить с собой друзей, и вот после определенного числа визитов, аккуратной оплаты, чтобы все прилично и благородно, и чтобы девушки одобрили твою кандидатуру...

– Значит, когда вы познакомились с Грейси, вы были гостем клуба? Это произошло во вторник вечером? – спросила Энджи и пояснила: – Грейси записала «К.В.» и «Аманда Р.» у себя в календаре.

– Да, в первый раз мне досталась Грейси. Она в тот вечер работала на НПЛ.

– Это что означает?

Джейден откинул голову. Глаза закатились, он коротко и часто дышал и заметно вспотел, будто был на грани обморока. Адвокат, которая снова уселась рядом с ним, вскочила:

– Это необходимо прекратить! Моему клиенту плохо, нам нужен врач!

Энджи и Мэддокс снова переглянулись. Нужно, чтобы Джейден

высказался до конца. Энджи кивнула зеркалу, за которым, как она знала, стоят Фиц, Веддер, обвинитель и некоторые участники следственной группы.

– Врача сейчас приведут, – сказала она, тронув Нортон-Уэллса за руку. – Джейден, – мягко сказала она, – если вы действительно просто совершили ошибку, то чем больше вы нам расскажете, тем лучше.

Он сглотнул, кивнул и вытер лицо.

– Что такое НПЛ?

– Ночь пухлых лобков, – задыхаясь, с трудом выговорил Джейден. – Бывает обычно по вторникам. Мужчины в масках, при желании можно надевать ролевые костюмы, брать секс-игрушки и другое... оборудование...

– Вроде веревок? – уточнил Мэддокс.

Джейден кивнул.

– Клянусь, это действительно была случайность! Я только смотрел. Веревка на шее затянулась слишком сильно... Я говорю про Фейф. Он не хотел, он не нарочно... Мы вдруг заметили, что она не дышит... Испугались, начали ее развязывать... Я никак не мог справиться с узлами... О боже, помоги мне. – Он отвернулся.

– На кого вы смотрели, Джейден? – спросил Мэддокс.

– На Зака, – тихо и жалобно ответил Нортон-Уэллс.

– На Зака Рэддисона?

– Да, это он меня туда привел.

– Зачем он привел вас в этот клуб?

– Мы... мы дружили со школы. – Нортон-Уэллс глубоко вздохнул. – У Зака всегда была репутация любителя распускать руки. Он любил грубый секс.

– Насколько грубый, можете привести пример? – попросил Мэддокс.

Джейден сглотнул и потер колено.

– Он, например, любил раздеть женщину догола и поставить на четвереньки. Надевал на нее строгий собачий ошейник – такой, с шипами – и затягивал потуже, потом пристегивал поводок и водил ее по комнате, всячески издеваясь и унижая... словесно...

– Как именно? – спросила Энджи.

Джейден, откашлявшись, ответил:

– Он называл их течными суками, грязными... э-э-э... дырками, и тому подобное. Ему нравилось делать им больно, чтобы кричали, а Зак приказывал им скулить громче, как животным, и брал их на четвереньках, сзади. Иногда он приглашал новую знакомую на ужин в дорогом ресторане

и сначала показывал себя рыцарем и джентльменом, а потом приводил к себе домой, закрывал дверь и вдруг с размаху припечатывал к стене, схватив за горло. Ему нравилось видеть неприкрытый ужас в глазах девушек.

– Этим он занимался со старших классов?

– Да. – Джейден шмыгнул и утер нос.

– А в полицию никто не обращался?

Джейден покачал головой:

– Поговаривали, что отцу одной из девушек, которая написала заявление в полицию, предложили высокую должность в «Рэддисон индастрис», и жалобу забрали. Еще были заявления о сексуальных домогательствах на прежней работе Зака, но все девушки по разным причинам тоже забрали заявления. Когда Зак занялся избирательной кампанией Киллиона, он понимал, что окажется под пристальным вниманием СМИ и должен будет следить за своей шириной – или, по крайней мере, грамотно скрываться. И тут он откуда-то узнал про «Вакханалию» – секс-клуб, где можно получить... разные услуги в эксклюзивной обстановке за соответствующие деньги. Красивые девушки без всяких болячек, прекрасная еда, развлечения... Садомазо-игры... – Он вытер губы. – Зак несколько раз сходил как гость, потом стал членом клуба и пригласил меня. Если приводишь нового платного гостя, то получаешь бонусную девушку, иногда какую-нибудь особенную.

– А почему он именно вас пригласил?

– У меня был день рождения, и Зак сделал мне такой подарок. Ему казалось, что на меня девушки не смотрят, или смотрят, но не те... – Джейден ненадолго замолчал, а когда снова заговорил, голос звучал подавленно: – Мне кажется, ему просто нравилось, когда на него смотрят. Он хотел, чтобы кто-то из его настоящей жизни видел и знал, что он вытворяет в «К.В.». Он по натуре эксгибиционист, присутствие постороннего распаляет его эго и либидо... – Джейден еще раз кашлянул, покосился на зеркало и уставился на дверь.

– Продолжайте, Джейден, – мягко напомнила Паллорино, хотя кровь курсировала по жилам сильными толчками. Энджи тоже взглянула на двустороннее зеркало, догадываясь, что Фиц или Веддер уже отправили Хольгерсена за Рэддисоном.

Джейден потер лицо руками. Адвокатша сидела со странным выражением лица.

– Джейден, – сказала она, снова тронув его за локоть.

Нортон-Уэллс покачал головой:

– Нет. Мне все равно, что скажет отец или мама. Я должен это сделать. Ради Грейси... – Он тяжело, длинно выдохнул. – Зак повел меня на НПЛ... Члены клуба, подписанные на уведомления от «К.В.», получали СМС о НПЛ за несколько дней. Сообщения приходили с анонимного сервера, там все законспирировано... Мужчинам нравилось думать, что они состоят в каком-то подпольном секс-движении. По крайней мере, так Зак говорил. Девушки на НПЛ были очень молоденькие...

– Молоденькие – это сколько?

– Грейси взяли туда, когда ей только исполнилось шестнадцать, и она говорила, что есть минимум трое младше ее. Но они не местные, они приплыли на «Аманде Роуз». Остальные, может, просто выглядели совсем юными и подчеркивали это макияжем и такими девчачьими хвостиками. Все они были в школьной форме, только юбочки очень короткие и трусов нет, а на шее у каждой висело дилдо, стилизованное под соску-пустышку... – Джейден уставился в стол. – Они сидели в одной из кают и сосали эти «соски», а мужчины смотрели, пили и выбирали... – Он снова помолчал. – Как-то так.

– А эти не местные девушки, откуда они?

– Я не знаю. По-моему, они живут на яхте. «Аманда Роуз» остается в бухте не дольше трех месяцев, но каждый год возвращается. На яхте это называется «сезон Виктории». До этого яхта стояла в Ванкувере, а перед этим, кажется, в Портленде. Грейси говорила, что, прежде чем войти в территориальные воды США, «Аманда Роуз» побывала в Южной Америке, так что тех девушек могли подобрать в любом порту. Я никогда их не видел и не разговаривал с ними.

– А остальные секс-работницы? Что вы о них можете сказать?

– Среди них была Грейси. – Джейден глубоко вздохнул. – Лара, Ева... Настоящих имен я не знаю, так их называла Грейси. Она помогла Ларе и Еве устроиться на яхту. Ей заплатили за это очень большую сумму.

– А почему Грейси вам все это рассказывала, Джейден?

Парень судорожно стиснул губы и дернулся, как от рвотного спазма. На секунду всем показалось, что его сейчас вырвет.

– Как я уже сказал, мне... мне дали Грейси в первый вечер, когда я пришел с Заком. Мы занимались любовью, и я...

– Вы не любовью занимались, Джейден, – перебила Энджи, – а платным сексом.

Мэддокс осадил ее взглядом. Паллорино еле заметно повела плечом.

– У нас вышло по-особенному... Через неделю я снова пришел с Заком – к Грейси. И затем каждую неделю в НПЛ я приходил к Грейси, только к

ней. Я ей понравился, мы разговорились. Она увидела у меня святого Христофора и спросила, какой я веры, а потом рассказала, что снова пришла к вере и начала петь в церковном хоре. Иногда я платил за Грейси, брал ее в каюту, и мы просто беседовали. Ее это тронуло. – Джейден опустил голову и начал водить указательным пальцем по столу. – Мы говорили о том, как заживем... потом.

– Потом – это когда?

– В будущем. Когда она уйдет из клуба, как только заработает побольше денег. Мы мечтали путешествовать по миру, жить за границей. Грейси описывала города, где хотела побывать. Планировали жить вместе, как только я получу диплом... – Поколебавшись, Джейден поднял голову: – Я хотел, чтобы она это бросила. Чтобы была только со мной. Я сказал, что поддержу ее финансово, если она уйдет оттуда.

– Вы ее ревновали? Ведь она была и с другими мужчинами!

– Грейси была достойна лучшего, чем это ремесло, я ей так и сказал. Она заслуживала большего, и я мог дать ей это...

– Она вам не верила, что ли, Джейден? – спросила Энджи. – Вы были для нее лишь очередным клиентом?

– Нет, у нас были особые отношения.

«Надо же, как она тебе голову задурила. Типа, это не оргазм, а любовь», – подумала Паллорино.

– Она действительно хотела оттуда уйти, но это было не так просто. – Руки парня задрожали, голос срывался. – Грейси боялась, потому что клуб ужесточил правила. Ей дали понять – если она раскроет рот, нарушит соглашение о конфиденциальности, ей конец.

– Что имелось в виду? – уточнил Мэддокс.

– У меня было ощущение, что Грейси боялась... физической расправы.

– Боялась, что ее убьют?

Джейден кивнул.

– Ее уговаривали остаться на яхте. Ей реально вкручивали, как выгодно для нее это... – Он закашлялся от волнения. – Поэтому я подарил ей святого Христофора, чтобы охранял от зла, пока она обсуждала свой возможный... круиз.

– А как Грейси попала в клуб «Вакханалия», она вам не рассказывала? – спросил Мэддокс.

– Ее привел туда бойфренд. Ну она на тот момент считала его своим бойфрендом. Грейси называла его Джей Джей.

Энджи произвольно бросила взгляд на огонек записывающей видеокамеры – убедиться, что это зафиксировано.

– Джон Джекс? – уточнил Мэддокс.

– По-моему, да. Они с Грейси познакомились в каком-то теннисном клубе, где тренировался ее прежний бойфренд, кажется, одноклассник. Когда они поссорились, она начала встречаться с этим Джем. Он делал ей подарки, давал деньги – много денег. Грейси рассказывала, что он водил ее по дорогим ресторанам, рядом с ним она чувствовала себя королевой. А однажды он пришел на свидание не один, а с приятелем, Дамианом, и...

– А как фамилия Дамиана? – попросил Мэддокс. – Нам для протокола.

– Дамиан Йорик. Бойфренд Грейси попросил, чтобы она занялась с Дамианом сексом, а он бы понаблюдал. Грейси не хотела, но Джей Джей ее убедил, что это ради него и этим она докажет свою любовь. Грейси согласилась, и в результате получился секс втроем. В следующий раз она воспротивилась, но Джей Джей бил ее, пока она не заплакала и не подчинилась. Потом он осыпал ее дорогими подарками и был сама нежность. Так происходило еще несколько раз, а потом Дамиан повез их обоих на «Аманду Роуз», где Джей Джей напоил Грейси коктейлями с подсыпанной наркотой и упросил заняться сексом в салоне с одним из членов клуба на глазах у остальных мужчин. Он сказал, что это особый ночной клуб. Тот постоянный гость заплатил ей огромные деньги, и те, кто смотрел, тоже заплатили. После этого Джей Джей и Дамиан обращались с Грейси как с принцессой, а в следующий вторник снова отвезли на яхту и отдали еще двум членам клуба.

– А Заку нравилась Фейф?

– Да. Она всегда была готова для жесткого секса – за особую плату, конечно.

– Он, значит, избивал ее, как и остальных?

– Лупил ремнем, хлыстом. Однажды рассек губу. Надевал ошейник и брал на поводок. Использовал всякие приспособления в особой каюте, предоставляемые «К.В.». Хлысты там, веревки, петли, шипы, другие секс-игрушки, чтобы причинять боль. Он пытался шокировать меня подробностями. Ему нравилось смотреть на мое лицо, когда он перечислял все, что делал с ней.

– А руководство «К.В.» смотрело на это сквозь пальцы?

Джейден начал ковырять ноготь.

– Наверное, раз они дали ему Фейф. Ей вроде нравилось пожестче.

– Кто руководит клубом?

– Мадам и ее помощница.

– Какая мадам?

– Мадам Ви, это все, что я знаю. Ее помощница Зайна – огромный

переодетый мужик-трансгендер, ростом под два метра. Странный оттенок кожи – такой, знаете, пепельно-белый. Глаза бесцветные, и волосы выкрашены в серебряный цвет.

– А эта мадам Ви старая, молодая? Национальность, акцент?

– Я не видел ни ее, ни помощницы вплоть до той ночи, когда Фейф перестала дышать. Когда это случилось, наводить порядок явилась – или явился – Зайна, а нас отправил в офис мадам. Она заверила, что все будет в порядке.

– Как мило с ее стороны, – не удержалась Энджи.

Джейден поднял на нее глаза.

– Я в том смысле, что в полицию они не заявят, – пояснил Джейден.

– То есть у вас был разбор полета, – продолжила Паллорино. – И вам прозрачно намекнули: если проболтаетесь, сядете за убийство.

Джейден смотрел в стол.

– Расскажи мне о той ночи, когда погибла Фейф, – сказал Мэддокс. – Когда это произошло?

– Во вторник двадцать восьмого ноября.

– Как это случилось?

– Зак позвал меня в каюту смотреть на него и Фейф. Он нанюхался кокаина и был под кайфом. Он был повернут на том, чтобы на него смотрели... Сказал, что я, может, научусь чему полезному. Он связал Фейф по рукам и ногам и занялся с ней сексом. Веревки затягивались все туже, она пыталась сказать ему – хватит, потом заплакала, а он... словно обезумел. Клянусь, я заорал, чтобы он прекратил, но он схватил нож и сказал, что зарежет ее, если я подойду ближе. Мне кажется, это было частью игры, его фантазией. А потом... она уже не дышала. Зак подумал, что Фейф притворяется, но увидел, что она умерла, запаниковал и начал разрезать петлю у нее на шее, но от того ножа – он ведь столовый, с зубчиками – веревка только размахрилась, и я подошел помочь. – Нортон-Уэллс с трудом выдохнул, силясь успокоиться. – После этого мы позвали на помощь.

– А откуда там взялся нож с зубчиками?

– Со стола. В тот вечер в клубе подавали какую-то особую говядину с черными трюфелями. Я... – Джейден непроизвольно подавился и закрыл глаза, справляясь с тошнотой.

– Значит, вы развязывали узлы руками? – уточнил Мэддокс, не давая Джейдену отвлекаться.

Тот кивнул.

– И еще раз попробовал развязать, когда вошел Зайна. Она... он

оглядел каюту и велел нам идти в офис мадам на средней палубе и нигде ничего не болтать.

– И что случилось в офисе мадам Ви?

– Она налила нам бренди из своей коллекции и продержала нас больше часа, убеждая, что волноваться не о чем: дескать, у них уже бывали подобные ситуации, и, когда мы доедем домой, все уже будет шито-крыто и отойдет в область преданий. Мадам Ви предложила нам пока притихнуть и пару недель не приезжать.

– А потом?

– Мы уехали.

– Вы поехали прямо домой?

– Нет. Мы с Заком дошли до стоянки возле причала, и там я расписховался – может, говорю, в полицию заявить... Я был сам не свой, расклеился окончательно. Зак сказал, что я идиот и мы оба только попадем в тюрьму. Я попытался сесть в «Лексус», припаркованный рядом с «Акурой» Зака, но он попытался меня удержать – испугался, что я поеду в полицию. Мы боролись, пока он не врезал мне в челюсть, и я тогда не выдержал и разрыдался. Потом мы сидели в машине Зака – не знаю, сколько времени сидели. Включили мотор и пили виски – у него при себе была фляжка. На улице было холодно, начинался снег – тогда как раз надвигался арктический фронт. Снег засыпал лобовое, окна запотели, и тут Зак буквально взвизгнул. За стеклом с его стороны, со стороны водителя, оказалось чье-то лицо, близко-близко, и глаза смотрели на нас... – Он закашлялся. Мэддокс пододвинул ему стакан воды, и Джейден отпил глоток. – Мы узнали одного типа с «Аманды Роуз», мы его уже видели раньше.

– Имя у типа есть?

– Я не знаю, как его зовут. Я видел его один раз, мимоходом, он работал на палубе и выпрямился, пропуская нас. Очень подтянутый, спортивная фигура, мышцы такие проработанные... Лицо красивое, с четкими чертами. – Нортон-Уэллс глубоко втянул воздух. Энджи видела, что он здорово устал. Она поглядела на часы, по опыту зная, что у них не так много времени, прежде чем клиент замолчит.

– Зак опустил стекло и спросил, что ему тут нужно, почему заглядывает к людям в машины, как идиот. А он и говорит – ему все известно, он знает, что Зак и я сделали с Фейф. И описал в подробностях, будто видел своими глазами. Вплоть до того, что говорил мне Зак. И о ноже, и о том, как Фейф плакала. Зак драл ее жестко, раздвигая ей ноги все шире, от этого веревка на шее затягивалась туже. Этот парень сказал, что избавится от трупа, и

молча ждал, глядя на нас. Зак велел ему проваливать, но я видел, что он здорово испуган – этот тип вывел его из равновесия. И тот парень сказал – ладно, раз нам так угодно, если это вся благодарность, которую он получит, он, пожалуй, проронит словечко кому надо о том, что видел. Его речи очень смахивали на шантаж – он хотел поглядеть, как мыотреагируем. – Джейден сделал еще глоток из стакана, пододвинутого Мэддоксом. – Я тоже похолодел от страха – на редкость мутный тип, странный какой-то – и спросил, чего он хочет за свое молчание. Он поглядел на мой «Лексус», стоявший рядом с «Акурой» Зака, и сказал, что всегда о таком мечтал... – Нортон-Уэллс собрался с силами и договорил: – Я сказал – бери и проваливай, бросил ему ключи, а он поймал связку на лету, сел в «Лексус», и больше я его не видел. Сами понимаете, почему я не мог заявить об угоне в полицию.

Энджи и Мэддокс молча смотрели на него, не мешая тяжелой тишине заполнять тесную, душную комнату.

Наконец Мэддокс тихо сказал:

– А Грейси?

Лицо Джейдена исказилось. Казалось, сейчас он действительно не выдержит и испачкает всю комнату.

– Я узнал о том, что с ней случилось, из газет. Когда в новостях объявили, что нашли тело Фейф, я сразу понял – это наверняка тот больной придурок, который забрал мой «Лексус». Он же работал на яхте, он знал, что произошло в каюте у Зака с Фейф, значит, он и вывез тело. Наверняка он и Грейси знал. И тут вы приезжаете и спрашиваете о «Лексусе», который был использован при совершении преступления!..

– Этот человек живет на «Аманде Роуз»?

– Я только знаю, что, когда я в пятницу зашел к мадам Ви, она сказала, что его нанимали как плотника, а потом подрядили еще и матросом, однако в ночь гибели Фейф он исчез и с тех пор не появлялся.

– Плотник?

– Ну да. Он все деревянные детали на яхте укреплял, а там же и палубы, и перила, и отделка. Он ремонтировал шкафчики, подгонял детали – ну все в таком духе.

– А зачем же вы поехали на «Аманду Роуз» в пятницу, Джейден? – спросила Энджи, переменив позу и опершись о стену другим плечом.

Молодой человек потер лицо, которое сразу стало красным и покрылось пятнами.

– А куда же еще... Вы же о моем «Лексусе» говорили. Я знал, это точно он, этот плотник двинутый, уехавший на моей машине. Я слышал, как

психолог выступал по радио и сказал, что убийца Грейси будет убивать и дальше и не остановится, пока его не поймают. В газетах писали, что схожие по почерку изнасилования фиксируются уже несколько лет, но маньяка никто не остановил. Зак не отвечал на мои звонки, он вообще перестал со мной общаться... Я должен был сказать владелице «К.В.», что этот плотник маньяк, что он забрал мою машину и совершает страшные убийства, нужно его остановить. Но мадам приказала мне забыть об этом – плотник пропал и перестал быть нашей проблемой. А если я пойду в полицию, мы загремим за решетку за убийство Фейф Хокинг. – Он покосился на своего адвоката. – Мадам Ви сказала, что ее клиенты занимают настолько высокие посты, что даже мне на подоконнике сидеть придется: к ней и судья ходит, и адвокаты, и руководители корпораций, и даже кое-кто из полицейского руководства... Это правда, я сам видел на яхте тех, кого знал по законодательному собранию провинции и из газет... Мадам сказала, стоит им пальцем шевельнуть, и мамина-папина карьера бесславно закончится. Потом она долго смотрела на меня и в конце концов спросила, хватит ли у меня сил справиться с этим стрессом...

Джейден с силой ударил себя по вискам, будто то, что он знал, грозило взорвать ему череп.

– По-моему, у нее возникли сильные сомнения, и тогда Зайна позвал Дамиана, представив его как решалу и посоветовав мне обратиться к нему, когда яхта поднимет якорь. Они даже настаивали, чтобы я с ним встретился.

– Еще раз, что там про якорь?

– «Аманда Роуз» завтра отплывает.

Энджи окаменела. Ее взгляд метнулся на Мэддокса, затем на двустороннее зеркало.

– И куда же направится яхта? – отрывисто спросил Мэддокс.

– Не знаю, через Тихий океан, наверное. Я уловил фразу о перевозке «товара со штрихкодом». Обычно они оставались до двадцать шестого декабря, но, насколько я понимаю, им здесь стало слишком жарко, ведь убийства девушек приведут к яхте... Как только они покинут бухту, Дамиан попытается... заткнуть мне рот. Поэтому я не могу больше сидеть и помалкивать.

– Вы боитесь?

Джейден кивнул.

– Надо было к нам давно прийти, – сказала Энджи.

Он поднял на нее глаза. На его лице читались боль, раскаяние, сожаление. С мокрыми глазами Нортон-Уэллс сказал:

– Вот сейчас пришел.

– Паллорино! – Хольгерсен сразу отвел Энджи в сторону, едва она вышла в коридор. Мэддокс шел впереди, спеша в оперативный штаб.

– Чего тебе? – огрызнулась она, думая только о том, что сейчас предстоит делать, но при виде глаз Хольгерсена похолодела. – Что такое, Хольгерсен? – проговорила она, уже догадываясь, что услышит.

– Уинстон нашли в канаве возле залива. Полчаса назад. Похоже на передоз фентанила.

Кровь отлила от лица. Энджи прижала руку к губам.

– Как она?

– Как, как... Мертвая она, вот как.

Энджи смотрела на него округлившимися глазами.

«Кто-то вломился ко мне в дом, детектив, и оставил крэк на столе поверх фотографий. На обороте почитайте... «Тебе конец». Я вам позвонила, потому что вы сказали – вам не все равно. И я вам поверила... Анонс выйдет в сочельник – на тот случай, если со мной что-нибудь случится...»

– Они уверены, что это был фентанил?

– К сожалению, да. Патрульный, ответивший на вызов, нашел при Уинстон сложенную бумажку. Развернул, ветер сдул белый порошок ему в лицо, и офицеру сразу стало плохо. Пришлось вызывать «Скорую» и вводить ему налоксон.

Мощный антагонист опиоидных рецепторов...

Вот и еще один полицейский отравился – на улицах просто какая-то эпидемия, фентанил добавляют в любые наркотики, трогать их опасно для жизни, поэтому в каждой патрульной машине теперь есть налоксон и все необходимое для инъекции...

Энджи вытерла губы.

– Йорика арестовали?

– Да, взяли только что. Его и Джекса. А Рэддисона я уже привез.

– Отправь людей обыскать квартиру Йорика. Он не только сутенер, но и наркодилер. Пусть проверят, есть ли совпадения с содержимым той бумажки... Господи, – она отвернулась, – надо было мне ее сюда привезти...

Хольгерсен хотел тронуть ее за руку, но Энджи резко развернулась и пошла к лестнице, чтобы он не увидел слезы на ее глазах.

«Надо было привезти тебя в управление, Мерри... Я подвела тебя, я

тебя так подвела... Черт бы все побрал, я тебя подвела...»

Глава 70

Понедельник, 18 декабря

Энджи извернулась, чтобы поправить застежку пуленепробиваемого жилета. Шел первый час ночи. Дождь на время перестал, ветер стих, и рваные облака ползли по небу, словно играя в пикабу с бледной выпуклой луной, протянувшей по воде серебристую дорожку. Стоянка была заполнена, но на яхте стояла тишина. Энджи лежала рядом с Мэддоксом на берегу за небольшим пригорком, наблюдая за операцией в ожидании сигнала от бойцов отряда быстрого реагирования, которые были готовы взбежать на борт «Аманды Роуз».

Разработка операции захвата началась в тот момент, когда Паллорино с Мэддоксом поехали задерживать Нортон-Уэллса. Фиц и Веддер следили за происходящим из управления.

Энджи рассматривала стоянку в прибор ночного видения, когда в ворота медленно въехал черный таункар с тремя мужчинами. Дверцы открылись, пассажиры, смеясь и нетвердо держась на ногах, пошли по причалу к сверкающей огнями белой яхте. Основная масса гостей уже собралась на борту, приехав в такси, лимузинах, собственных машинах. Дороги из бухты были перекрыты – отъезжающих останавливали полицейские кордоны.

Энджи навела прибор ночного видения на «Аманду Роуз»: за яхтой на водной глади показались черные силуэты катеров береговой охраны, блокировав выход из бухты. Держась на некотором расстоянии, маячили два скоростных полицейских катера, готовые вступить в дело, если команда «Аманды Роуз» попытается сбежать на маленьких моторках, которые полицейские наблюдатели разглядели на борту. На берегу в полной готовности ожидал вертолет. Энджи сдерживала нетерпение, следя за силуэтами спецназовцев, которые двигались к судну, как черные ниндзя, со штурмовыми винтовками наготове.

Уже подъехали «Скорые» и представители социальных служб.

Вдруг ночную тишину раскололи выстрелы. Воздух прорезал пронзительный крик, потом закричали другие мужчины. Крики разносились далеко над водой.

– Высыпали на палубы, – сообщила Энджи Мэддоксу, который смотрел в свой бинокль. Тени метались – мужчины бегали по яхте. Вспышка света

разорвала тьму, и до берега долетел приглушенный звук взрыва. Новый вопль сотряс все вокруг – женский. Снова выстрелы. Затем все начало успокаиваться. Энджи слышала резкие команды, приказы. Несколько мужских голосов горячо заспорили, потом перешли на крик – ветер доносил отдельные слова.

Услышав по радиации сигнал «все чисто», Паллорино и Мэддокс вскочили и, пригнувшись, побежали на набережную и к яхте. От сходней спецназовец в полном снаряжении сразу провел их к лестнице, ведущей на палубы. Роскошь убранства поражала воображение – сплошь полированное дерево, хром и белый лак, на стенах подлинники известных мастеров. На яхте еще звучала музыка – никто и не подумал ее выключить. Энджи почувствовала уже порядком выветрившийся запах перцового баллончика.

На второй палубе спецназовцы надевали наручники на членов команды. Девушек, завернутых в одеяла, препровождали по лестницам вверх, собирая на верхней палубе; некоторые из них плакали. Из будуаров на нижней палубе выводили мужчин в разной степени одетости; кое-кто не пожелал расстаться с гротескными, в барочном стиле карнавальными масками – с длинными изогнутыми носами, рогами дьявола или мордой быка.

На нижней палубе Энджи и Мэддокса провели в так называемый офис, где сидела задержанная «мадам Ви» со своей телохранительницей-трансвеститом. У двери стоял спецназовец с автоматом. Он пропустил детективов в просторную каюту с блестящим полированным столом, возле которого занял пост второй боец, не сводя глаз с женщины лет шестидесяти восьми, руки которой были скованы за спиной. Рядом, тоже в наручниках, сидела ее помощница-трансгендер. Джейден Нортон-Уэллс не ошибся: Зайна действительно напоминала существо из иного измерения со своими серебристыми волосами, белыми глазами и странной пепельной кожей.

Бесцветные глаза встретились со взглядом Энджи, не выдав ни малейшего волнения или эмоций. Зато старуха яростно уставилась на детективов, злобно сжимая кроваво-красные губы. Энджи заметила, что рядом с ней стоит остановленный во время работы уничтожитель бумаг.

– Дайте нам минуту, – попросил Мэддокс спецназовца. Тот кивнул, вышел и прикрыл дверь. Если перед отрядом быстрого реагирования стояла задача захвата «Аманды Роуз», то Паллорино и Мэддоксу нужна была в первую очередь информация об исчезнувшем плотнике, который оставался на свободе. Счет до нового убийства шел на часы, если Грабловски не ошибся.

– Говорите с моими адвокатами, – резко сказала мадам Ви, подняв голову. – Вы не имеете права, это препятствование законному бизнесу! Я владею эксклюзивным клубом джентльменов, и то, чем они занимаются в приватной обстановке в своих каютах, происходит по обоюдному согласию между совершеннолетними людьми!

– Мне бы список вашего персонала, – попросил Мэддокс.

Старуха сжала губы и отвернулась. Ее телохранительница осталась бесстрастной – хладнокровная, опасная хищница.

– Как фамилия плотника, который работал у вас еще недавно? – спросил Мэддокс, бесцеремонно роясь в ящиках стола с намерением вывести из себя мадам Ви. – Кстати, а ваше имя по документам?..

– Повторяю, обратитесь к моим адвокатам.

Он с силой развернул кресло мадам Ви, так что шокированная старуха замолчала, и наклонился к ней вплотную:

– Просто скажите фамилию плотника. Утаивание информации об этом работнике будет стоить вам свободы. А срок вам светит немалый, поверьте, чем бы вы здесь ни занимались.

Молчание.

Паллорино, охваченная бессильным гневом, подавила желание буквально разорвать сутенершу на части. Мэддокс показал подбородком на дверь, давая понять, что они здесь закончили – время дорого. Он вышел из каюты первым, Энджи – за ним.

– Мы теряем время, – сказал он и повернулся к спецназовцу, охранявшему дверь. – Куда отвели персонал?

– Пока всех собрали в складском помещении на нижней палубе, сэр.

Мэддокс с Энджи побежали по лестнице вниз, столкнувшись с несколькими бойцами, конвоировавшими членов команды на корму. Одна из спецназовцев, женщина, подозвала Энджи и Мэддокса:

– У нас тут объявились желающие сотрудничать. Вон, горничная. – Она показала на молоденькую девушку лет двадцати трех. Детективы сразу же отвели ее в сторону.

– Я не знала, что тут творится! – выпалила та, едва дыша и глядя на них круглыми, как блюдца, глазами. – Клянусь! Я здесь новенькая, я...

– Как тебя зовут, милая? – Энджи протянула ей салфетку, вытащенную из кармана. С моря дул холодный боковой ветер – за горизонтом формировался новый погодный фронт.

Девушка высморкалась, дрожа как осиновый лист.

– Кэти Коллинз. Я новенькая, – повторила она.

– Сколько ты тут работаешь?

– Месяц.

– Ну за месяц-то можно разобраться, что к чему. Ты убирала в каютах? Коллинз кивнула.

– Значит, видела следы ночных забав. Что там было? Использованные презервативы, секс-игрушки, кровь? Ты здешних девушек видела? Как их бьют, видела?

Кэти сглотнула.

– Девушек ни одной не видела, ни разу. В часы работы клуба персонал в нижние каюты не допускался, кроме официантов. Мы приходили с уборкой, когда все разъезжались. Спальни девушек тоже стояли пустые – их всегда переводили в другую часть судна, когда у них нужно было убрать.

Энджи выразительно поглядела на Мэддокса:

– Значит, какие-то девушки на яхте все-таки живут?

Коллинз кивнула.

– Я слышала, их называли девушками со штрихкодом. Вроде они все иностранки и живут на яхте. Я их сама не видела. Три совсем юные, их держат отдельно... Остальные девушки приезжают и уезжают с водителями, которых предоставляет клуб. – Кэти опустила глаза и уставилась в пол: – Платят тут хорошо. Я... ничего не знала. Старалась делать свою работу, и все.

– Кэти, помогите нам, и вы поможете себе. Еще две недели назад на «Аманде Роуз» был такой человек, который работал и матросом, и плотником. Блондин лет тридцати, красивый, но как бы странный. Вы никого не припоминаете из тех, кто здесь уже не работает?

– А-а, да, он уволился. По крайней мере, нам сказали, что Спенсер уволился.

Энджи внутренне вздрогнула.

– Спенсер, а фамилия?

– Ой, откуда ж мне знать!

– А где он живет, тоже не знаете? – спросил Мэддокс. – Он иностранец? Он был на борту, когда яхта заходила в другие порты?

– Я-то не знаю. – Кэти Коллинз показала на мужчину в белой рубашке повара, которого в наручниках вели в сторону складского помещения. – Вот он знает.

Энджи с Мэддоксом отвели повара в сторону. Это был верзила с исклеванным оспинами лицом и грубыми чертами. Его белая рубашка была измарана кровью.

– Я требую адвоката, – тут же сказал он.

– Слушай, приятель, ты мне не нужен, мы не за тобой, – коротко сказал Мэддокс. – Меня интересует Спенсер. Ты мне рассказываешь о Спенсере, и дела у тебя сразу налаживаются. Будешь молчать – я специально позабочусь, чтобы твоя жизнь превратилась в ад.

Взгляд верзилы дрогнул при упоминании Спенсера.

– Давайте вон туда зайдем, – попросил он, указав на дверь. Энджи заглянула туда и увидела небольшую каюту с диванчиками – нечто вроде комнаты для персонала.

Верзила вошел вместе с детективами и оглянулся на дверь.

– Спенсер уволился, – сообщил он, когда дверь прикрыли.

– В курсе. Почему он уволился?

– Несколько недель назад в одной из кают клуба что-то произошло. Я не знаю подробностей, но что-то плохое. Спенсера позвали помочь, и после этого мы его не видели.

– Фамилия у Спенсера есть? Где он живет, гражданин какой страны, сколько проработал на «Аманде Роуз»?

– Фамилия Аддамс, Спенсер Аддамс, местный, из Виктории. Работал на яхте несколько лет, плавал с нами несколько раз на Карибы и по Средиземному морю. Сезонный работник. Сказал, что в свое время откликнулся на объявление, на яхту требовался плотник. Живет в бухте Джеймс со своей матерью. Вообще он не откровенничал, замкнутый такой, но плотник очень хороший. Свое дело обожал, работа для него была прямо как религия. Он вообще был со странностями – цитаты из Библии из него так и сыпались.

Сердце Энджи молотом стучало в груди.

– Где именно в бухте Джеймс?

– Не знаю.

Дверь открылась, и в кабину заглянул спецназовец:

– Детективы, вы должны это увидеть.

Он отвел их на нижнюю палубу, на первый взгляд к чулану, и открыл дверь, за которой оказалось помещение примерно два на два метра.

– Пришлось взломать замок, чтобы войти, – сказал спецназовец.

Энджи и Мэддокс вошли в тесную каморку. Стены были обиты деревянными панелями, в центре поставлен мягкий крутящийся стул. Узенькая, меньше фута шириной, полка-столешница обегала стены на уровне метра от пола. В панелях были отверстия, откуда выходили провода, воткнутые в ноутбук, оставленный на узкой полке.

Мэддокс со щелчком натянул латексные перчатки и провел рукой по проводам, уходящим в стену.

– Здесь какая-то съемная заглушка, – сказал он, снимая деревянный кружок, маскировавший нишу в стене. Тихо выругавшись, он вынул еще одну заглушку. – Видеокамеры, – заключил он и взглянул на ноутбук: – Провода идут от встроенных камер к этому компьютеру.

Энджи тоже достала из кармана перчатки, открыла ноутбук и тронула кнопку «Вкл». Экран засветился.

– Черт, – прошептала Паллорино, открывая все файлы подряд. Это оказалась видеосъемка из разных кают, где клиенты получали соответствующие услуги. – Значит, вот откуда он следил. Этот ублюдок смотрел и все фиксировал. – Она огляделась. Четыре стены, в каждой отверстия, провода тянутся к ноутбуку-терминалу. – Отсюда ему были видны несколько кают. Прямо нервный узел в брюхе «Аманды Роуз», – продолжала она, открыв новый файл. Обнаженный молодой брюнет водил на поводке обнаженную женщину на четвереньках. У Энджи замерло сердце. Она нажала быструю перемотку вперед.

– Все, он наш, – прошептала она, с холодком под ложечкой наблюдая, как молодой человек связал женщину по рукам и ногам и начал жестко долбить ее сзади. Волосы свесились на лицо девушки, обращенное к камере, по щекам катились слезы, черты мучительно исказились, веревка все туже затягивалась на ее шее. За совокупающей парой, в дальнем правом углу, стоял Нортон-Уэллс. – Оба попались, – тихо добавила она. – Это Фейф Хокинг.

Судя по дате, съемка велась двадцать восьмого ноября. Детективы смотрели, как Хокинг начала задыхаться, глаза полезли из орбит, тело обмякло, но Рэддисон продолжал ее накачивать. К горлу Энджи подступила желчь, когда она смотрела на смерть молодой женщины. Тайная видеозапись превратилась в снафф^[9].

– Должно быть, он сбежал внезапно, раз бросил все здесь, – сказал Мэддокс.

– Может, скачал в облако, откуда теперь может при желании загружать и просматривать. – Энджи вытерла рукавом рот. Ее вдруг замутило при мысли о такой растленности, моральной ущербности. – Если Нортон-Уэллс ничего не придумал, начальство вызвало этого Спенсера Аддамса сразу после случившегося, чтобы избавиться от тела Хокинг. Отвезя ее на остров Тетис, он вернулся на «Аманду Роуз» предположительно на маленьком катере, а уходя после смены, заметил на стоянке Рэддисона и Нортон-Уэллса и решил не упускать шанс – отжал себе «Лексус», на котором позже похитил Драммонд. Когда тело Хокинг всплыло и сведения об увечьях на трупе попали в прессу, связав ее с похищением и убийством

Драммонд, Аддамс уже не мог сюда вернуться. – Энджи встретила взглядом с Мэддоксом. – Потому что к этому времени все уже догадались – это он изуродовал тело Хокинг. Ему доверили избавиться от тела, а он не справился.

Мэддокс повернулся к спецназовцу, ожидавшему у двери.

– Это помещение опечатайте. Сюда мы в первую очередь приведем экспертов. – Он достал мобильный и позвонил Фицу: – Нужен адрес проживания, срочно, – сказал он в телефон, глядя Энджи в глаза. – Маньяка нашего зовут Спенсер Аддамс, живет в бухте Джеймс, вроде бы с матерью. Мы сейчас выдвигаемся туда, а от вас ждем адрес и группу захвата.

Глава 71

Вторая команда спецназа прибыла скрытно, без сирен. Дом в бухте Джеймс был тих и темен. Спецназовцы взломали дверь, но ни Спенсера Адамса, ни его матери внутри не оказалось. Сейчас ждали приезда экспертов.

Дождавшись сигнала «все чисто», Энджи с Мэддоксом медленно вошли в гараж, выходящий на тихую улочку со старинными домами, белым штакетником и аккуратными цветочными клумбами. Ночь была ветреная. Растущая луна заливала серебром сонную округу, но на горизонте собирались черные тучи. Тихий квартал находился в шаговой доступности и от моря, и от пирса, где Энджи и Мерри Уинстон сидели в бистро, и от здания законодательного совета, и от гавани, этого сердца города, и становилось еще страшнее от сознания, что здесь вырос чудовищный маньяк-убийца, здесь ходил в школу, годами таился и гнил изнутри, превращаясь в больного садиста.

Энджи кивнула на масляное пятно, впитавшееся в бетонный пол гаража: недавно здесь стоял автомобиль. В гараже было тепло, в воздухе еще ощущался слабый запах горячего мотора и выхлопных газов – видимо, жильцы уехали совсем недавно. Вдоль стен стояли металлические стеллажи, где в пластиковых ящиках лежали садовые инструменты, чистящие средства и прочие припасы. На пробковой доске, привинченной к стене, на крючках ровными рядами висели инструменты.

– Аккуратный, подлец, – буркнул Мэддокс, когда они двинулись ко второму выходу. За дверью начиналась вымощенная камнем дорожка к крыльцу коттеджа.

Энджи остановилась.

– Подожди, вон, смотри, – сказала она. – Оружейный сейф.

Сейф для длинноствольного оружия был распахнут и пуст. На полке валялась перевернутая коробка из-под патронов, тоже пустая.

– Двадцать второй калибр, – прочла Энджи надпись на коробке. – Он на свободе, и у него винтовка.

По узкой дорожке пошли к аккуратному домику под двускатной крышей, с витражными вставками над окнами. Подсветка в саду была включена, и взгляду открывался ухоженный газон с подстриженными кустами.

Пока они ждали подкрепления, Веддер дал задание техническому отделу запустить поиск Спенсера Аддамса. Второе имя – Джон, не привлекался, ДНК и отпечатков пальцев в базе нет. Мать – Бьюла Ли Аддамс, урожденная Картрайт. Дом куплен на ее имя, Спенсер там вырос. Отец, Джон Спенсер, пропал, когда мальчику было пять лет. Его так и не нашли, и Спенсера воспитывала мать. Закончил местную школу, работал учеником плотника. Бьюла длительное время активно участвовала в работе благотворительных католических организаций и была прихожанкой отца Саймона. Пока это все, что удалось установить ребятам из управления.

Когда подъехали криминалисты, Мэддокс и Энджи как раз входили в дом, натянув сапоги-бахилы и перчатки. В комнатах было тепло. Судя по всему, хозяева выехали в спешке: телевизор еще работал – шла серия «Улицы Коронаций». В старом камине оранжево тлели угли, и в коридоре дымилась ментоловая сигарета, конец которой превратился в аккуратный столбик пепла. Рядом с пепельницей, полной окурков со следами ярко-красной помады, стояла коробка синих латексных перчаток и лежал пакет с логотипом «Драгги март»; детективы проезжали этот магазин по дороге сюда.

На вешалке у дверей висели пальто, на подставке – женский зонтик в цветочек. Мужские беговые кроссовки «саломон» соседствовали с меньшего размера женскими спортивными туфлями «рокпорт». В воздухе сильно пахло кислым, резким ментоловым дымом.

Энджи с бьющимся сердцем огляделась.

Предоставив судмедэкспертам тщательно прочесывать дом и лужайку, Паллорино и Мэддокс, имея перед собой конкретную цель, быстро прошли по комнатам в поисках подсказок, куда могли выехать хозяева. Времени у них не осталось – подозреваемый находился в бегах и был вооружен. Возможно, он почувствовал себя загнанным в угол и окончательно слетел с катушек. Без ответа пока оставался вопрос, добровольно ли мать поехала с сыном.

Из коридора они открыли дверь в маленькую ванную, и у Паллорино перехватило дыхание.

Приклеенные по краям зеркала над белой раковиной, на детективов глядели фотографии Грейси Драммонд, запечатленной во время половых актов с разными мужчинами. Сверху на зеркале ярко-красной помадой были крупно выведены слова: «Спаси этих девушек». От надписи красная стрелка указывала на изображение еще одной девушки, занимавшейся сексом с бородатым мужчиной лет шестидесяти.

– Лара Пеннингтон, – узнала Энджи.

Рядом с фотографией Пеннингтон и неизвестного помадой было написано: «Быть ей крещенной во имя Господа. Спаси их всех. Изгони Сатану».

– Это кадры из видеозаписей с яхты, – сказала Паллорино, подавшись ближе. – В числе других Аддамс видел Драммонд, Хокинг, Пеннингтон и зациклился на них. Он напал на Драммонд, распробовав тело Хокинг.

– Ему захотелось живую, – негромко сказал Мэддокс.

– Пеннингтон следующая, – произнесла Энджи, глядя на жесткие банные перчатки для скраба, лежавшие в раковине. Мэддокс приподнял одну. Пальцы перчатки покоробились и слиплись от чего-то засохшего.

– Семя? – предположил он.

По краю раковины были разложены открытые английские булавки, бритва и тюбик крема «Горячий лед» для разогрева мышц. Здесь же были коричневые пятна, похожие на кровь.

Мэддокс поглядел на перчатки, булавки, бритву и снова на фотографии блуда.

– Ты думаешь о том же, что и я?

Энджи со всхлипом втянула воздух. Рот наполнился предчувствием, что худшее еще впереди.

– По-моему, он здесь дрович на фотографии Драммонд и Пеннингтон. Если он орудовал в перчатках для пилинга, да еще и мазал интимные места этим кремом, ему наверняка жгло там все огнем. Булавки, бритва – значит, от боли этот ублюдок кончает. Интересно, что думает об этих фотографиях его мамаша? Если она тоже здесь жила, не могла же она не заходить в туалет!

– Может, она его сообщница? – возразила Энджи, кивнув на красную надпись. – Помада, судя по всему, ее. Такие же следы на ментоловых окурках. И уехала вместе с сынком.

Выйдя в коридор, они открыли соседнюю дверь. Интерьер этой комнаты был суров, даже аскетичен: голые стены, только деревянное распятие над узкой кроватью, накрытой простым темно-синим одеялом. Голый деревянный пол. Занавесок на окне нет.

Нехорошее предчувствие усилилось, когда Паллорино вошла за Мэддоксом в следующую комнату, побольше, всю в цветочках и рюшах. Широкая кровать завалена думками и застелена розовым бельем. Вязаное крючком покрывало аккуратно сложено в ногах. На стене – фоторабота Эмили Карр с изображением старой церкви. Стоявший под окном комод с зеркалом – темного дерева, изогнутый в форме человеческой почки – застелен тюлевой накидкой с зубчатым краем, а сверху фотографии в

рамках, четки и множество помады, компактные румяна, голубые тени для век, пудра и начатый пакетик леденцов «Хэтти» из «Старой милой кондитерской». На чеке дата – пять дней назад. Энджи взяла одну из фотографий: красивый мальчик лет десяти с растрепанными светлыми волосами и улыбкой сорванца. Голубые глаза, тонкие ножки с большими коленками торчат из слишком широких шортов. У стоящей рядом женщины узкое острое лицо и очки «кошачий глаз».

– Наверное, это Спенсер с матерью, – сказала она, ставя фотографию.

Ни в комнате, ни во второй ванной не было никаких следов мужчины.

Прибывшие эксперты уже проходили в дом. Энджи с Мэддоксом спустились в подвал. Раскачивавшаяся на шнуре лампочка освещала деревянные ступени.

Подвал оказался большим, без перегородок. В дальнем конце был устроен целый тренажерный зал: тут и штанга со скамьей для жима лежа, и гантели, и велотренажер, и беговая дорожка.

Они медленно двинулись вперед. Энджи вся подобралась, словно чувствуя присутствие этого Спенсера, будто отшелушившиеся мертвые клетки кожи маньяка висели в воздухе, попадая через ноздри ей в легкие.

Из спортзала открывались двери в прачечную и ванную. В прачечной нашлось корыто из нержавеющей стали, достаточно большое, чтобы сунуть голову Грейси Драммонд под воду и удерживать, пока девушка не захлебнется. В другом конце подвала стояли холодильник и большой морозильный ларь, а в центре кто-то поставил простой металлический стул, повернутый к удобному мягкому креслу. Над креслом с потолочной балки до самого пола свисали веревки, живо напомнив детективам погреб на острове Тетис. Рядом со стулом и креслом установлены телеэкран и видеооборудование. Мэддокс включил воспроизведение.

С тихим статическим треском экран ожил. Энджи заворуженно смотрела, как в Грейси Драммонд, связанную, с заклеенным скотчем ртом, насильно входит светловолосый обнаженный мужчина с рельефными мышцами и тренированным, ухоженным телом. Она отвела глаза, мгновенно вспотев от нехоты вспомнившихся слов Алекса Страусса: «Это не может не сказаться на психике. Признай очевидное. Это только в кино полицейским все нипочем. Современный зритель уже привык к насилию на экране, но это жизнь, а не кино, и люди из плоти и крови. Человеческая природа не приспособлена к тому, чтобы справляться с бесконечной чередой кошмаров, которые ты видишь чуть не каждый день, расследуя дела особого рода...»

Паллорино двинулась к полке, тянувшейся вдоль стены между

холодильником и морозильником, – там стояла большая раздвижная шкатулка для шитья. Приподняв крышку, Энджи увидела аккуратные ряды катушек с яркими цветными нитками. Верхнее отделение отъехало, и открылось нижнее. Энджи окаменела.

– Мэддокс...

Он сразу подошел.

– Трофеи, – произнесла она, глядя на пряди волос, смазанные у концов лаком и связанные нитками разных цветов. – Слушай, здесь же больше двадцати... И на каждой ярлычок с именем, датой, местом... – Она нагнулась, не желая трогать вещественные доказательства, и вгляделась, пытаюсь разобрать крошечные буквы, выведенные от руки. – Малага, – прочла она. – А здесь... Тулон. А этот... Ницца. – Она подняла глаза на Мэддокса: – Города на Лазурном побережье и во Французской Ривьере. Он занимался этим много лет...

По лестнице застучали шаги – эксперты спускались в подвал. Энджи быстро направилась к холодильнику. Внутри оказались бутылки воды с газом, витаминизированная вода, спортивные напитки. Закрыв дверцу, Энджи решила проверить морозильник. У Мэддокса зазвонил телефон, и он отошел ответить. Подвал заполнили эксперты-криминалисты, с которыми приехал и фотограф. Энджи приоткрыла ларь.

– Блин! – ахнула она, отшатнувшись и едва не отпустив крышку. Желудок свело, но Паллорино справилась с собой.

Синее, замерзшее лицо женщины уставилось на нее безжизненными, замороженными глазами. Губы были покрашены той же ярко-алой помадой, следы которой она заметила на окурках в пепельнице у зеркала. Голова и торс старухи были вместе, но ноги и руки были засунуты в морозилку сбоку от тела, отдельно.

– Это его мать? – с ужасом прошептала она. – Бьюла Аддамс? Господи, сколько же она здесь лежит? – Она повернулась к Мэддоксу. К морозильнику подбежали эксперты.

В лице Мэддокса не было ни кровинки. На ларь он не смотрел, стиснув телефон.

– Звонила Джинни, – хрипло сказал он. – Ей нужна моя помощь.

– Что?!

– Говорит, пошла куда-то с подругами, выпила, и ей кажется, что в коктейле что-то было.

Энджи пропустила экспертов к Бьюле Аддамс, а сама подошла к Мэддоксу. Он выглядел совсем больным.

– Она напугана. Она там почти теряет сознание. Энджи, я ей нужен, она

просит приехать. – Его глаза подозрительно заблестели. – Я всю жизнь пренебрегал дочерью. Приехал в надежде, что она начнет со мной общаться. Но не так же...

Детективы стояли, разрываясь между срочностью расследования и новой проблемой.

– Мэддокс, это твое самое крупное расследование, – тихо напомнила Энджи.

– А Джинни – моя дочь. Ради нее я сюда и приехал. Она для меня все. Я надеялся стать хорошим отцом, загладить былые недоразумения... – Он поглядел на морозильник. Полицейский фотограф уже делал снимки тела. – Ты можешь взять руководство расследованием на себя? Отправь людей за Ларой Пеннингтон, если еще не поздно. Выясни, кто еще может быть в опасности.

Подбородок Энджи напрягся. Она смотрела на своего напарника, своего начальника и любовника, на этого красивого мужчину. Его призвание – спасать. И она поверила, что любит его. Ей было больно видеть, как страдальчески исказилось его лицо. Глаза Паллорино сверкнули, и она кивнула:

– Поезжай, я все сделаю. Выручай ее.

Мэддокс уже поднимался по ступеням. Последнее, что увидела Энджи, – мелькнувший черный край его пальто.

Глава 72

Мэддокс гнал, нарушая правила, на полицейской машине без опознавательных знаков, взятой из тех, что прибыли в бухту Джеймс. Он мог думать только о слабом голоске дочери, заплетающимся языком просившей:

– Папа... можешь приехать? Я что-то совсем... никакая... Прости меня, пожалуйста... Прости...

От эмоций пекло в горле. Затормозив у здания, переделанного в жилой дом, он, не закрыв машины, взбежал по лестнице, перемахивая через три ступеньки, и забарабанил в дверь квартиры. Затем подергал ручку, и неожиданно дверь открылась. В квартире было темно и сыро. Уловив запах мужского пота, Мэддокс обезумел от тревоги.

– Джинни! – Он бил по выключателям, зажигая свет, и замер, увидев перевернутый стул, чашку на полу в лужице чая, и сумку Джинни. Телефон лежал рядом с сумкой. Мэддокс кинулся обыскивать маленькую квартирку, заглядывая в каждый угол, но дочери нигде не было.

– Джинни!

Сердце стучало в груди кузнечным молотом.

Мэддокс вернулся к столу, открыл ее сумочку и высыпал содержимое на стол. Ключи от квартиры, кошелек, удостоверение личности – все на месте. В груди разливался ледяной холод. Он еще раз огляделся и только тут увидел записку.

Она была написана черным маркером на кухонном столе, а рядом лежала прядь темных волос. Страх копьём пробуравил сердце Мэддокса.

Он одним прыжком оказался рядом с исписанной столешницей.

«Приходи один,

И, может, еще успеешь попрощаться

И поглядеть, как она умрет...

Старая железнодорожная эстакада через залив Скукумчак.

Тик-так, детектив Мэддокс,

Приходи, а то останешься ни с чем.

Джонни Креститель».

Господи, только не это! Он уже напал на нее, изнасиловал, изувечил? Это же его стиль – сперва насиловать и «крестить» и только затем забирать

«трофей»! Мэддокс не мог отвести взгляд от пряди волос дочери.

Дыши. Не теряй головы. Думай.

Он снова пробежал черные строчки: «...может, еще успеешь попрощаться...»

Успеть. У Спенсера Аддамса винтовка и патроны, он заманивает Мэддокса в ловушку, используя Джинни как наживку. Зачем? Хочет сыграть в открытую? Хочет убить одного из копов, которые за ним охотятся? Загнан в угол и превратился из маньяка-насильника в нечто качественно новое? Или Джинни станет козырем в переговорах, чтобы ему дали беспрепятственно уйти? Нет, надо верить, что Джинни жива и что с ней все будет в порядке. Нужно только вовремя ее найти.

Направившись к выходу, он на ходу набрал Энджи.

Она ответила на первом звонке.

– Он ее похитил. Спенсер Аддамс увез Джинни к старой эстакаде через Скукумчак. Оставил записку в ее квартире. – Говоря, Мэддокс сбежал по лестнице, сел в машину и завел мотор.

– Мэддокс, это ловушка, он тебя заманивает...

– Знаю. Отправь туда еще один отряд специального назначения – все наличные силы туда. Людей у нас сейчас мало, с этой яхтой и коттеджем в бухте Джеймс, поэтому обратись за помощью к другим службам, к армии, если понадобится. Да, врачей, врачей обеспечь!.. Речь не только о моей дочери, – говорил он, выезжая на дорогу и прибавляя скорость. – На свободе разгуливает вооруженный серийный убийца, расправлявшийся с женщинами в нескольких странах. – Он пролетел на красный свет и свернул на шоссе – машину немного занесло. Под многоголосый хор сердитых гудков и скрежет тормозов Мэддокс чудом разминулся с двинувшимся встречным потоком транспорта. Даже на максимальной скорости и при пустой дороге до Скукумчака не меньше получаса.

– Я выезжа...

– Нет! Это приказ, Паллорино. Оставайся с экспертами в доме Аддамса. Помогай мне, координируя действия: спецназовцы доберутся до Скукумчака на вертолете гораздо быстрее тебя и сделают больше! Используй время с толком, собери необходимые улики на этого ублюдка! – Мэддокс сбросил звонок, включил сирену и мигалки и втопил педаль акселератора в пол, вцепившись в руль. Он не станет рисковать еще и Энджи.

Господи, только бы Аддамс не успел изнасиловать и изрезать Джинни, как те девичьи тела на металлических столах в морге...

Впереди показался нужный съезд. Мэддокс свернул с шоссе на узкую,

извилистую дорогу между исполинских, мокрых, обросших мхом деревьев. Это единственная дорога от побережья к заливу Скукумчак, знаменитому своими бурными стремнинами и водоворотами, образующимися во время прилива, когда огромный объем морской воды с силой заходит в «бутылочное горлышко», за несколько минут поднимая уровень воды больше чем на десять футов и создавая течения, скорость которых превышает шестнадцать узлов. Скукумчак, недаром прозванный аборигенами бешеной водой, держал и другой рекорд – по количеству утопленников.

Энджи делала необходимые звонки. Силы быстрого реагирования были мобилизованы, смежные службы поставлены в известность. Через восемь минут операция началась. Сейчас Паллорино говорила по телефону с Фицем, сообщая последние новости по делу Аддамса – в частности, о найденном в морозильнике теле женщины с отрубленными конечностями, судя по всему, матери маньяка Бьюлы Аддамс. Патологоанатом Барб О'Хейган и коронер Чарли Альфонс уже ехали на место.

– В подвале нашлись еще фотографии, – сказала Энджи, думая не столько об этом доме ужасов, сколько о Мэддоксе, сорвавшемся спасти свою дочь и ехавшем прямо в ловушку. Паллорино взглянула на часы: после его звонка прошло девять минут. – На некоторых замороженный женский труп усажен в вольтеровское кресло в подвале, – продолжала она. – С помощью веревок, перекинутых через балку под потолком, преступник привязывал труп так, чтобы создавалась иллюзия, будто женщина сидит в кресле. На снимках замороженные ноги прислонены к основанию кресла... – Кивнув эксперту, Энджи ткнула пальцем в направлении двери из подвала и начала подниматься в гостиную. – Судя по всему, Аддамс вынимал ее из морозильника и усаживал в кресло компании ради, а сам садился на металлический стул напротив и смотрел видеозаписи, сделанные через камеры наблюдения в каютах клуба «Вакханалия».

Через окно гостиной Энджи увидела, как под фонарем затормозил фургон coronera. Квартал уже был оцеплен. Над головой в темном еще небе рокотали вертолеты.

Девять с половиной минут после звонка Мэддокса.

– Паллорино, – тихо сказал Фиц. Его обычный скрипучий голос изменился настолько, что Энджи внутренне напряглась. – Я хочу, чтобы ты держалась подальше от Скукумчака. Оставайся на осмотре места

происшествия.

Энджи сжала мобильный. Фицсиммонс что-то угадал между ней и Мэддоксом – может, уже все в управлении догадываются – и просчитал ее следующий шаг: лететь туда на всех парусах и сделать все, лишь бы не потерять нового партнера, который уже стал ей дорог.

– Когда вертолет спецназа будет на месте? – спросила она. – Во сколько они поднялись в воздух?

– Паллорино...

– Они и не взлетали?

– Не твое дело. Занимайся своей работой.

– Сэр, – учтиво отозвалась она и сбросила звонок. С силой обхватив себя руками, Энджи смотрела, как по дорожке к крыльцу идут О'Хейган и Альфонс в черных куртках с желтыми надписями «коронер».

В свете переносного прожектора они двигались как в замедленной съемке. Все вокруг замедлилось – звуки отдавались в ушах тягучими, длинными, искаженными тонами.

Иногда, в сотый раз подумала Энджи, разница между раем и адом действительно в людях. Порой хоть из кожи вон вылез, никакой разницы не заметишь. Она снова подумала о Грейси Драммонд и страдальческом лице ее матери.

«Думаешь, что впереди у тебя все время мира, а потом... потом жалеешь, что...»

Жалеешь, что ничего не сделала.

Снаружи шквалистый ветер трепал ветки деревьев. С моря напал туман, обволакивая фонари мерцающим ореолом. На город наступал новый грозовой фронт. Вертолету придется нелегко.

Энджи хорошо знала Скукумчакский парк – в колледже они ходили туда в поход и жили в палатках. Возле треклятой старой эстакады негде посадить вертолет, разве что пилот рискнет оседлать самую развалюху из дерева и камня и не заденет лопастями гигантские деревья и скалистые уступы, нависающие по обе стороны ущелья. Это требует высочайшего мастерства даже при идеальной погоде, а уж в шквал и туман... Приземляться там означало рисковать жизнями всех на борту – командир вертолета на это не пойдет. Есть еще выход – спустить спецназовцев по веревке, но и это потребует исключительной слаженности от всех участников операции, особенно в густом тумане.

И это займет время.

Время, которого у Мэддокса и его дочери, скорее всего, нет.

К коттеджу подъезжали все новые машины. Из одной вылезли

Хольгерсен и Лео и остановились, разглядывая дом. Из другой показался Фиц с двумя ветеранами убойного отдела, привлеченными к операции «Улитка». Полицейский в форме указал им на жилище Аддамса. Энджи втянула воздух.

Мэддокс – ее напарник. Он там один, и помощи не будет. Погода не позволит.

Она взглянула на часы. Одиннадцать минут после звонка Мэддокса.

В прихожей послышались шаги О'Хейган и Альфонса.

Молниеносно приняв решение, Энджи развернулась и быстро пошла ко второму выходу из дома.

Сбежав по ступеням во двор, она пересекла лужайку и, пригнувшись, юркнула в переулок.

«Я хочу, чтобы ты держалась подальше от Скукумчака. Оставайся на осмотре места происшествия».

– Да пошло оно все, – пробормотала себе под нос Паллорино. Мэддокс ради нее рискнул всем, но его великодушие окажется напрасным, если он сегодня погибнет или потеряет дочь. На тротуаре Энджи перешла на бег – ее машина была припаркована чуть дальше остальных.

Тринадцать минут после звонка Мэддокса. Энджи вылетела на шоссе с единственной мыслью: помочь напарнику. Помочь своему любимому.

Глава 73

Покрышки заскрипели на мокром асфальте, когда Мэддокс подъехал к началу пешеходной тропы, ведущей к ущелью. «Дворники» пытались очищать лобовое стекло от липкой слякоти, летевшей с неба. Между старых узловатых стволов наплывал плотный туман.

Парковка у Скукумчака была достаточно большой, чтобы принять автобусы с туристами, приезжавшими поглазеть, как лосось идет на нерест: смотровые площадки оборудованы высоко на скалах над самыми бурными порогами. Сейчас здесь было пусто.

Одинокий «Лексус» брошен на тропе – фары машины Мэддокса выхватили его при повороте. Номер «БХЗ 99Е». Значит, Аддамс здесь.

Тревога комком стояла в горле Мэддокса, когда он остановился возле «Лексуса». Он проверил, на месте ли пистолет, затем открыл багажник и выбрался из машины. Мокрый снег прилипал к волосам. Издалека слышался рев прибоя – волны разбивались о скалы. Начинался прилив. На растущей луне он будет еще выше обычного... Из багажника Мэддокс достал фонарик, винтовку и патроны и повесил винтовку за спину.

Он был в пуленепробиваемом жилете, который не успел снять после захвата «Аманды Роуз». Прежде чем идти по тропе, он проверил, заперт ли «Лексус», и через окошко посветил внутрь. На сиденьях пусто, только свернутые веревки и какие-то инструменты.

Мэддокс пошел по тропе, освещая путь лучом сильного фонарика, и вскоре углубился в лес. Густая грязь засасывала сапоги, а там, где скальная порода выходила на поверхность, Мэддокс скользил на влажных, обросших мхом камнях. Пахло землей, сосновой хвоей, мокрой палой листвой и океанской солью. В грязи виднелись чьи-то следы, но по ним сложно было что-нибудь определить в темноте и под мокрым снегом.

Мэддокс ускорил шаг.

Он почти бежал, и свет фонарика метался по деревьям. Тени вырастали, приседали и метались. Туман тянул между деревьями полупрозрачные лохмотья, будто пытаясь схватить Мэддокса, но не решаясь. Ощущение бескрайности парка – поистине гигантская площадь и высота у этого древнего леса – вызывало тихое отчаяние: ни одной живой души на много миль вокруг! Тропа пошла в гору; ближе к вершине угол наклона стал угрожающим. Отсюда шум океанского прилива слышался громче.

Мэддокс вскарабкался на вершину и вышел на деревянную смотровую платформу, обнесенную металлическими перилами. Скала обрывалась почти вертикально до самой воды. Далеко внизу прилив с шумом прорывался в ущелье, катя перед собой волны с белыми гребешками, громоздившиеся своеобразной водной лестницей между выступами скалы, образующими знаменитое «бутылочное горлышко». Ветер едва не валил с ног, когда Мэддокс подошел к перилам. Справа сквозь туман он различил старую железнодорожную эстакаду, перекинутую над узкой частью залива от одной вершины до другой.

На противоположном склоне горы между деревьев мелькнуло пятнышко света. Мэддокс быстро выключил фонарь – Аддамс вооружен винтовкой 22-го калибра. Сняв с плеча собственную винтовку, Мэддокс зарядил ее и двинулся, придерживаясь за перила, пока глаза привыкали к темноте. Он хотел отойти в сторону на случай, если Аддамс, наверняка заметивший, где он только что стоял, выстрелит.

Мэддокс вглядывался во мрак и туман, ища этот проблеск света, но везде было темно. Новое движение привлекло его взгляд – под эстакадой, где пенные гребешки волн светились белым в темноте. Туман немного разошелся, позволив различить силуэт над водой.

Мозг судорожно пытался уяснить смысл того, что видели глаза, и спустя мгновение кровь застыла у Мэддокса в жилах. Аддамс снова воспользовался веревкой – как на острове Тетис и в подвале собственного дома. Замотав Дженни в полиэтиленовую пленку, он подвесил ее под полусгнившим мостом над самой водой. Скоро пленочный кокон захлестнет стремительно поднимающийся прилив.

Аддамс заставил Мэддокса приехать, чтобы тот увидел, как умрет Дженни.

Глава 74

Мэддокс присел на корточки у северного конца смотровой платформы: отсюда в лес почти вертикально уходила какая-то тропа. Не исключено, что это короткий путь к эстакаде.

Но когда Мэддокс двинулся туда, в воздухе треснул выстрел. Мэддокс пригнулся. Пуля свистнула мимо и с глухим стуком врезалась в ствол дерева. Полетела кора. Сердце Мэддокса учащенно забилося: значит, вот она, ловушка!

Если он попытается добраться к мосту и спасти дочь, то получит пулю с другой стороны ущелья. Его застрелят, и Джинни утонет.

Оставалось сидеть на смотровой платформе и смотреть, как она умирает.

И неизвестно, жива ли еще Джинни.

Мозг лихорадочно искал выход. Мэддокс взглянул на часы: удалось ли Паллорино получить подкрепление? У него кончается время – наступает прилив. Время и прилив никого не ждут... Никогда еще пословица не казалась такой очевидной. С моря снова пошел туман – густые клубы полностью закрыли соседний утес. Вдруг с неба донесся гул вертолета. Мэддокс возблагодарил было небеса, но тут до него дошло реальное положение дел.

Кругом скалы, высоченные вековые деревья и густейший туман. Вертолету негде сесть.

Рокот моторов стал громче и, отражаясь от стен каменного ущелья, превратился в нарастающий рев. Раздался новый выстрел, затем еще один.

Мэддокс выругался: Аддамс палил в вертушку! Вертолет снова набрал высоту, скрылся в облаках и взял курс на запад. Мэддокс еще никогда не ощущал себя таким одиноким.

Помощь рядом, но ее не получить. И время работает против него.

Проходили минуты. Вертолет не возвращался. Мэддокс снова взглянул на часы. Больше ждать нельзя, придется действовать в одиночку.

Но как?

Треск ветки за спиной привлек внимание Мэддокса. Он тут же прицелился на звук.

– Мэддокс! – прошептал кто-то. – Ты здесь?

Из чащи появилась фигура с налобным фонарем. Энджи.

Выстрел не замедлил раздаться. Снова полетела кора, заныли задетые металлические перила.

– Погаси фонарь! – прошипел он. – Пригнись!

Она послушалась. Над платформой просвистела новая пуля. Энджи бросилась на землю. После этого все стихло. Мэддокс слышал ее тяжелое дыхание.

– Ты в порядке? – позвал он.

– Где этот козел? – спросила Энджи, ползком пробираясь по деревянному полу в угол, где Мэддокс сидел на корточках.

– На той стороне.

– Джинни у него?

Необходимость ответить вдруг сделала ситуацию реальной, заставив померкнуть самые жуткие ночные кошмары.

– Он подвесил ее под эстакадой, над самой водой.

Энджи кое-как села рядом с ним. Дыхание облачком клубилось у рта, плечо прижалось к Мэддоксу, когда он указывал, где висит сверток. Энджи бежала от самой дороги, и Мэддокс чувствовал тепло ее разгоряченного тела. От кожи веяло слабым ароматом цветов и какого-то мыла. Никогда еще прикосновение женщины и ее запах не казались нежнее и желаннее. Осознание, что у него появился союзник, принесло Мэддоксу огромное облегчение.

– Ты что здесь делаешь? – вспомнил он.

– Я твоя напарница, – ответила Энджи, снимая с плеча бухту тонкого троса. – Я приехала почти сразу после тебя. Спецназ здесь высадиться не сможет... – Она высвободила плечи из лямок рюкзака и открыла его. – Значит, будем действовать вдвоем.

– Энджи, ты не...

– Слушай, хватит уже болтать, а? Ты прекрасно понимаешь, что они не станут рисковать вертолетом и людьми в заведомо обреченной попытке спасти одного-единственного копа и его дочь. Им известно, что Аддамс где-то здесь, за несколько дней они его отследят с собаками. Если надо, привлекут военную технику, следопытов. Рано или поздно его возьмут, или сам сдохнет в лесу. Они могут позволить себе подождать. А мы – нет.

Мэддокс смотрел ей в глаза, темные и блестящие в слабом свете брезжившего рассвета. Скоро он осветит мир, и начнется самый короткий день в году. И в этот момент Мэддокс понял, что любит Энджи. Всем своим существом. И он не хотел – не мог – рисковать ее жизнью. Он даже не знал, жива ли Джинни.

Будто прочитав его мысли, Энджи сказала:

– Она жива, Мэддокс, ты о плохом не думай. Мы ее спасем. Слушай...

В этот момент раздался новый выстрел, и оба инстинктивно пригнулись.

Сидя на корточках, сблизив лица и смешивая туман дыханий, они прислушивались и ждали. Вновь поваливший с моря густой туман выиграл им несколько секунд. Вода в ущелье неудержимо поднималась, а рассвет скоро сделает их легкими мишенями.

– Я знаю этот парк, – продолжала Энджи, копаясь в рюкзаке. Оттуда была извлечена связка карабинов. – Я сюда ходила в походы, пока училась в колледже. А в детстве папа... – Она поколебалась. Проворные пальцы быстро распутывали карабины. – Джозеф Паллорино водил меня сюда гулять. Мы собирали креветок в жидкой грязи во время отлива... Я знаю, как быстро вода заполняет ущелье.

Она чуть выпрямилась, глядя в глаза Мэддоксу. В ее взгляде читалась решимость.

– Ты хорошо плаваешь?

– Нормально.

– Значит, лучше моего. – Она подала ему свернутый альпинистский шнур и обвязку с карабинами. – Спускайся. От этой платформы вниз идет виа феррата, типа каната такого. Держись за него и отталкивайся ногами от скалы, пока не спустишься к воде. Примерно на уровне высокого прилива попадешь на широкий каменный выступ, он тянется до самой эстакады – его за много лет промыло приливной волной. Иди по этому выступу почти до самого моста, и увидишь железное кольцо, которое давным-давно вделали в скалу для швартовки. Надеюсь, оно еще на месте... К нему раньше плоты привязывали во время отлива. Привяжешь трос к кольцу, другим концом обвяжешься, и заходи в воду, понемногу травя трос. Тогда течение тебе не страшно. Длины хватит, чтобы дойти до Джинни.

Энджи поднялась на ноги, забросила на спину рюкзак и подхватила второй моток троса.

– А я пойду на эстакаду. Попытаюсь сверху обрезать веревку, на которой она висит. За гребнем горы есть тропинка.

– Он застрелит тебя, как только разойдется туман!

– Он и тебя может подстрелить, пока ты будешь спускаться. Будем молиться, чтобы туман не рассеялся. Я буду отвлекать внимание, пока ты не спустишься до каменной «полки». Вот, – Паллорино подала свисток, – два коротких, и я буду знать – ты под эстакадой. Как только услышу сигнал, тут же режу ее веревку. Давай сюда винтовку.

– Энджи, я не могу тебе позволить...

– Молчи, – прошептала она, прижимая пальцы в перчатке к его губам. – Пожалуйста, замолчи и сосредоточься... Мэддокс, другого выхода нет. Я должна это сделать. Я должна попытаться.

Он угадал недосказанное. Энджи уже потеряла напарника, не смогла спасти Тиффи, не защитила Мерри Уинстон, лишилась собственной личности и привычного имени. Новой потери ей не выдержать.

– Я справлюсь – с тобой или без тебя, сержант Джеймс Мэддокс, слышишь меня? Но винтовка мне пригодится. С эстакады из нее стрелять удобнее, чем стоя по шею в воде.

Он подал ей винтовку и запасные патроны. Энджи рассовала патроны по карманам, накинула на плечо ремень винтовки, а моток троса надела через плечо.

– Ну чтобы все было хорошо, – прошептала она и исчезла в тумане. С бьющимся сердцем Мэддокс смотрел ей вслед. Снизу долетал шум поднимающихся волн. Он тоже надел на плечо свернутую веревку и осторожно перебрался через перила, нащупав металлический трос. Соскользнут руки или ноги – и из этой стремнины не выплыть.

Погибнет и Энджи, если оступится на трухлявой эстакаде.

Или если не выдержат гнилые доски.

Глава 75

Энджи взглянула на часы – начало восьмого, еще темно. Включив налобный фонарик и водя фонарем в руке, она пробиралась дном оврага под защитой непролазной чащи. Дойдя до конца оврага, она выключила фонари, вскарабкалась наверх и присела на корточки.

Перед ней тянулась старая эстакада, уходя в темноту и туман. Со смотровой платформы удалось разглядеть, что Джинни привязана под серединой моста. Энджи сняла с себя трос: придется отказаться от страховки, чтобы отвлечь внимание. Адамс должен смотреть на мост, а не на Мэддокса, который спускается по скале.

Сняв головной фонарь, она пристегнула его за ремень к карабину на конце троса, снова надела моток на плечо и осторожно двинулась по эстакаде.

Доски остались лишь кое-где, и между ними зияла бездна. Если поскользнуться, сорвешься в воду. Разверзающаяся под ногами пропасть вызывала головокружение. Сердце трепыхалось в горле. Паллорино замерла, подождала, пока глаза привыкнут к темноте, и вдохнула полную грудь воздуха. Медленно выдохнув, она опустилась на четвереньки и поползла по мосту. Она ненавидела высоту и немало натерпелась во время одного из дополнительных курсов в национальном институте юстиции (поэтому-то в багажнике «краун вик» до сих пор лежало альпинистское снаряжение), но плавала она еще хуже. Дюйм за дюймом Энджи продвигалась вперед, старалась держаться той стороны, где доски, соединяющие пути с основой моста, тянулись сплошным отрезком. Но деревянная поверхность была скользкой, усыпанной гниющими обломками, и рука соскользнула. Энджи ахнула, но напряжением мышц восстановила равновесие и на секунду закрыла глаза, приказав себя успокоиться. Она поползла дальше, на середину пропасти между скалами, в пустоту из тумана и мглы. Ветер набирал силу, а снизу доносился рев прилива.

Пройдя, по ее расчетам, примерно четверть пути, Энджи остановилась и осторожно сняла с плеча свернутый трос. Размеренно дыша, чтобы успокоиться и не думать о разверстой пасти Скукумчака под собой, она обвязала трос вокруг доски и, подхватив конец с привязанным фонарем, поползла к центру моста. Наконец рука задела толстую синтетическую

веревку. С забившимся сердцем Энджи провела по веревке: она была привязана к эстакаде и натянута, как струна: что-то висело под мостом.

Джинни.

Сглотнув, Энджи достала из кармана нож, выпустила лезвие и вцепилась в доски, ожидая условного сигнала. Секунды шли. Время растягивалось и удлинялось. Мышцы начало сводить, и скоро руки и ноги неподконтрольно задрожали. Энджи молилась, чтобы Мэддоксу удалось спуститься к воде, найти железное кольцо и справиться с бешеным течением. Она молилась, чтобы туман не рассеялся и помогал им как можно дольше, потому что тусклый серый рассвет начал почти неощутимо освещать лес.

Она услышала резкий выстрел, затем еще один. На мгновение перед глазами все потемнело.

Она тут же включила фонарик в режим вспышки и сбросила трос в пустоту. Он закачался там, где был привязан другой конец. Вспышки прорезали туман.

Аддамс немедленно принялся палить по фонарю. Пот щипал губу, пока Энджи судорожно пилила толстую веревку тем самым ножом, которым в памятную ночь в мотеле разрезала стяжки на Мэддоксе и которым пыталась убить его у собора. Про себя Энджи молилась, чтобы теперь этот нож помог спасти его дочь. Грохнул новый выстрел, а фонарик все качался, мигая, под мостом. Энджи терзала веревку изо всех сил: скоро Аддамс разгадает ее хитрость.

Это случилось слишком скоро – треснул новый выстрел, и по ущелью разлетелось эхо. На этот раз он стрелял не в мост, а в воду, примерно туда, где висела Джинни. Раздался леденящий душу женский вопль, когда последние волокна полиэстера лопнули и веревка со своим грузом ухнула в темноту. Вцепившись в доски, Энджи прислушалась. Раздался новый выстрел, а затем все стихло, только шумел прилив.

Энджи вгляделась в заросший лесом противоположный берег: между деревьями мелькнул свет. Пятно света покачивалось, медленно двигаясь вниз по склону. Аддамс решил спуститься к воде. Осторожно, стараясь не потерять равновесия, Энджи сняла с плеча винтовку и легла на доски плашмя. Положив палец на спусковой крючок, она тщательно прицелилась в двигавшийся свет и выстрелила. Отдачей приклад больно толкнуло в плечо, задев и щеку. Свет метнулся вверх, обратно на скалу. Она промахнулась, но заставила Аддамса бежать. Энджи снова выстрелила. Свет заметался еще быстрее. Преступник бежал по тропе, ведущей на запад, в самую непролазную глушь. Так он, чего доброго, действительно

скроется. Энджи поднялась на четвереньки, снова закинула винтовку на плечо и быстро поползла к лесистому утесу на западной стороне.

Глава 76

Раздался выстрел, и в грудь будто ударили кувалдой. Оглушенный, задохнувшийся, Мэддокс услышал женский вопль, когда его самого захлестнул бурлящий поток. Не в силах вздохнуть или бороться с течением, он увидел, что пластиковый кокон с Джинни полетел вниз. С громким всплеском она упала в воду. Инстинкт подсказывал хватать сверток, пока дочь не ушла под воду и не утонула, не в силах грести связанными руками. Мэддокс беззвучно разевал рот, как рыба на суше, – боль в груди была невероятная. Руки еще подчинялись, и он беспомощно барахтался в ревущем приливе, ловя веревку, свалившуюся сверху кольцами. Вцепившись в нее, он вытянулся, подтягивая Джинни к себе. Пластиковый кокон ткнулся в него, и в этот момент их потащило на глубину, где быстрое течение закручивало водовороты. Мэддокс заработал ногами, как мотором, и поплыл, буксируя Джинни и стараясь удерживать ее голову над водой. Намокшая одежда и сапоги будто сговорились утянуть его на дно. Он видел лицо дочери – белое, как бумага, на лбу кровь, но глаза... Глаза были широко открыты и полны ужаса. Рот казался черным провалом – она кричала. Крик, наверное, был нечеловеческий, но его заглушал рев прилива. Ею Джинни жива, она кричит и истекает кровью... Тут их подхватило течением и закружило, как на чертовой карусели, в мощной стремнине, увлекая в широкое устье залива Скукумчак.

Энджи доползла до конца моста и кое-как поднялась на ноги. Мышцы тряслись от перенапряжения. Она очень боялась, что Адамс убил Мэддокса, Джинни или их обоих, что они уже утонули.

Она включила фонарик. Почти отвесная тропа из грязи, камней и мха уходила в чащу. В грязи отпечатался свежий след. Энджи повела лучом выше. Еще следы. Уводят все дальше в лес.

Ей не успеть спуститься со скалы и спасти Мэддокса или Джинни: едва срезанный кокон из пленки упал в воду, как течение увлекло его в устье Скукумчака. Если Мэддокс привязался к кольцу в скале и еще жив, он сможет подтянуть себя и дочь к каменному выступу. Энджи приказала себе так и думать и сбросила рюкзак, онемевшими пальцами расстегивая

боковой карман с рацией. Передатчик бесполезен, если в радиусе действия никого нет; вряд ли отряд быстрого реагирования уже близко, если спасательная операция вообще продолжается. Но вдруг все же кто-то ее услышит...

Включив рацию, Энджи внятно проговорила:

– Офицер полиции запрашивает помощь. Старая эстакада в ущелье Скукумчак. Нужна помощь. Ущелье Скукумчак.

Подождав, она повторила вызов. В эфире царила тишина. Энджи попробовала снова, но ответа так и не дождалась. Убрав передатчик, она забросила винтовку и рюкзак на спину и, светя себе под ноги, пошла вверх по тропе, стараясь шагать как можно быстрее. Мокрый снег густо сыпал с неба, тропа была скользкой, Энджи то и дело падала, но всякий раз вставала и шла вперед. Горло начало саднить, одежда под курткой промокла от пота, но Паллорино думала только о том, чтобы задержать убийцу, перехватить его, прежде чем он скроется в лесу.

Единственным преимуществом можно было считать то, что Аддамс не подозревал о преследовании.

Энджи шла несколько часов. Мышцы сводило, ступни онемели. Сердце учащенно било в гулкий барабан. Дневной свет просачивался в чащу леса, но под плотным сплетением вековых ветвей и в такую пасмурную погоду видимость оставалась плохой. Энджи все чаще спотыкалась, но шла по следу, не замечая времени. В лесу снова стало темнеть.

И вдруг следы оборвались.

Энджи сразу выключила фонарик, но было слишком поздно. Треск винтовки заставил ее посмотреть вправо и вверх, и тут же что-то ударило ей в руку. От боли и толчка Паллорино потеряла равновесие, зацепилась сапогом за корень и растянулась во весь рост на камнях. В плече словно что-то взорвалось. Наверху затрещали кусты: негодяй убежал. Ярость пересилила боль, заставив кровь вскипеть: хватаясь за ветки здоровой рукой, Энджи поднялась, подобрала винтовку и, шатаясь, двинулась за Аддамсом.

От боли на глазах выступили слезы. Горячая кровь сразу пропитала рукав и липкими струйками стекала к локтю. Стало трудно дышать. Голова кружилась так, что темнеющий лес уплывал куда-то в сторону. Энджи остановилась, задыхаясь, и через силу прислушалась. Впереди снова раздался треск – Аддамс ломился через какой-то куст, и вдруг там мелькнул свет фонарика: преступник уходил по крутому, поросшему мхом склону и нечаянно выдал себя.

Действуя здоровой рукой и осторожно помогая раненой, Энджи

вложила приклад винтовки в ямку между плечом и щекой. Она глубоко вдохнула и прицелилась в центр темного пятна. Положив согнутый палец на спусковой крючок, она медленно выдохнула и в самом конце выдоха выстрелила. Винтовка дернулась, звук громом отдался под кронами векового леса. Пот и тающий снег застилала глаза, мешали что-нибудь разглядеть. Энджи увидела, как Аддамс зашатался и упал, но не остался лежать, а пополз вверх по склону, поднялся на ноги и поковылял дальше.

В груди Энджи проснулся и взревел дикий, не умеющий рассуждать зверь. Будто воочию она увидела тело Драммонд на столе в морге, труп Хокинг во время вскрытия. Аддамс сделал это с ними только потому, что они были женщинами и подошли его извращенным сексуальным фантазиям.

«Я пришла к вам, потому что вы сказали – вам не все равно, и я вам поверила...»

Она подвела Мерри Уинстон.

И других, пострадавших до нее... И Джинни, и Мэддокса...

И вдруг впереди снова появилась маленькая девочка в розовом сиянии – приплыла вместе с клубами тумана, кравшегося между деревьями. В лесу стало уже совсем темно – неужели опять ночь?

Слова – как бурлящая река, как свист ветра, как шум разбивающихся о берег приливных волн – зазвучали в ушах Энджи. От эха голова зазвенела, как колокол, и в такт зарокотали и вековой лес вокруг, и затянутое плотными тучами небо:

– Пойдем в рощу поиграть... пойдем... играть...

Девочка засмеялась, повернулась и побежала в чащу, вслед за Аддамсом.

Энджи двинулась туда. Розовое светящееся пятнышко тянуло ее за собой, будто за некие струны, прикрепленные к сердцу. Тяжело дыша, Энджи шла вперед, спотыкалась, ползла, снова вставала и шагала дальше, переполняемая решимостью защитить это розовое сияние, уберечь от воплощения зла, которым был Аддамс.

Поднявшись на гребень холма, она увидела его.

Аддамса.

Он сидел на валуне и держался за бедро, опустив голову. Винтовка лежала на земле у его сапог. Она ранила негодяя.

– Спенсер Аддамс! – заорала Энджи.

Он мгновенно вскинул голову.

Она увидела его лицо, белое в свете фонаря. Их взгляды встретились. Секунду преступник сидел неподвижно. Энджи вскинула винтовку к

плечу, не обращая внимания на боль в руке.

– Отойдите от оружия и лягте на землю! Быстро! – Она пошла вперед. – Ничком, на живот!

Очень медленно, глядя ей в глаза, Аддамс начал опускаться на землю. Маленькая девочка присела за валуном, на котором он только что сидел. Энджи моргнула, чтобы сосредоточиться: дождь и пот заливали глаза. Аддамс пристально смотрел на нее, и от этого взгляда время начало растягиваться и коробиться.

– Быстро! – закричала она, и голос треснул. Палец плотнее лег на спусковой крючок. Откуда-то послышалась мелодия колыбельной – сперва тихо и будто издалека, затем громче, нестройно и вразнобой, как на ярмарочной карусели: «Жили-были два котенка... А-а-а, а-а-а, два котенка...»

Энджи сглотнула. Палец зудел на крючке. Она смотрела в глаза этому дьяволу, но реальность начала рябить и расплываться. Аддамс сделал неуловимо-быстрое движение и вдруг оказался сидящим на корточках, целясь в нее из подобранной винтовки. Энджи согнула палец до упора.

Голова Аддамса дернулась назад, он выронил винтовку, тело будто зависло в воздухе, но он по-прежнему смотрел на Энджи. Кровь, черная в свете фонаря, расцвела вокруг его рта, и он стал походить на безумного, смеющегося клоуна. Через мгновение Аддамс рухнул навзничь.

Тяжело дыша, Энджи пошла к нему.

Он лежал на спине, извиваясь в грязи. Паллорино ударила его в челюсть слева. Он потянулся к ней – судорожно сведенная рука напоминала когтистую лапу, – словно желая молить о пощаде. Хватаясь за ноги Энджи, он что-то говорил, что-то кричал перемазанной кровью пастью, извивался в грязи, стараясь отползти. Сердце Энджи будто наполнилось жидким льдом, а ярость грибницей мгновенно проросла через все тело, прогнав из измученного разума последние остатки логики. «Жили-были два котенка...»

Энджи вскинула винтовку и выстрелила. Еще раз и еще. В лицо, в упор. Она опустошила десятизарядный магазин и только тогда упала на колени в грязь, дрожа всем телом.

Слезы катились по ее лицу.

Глава 77

Среда, 20 декабря

Энджи постепенно осознавала, что она лежит в постели. Тело болело как избитое. Она попыталась открыть глаза, но от света стало еще больнее, и она плотно зажмурилась. Ее замутило. Во рту было сухо и горько, в голове царилла какая-то сумятица, и вдруг молнией сверкнула мысль: Спенсер Аддамс!

Она преследовала его от Скукумчака.

Глаза широко распахнулись. Больница, вот это что. Она в палате. Энджи попыталась сесть, но к горлу снова подступила тошнота, и Паллорино со стоном рухнула на подушку.

– Эй, ты, полегче! Не так резко.

Энджи медленно повернула голову и, моргая, взгляделась в говорящего, сидевшего на стуле в углу палаты.

– Хольгерсен?

Он отбросил с себя одеяло и встал.

– Где я? – Энджи вновь попыталась сесть повыше и спохватилась, что левая рука забинтована выше локтя и в ней пульсирует боль, неприятно отдаваясь в голове.

Хольгерсен подошел к койке.

– Задеты мягкие ткани, но кость цела. Доктор говорит, рука будет как новенькая, но на это нужно время и много физиотерапии.

Энджи осторожно подняла здоровую руку и коснулась головы, нащупав шишку величиной с мяч для гольфа.

– Это ты башкой приложилась. Когда отключилась, скорее всего.

– А что... что со мной было?

– Я только знаю, что тебя нашли без сознания, с кровопотерей, переохлаждением и обезвоживанием. На тебя и труп Аддамса наткнулись бойцы отряда быстрого реагирования.

Голова пошла кругом. Энджи закрыла глаза, стараясь вспомнить. Так, сперва она шла по его следам. Как долго, она не знала. Нагнала, приказала ему лечь. А потом провал. Чернота. Она открыла глаза.

Хольгерсен пристально глядел на нее, поглаживая бородку.

– Аддамс?..

– О, ты с ним классно разделалась. Он мертв.

– Мэддокс? Джинни?

– В больнице. – Он улыбнулся. – Поправятся они, Паллорино, поправятся. Течением их унесло в широкую часть залива. Малость поцарапаны – Мэддокс получил пулю в грудь, но бронежилет смягчил удар. Легкое задето, и ребра сломаны, но держится молодцом. Джинни отделалась резаной раной головы и вывихнутым плечом, плюс психотравма, конечно. Для нее уже пригласили психолога.

– Аддамс ее...

– Не изнасиловал. И распятия не вырезал. Она ему понадобилась для чего-то другого.

У Энджи даже в глазах потемнело от слабости и эмоций. Она зажмурилась, силясь припомнить последовательность событий, которые привели ее сюда.

– А как он ее похитил?

– Подждал в квартире.

– Сегодня какой день? И который час?

– Среда, утро. С горы тебя спустили в ночь с понедельника на вторник, часов в двенадцать. Ты была без сознания. Парни из ОБР тебя сперва стабилизировали, а уже потом решились транспортировать. Погода была отвратительная, вертолет исключался. Не туман, а гороховый суп – даже на парковке Скукумчакской сесть не смогли. Руку тебе прооперировали во вторник утром, пулю достали. Согрели тебя, справились с обезвоживанием. Вчера ты то приходила в себя, то снова расплывалась. Говорят, просто чудо, что ты выжила.

Энджи никак не могла вспомнить несколько последних дней.

– Медиа просто дерьмом исходят, – добавил Хольгерсен. – Град вопросов и потоки дерьма.

– В связи с чем?

– Ну, во-первых, насчет того, как умер Аддамс. Управление полиции ограничилось заявлением, что подозреваемый в убийстве Драммонд и Хокинг установлен, но найден мертвым. Вот и все – нигде не упоминается, что это ты его застрелила. Но ты его классно отделала, Паллорино: и в лицо, и в шею, и в грудь, и все в упор, слышь. Весь магазин разрядила в этого выродка.

В памяти что-то шевельнулось.

– В лицо?

– Ага. Судя по снимкам, он уже лежал на спине.

Энджи похолодела, начиная понемногу осознавать, что произошло. Офицер полиции открывает огонь при задержании...

– Служебное расследование?..

– Ну а то. С этим у нас быстро. С отрядом быстрого реагирования были два детектива, они сразу оцепили место, разглядев, что случилось. На следующий день туда пожаловал отдел независимых расследований для изучения всех обстоятельств. Вроде они забрали это дело себе. – Хольгерсен помолчал. – Ждут не дождутся, чтобы задать тебе пару вопросов.

Энджи, полусидя на кровати, молчала. Теперь отдел независимых расследований будет решать, совершила она уголовное преступление или нет. Если да, то дело передадут в суд.

– Значит, я еще на службе?

– Ну это вопрос к Фицу и остальному руководству.

Тревога под ложечкой не отпускала.

– Я не помню, как я его застрелила, – тихо сказала Энджи.

Хольгерсен кивнул, но ничего не сказал.

Она вдруг откинула одеяло и спустила ноги на пол:

– Я хочу увидеть Мэддокса!

Однако в висок изнутри что-то стукнуло, и Энджи покачнулась.

– Да не сейчас же! Тебе лежать надо.

– Я должна его увидеть. Найди инвалидное кресло, Хольгерсен. И мою одежду.

Он фыркнул:

– Одежда твоя тю-тю, Паллорино. Все забрал отдел независимых расследований. – Он подошел к маленькому шкафу у стены и вынул пакет-майку, из которого были извлечены серая фуфайка и спортивные штаны. – Я тебе кое-что из своего принес... Только того, с возвратом... – Хольгерсен помолчал. – Ладно, схожу за креслом.

Он задернул занавеску у кровати, обеспечив Энджи некоторую приватность.

Она сняла больничный халат и едва не запуталась в штанинах мешковатых светло-серых спортивных брюк. Брючины и рукава пришлось подвернуть, и Энджи осталась совершенно без сил, когда Хольгерсен вернулся с креслом.

Он молча помог ей пересесть и вывез из палаты в коридор.

‡

– Джинни!

Глаза девушки медленно открылись, и она повернула голову на голос:

– Папа?

Мэддокс еле сдерживал эмоции. Он взял Джинни за руку, такую

тонкую и холодную в его руках. Его дитя, его девочка, превратившаяся в красивую девушку. Дочь стала единственным удачным и нелживым результатом его брака. Мэддокс почувствовал, что годы жизни прошли не впустую. Раз Джинни жива, значит, жив и он, и все у них еще впереди. К счастью, Аддамс ее не изнасиловал – после такой эмоциональной травмы Джинни оправлялась бы очень долго. Мэддокс знал, что отношения с дочерью рано или поздно войдут пусть в неровную, но колею. Главное, что они по-прежнему есть друг у друга.

– Пап, прости меня, пожалуйста...

Мэддокс выпрямился, стараясь сдержать эмоции.

– Ты ничего плохого не сделала, Джинн. Все будет хорошо.

– Спасибо, что пришел, – прошептала она. – За то, что спас меня. Он... он заставил меня позвонить тебе. Он заманивал тебя, а я... знала, что он хочет тебя убить, и все равно позвонила. Я не знала, как еще поступить, и...

– Тс-с-с... – Он отвел волосы с лица дочери там, где хирурги наложили швы. Увидев ее в воде, Мэддокс решил, что это вырезанное распятие, и предположил худшее. – Ты все правильно сделала, Джинн. Он теперь мертв.

– А как Энджи?

– Еще спит. – Мэддокс заглядывал в палату напарницы уже раз двадцать. – Она поправится.

– Она нас спасла. Убила его.

– Да. Больше он никого никогда не тронет. – Поколебавшись, Мэддокс добавил: – Там твоя мама пришла, ждет в коридоре. Привести ее сюда?

– Питер тоже пришел?

– Не знаю.

Дочь посмотрела ему в глаза:

– Пап, прости, что я тебе тогда наговорила.

– Я понимаю.

– У нас с тобой все наладится, пап, я обещаю.

– Я знаю, Джинн, знаю. Все наладится.

– Я тебя люблю.

Уже не сдерживаясь, Мэддокс отозвался прерывающимся голосом:

– Я тоже тебя люблю, детка. Я тебя всегда защищу и поддержу.

На синих, как у отца, глазах Джинни выступили слезы. Она стиснула губы и кивнула, сжав его руку.

‡

Мэддокса в палате не оказалось. Койка пуста, одеяло отброшено.

При виде пустой кровати сердце Энджи сжалось от тревоги. Ей нужно убедиться своими глазами, коснуться Мэддокса, чтобы поверить, что он жив. Своеволие ей дорого встанет: Паллорино нарушила прямой приказ, отправившись за ним в одиночку, но она не задумываясь поступила бы так еще раз, доведись ей снова решать. Без этого и Мэддокс, и Джинни были бы мертвы.

– Я так думаю, он у Джинни, – сообщил Хольгерсен.

– Где ее палата? На этом этаже?

– Ага.

– Поехали.

– Слушай, вряд ли это стоит делать...

– Иисусе, Хольгерсен, вези кресло, и все! У меня рука не слушается, иначе я бы сама добралась.

– Ух, как я рад, что ты ничуть не изменилась, Паллорино! – Хольгерсен схватился за ручки кресла и развернул к двери. – Старуха из тебя будет невыносимая!

От острого чувства вины в горле возник ком, когда Энджи подумала о матери. Но одновременно пришли обида и ощущение огромного предательства. Перед ней теперь долгая дорога, и как по ней идти, Энджи еще не думала.

Они подъехали к палате Джинни. Через окошко в двери было видно, что Мэддокс, тоже в спортивном костюме, стоит у кровати дочери. А рядом с ним женщина – стройная, высокая блондинка.

– Подожди, – велела Энджи Хольгерсену. – Стой.

Она рассматривала женщину – прекрасно одетая, в сшитых на заказ брюках и жакете кораллового цвета. Безупречное каре до плеч. Вот она повернула голову – очень красивый классический профиль. Лет, пожалуй, сорок с небольшим.

– Кто это? – спросила Энджи.

– Миссис Мэддокс.

Паллорино медленно сглотнула.

– А как ее зовут?

– Сабрина.

Через стекло Энджи смотрела на маленькую семью. Дочь, с темными волосами, разметанными по подушке, и родители, взволнованные судьбой своего ребенка, объединившиеся перед лицом трагедии. Сабрина Мэддокс положила ладонь на плечо Мэддоксу. Он повернулся и поглядел на нее сверху вниз. Его жена – пока еще отнюдь не бывшая – подняла руку и мягко вытерла ему глаза, а потом привстала на цыпочки и поцеловала в

щеку.

Желудок Энджи перевернулся, вызвав новую волну тошноты. Она вцепилась в подлокотники кресла.

– Поехали, – сказала она Хольгерсену. – Поехали отсюда.

– Ты точно хо...

– Черт, я сказала – поехали! Немедленно. И побыстрее.

– Ну, Паллорино, ты даешь! – ворчал Хольгерсен, быстро катя ее по коридору.

– Останови здесь. Пододвинь меня сюда, к этим стульям, к окну.

Он послушно ввез ее в маленькую нишу.

Сердце Энджи бешено стучало. Она ненавидела свое тело за такую реакцию.

– Ты мог и предупредить, что там его жена!

– Я же тебе сказал – это не лучшая идея...

Энджи хотела встать, но дурнота заставила ее опуститься обратно. Дыхание стало частым и неглубоким.

– Паллорино, ты это, ты посиди, вот что. Дыши.

Энджи закрыла глаза и снова попыталась припомнить, что было перед тем, как она застрелила Спенсера Аддамса. Ей вспомнились эстакада, туман, выстрелы. Как она перебралась на другую сторону. Как шла за ним по следу через заросшие лесом горы. Сердце замерло: маленькая девочка! Ей снова явился призрак ребенка.

От страха кровь стыла в жилах.

Она побежала за девочкой, а потом – мрак. Провал.

У Хольгерсена зазвонил телефон. Энджи смотрела в окно, где крошечные снежинки танцевали на фоне серого неба. Необычная зима, подумалось ей.

– Да, очнулась, – говорил в трубку Хольгерсен. – Хорошо. – Он подал ей телефон: – Веддер хочет с тобой поговорить.

– Служебное расследование?

Хольгерсен кивнул.

– Он, то есть управление прислало тебя следить за мной и доложить им, когда я приду в себя?

– Паллорино, да ты что!..

– Не лги мне, Хольгерсен.

Он провел длинными пальцами по тускло-каштановым волосам.

– Ладно. Они все равно выделили пост в твою палату. Собирались прислать дежурить патрульного, но я вызвался сам... Бери уже чертов телефон!

Она прижала мобильный к уху, вздрогнув от холода экрана.

Веддер задал полагающиеся вопросы о ее самочувствии, произнес то, что полагается произносить в подобных случаях, а между делом сообщил, что он будет курировать совместную работу отдела независимых расследований и управления столичной полиции по этому происшествию и что Энджи нужно будет поговорить со следователями, как только она немного оправится.

– Поняла, сэр, – спокойно сказала она. – Я буду в управлении завтра. Да, я уверена, завтра я уже выйду на работу.

Нажав отбой, она вернула мобильный Хольгерсену.

Второй серьезный инцидент за полгода. И главное, она совершенно не помнит, как стреляла. Да, она по уши в дерьме.

– Любой из нас поступил бы так же, – сказал Хольгерсен, забирая телефон. – Расстрелял бы его к чертям собачьим.

– Значит, я его нарочно убила?!

Он выдержал ее взгляд.

– Блин... – прошептала она, отводя с лица волосы и глядя в сторону.

– По крайней мере, Мэддокс и Джинни живы.

– Да, – отозвалась Энджи, глядя на свое отражение в оконном стекле. – Хоть это.

Зеркало, зеркало на стене, кто отражается в тебе?

Глава 78

Четверг, 21 декабря

Энджи сидела напротив Веддера. Шел уже восьмой час вечера, и она была измотана физически и эмоционально после целого дня ответов на вопросы следователей о том, как она застрелила Спенсера Аддамса, и о предшествовавших этому событиях:

– Почему вы ослушались прямого приказа инспектора Фицсиммонса и поехали за сержантом Мэддоксом? Что произошло на эстакаде? Сколько времени вы преследовали Аддамса? Что произошло, когда вы нашли *потерпевшего*? Вы приказали ему бросить оружие? Вы предупредили, что откроете огонь? Вы действительно сочли, что он представляет угрозу вашей безопасности? Все ли альтернативные средства вы испробовали, чтобы произвести арест подозреваемого? Он сопротивлялся? В чем заключалась его попытка сопротивления? Почему вы в него выстрелили? Что вы сделали потом?

Дела отнюдь не облегчало то, что Энджи не помнила момента выстрела.

Равно как и то, что Мэддокса, Фица и всех остальных, косвенно причастных к «инциденту», допросили как свидетелей и что другой патологоанатом, а не Барб О'Хейган, проводил вскрытие Спенсера Аддамса.

Профсоюз оплатил ей юридическое сопровождение, и на допросах всегда присутствовал адвокат. Энджи как фигурант внутреннего расследования рисковала больше всех и могла бы, сославшись на хартию прав и свобод, отказаться отвечать на вопросы, но она знала, что другие сотрудники полиции, допрошенные по этому делу, такого права лишены. Может, Энджи и разрядила в Аддамса весь магазин, но она не считала, что совершила преступление, и решила рискнуть ради официального оправдания.

Следователи показывали ей схемы, фотографии с места происшествия, стреляные гильзы – она действительно потратила на Аддамса весь боезаряд, стреляя ему в лицо, шею и грудь, когда он уже лежал на спине. На снимках ярость стрелявшего была очевидна, и это пугало Энджи. В ней таился дикий зверь, который порой пересиливал доводы рассудка, и она не знала, сможет ли доверять себе, случись подобная ситуация снова.

Ее пистолет забрал Веддер, освободив Паллорино от несения службы, пока не будет готово заключение по результатам внутреннего расследования. Это не сулило ничего хорошего. Вечный трудоголик, он вызвал Энджи к себе поздно вечером и спросил, как ее дела.

– Держишься? – сочувственно спросил Веддер. Он всегда хорошо относился к Энджи и единственный поддерживал ее, когда она только пришла на работу в отдел по борьбе с сексуальными преступлениями. Энджи была перед ним в долгу и не держала на него зла сейчас.

– Более-менее... Что криминалисты обнаружили в коттедже Аддамса? Удалось что-нибудь выяснить по «трофейным» прядям волос?

Веддер потер подбородок, будто соображая, сколько нужно – или можно – рассказать.

– Пока у нас есть совпадения с волосами Мерри Уинстон, Эллисон Фернихок и Салли Риттер. Мы связались с Интерполом и подняли дела об изнасилованиях в портах Средиземного моря, куда заходила «Аманда Роуз».

– Думаете, Драммонд была первой, кого Аддамс убил?

– Ну такова рабочая версия. Много лет он только насиловал, пока ему не выпала возможность поэкспериментировать с ножом над телом Хокинг.

– А что с его мамашей?

– Отчет о вскрытии у О'Хейган пока не готов, но, судя по всему, смерть Бьюлы Аддамс наступила от естественных причин. Сынок был на ней зациклен и решил ее таким образом сохранить. Расследование еще ведется, но мать явно физически наказывала его в детстве.

– За сексуальное возбуждение?

– Так сказал Грабловски.

– Те перчатки для скраба?..

Веддер кивнул:

– Вероятно, она мыла ими своего сына. Это одновременно возбуждало его и было болезненным.

– И это определило характер его половых извращений.

– Грабловски так считает. Смерть матери, видимо, послужила толчком, а тут поступило поручение избавиться от тела Хокинг, вот крышку-то у нашего маньяка и сорвало...

– Значит, настоящий монстр – Бьюла Аддамс?

– Во всяком случае, она вырастила и воспитала чудовище. Как там говорится, воспитание сильнее природы? В подвале под бетонной заливкой пола криминалисты, кстати, нашли скелет мужчины – вероятно, папаши Спенсера Аддамса. Но, сама понимаешь, патологоанатомическое

исследование займет некоторое время.

– То есть мамаша убила папашу?

Веддер пожал плечами:

– Пока мы считаем так.

– Значит, к исчезновению студентки Аннелизы Йенсен Аддамс отношения не имеет?

– Ее дело не закрыто, но она блондинка и не соответствовала его образу идеальной жертвы. Ее с Аддамсом ничего не связывает.

– А что с «Амандой Роуз», клубом «Вакханалия», мадам Ви, клиентами этого плавучего борделя, другими девушками?

– Сейчас формируется рабочая группа с участием представителей иностранных агентств. Расследование обещает быть долгим – может, лишь через несколько лет первые фигуранты предстанут перед судом.

– Что с убийством Уинстон?

– В квартире Дамиана Йорика нашли кристаллический метамфетамин, смешанный с фентанилом, а в квартире Уинстон обнаружили его отпечатки – на окне, на письменном столе, на кухонной столешнице. Йорику будут предъявлены обвинения, и не только ему одному: фотографию Уинстон, где она между машин с фотокамерой, он получил от охраны «Аманды Роуз». Налицо все признаки сговора с целью заткнуть Уинстон рот.

– А что там с записями телефонных разговоров с ее информатором? Куда подевался Базьяк – я о нем до сих пор ничего не знаю? Чем он насолил Фицу и отделу внутренних расследований?

Веддер на секунду опустил глаза, но сразу же снова посмотрел на нее:

– Расследование еще не закончено, я пока не имею права раскрывать детали.

Энджи смотрела на Веддера, чувствуя себя обойденной. Сейчас она в управлении персона нон грата.

– И на том спасибо. – Встав, она пошла к двери.

– Энджи, ты еще очень паршиво выглядишь...

Энджи обернулась, уже взявшись за ручку:

– Спасибо.

– Чем ты собираешься заняться?

– В ожидании, пока меня уволят?

Веддер промолчал.

– Не знаю. Есть у меня одно старое дело, кое-что личное... Займусь пока им. Спокойной ночи, Веддер.

Выйдя в общую комнату, она глубоко вздохнула и пошла по общему

залу – за столами в такой час почти никого не было. У выхода из управления какая-то женщина поднялась со стула для посетителей.

– Детектив Паллорино?

Лорна Драммонд. С какой-то коробкой.

Энджи внутренне напряглась, готовая к новой атаке – словесной или физической.

Драммонд шагнула к ней.

– Грейси купила мне подарок на Рождество... Вот, под кроватью нашла. – Лорна замолчала, справляясь с эмоциями, кашлянула и протянула коробку Энджи: – Пусть у вас будет. Грейси бы вам сама отдала. За все, что вы сделали ради нее... Ради Фейф и других девочек...

Энджи молча смотрела на Лорну Драммонд.

– Возьмите, пожалуйста...

Энджи осторожно взяла коробку из рук женщины и открыла. Внутри оказалась еще одна коробочка, вроде шкатулки для драгоценностей – резная, кремового цвета. Энджи вопросительно посмотрела на миссис Драммонд.

– Откройте, – сказала та с мокрыми глазами.

Энджи приподняла крышку шкатулки, и крошечная балерина в розовой пачке выскочила и закружилась в пируэте под мелодию колыбельной. В недрах шкатулки вращался валик с крючками, цеплявшими своеобразный гребешок с металлическими полосками, которые, высвобождаясь, издавали каждая свою ноту.

– Она старинная, – объяснила Драммонд. – У меня в детстве была похожая. Папа подарил. Он скончался в том же году, а вскоре шкатулка сгорела в пожаре вместе с домом... Я часто рассказывала Грейси о шкатулке – единственной памяти о моем папе, а несколько месяцев назад мы с Грейси шли по Говернмент-стрит, и вдруг в витрине антикварного я увидела точно такую шкатулку... Я загляделась, растрогалась... Видимо, Грейси потом вернулась и купила... – Давясь рыданиями, Лорна выхватила из кармана бумажный платок и высморкалась. – Спрятала коробку у себя под кроватью... ждала Рождества...

Но так и не дождалась.

«Все мы лжем.

Все мы храним секреты – порой зловещие, а порой настолько мрачные и позорные, что поспешно отводим глаза от своего отражения в зеркале.

Пряча неприглядную истину в подвале души, мы старательно наводим внешний глянец, кроим себе парадную историю...»

Энджи смотрела на замирающую танцовщицу. Музыка замедлилась,

тренькнула одна металлическая нотка, другая, и шкатулка замолчала. Энджи стояла, не в силах в этот момент поднять глаза на Лорну Драммонд, чтобы не выдать страха перед собственным открытием.

– Я не могу это взять, миссис Драммонд, – вырвался у нее хриплый шепот. – Не могу.

Лорна Драммонд тронула Энджи за руку:

– Берите, я ведь тоже у себя оставить не смогу. Пусть шкатулка стоит у вас в память о Грейси и других таких, как она...

Лорна замолчала. Энджи взглянула на нее и увидела, что щеки Лорны мокры от слез.

– Вы уж и дальше работайте, детектив, – прошептала она. – Такие, как вы... Только вы нас и защищаете, стоите на страже правды... справедливости... Спасибо, что отыскали его и... остановили, пока он больше никого не...

Порывисто отвернувшись, Лорна выбежала за дверь, в дождь и темень.

Энджи так и осталась стоять со шкатулкой в руках, не в силах двинуться с места.

Пятница, 22 декабря

– Энджи! Это ты?

Энджи охватили противоречивые эмоции, когда она присела перед маминым креслом-качалкой. Ей сразу вспомнились слова отца: «Ты вернула мне Мириам, Энджи. А я... Не знаю, суждено ли тебе испытать такую любовь, но Мириам была для меня... всем. Она мой мир. Когда я увидел, что она стала почти прежней... Я не стал ее разубеждать».

Мать протянула холодную руку:

– Как я рада тебя видеть, Эндж!

– Мам, я тебе кое-что привезла.

– На Рождество? Что, что? – Мириам по-детски захлопала в ладоши.

Энджи улыбнулась. Привычная любовь к матери боролась в ней с новым знанием, с открывшейся тайной, со сложным чувством к поступку... родителей. Она хотела, чтобы эта женщина была ее мамой, но теперь в сердце образовалась рана от сознания, что ее биологическая мать неизвестно где, мертвая или живая. Неразгаданная загадка.

– Подарок, – сказала она. – Мне его передали от... очень особенной девушки. Я подумала, пусть побудет у тебя, порадует.

Энджи не могла оставить шкатулку в своей квартире – крошечная балерина в розовой пачке слишком напоминала маленькую девочку в

розовом, прочно поселившуюся где-то в ее подсознании. Отдать шкатулку Мириам казалось правильным: Энджи чувствовала потребность поделиться частичкой себя – своей работы, своей жизни – с приемной матерью, которая уже не воспринимает слов. Энджи надеялась, что этот символ, этот подарок каким-то образом выполнит свою задачу. Дочки-матери и их сложные отношения...

Мать недоуменно нахмурилась:

– Но это от Энджи?

– Это от Грейси.

Мириам открыла шкатулку. Заиграла музыка, маленькая балерина выскочила и закружилась в пируэте. На глазах Мириам выступили слезы, и она снова захлопала в ладоши – как ребенок и как женщина, запутавшаяся в собственных воспоминаниях.

К выходу из лечебницы Энджи шла со странной опустошенностью на душе.

– Счастливого Рождества, – сказала ей попавшаяся навстречу санитарка.

Энджи кивнула. Надо же, чуть не забыла...

– И вам.

Ну теперь хотя бы понятно, почему она не любит Рождество, подумала Энджи, выходя в холодную ночь.

Воскресенье, 24 декабря

Поминальная служба по Мерри Уинстон проходила на мысе, далеко выдававшемся в море между двумя бухточками. Уинстон иногда приходила посидеть и посмотреть на океан.

По дороге на панихиду Энджи заехала к отцу. Выключив мотор, она некоторое время глядела на пустую скорлупу дома своего детства, на хранилище воспоминаний. Настоящих и поддельных. Лжи. Ложно понятой любви... Глубоко вздохнув, она выбралась из машины и достала с заднего сиденья большую плетеную корзину.

Ветер ерошил волосы и трепал пальто. Энджи поставила корзину на крыльцо и уже хотела уйти, когда дверь распахнулась.

– Энджи...

– Папа? Привет. – Энджи сунула руки поглубже в карманы. Джозеф Паллорино выглядел постаревшим. Он был в широких джинсах и своем огромном удобном свитере с кожаными заплатками на локтях. При виде отца, такого большого и знакомого, у Энджи перехватило дыхание, как от

удара под ложечку.

– Я это... – Она поглядела в небо, будто некая торжественность могла помочь удержать все хотя бы так, как есть, или подсказать какие-то ответы. Из последних сил сохраняя самообладание, Энджи кивнула на корзину: – Я тут привезла тебе индейку небольшую и на гарнир кое-что. Ты когда вечером поедешь к маме... Санитарки сказали, что некоторые семьи привозят в Сент-Агнес праздничный ужин и делятся с остальными... – В горле встал ком – они втроем так хорошо сидели когда-то у праздничной елки! Но теперь ко всем воспоминаниям примешивалось новое чувство: что ее предали.

– Поехали со мной сегодня к ней, Энджи, – попросил отец.

Сжав губы, Энджи помотала головой:

– Не могу. Пока еще не могу.

Отец долго смотрел на нее.

– Мы ничего плохого не хотели.

Энджи кивнула, не вынимая рук из карманов.

– Я понимаю.

– Мы тебя любили и до сих пор любим.

Она снова кивнула. Холодный ветер бросил волосы в лицо.

– Мне пора ехать.

– Опять на работу?

– На панихиду. По подруге.

– Счастливого Рождества, Энджи.

– Спасибо. Пап, ты... ты береги себя.

Выступавший в море мыс был полон древней истории и высоких золотистых трав. Безмолвным часовым высился тотемный столб. Лысый орел со взъерошенными соленым ветром перьями устроился на столбе и озирает группку людей, собравшихся внизу. Энджи держалась чуть поодаль от других скорбящих.

– Листья не должны вянуть и опадать ранней весной, – сказал пастор Единой церкви, когда пепел Мерри Уинстон развеивали над морем. Ветер подхватил его и понес к бледному зимнему горизонту. – Зима не должна наступать раньше времени...

Пастор Маркус из «Харбор-хауса» тоже пришел на панихиду, и подруга Уинстон Нина, и еще несколько оборванных молодых женщин, потиравших носы и дрожавших от холода. Лео не приехал, вообще больше никого из полиции не было. И в этот проникновенный момент Энджи

ощутила свое родство с этой пестрой компанией – она сейчас тоже до известной степени выброшена на обочину жизни и оставлена в одиночестве.

– ...ибо нет ответа на смерть, особенно преждевременную, кроме как жить, жадно и страстно...

Энджи повернулась и пошла по заросшей травой тропке к стоянке.

У «краун вик» ее кое-кто ждал. Высокий, в черном пальто. Иссиня-черные волосы, взъерошенные, как перья того орла на соленом ветру.

Мэддокс.

Энджи остановилась, но овладела собой и подошла к нему.

В его лице не было ни кровинки, глаза ввалились, щеки запали.

– Ты меня избегаешь, – упрекнул он. Голос звучал сурово, почти сердито. Даже удрученно. – Ты не отвечаешь на звонки и не перезваниваешь. Почему?

– Даю тебе возможность спокойно поразмыслить.

– Кончай втирать, Паллорино. Мне не о чем размышлять, и ты это знаешь.

– Как Джинни?

– Джинни прекрасно. Тему не меняй.

– А Сабрина?

– Энджи!

– Мэддокс, я видела тебя с ней в больнице.

– Она – мать Джинни и всегда ею останется.

– Ну так и будьте вместе, я между вами не полезу. Ты сам рассказывал, как хотел спасти свою мечту, воскресить прошлое. Я уже однажды сделала глупость, Мэддокс, закрутив с женатым, и это разрушило его брак. Я до сих пор жалею о том романе, поэтому...

– Клуб?

И секс по ее правилам.

Энджи фыркнула и отвернулась к морю. Скорбящие уже расходились, цепочкой потянувшись по тропинке с мыса.

– Ну да...

– Тебе обязательно нужны такие крайности?

Она покосилась на него.

– Я подписал бумаги, Энджи, – сказал Мэддокс и пояснил после паузы: – Мой развод вступил в законную силу.

Она сразу поглядела на его безымянный палец, на котором уже не было кольца, а затем в лицо Мэддокса. Он смотрел на нее в упор. Энджи сглотнула.

– Я хочу, чтобы в моей жизни была ты.

– Мэддокс, ну давай не сейчас, я...

– Когда все закончится и ты вернешься к работе, мы просто известим руководство о том, что встречаемся, и они будут поручать нам расследования соответственно этому новому обстоятельству. Так бывает. Это стандартная процедура, все вполне реализуемо.

Если сердце способно одновременно распахнуться и сжаться в тугий комок, с Энджи произошло именно так. Кожа покрылась мурашками, но в страхе угадывался тайный шепот обещания.

– До возвращения к работе еще дожить надо. Будет служебная проверка, может, даже внутреннее расследование, это может занять...

– Энджи! – Мэддокс твердо взял ее за плечи. – Погляди на меня. Я здесь ради тебя. Я обязан тебе жизнью. Ты и Джинни спасла. Мне нужно, чтобы ты была со мной. Джек-О тоже по тебе скучает...

Энджи не удержала улыбки.

– А где он?

– Со своим нянем. У нас с тобой, видишь ли, планы на вечер.

Энджи попыталась отстраниться. Она боялась силы своего чувства к этому человеку.

– Ну я не знаю...

– Пойдем. – Он обнял ее за плечи и повел к «Импале». – Твою потом заберем.

Он открыл пассажирскую дверцу. Энджи колебалась.

– Садись.

– Куда мы поедем?

– Сегодня сочельник, традиция велит праздновать. Я должен как-то отблагодарить человека, который спас меня и Джинни, поставив на карту свою жизнь и карьеру, презрев все приказы ради меня и моей дочери. Я перед тобой в долгу.

Он закрыл за Энджи дверь и обошел машину.

Когда он сел рядом, Энджи проговорила:

– Я записалась к полицейскому психологу.

Мэддокс замер, встретившись с ней взглядом. Его глаза засверкали от эмоций.

– Мы с этим справимся, Энджи, – тихо пообещал он.

Мы...

Энджи ухватилась за это слово, а Мэддокс выехал со стоянки и повез их в город.

卅

Глава 79

Когда Мэддокс свернул на шоссе, огибавшее бухту, Энджи поглядела на него:

– Ты говорил отделу внутренних расследований, что приказал мне не следовать за тобой?

– Да как-то не пришлось. Меня об этом не спрашивали.

Она молча смотрела на его профиль, понимая, что он снова ее прикрывал, рискуя работой. Сердце переполнили нежность и боль. Энджи отвернулась к окну, заштрихованному дождем, и спросила:

– Как там расследование? Какие направления выделились?

Пауза затянулась, и Энджи почувствовала коготок обиды.

– Следственная группа увеличивается, включили уже и государственных обвинителей. Сейчас я в основном занимаюсь «девушками со штрихкодом»...

– Ну, ну?..

Он бросил на нее взгляд:

– Строго между нами...

– Господи, Мэддокс, кому я могу проговориться?!

– На «Аманде Роуз» их было шесть. Четыре из Восточной Европы и две сирийки. Мы считаем, их купили в каком-нибудь лагере беженцев и переправили владельцам «Аманды Роуз». Возраст – от тринадцати до семнадцати. Молчат как рыбы – их били, запугивали, внушали, – если что, то... И у каждой на шее татуировка – штрихкод.

– Это мне нужно вести это расследование, – в отчаянии сказала Энджи. – Нашего же отдела работа!

– И будешь вести, когда вернешься. Это, кстати, случится раньше, чем ты думаешь.

– Не золоти мне пиллюлю, Мэддокс. Все я понимаю. Избавь меня от утешений.

Он хмыкнул, свернув к Говернмент-стрит:

– Извини. Но я действительно считаю, что все так и будет. За тебя чуть не все управление.

– Это не меняет того факта, что... Стоп, а что мы здесь делаем?

Мэддокс остановил машину возле паба «Летающая свинья».

– Я туда не пойду, – отказалась Энджи.

– Еще как пойдешь. – Мэддокс распахнул для нее дверь. Изнутри донеслась музыка – энергичная, озорная. Энджи поколебалась.

– Почему ты заставляешь меня делать то, что я не хочу? – проворчала она.

Он широко улыбнулся, и в красивых синих глазах появился лукавый огонек.

– Заставляю? Кто же может заставить Энджи Паллорино!

Энджи вошла в паб, нервная и напряженная. В баре яблоку было негде упасть. На маленькой эстраде играл ансамбль.

Мэддокс снял пальто. Энджи окаменела, перехватив взгляд Лео, но старый детектив высоко поднял руку, и оркестр смолк. Все головы повернулись к ним. Лео опустил руку, и музыканты заиграли новую песню. К потолку с каждого столика полетели шары, и все присутствующие запели:

– Потому что она – классный парень, она классный парень, она классный парень, это скажет любой из нас! Гип-гип ура в честь Паллорино!

Бар взорвался приветственными криками, а Лео подошел, с силой врезал Энджи ладонью по спине и сообщил:

– Рад твоему возвращению, Паллорино!

Энджи вытирала повлажневшие глаза, смутившись своей чувствительности.

– Господи, Лео, я пока не вернулась, я отстранена еще, черт бы все побрал.

– А-а-а, практически вернулась. Бармен, всем по стаканчику за мой счет! Ты что будешь?

Энджи пораженно смотрела на Лео, потом повернулась к Мэддоксу, улыбавшемуся, как Чеширский кот.

– Твоих рук дело? – набросилась она на него.

– Ты среди друзей, Паллорино, – отозвался Мэддокс и попросил Лео: – Возьми нам бутылку хорошего красного вина, а?

– Сейчас будет.

– О, слышь, привет! – поздоровался подоспевший Хольгерсен. – Все, кто носит синюю фо-о-орму, болеют за тебя-а-а-а! – пропел он прекрасным бархатным басом и серьезно добавил: – Рад тебя видеть, напарница.

– Ты надрался!

– Да! – Кьель вытянул руки по швам и покаянно повесил голову: – Виновен по всем пунктам. Но никакого секса. Твердо стою на позициях целомудрия.

– Извращенец, – буркнул Лео, проталкиваясь к Колину Макгрегору

через клиентов, осаждавших бар.

С дальнего столика помахала Барб О'Хейган: там, где она сидела, с потолка свисал блестящий рождественский «дождик». В пабе сильно пахло пивом, жареной индейкой и рождественским пудингом с ромом.

Мэддокс провел Энджи через толпу. Рядом с О'Хейган сидела Санни Падачайя, коронер Альфонс и Дандерн со Смитом.

– Привет, дорогая, – сказала О'Хейган с улыбкой, обнажившей отсутствие переднего зуба. – Подсаживайтесь к нам.

Лео принес вино и бокалы, а Хольгерсен уселся рядом с Энджи с полной кружкой пива.

– Слышали новость о Фице? – спросил Лео.

– Какую? – поинтересовался Мэддокс.

Лео чуть наклонился к сидящим:

– У меня приятель в технической экспертизе. Знаете, чей голос на записях разговоров Уинстон с информатором?

– Не тяни, Лео, – попросил Хольгерсен, подняв кружку и украсив себя пенными усами.

– Полное совпадение с Фицсиммонсом.

За столом воцарилось молчание.

– С Фицем? – уточнил на всякий случай Хольгерсен.

– С ним самым. Уникальные речевые особенности и неповторимый козлиный тембр. Эксперты не сомневаются, что это он. Совпадение с данными из его досье.

– Официально это еще не доказано, – тихо сказал Мэддокс. – Не будем делать поспешных выводов.

Лео фыркнул, уселся и отпил виски:

– Вот не думал, что ты станешь его защищать, особенно после вашего маленького тет-а-тет в коридоре на днях.

– С какой стати Фицу сливать информацию? – не поверила Падачайя.

– Да он же больной, говорю вам, форменный псих! – не выдержал Лео.

О'Хейган усмехнулась:

– Он служит почти столько же лет, сколько Гуннар, но его раз за разом обходили с повышением, а Гуннар стабильно шел вверх. Озлобленный мелкий человечиска.

– Мстительный тип, – уронил Мэддокс, взглянув на Энджи. – Давайте пока воздержимся от комментариев и посмотрим, чем дело кончится.

Лео пробурчал:

– Между нами, этот козел что-то почуял, поэтому и рвался уничтожить компромат на мэра и заместителя генерального прокурора, выслуживаясь

перед Киллионом и будущим новым руководством... – Старый детектив грубо засмеялся. – Небось надеялся, что Гуннара снимут, а его усадят в еще тепленькое кресло начальника управления...

Мэддокс налил Энджи вина. Смакуя его мелкими глотками, она оглядывала паб. В противоположном углу сидел темноволосый мужчина, похожий на ястреба.

– О, Грабловски здесь, – удивилась она.

– Ага, – отозвался Хольгерсен. – Всех пригласили. Кстати, он единственный никак не может смириться, что ты застрелила Адамса.

О'Хейган засмеялась:

– Что так, то так. Ты, Энджи, лишила нашего доку возможности изучить монстра местного разлива, все пощупать своими руками. Ему уже и контракт на книгу предложили, а теперь все пошло прахом.

– Ну, – сказала Энджи, снова отпив вина, – это был не последний маньяк. А Грабловски и на имеющемся материале что-нибудь вымутит...

Музыка гремела, шум в пабе усилился. Перед эстрадой затеяли танцы. Энджи заговорила громче:

– А есть новости про Базьяка? Он вообще вернется или как?

– Разве ты не слышала еще? – спросил Мэддокс, крича ей в ухо.

Энджи повернула голову, и их взгляды встретились. Его рот был так близко... От Мэддокса исходило тепло. Внизу живота начал разливаться огонь.

– Нет, – негромко отозвалась она. – Веддер мне ничего не сказал.

– Базьяк попался в сети, расставленные Фицем! Служба собственной безопасности проверяла все офисные гаджеты, ища внешние контакты, которые указывали бы на возможную утечку информации. Базьяк, судя по всему, пристрастился к онлайн-играм и нелегальным сайтам и заходил на них с рабочего компьютера.

– О господи, – огорчилась Энджи. – Такой хороший полицейский был!

– Чертовски хороший, – подтвердил Лео. – Его все уважали.

Колин Макгрегор с двумя поварами в белых рубашках шел через плотную толпу к их столу. Все трое несли тяжелые подносы с индейкой, гарниром и дымящейся подливой.

К другим столам уже плыли свои подносы. Голодные детективы и эксперты уткнулись в свои тарелки, и в пабе сразу стало заметно тише.

Поднимались бокалы, звучали тосты, разговоры и смех. Мэддокс, нежно глядя Энджи в глаза, поднял бокал:

– С Рождеством, Энджи.

И она со сладко замирающим сердцем ответила:

– И тебя с Рождеством.

Та ночь в клубе «Лис» казалась чем-то далеким и неразличимым, за миллион миль от этого вечера.

– Вот она! – объявил Макгрегор, размахивая газетой в воздухе. – Специальный рождественский выпуск – свеженькая, аж горячая! – Он с размаху припечатал газету к столу. Сразу бросился в глаза кричащий заголовок: «Мэр города и заместитель главного прокурора попались в сети, расставленные на серийного убийцу!»

Под заголовком красовалась сделанная Уинстон фотография Джека Киллиона и Джойс Нортон-Уэллс, слившихся в поцелуе в белой «Ауди»: попавшее в объектив слово «АКАША» легко читалось на бронзовой табличке.

– Ни фиги себе, – прошептал Хольгерсен. – В блоге Уинстон автоматически появилась подготовленная статья! Все обнародовано... – Он рассмотрел снимок. – Думаешь, ей или ему это сойдет с рук? У обоих семьи.

– Нортон-Уэллс уже сняли, – подала голос Санни Падачайя. – Но, может, она и восстановится в должности, кто знает. Я слышала, на нее тяжело подействовал арест сына. Ирония судьбы – генеральному прокурору пришлось предъявить обвинение родному сыну своего зама...

– СМИ традиционно рвут в клочки женщин, уличенных в адюльтере, – сказала О'Хейган. – А Киллион, наверное, отболтается либо спустит все на тормозах. Мы еще увидим, как повернется дело в ближайшие месяцы, останутся ли с ним жена и дети.

– Хольгерсен, ну, зачитай вслух! – заплетающимся языком попросил Лео, махнув бокалом на первую полосу.

– Только не Хольгерсен. – О'Хейган придвинула газету к себе. – Иначе ни слова не разберем. – Она пробежала статью. – Фактически это резюме всего, что она накопила... И собственное примечание. – О'Хейган начала читать: «Интрижка Киллиона с Джойс Нортон-Уэллс весьма показательна в плане риска, на который люди идут ради удовлетворения сексуального влечения. Их адюльтер – всего лишь пылинка в широком спектре похоти, где на одном конце здоровая человеческая близость, но чем дальше, тем темнее линии, вожделение соединяется с извращениями, расстройствами, маниями, преступлениями, а у самого черного предела лежит зверское, сексуально мотивированное убийство...»

Все молчали. Энджи думала о собственной зависимости от анонимного секса. Хольгерсен глядел в опустевшую пивную кружку.

– Черт, девчонка-то глубоко копала...

– Она права, – сказала О’Хейган. – Я все оттенки этого спектра похоти каждый день на своем столе в морге вижу.

– Такова человеческая природа, – подала голос доктор Падачайя.

– Или нечеловеческая, – добавила Энджи.

Повисла новая тяжелая пауза.

– А я, – сказал Лео, – называю это гарантией нашей занятости. – Он поднял бокал: – Выпьем за это?

– За Мерри Уинстон, – сказала Энджи, поднимая свой бокал. – Лихая была девчонка. Пусть покоится с миром.

Мэддокс накрыл руку Энджи своей, пока собравшиеся, уже порядком захмелев, пили новый тост. Все заметили жест Мэддокса, но он и не думал скрывать, что Энджи ему дорога.

«У тебя есть друзья... Раскрытие убийств в одиночку не проводится...»

И в эту минуту Энджи поклялась себе во что бы то ни стало вернуться в полицию и работать с этими людьми, с братьями и сестрами по синей форме. Научиться наконец играть в команде.

А еще она обязательно найдет своих биологических родителей и узнает, как попала в Ангельскую колыбель. Она столько потеряла из-за дурацкого обмана своей семьи... И так много приобрела, встретив Мэддокса...

Она по-прежнему не знает, откуда ей знакомы отдельные польские слова и что означает детский лепет, который иногда словно бы припоминается, но пусть это станет лишним стимулом в новом году.

«Пойдем играть в рошу... Пойдем... играть... Пойдем...»

Выражения признательности

Еще раз спасибо Марлин Бесветерик за прогулку по улицам Виктории в морозные зимние выходные, когда дыхание вырывалось изо рта белым облачком, а с океана дул порывистый, пахнувший солью ветер. Спасибо, что ты показала мне собор и маленькие здешние кафе и рассказала о местных клубах, жителях и университете. Это благодаря тебе появилась серия книг об Энджи Паллорино. Город Виктория реален, но Виктория моей Энджи принадлежит к дополненной реальности, поэтому не нужно принимать описанное в романе управление полиции за буквальный портрет уважаемых органов правопорядка столицы Британской Колумбии.

Спасибо Эве Дроздел за тонкости польского языка, а Дарио Сирелло – за итальянский.

Что касается технической стороны дела, я глубоко признательна Элисон Дэшо, Шарлотте Хершер и всем сотрудникам издательства «Монтлейк», положившим много труда для того, чтобы эта книга увидела свет. Спасибо бесстрашной Джессике Пур, при которой мы, авторы, становимся блаженно-счастливыми и сговорчивыми. Отдельная благодарность Рексу Бономелли за верно переданное настроение в прекрасном оформлении обложки.

Энджи в конце концов согласилась, что раскрытие убийств не проводится в одиночку; то же самое я могу сказать и о процессе подготовки книги к печати.

Примечания

1

«Форд Краун Виктория» – очень популярные в полиции США и Канады служебные автомобили. *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

2

То есть неизвестная, без документов. Неизвестного мужчину Хольгерсен назвал бы Джоном Доу.

3

Йо Йо Ма – американский виолончелист китайского происхождения.

4

Сокращенное от Джек-о-лэnten (Jack-o-lantern) – Джек-Светильник, тыква с вырезанным зловещим лицом.

5

Деяния апостолов, 2:38.

6

В индийских религиях – особый вид пространства, «эфир».

7

Погибла (*итал.*).

8

Стекло, прозрачное с одной стороны и зеркальное с другой.

9

Фильм, как правило, порнографического содержания, с настоящим убийством.